Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова.

1836.

29050.

ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Выпускъ первый.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ДУМЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Н. А. Бородина, Ив. И. Петрункевича, В. М. Гессена, А. Р. Ледницкаго, В. Д. Набокова, С. А. Муромцева и М. М. Винавера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1907.

Продолжается подписка на 1907 годъ.

II-й годъ изд. **ВѢСТНИКЪ** II-й годъ изд.

Народной Свободы.

Еженедѣльникъ к.-д.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи **В. Д. НАБОКОВА** и **А. И. КАМИНКА**, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „Вѣстника Народной Свободы“ помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующіе авторы: Н. А. Бородинъ, А. В. Вергежскій, І. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескулъ, А. Грессеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Іорданскій, прив.-доц. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Карѣевъ, А. А Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милюковъ, М. М. Могилянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ѳ. И. Родичевъ, Л. Родіоновъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доц. М. И. Фридманъ, Н. Н. Черненковъ, кн. Д. И. Шаховской, Л. Шифъ, профессоръ Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ, Л. Яснопольскій и др.

Кромѣ статей въ „Вѣстникѣ Народной Свободы“ будетъ отведено много мѣста сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящійся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к., циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ, отчеты о дѣятельности состоящихъ при ц. к. комиссіей: аграрной, рабочей, церковной и т. д.

С.-Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к.-д. партіи въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинціальный отд.: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ жизни другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій, лѣвыхъ и правыхъ.

Особое вниманіе будетъ у[ламент-]
ской фракціи партіи народной [всѣ]
законопроекты партіи, ц[

ПО[дписка]

съ доставкой и пересылкой з[а] [нца]
1907 года 2 руб. 50 коп. З[а] [ыхъ]
магазин. Вольфа, „Право“ и [к.]

Подписка приним[ается] [ная,]
№ 30, отдѣленіе конторы для [Лев-]
свій пр., № 30 (входъ съ кан[ала]) [во“,]
Б. Никитская, Чернышевскій [сти-]
туціонно-демократической пар[тіи].

Годовые подписчики мо[гутъ] [к.-д.]
партіи со скидкою 30% Съ[ъ]

Пробный № высылается [безплатно].

Адресъ редакціи и главн[ой конторы].

Издатель: В. Д. Набок[овъ].

81136

24831

Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова.

Библиотека Муханова и Мин. Фин.

24050.

ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Выпускъ первый.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОЙ ДУМЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Н. А. Бородина, Ив. И. Петрункевича, В. М. Гессена, А. Р. Ледницкаго, В. Д. Набокова, С. А. Муромцева и М. М. Винавера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1907.

Библиотека НКФ СССР

81136

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Личный составъ первой государственной думы, ея организація и статистическія свѣдѣнія о членахъ. Н. Бородина.	1
Политическая роль первой государственной думы. И. Петрункевича.	40
Тактика партій въ первой государственной думѣ. В. Гессена. . .	119
Національный вопросъ въ государственной думѣ. А. Ледницкаго.	154
Отвѣтный адресъ государственной думы. В. Набокова.	168
Наказъ государственной думы. С. Муромцева.	175
Конфликты въ первой думѣ. М. М. Винавера..	184

Быстро смѣняющіяся событія политической жизни не дали возможности своевременно закончить это изданіе. Большинство лицъ, принявшихъ въ немъ участіе, было слишкомъ сильно захвачено текущими этими событіями для того, чтобы имѣть возможность удѣлить настоящему сборнику достаточно времени. Первый выпускъ, заканчивающій все изданіе, посвященное первой государственной думѣ, выходитъ въ свѣтъ тогда, когда вторая государственная дума испытала уже судьбу ея предшественницы....

Сожалѣя о такомъ невольномъ запозданіи, редакція надѣется однако, что сборникъ этотъ не потерялъ значенія и въ настоящее время, какъ единственный коллективный трудъ, посвященный всестороннему изученію дѣятельности первой русской государственной думы, выполненный ея непосредственными участниками, принадлежавшими притомъ къ наиболѣе вліятельной группѣ, въ рукахъ которой практически сосредоточилось руководство всей думской работой.

Къ глубокому прискорбію, одинъ изъ иниціаторовъ и редакторовъ этого сборника Алексѣй Алексѣевичъ Мухановъ умеръ до выхода въ свѣтъ настоящаго выпуска. Алексѣй Алексѣевичъ вложилъ много труда и много заботъ въ эту работу, онъ принималъ ближайшее участіе въ редактированіи третьяго выпуска, посвященнаго аграрному вопросу. Этотъ сборникъ является, такимъ образомъ, послѣдней партійной работой А. А. Муханова, предпринятой имъ тогда, когда онъ уже зналъ, что дни его сочтены.

Личный составъ первой государственной думы, ея организація и статистическія свѣдѣнія о членахъ.

1. *Общія свѣдѣнія о личномъ составѣ, объ организаціи и о внѣшнихъ условіяхъ работы.*

Какъ извѣстно, благодаря тому, что выборы въ государственную думу производились въ различныхъ мѣстахъ Россійской имперіи въ разное время, личный составъ ея былъ все время измѣнчивъ и даже спустя 2 мѣсяца послѣ начала занятій общее число членовъ далеко еще не достигло полнаго комплекта, установленнаго окончательнымъ росписаніемъ ихъ числа по губерніямъ и областямъ. Это послѣднее опредѣлено въ 524 [1]). Дума начала свои занятія при «436» членахъ [2]); первый, опубликованный секретаріатомъ, списокъ заключалъ «446» членовъ; исправленный по 20 іюня списокъ заключалъ 476 членовъ. По тщательной справкѣ моей личной къ 26 іюня число членовъ государственной думы опредѣлялось цифрою *478* [3]). Насколько мнѣ извѣстно, въ теченіе времени съ 26 іюня по 8 іюля прибыло вновь еще 2 сибирскихъ депутата, причемъ одинъ изъ самой отдаленной мѣстности—енисейской губ. Этотъ депутатъ проѣхалъ болѣе 7 т. верстъ въ одинъ конецъ, только для того, чтобы самолично убѣдиться, какъ правительство поступило съ народными представителями.

Согласно ст. 9 и 12 учрежденія государственной думы, члены ея выбрали изъ своей среды предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя, секретаря и 5 товарищей секретаря. Вотъ имена

[1]) Въ моей брошюрѣ „Государственная дума въ цифрахъ“ оно показано 523. Упущенъ 1 представитель отъ правосл. населенія сѣдл. губ.

[2]) См. отчетъ о первомъ засѣданіи государственной думы.

[3]) Цифра 487, къ іюлю, въ ст. г. *Б. В.* въ „Нивѣ“ № 28 и 499, къ 7 іюля, въ книжкѣ г. *Боіовича* „Наши депутаты“, 1-й созывъ, относятся, очевидно, къ числу *избранныхъ* по данное число, хотя бы и не прибывшихъ въ столицу.

этихъ должностныхъ лицъ первой государственной думы съ указаніемъ принадлежности къ парлам. фракціи: предсѣдатель—*С. А. Муромцевъ* (к.-д.), товарищи предсѣдателя—*кн. Петръ Д. Долгоруковъ* (к.-д.), *Н. А. Гредескулъ* (к.-д.), секретарь—кн. Д. И. Шаховской (к.-д.), товарищи секретаря: Г. Н. Шапошниковъ, (труд.), Щ. А. Понятовскій (зап. окр.), С. М. Рыжковъ (труд.), Ф. Ф. Кокошкинъ (к.-д.), Г. Ф. Шершеневичъ (к.-д.). Всѣ вмѣстѣ эти лица образовали *бюро* государственной думы; кромѣ того, «для соображенія общихъ возникающихъ относительно дѣятельности государственной думы вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея предсѣдателя», образовывалось *совѣщаніе*, въ составъ коего входили товарищи предсѣдателя, секретарь и одинъ изъ его товарищей (Г. Н. Шапошниковъ). Впослѣдствіи, въ помощь этому совѣщанію, согласно постановленія государственной думы, избранъ *распорядительный комитетъ* изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: В. Е. Строганова (к.-д.), Я. Е. Дитца (труд.), и І. А. Сухоржевскаго (п. коло). Послѣдній отказался послѣ избранія, и комитетъ остался изъ двухъ членовъ вплоть до роспуска думы.

Всѣ члены государственной думы раздѣлены были на 11 отдѣловъ, носившихъ каждый свой №. Распредѣленіе членовъ по отдѣламъ сдѣлано было по жребію. Каждый отдѣлъ избралъ особаго предсѣдателя и секретаря. Приводимъ списокъ предсѣдателей и секретарей всѣхъ отдѣловъ, съ отмѣтками о принадлежности къ парламентской фракціи: отд. I-й—предсѣдатель В. Д. Набоковъ (к.-д.), секретарь—З. Г. Френкель (к.-д.); отд. II-й—предс. М. И. Петрункевичъ (к.-д.), секретарь—Д. Д. Протопоповъ; (к.-д.)отд. III—предс. Н. С. Селивановъ (д.-р.), секр. кн. С. Д. Урусовъ (дем.-реф.) отд. IV—предс. Г. Ф. Шершеневичъ (к.-д.), секр. К. К. Черносвитовъ (к.-д.); отд. V—предс. Н. И. Карѣевъ (к.-д.), секр. Е. Н. Щепкинъ (к.-д.); отд. VI—предс. Ф. И. Родичевъ (к.-д.), секр. М. А. Квасковъ (к.-д.); отд. VII—предс. М. М. Ковалевскій (дем.-реф.); секр. М. Г. Коммиссаровъ (к.-д.); отд. IX—предс. Я. К. Имшенецкій (к.-д.); секр. К. П. Геллатъ (к.-д.); отд. X—предс. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (дем. реф.), секр. А. С. Медвѣдевъ (к.-д.); отд. XI—предс. М. Я. Острогорскій (безп.), секр. Я. Е. Дитцъ (труд.).

Обязанности отдѣловъ заключались, главнымъ образомъ, въ повѣркѣ правильности избранія членовъ, въ докладахъ о каждомъ избраніи думѣ для его утвержденія и выборъ членовъ комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда при образованіи комиссіи указывалось, что въ нее

избирается по 1, по 2 или по 3 члена отъ каждаго отдѣла. Главный же трудъ какъ по организаціи внутреннихъ распорядковъ государственной думы, такъ и по подготовкѣ законопроектовъ лежалъ на комиссіяхъ, каковыхъ было образовано 7 постоянныхъ и 8 временныхъ.

Самая многолюдная комиссія состояла изъ 99 членовъ (аграрная), самая малочисленная имѣла всего по 7 членовъ (редакціонная, библіотечная и др.). Приводимъ полный списокъ всѣхъ думскихъ комиссій съ указаніемъ времени ихъ учрежденія, времени и способа ихъ избранія, и съ добавленіемъ, кто въ нихъ былъ предсѣдателемъ, тов. предсѣдателя и секретарями.

I. Комиссіи постоянныя.

1) Распорядительная комиссія—учреждена 29 мая 1906 г., избрана отъ отдѣловъ въ числѣ 22 членовъ. Предс. В. Е. Строгановъ (к.-д.), секр. С. Г. Ш. Джантюринъ (к.-д.), В. Н. Родаковъ (к.-д.).

2) Финансовая комиссія—учреждена 29 мая 1906 г., избрана записками 15 іюня 1906 г. въ числѣ 33 членовъ. Предс. А. А. Свѣчинъ (к.-д.), секр. П. И. Куриленко (к.-д.),

3) Бюджетная комиссія—учреждена 29 мая 1906 г. избрана записками въ числѣ 33 членовъ. Предс. И. И. Петрункевичъ (к.-д.), секр. Т. В. Локоть (труд.), Л. Н. Яснопольскій (к.-д.).

4) Комиссія по исполненію государственной росписи доходовъ и расходовъ—учреждена 29 мая 1906 г., избрана записками 16 іюня 1906 г., въ числѣ 33 членовъ. Предс. М. И. Петрункевичъ (к.-д.), секр. М. И. Литвиновъ (труд.).

5) Редакціонная комиссія для окончательнаго изложенія текста одобренныхъ думою законопроектовъ—учреждена 12 мая 1906 г., избрана записками 8 іюня 1906 г. въ числѣ 7 членовъ [1]).

6) Библіотечная комиссія для управленія библіотекою думы—учреждена 29 мая 1906 г., избрана записками 9 іюня 1906 г. въ числѣ 7 членовъ. Предс. М. М. Ковалевскій (дем. реф.), тов. пр. Н. А. Бородинъ (к.-д.), секр. А. Г. Сипягинъ (к.-д.).

7) Комиссія для разбора адресуемой въ государственную думу корреспонденціи—учреждена 29 мая 1906 г., избрана отъ отдѣловъ, въ числѣ 11 человѣкъ. Предс. М. Г. Коммиссаровъ (к.-д.), секр. Д. А. Скульскій (к.-д.).

---

[1]) Въ офиц. спискѣ отдѣловъ и комиссій нѣтъ свѣдѣній, кто былъ предсѣдателемъ и секретаремъ.

II. Комиссіи временныя.

8) Комиссія «19» по составленію наказа государственной думы—учреждена 30 апрѣля 1906 г., избрана записками тогда же; составленіе наказа поручено 2 мая 1906 г. Предс. М. М. Ковалевскій (дем. реф.), секр. К. К. Черносвитовъ (к.-д.) и С. А. Котляревскій (к.-д.).

9) Комиссія «15» для предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта о неприкосновенности личности—учреждена 15 мая 1906 г., избрана записками тогда же. Предс. гр. П. А. Гейденъ (м. обн.) секр. Ф. Ю. Новодворскій (п. коло).

10) Комиссія «11» издательская, для организаціи и завѣдыванія разсылкой стенографическихъ отчетовъ—учреждена 18 мая 1906 г., избрана отъ отдѣловъ. Предс. и секр. М. А. Стаховичъ (м. обн.).

11) Комиссія «11» для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся продовольственной помощи голодающему населенію — учреждена 6 іюня 1906 г., избрана отъ отдѣловъ. Предс. кн. Г. Е. Львовъ (к.-д.), секр. А. В. Васильевъ (к.-д.).

12) Комиссія «33» для разработки законовъ о гражданскомъ равенствѣ—учреждена 2 іюня 1906 г., избрана записками 9 іюня. Предс. кн. С. Д. Урусовъ (дем. реф.), секр. С. М. Рыжковъ (труд.), В. И. Лунинъ (труд.).

13) Комиссія „33“ по изслѣдованію незаконом'рныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и учрежденій—учреждена 23 мая 1906 г., избрана 26 мая записками въ составѣ 29 членовъ, остальные 4 подлежали избранію по прибытіи членовъ государственной думы, избранныхъ отъ Сибири и Кавказа. Предс. А. А. Токарскій (к.-д.), секр. Л. Н. Новосильцевъ (к.-д.), В. Р. Якубсонъ (труд.).

14) Аграрная комиссія „99“—учреждена 5 іюня 1906 г., избрана записками 6 іюня 1906 г. въ числѣ 91 члена, остальные 8 подлежали избранію изъ представителей Кавказа (3), Сибири (3) и Средней Азіи (2). Предс. А. А. Мухановъ (к.-д.), секр. А. С. Медвѣдевъ (к.-д.).

15) Комиссія для пріема помѣщеній госуд. думы — учреждена 15 іюня 1906 г., избрана записками 19 іюня въ составѣ 7 лицъ. Предс. В. Е. Строгановъ (к.-д.).

Достаточно пробѣжать бѣгло списокъ должностныхъ лицъ государственной думы, какъ по общимъ собраніямъ, такъ и по отдѣламъ и комиссіямъ, чтобы оцѣнить ту роль и значеніе, которое имѣли въ думѣ члены к.-д. партіи и близкой къ ней партіи демократическихъ реформъ. Безъ преувеличенія можно констатировать, что

если численно представители этихъ двухъ партій и не составляли одни абсолютнаго большинства, то въ качествѣ работниковъ по всѣмъ вопросамъ они вездѣ и всюду являлись первенствующимъ и преобладающимъ элементомъ. За то же говорятъ еще слѣдующія свѣдѣнія: изъ общаго числа входящихъ во всѣ комиссіи 370 членовъ принадлежащихъ къ партіямъ к.-д. и дем. реф. было 209, что составляетъ 56,5%, тогда какъ по численности вообще въ гос. думѣ они имѣли лишь 38,7% общаго числа голосовъ (притомъ, какъ уже указано, наиболѣе отвѣтственныя роли—предсѣдателей, секретарей и докладчиковъ—почти сплошь принадлежали к.-д. и дем. реф.

Не моя задача говорить о результатахъ работы всѣхъ перечисленныхъ выше комиссій—объ этомъ читатель найдетъ въ настоящемъ сборникѣ статьи другихъ авторовъ. Я же ограничусь лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями о внѣшней сторонѣ работы различныхъ комиссій, указавъ попутно на распредѣленіе времени у членовъ думы вообще.

Засѣданія думы начинались въ большинствѣ случаевъ въ $11^1/_2$ дня, продолжались до $2^1/_2$—3, а затѣмъ послѣ перерыва открывались вновь и длились до 7, 8, а иногда до 9 час. веч. Но были исключительные дни, когда бывало условлено не расходиться, пока дѣло не будетъ закончено; тогда засѣданія продолжались до 3 и 4 ч утра слѣдующаго дня (такъ было при окончательномъ чтеніи редакціи отвѣта на тронную рѣчь и при 3-мъ чтеніи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни). При такомъ распредѣленіи времени для работы въ комиссіяхъ не оставалось бы ни одного часа времени, если бы не были опредѣлены для этой цѣли особые дни, въ которые уже общихъ собраній думы не назначалось: такими днями были среда и суббота. Но и при такомъ распредѣленіи времени многимъ членамъ, избраннымъ въ 2, а иногда въ 3 комиссіи, приходилось переходить изъ засѣданія одной комиссіи въ другую, а иногда по необходимости манкировать дѣлами одной изъ комиссій, когда засѣданія двухъ комиссій совпадали.

Но сказаннымъ не исчерпывались занятія членовъ думы: по вечерамъ, съ $8^1/_2$—9 ч., обычно устраивались засѣданія парламентскихъ фракцій, этихъ неофиціальныхъ совѣщаній, которыя, однако, имѣли громадное вліяніе на весь ходъ работъ и на тѣ или иныя рѣшенія вопросовъ гос. думой. Здѣсь каждый вопросъ въ своей средѣ дебатировался съ большей подробностью и откровенностью; рѣшенія, къ какимъ приходила фракція, могли быть затѣмъ,—до обсужденія вопроса въ думѣ или въ официальномъ собраніи ко-

миссіи,—сообщены другимъ парламентскимъ группамъ и такимъ путемъ могло состояться извѣстнаго рода соглашеніе о проведеніи вопроса въ думѣ въ желательномъ для большинства смыслѣ. Такія предварительныя совѣщанія имѣли мѣсто почти по всѣмъ серьезнымъ вопросамъ между партіей к.-д. и трудовой группой, которая также устраивала, помимо думскихъ, свои партійныя совѣщанія съ участіемъ лицъ, непринадлежащихъ къ членамъ думы, но могущихъ быть полезными дѣлу. Кромѣ того, такія же совѣщанія устраивались парламентской фракціей союза автономистовъ, въ которую входило до 40 членовъ изъ к.-д. партіи. Кромѣ вечеровъ, этимъ совѣщаніямъ посвящены бывали почти всѣ праздничные дни. Въ общемъ, можно считать, что члены государственной думы работали не менѣе 10—11 часовъ ежедневно и не имѣли правильнаго отдыха даже по праздникамъ. Если присоединить къ этому, что самая работа въ большинствѣ случаевъ всецѣло захватывала умъ и чувства депутатовъ, что все происходящее на засѣданіяхъ ихъ крайне волновало и обусловливало страшное напряженіе нервной системы, то будетъ вполнѣ понятно, что думская работа прямо таки изводила людей.

За свою 25-лѣтнюю трудовую жизнь лично я бывалъ въ разныхъ передѣлкахъ, но такой усиленной работы не запомню: почти ежедневно приходилось возвращаться въ 1—2 ч. ночи въ полномъ изнеможеніи.

Безъ сомнѣнія, громадное вліяніе имѣло и то обстоятельство, что мы на каждомъ шагу встрѣчали препятствія со стороны министровъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы обострить отношенія вызвать конфликтъ, создать благовидный предлогъ для роспуска нежеланной имъ думы. Трудно требовать, чтобы члены работали при этихъ условіяхъ вполнѣ спокойно: работа по необходимости носила отпечатокъ нервности.

Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, такое положеніе: дума вырабатываетъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, вотируетъ за него почти единогласно, постановляетъ обратиться къ монарху съ ходатайствомъ о временномъ, впредь до рѣшенія вопроса дальнѣйшими инстанціями, пріостановленіи приведенія въ исполненіе смертныхъ казней, а ей въ отвѣтъ преподносятъ нѣсколько казней; дума вырабатываетъ аграрный законопроектъ, а г.г. министры обращаются къ населенію съ декларацією, объявляющей предположенія думы о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель несбыточной и вредной мечтой, осуществленіе коей правительство не допуститъ и т. п.

А затѣмъ эти вопли и стоны русскаго человѣка въ тысячахъ телеграммъ, адресованныхъ въ думу и требовавшихъ ея вмѣшательства въ формѣ сотенъ запросовъ министрамъ. Развѣ они мало перепортили крови и отняли у думы времени?

И надо удивляться не тому, что дума за 72 дня мало наработала, а тому, какъ при такихъ условіяхъ гос. дума смогла все-таки работать. Мы смѣло можемъ назвать клеветой на думу обвиненіе ея въ неработоспособности—ходячій доводъ въ пользу цѣлесообразности ея роспуска.

По справкѣ г. В. А. Маклакова, французское національное собраніе 1789 г. за 77 дней успѣло лишь рѣшить, какъ ему голосовать и какъ называться [1]).

Первое же собраніе народныхъ представителей Россіи 1906 г. успѣло разработать цѣлый рядъ законопроектовъ, частью которыхъ вынужденъ воспользоваться и самъ распустившій 1-ю думу кабинетъ.

Нашу оцѣнку работоспособности первой гос. д. могутъ заподозрить въ пристрастности, т. к. дума слишкомъ близка и дорога намъ. Поэтому предоставимъ слово иностранцу, который sine ira et studio изучилъ работу думы издалека на основаніи документовъ. Вотъ что пишетъ о дѣятельности перваго русскаго парламента проф. гейдельбергскаго университета М. Веберъ въ обширной статьѣ, приложенной къ «Архиву соціальной науки и соціальной политики» и носящей названіе: «Russlands Uebergang zum scheinkonstitutionalismus» (переходъ Россіи къ мнимому конституціонализму [2]).

«Ни одинъ парламентъ въ мірѣ не работалъ въ такое короткое время такъ много, какъ русская дума... Законодательная работа, исполненная гос. думой, подготовившей въ своихъ комиссіяхъ рядъ важныхъ законопроектовъ, была огромной».

Послѣ этого всякій оцѣнитъ по достоинству взводимую на гос. думу клевету, что она не работала, а занималась болтовней и, вообще, оказалась неспособной къ законодательной работѣ.

---

[1]) См. „Р. Вѣд.„ № 228, отчетъ о докладѣ В. А. Маклакова.

[2]) Цитируемъ по замѣткѣ г. В. Гольцева, „Р. В.“ № 30.

2. *Статистическія свѣдѣнія о членахъ гос. думы.*

Распредѣленіе членовъ гос. думы по возрасту, степени образованія, вѣроисповѣданію и національности, по профессіямъ, или занятіямъ.—Отношеніе къ землѣ и распредѣленіе по количеству земли.—Распредѣленіе по партіямъ и группамъ.

Исходя изъ того убѣжденія, что сводка точныхъ данныхъ о членахъ гос. д. имѣетъ серьезное значеніе не только практическое (для самихъ членовъ думы), но и общественно-политическое, авторъ, при содѣйствіи секретаріата думы, предпринялъ статистическую о членахъ думы анкету, результаты каковой и послужили матеріаломъ для предлагаемаго очерка.

Отвѣты на вопросныхъ бланкахъ получены были къ 1 іюня 1906 г. о 448 членахъ и они подверглись разработкѣ. Въ это число вошли за исключеніемъ двухъ отсутствовавшихъ, всѣ члены думы изъ губерній и областей Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и 1 депутатъ терской и 2 уральской области. Какъ уже сказано, ко времени роспуска думы число членовъ достигло 478, болѣе на 30 человѣкъ. Въ моемъ распоряженіи были еще отвѣты 22 членовъ [1]) (Кавказа и Сибири), но, въ виду того, что остальныхъ я добыть не могъ, присоединеніе ихъ не сдѣлало бы свѣдѣнія исчерпывающими, почему приходится ограничиться свѣдѣніями о 448 членахъ, подробно разработанными въ моей брошюрѣ «Государственная дума въ цифрахъ» [2]). 30 лишнихъ членовъ, составляя всего 6% общаго ихъ числа, не могли измѣнить настолько физіономію думы, чтобы являлась необходимость полной новой переработки статистическаго матеріала съ новымъ подсчетомъ % отношеній и т. п. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы будемъ придерживаться цифръ и выводовъ упомянутаго уже очерка, вводя лишь мѣстами оговорки о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могли внести 30 кавказскихъ и сибирскихъ депутатовъ.

Возрастъ. Какъ извѣстно, по положенію о выборахъ въ государственную думу членами ея могутъ быть мужчины не моложе 25 лѣтъ. Разбивая всѣхъ 448 членовъ на группы по возрастамъ съ разницею въ 10 лѣтъ, имѣемъ слѣдующую группировку ихъ по возрасту: менѣе 30 лѣтъ—34, или 7,3%, отъ 30 до 40—181, или 40,4%, отъ 40 до 50—167, или 37,2%, отъ 50 до 60—56, или 12,0%, болѣе 60 лѣтъ—11, или 3,1%.

---

[1]) Изъ нихъ 9 к.-д., 6 с.-д., 2 тр., 1 польскаго коло, 4 безпартійныхъ.

[2]) Изд. „Тов. Общ. Польза“.

Такимъ образомъ, среди членовъ преобладаетъ средній возрастъ—расцвѣтъ физическихъ и умственныхъ силъ—около 40 лѣтъ: на него падаетъ болѣе $^3/_4$ общаго числа членовъ думы. Молодежь (менѣе 30 лѣтъ) и старики болѣе 60 лѣтъ составляютъ въ общемъ $^1/_{10}$ состава, причемъ молодежь все же, болѣе чѣмъ въ два раза, многочисленнѣе, чѣмъ старики.

Если сравнить въ этомъ отношеніи составъ думы съ составомъ государственнаго совѣта (считая какъ членовъ по избранію, такъ и по назначенію), то разница окажется поразительной: большинство членовъ государственнаго совѣта имѣютъ возрастъ болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Избирая своихъ представителей въ первую государственную думу, народъ, очевидно, предвидѣлъ трудности, предстоящія его посланцамъ, и останавливался на лицахъ средняго возраста.

Не менѣе значительна разница въ возрастномъ составѣ народнаго представительства русскаго, германскаго и французскаго. По даннымъ г. Б. В. [1]), депутаты въ возрастѣ до 35 лѣтъ составляли въ Германіи и Франціи всего 5% общаго числа, тогда какъ въ русской гос. думѣ ихъ было около $^1/_5$; старики же 60 лѣтъ тамъ въ парламентѣ по своему числу занимаютъ почтенное мѣсто, составляя 17—22%, тогда какъ въ гос. думѣ ихъ было всего 3%.

Болѣе наглядное сравненіе можно сдѣлать по прилагаемой графикѣ [2]), на которой кривыя указываютъ относительное число депутатовъ различныхъ возрастовъ, обозначенныхъ внизу: каждая кривая подымается тѣмъ выше, чѣмъ больше депутатовъ того возраста, который подписанъ внизу, и опускается тѣмъ ниже, чѣмъ такихъ депутатовъ меньше.

Образованіе. Изъ 448 членовъ 189 получили высшее образованіе, что составляетъ 42,1 проц., и 62—среднее образованіе—13,8 проц.; въ общемъ, 57,9 проц. общаго числа членовъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ, причемъ громадное преобладаніе за высшимъ образованіемъ. Распредѣленіе членовъ думы на группы по степени образованія видно изъ слѣдующихъ данныхъ: съ высшимъ образованіемъ 189, или 42,1 проц., съ среднимъ—62, или 13,8 проц., съ низшимъ—111, или 24,7 проц., съ домашнимъ—84, или 18,9 проц., неграмотныхъ—2, или 0,4 проц.

Низшее образованіе члены думы получали главнымъ образомъ въ начальныхъ народныхъ школахъ, по преимуществу земскихъ и

---

[1]) См. „Нива“ № 29—1906.

[2]) См. въ концѣ этого выпуска.

министерскихъ. Среднее—чаще всего въ учительскихъ семинаріяхъ. Подъ лицами съ «домашнимъ» образованіемъ скрываются, главнымъ образомъ, учившіеся грамотѣ самоучкой, отчасти въ воинскихъ командахъ; лишь незначительное число изъ этой категоріи хорошо грамотныхъ, большинство же—«малограмотные».

Взвѣшивая значеніе данныхъ о степени образованія избранниковъ народа, мы съ очевидностью видимъ, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи народъ стремился къ избранію «ученыхъ» людей, будь то учитель для сельскаго населенія, или лица съ университетскимъ образованіемъ для городского населенія. Не надо забывать, что процентъ неграмотныхъ въ Россіи достигаетъ громадной цифры—70,7%, тогда какъ среди членовъ думы ихъ оказалось всего 2 человѣка, или 0,4 проц. всего состава. Процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ въ Россіи выражается сотыми долями процента, а въ думѣ мы имѣемъ 42,1 проц. лицъ съ высшимъ образованіемъ. При довольно обширномъ участіи въ выборахъ крестьянъ это явленіе не можетъ быть объясняемо ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ безграмотнаго и малограмотнаго народа провести въ парламентъ болѣе знающихъ и болѣе образованныхъ людей, чѣмъ они сами. Это доказываетъ, что люди не повинность избирательную отбывали, а отнеслись къ дѣлу выборовъ вполнѣ сознательно и серьезно.

Религія. Распредѣленіе членовъ государственной думы по *вѣроисповѣданію* видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Общее число.	%.
Православныхъ	339	75,6
Старообрядцевъ	4	0,8
Католиковъ	63	14,0
Лютеранъ	14	3,1
Баптистовъ	1	0,2
Іудеевъ	11	2,7
Магометанъ	14	3,3
Буддистовъ	1	0,2
Свободныхъ убѣжденій . . .	1	0,2

Буддистомъ является единственный въ думѣ представитель калмыцкаго народа. Въ общемъ иновѣрцы въ думѣ составляютъ менѣе 1/4 всего числа членовъ; главная часть падаетъ на католиковъ.

Народности. Соотвѣтственно вѣроисповѣдному составу обри-

совывается и *племенной составъ* думы. Группировка по національностямъ представлена въ слѣдующей табличкѣ:

		%
Великоруссовъ	265	59,1
Малороссовъ	62	13,8
Бѣлоруссовъ	12	2,9
Поляковъ	51	11,3
Литовцевъ	10	2,2
Эстовъ	4	0,9
Латышей	6	1,3
Нѣмцевъ	4	0,9
Татаръ	7	1,6
Башкиръ	4	0,9
Киргизъ	1	0,2
Чеченцевъ	1	0,2
Мордвинъ	2	0,4
Вотяковъ	1	0,2
Евреевъ	13	2,8
Караимъ	1	0,2
Болгаръ	1	0,2
Чувашей	1	0,2
Молдаванъ	1	0,2
Калмыковъ	1	0,2

Несмотря на то, что отъ Кавказа и Азіатской Россіи въ число 448 вошли представители лишь двухъ областей—терской и уральской, въ парламентѣ, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ все разнообразіе населяющихъ Россійскую имперію народностей. Пестрота національнаго состава первой русской государственной думы бросалась въ глаза всѣмъ уже при внѣшнемъ знакомствѣ съ нею въ первомъ ея собраніи, на которое изъ Зимняго дворца многіе явились въ національныхъ костюмахъ. Впослѣдствіи цивильный костюмъ сталъ преобладать и только поляки, литовцы, украинцы и татары (часть) продолжали ходить въ національныхъ костюмахъ.

Но всѣ эти народности тонутъ въ преобладающемъ числѣ русскихъ, разумѣя подъ этимъ собирательнымъ именемъ великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ и совершенно обрусѣвшихъ и не отличающихся религіей немногочисленныхъ представителей мелкихъ народностей—мордвы, чувашей, вотяковъ, болгаръ, молдаванъ. Вмѣстѣ взятыя, онѣ составляютъ 76,1 проц. общаго числа членовъ. Если

считать только великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, то они представляютъ подавляющее большинство думы—$^3/_4$ ея состава.

Такъ называемые «инородцы», группируя таковыхъ по близости племенъ и религій, составляютъ:

Поляки съ литовцами	13,5 проц.
Эсты и латыши	2,2 »
Нѣмцы	0,9 »
Мусульмане	3,1 »
Евреи	2,8 »
	22,5 проц.

Сравнивая эти проц. отношенія съ таковыми же для Европейской Россіи [1]), мы видимъ прежде всего, что русскіе въ парламентѣ имѣютъ большій процентъ, чѣмъ на нихъ приходится въ населеніи вообще (по переписи 1897—75,3 проц.), Поляки также заняли пропорціонально ихъ численности больше мѣстъ въ парламентѣ (по переписи 1897 г. они съ литовцами составляютъ 8,9 проц. общаго населенія), мусульмане же, нѣмцы съ эстами и латышами и евреи имѣютъ въ парламентѣ относительно меньше мѣстъ по сравненію съ ихъ численностью. Въ частности евреевъ въ Европейской Россіи 3,6 проц., въ парламентѣ же они составляютъ 2,8 проц. Это и вполнѣ понятно, если имѣть въ виду, что по избирательному закону 1905 г. преимущества даны крестьянамъ и землевладѣльцамъ, среди которыхъ евреи составляютъ ничтожный процентъ.

Характерно, что въ госуд. думѣ совершенно нѣтъ истинныхъ представителей нѣмцевъ (остзейскихъ); четыре нѣмца—всѣ колонисты; ни въ Эстляндіи, ни въ Лифляндіи, ни въ Курляндіи имъ, несмотря на громадное вліяніе и роль въ мѣстной жизни, не удалось, даже при несовершенномъ представительствѣ по закону 1905 г. провести ни одного представителя въ палату. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если припомнить, какую роль остзейскіе нѣмцы играютъ у насъ во всей государственной жизни, и особенно при дворѣ.

Позволительно утверждать, что нѣмцы въ данномъ случаѣ пожали плоды рукъ своихъ. При этомъ отразилось и дѣятельное участіе ихъ сыновъ въ карательныхъ экспедиціяхъ противъ главной массы населенія остзейскихъ провинцій—эстонцевъ и латышей.

Спрашивается теперь, на чемъ, какъ не на желаніи во что бы ни стало дискредитировать первую гос. думу, основана клевета про-

[1]) Неполное соотвѣтствіе представительства (уральская и терская обл.) измѣнить выводовъ не можетъ.

тивъ нея, заключающаяся въ томъ, что она состоитъ изъ поляковъ и евреевъ и, вообще, инородцевъ, чѣмъ-де и объясняется ея «революціонный (понимай противоправительственный) характеръ? Инородцы, взятые всѣ вмѣстѣ, составляютъ немного болѣе $^1/_5$ всего числа членовъ думы и, конечно, не могли оказать рѣшающаго вліянія на мнѣнія и сужденія остальныхъ $^4/_5$ думскаго состава. Инсинуаціи же противъ думы ссылкой на евреевъ являются плодомъ нововременскаго юдофобства—не болѣе. Нѣсколько большее представительство поляковъ въ думѣ по сравненію съ численностью этого племени въ Европейской Россіи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ качествѣ націи болѣе культурной и развитой они выдѣляютъ пропорціонально больше людей, выдѣляющихся изъ толпы, и мы видимъ поляковъ въ качествѣ представителей русскихъ городовъ, какъ, наприм., профессора Л. І. Петражицкій, Г. Ф. Шершеневичъ, прис. пов. А. Р. Ледницкій и др.

Сословія. Громадный интересъ представляетъ распредѣленіе членовъ гос. думы *по сословіямъ*. Данныя по этому предмету представлены въ слѣдующей табличкѣ:

	%
Дворянъ—164[1])	36,7
Почетныхъ гражданъ—9	2
Духовнаго званія—14	3,3
Купеческаго—11	2,2
Казаковъ—12	2,6
Мѣщанъ—20	4,4
Крестьянъ—204	45,5
Безъ указанія сословія—14	3,3

Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія къ установленной группировкѣ. Здѣсь имѣлось въ виду скорѣе происхожденіе изъ даннаго сословія, чѣмъ дѣйствительная принадлежность къ нему. Это особенно важно въ отношеніи крестьянъ, каковое понятіе не слѣдуетъ отождествлять съ крестьянами-земледѣльцами, что съ очевидностью выступаетъ при сравненіи распредѣленія по сословіямъ съ распредѣленіемъ по занятіямъ или профессіямъ. Поэтому не слѣдуетъ считать, что лица «духовнаго званія» — все священники. Въ отношеніи казаковъ слѣдуетъ оговориться, что сюда входятъ «казаки» по званію (бывшіе запорожцы, обратившіеся въ обыкновенныхъ сельскихъ обывателей, но и до сихъ поръ не смѣшавшихся съ бывшимъ податнымъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ)

[1]) Въ томъ числѣ 10 князей, 4 графа и 2 барона.

и казаки по профессіи, т. е. принадлежащіе къ существующимъ нынѣ казачьимъ войскамъ. Въ этихъ послѣднихъ, кромѣ рядовыхъ казаковъ, существуютъ и дворяне-казаки, каковые безъ различія введены въ общую рубрику дворянъ.

Послѣ этихъ поясненій обратимся къ разсмотрѣнію состава думы по сословіямъ. Преобладающимъ сословіемъ въ думѣ являются лица крестьянскаго происхожденія: они составляютъ немного менѣе половины общаго числа. Если бы къ нимъ присоединить мало чѣмъ отличающихся въ смыслѣ классовомъ мѣщанъ и казаковъ, то вмѣстѣ взятые представители этихъ сословій будутъ составлять нѣсколько болѣе половины всего состава думы.

Другимъ сильнымъ по числу элементомъ въ думѣ является дворянство, составляющее нѣсколько болѣе $^1/_3$ всего состава. Если принять въ соображеніе, что дворянами признаются, во первыхъ, всѣ рожденные отъ дворянъ, каково бы ни было ихъ классовое положеніе, что дворянами личными признаются всѣ, кто получилъ на государственной службѣ первый гражданскій чинъ или на военной службѣ чинъ офицера,—то будетъ для всякаго понятно, что между помѣстнымъ дворянствомъ и дворянами вообще разница въ смыслѣ классовомъ громадная, что съ очевидностью и подтверждается при сравненіи распредѣленія членовъ думы по сословіямъ и по профессіямъ % отношенія земледѣльцевъ вообще, а также дворянъ, какъ ихъ главной составной части, гораздо менѣе, чѣмъ % отношенія дворянъ, какъ сословія. Но, отбрасывая и эту оговорку, спрашиваемъ, какія имѣются основанія утверждать, что первая русская государственная дума,—дворянская, помѣщичья, что она не можетъ не быть противъ крестьянскихъ интересовъ и т. д.?

Безстрастно-холодныя цифры должны заставить умолкнуть клеветническіе выкрики враговъ первой государственной думы слѣва, какъ цифры о племенномъ составѣ думы отняли аргументы противъ думы у враговъ справа.

Но, какъ бы то ни было, дворянство занимаетъ въ первой государственной думѣ второе по числу мѣсто и мѣсто, далеко не пропорціональное сословному составу всего населенія имперіи. По Янсону дворянство составляло въ 1870 г. всего % всего населенія, сельскія сословія 81,5%; по даннымъ переписи 1897 г. дворяне составляли 1,47, крестьяне 84, 16%. Вдумываясь въ эти цифры, слѣдуетъ не упускать изъ виду, что наиболѣе видные общественные дѣятели, дѣятели освободительнаго движенія, у которыхъ и на произведеніяхъ которыхъ учились тѣ мнящіе себя единственными истинными

представителями народа интеллигенты, которые ратуютъ противъ «измѣнниковъ-либераловъ и кадетъ»,—почти всѣ они дворяне по происхожденію, или сдѣлались дворянами, ставъ профессорами, учителями, инженерами и т. п.

Это одна сторона дѣла. Другая, еще болѣе для насъ важная, заключается въ томъ, что русскій дворянинъ, хотя бы онъ былъ связанъ тѣснѣйшими родственными узами и общественными отношеніями съ самыми верхами вліятельной знати, какъ это исторически доказано и подтверждается теперь въ думѣ, могъ и можетъ подняться выше своихъ личныхъ и классовыхъ интересовъ, сложить голову и пожертвовать своими личными интересами ради водворенія свободы и справедливости. Это кровью и страданіемъ доказали намъ Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ, Трубецкіе, и мн. другіе, имя же имъ легіонъ. Казалось бы, память объ этихъ людяхъ могла бы удержать отъ огульныхъ обвиненій въ измѣнѣ и т. п. всѣхъ дворянъ по происхожденію, а не по существу традицій и привилегій. И правъ былъ членъ госуд. думы кн. Урусовъ, когда 8 іюня въ концѣ своей исторической рѣчи въ думѣ сказалъ: «Здѣсь много лицъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію, занимающихъ привилегированное положеніе въ обществѣ, а много ли мы слышали отъ нихъ словъ, которыя раздались бы противъ идеи всеобщаго гражданскаго равенства и противъ широкихъ реформъ въ демократическомъ народномъ духѣ»?

Дѣйствительно, думское дворянство почти единогласно было готово принести свои привилегіи на алтарь отечества—ради осуществленія въ немъ идеала правды и справедливости.

Занятія. Не меньшій интересъ представляютъ свѣдѣнія о профессіяхъ и занятіяхъ членовъ первой государственной думы. Здѣсь мы встрѣчаемъ поразительное разнообразіе: болѣе 20 отдѣльныхъ, причемъ подчасъ широко объемлющихъ, профессій зарегистрировано гг. членами думы. Группировка по нимъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Число.	%
Землевладѣльцевъ	65	14,4
Промышленниковъ	2	0,4
Торговцевъ.	24	5,4
Домовладѣльцевъ	1	0,2
Земледѣльцевъ	111	24,8
Рабочихъ	25	5,6
На службѣ частной	15	3,5

На службѣ обществен., городской и земской	61	13,3
На службѣ государственной.	15	3,5
Профессоровъ	10	2,2
Приватъ-доцентовъ	4	0,9
Учителей (инспектора училищъ, сюда же) . . .	23	5,1
Врачей	19	4,2
Адвокатовъ	38	8,5
Инженеровъ	5	1,1
Редакторовъ	6	1,3
Литераторовъ	7	1,5
Священниковъ (православныхъ и др. исповѣд.) . . .	14	3,3
Землемѣровъ	1	0,2
Чертежниковъ	1	0,2
Студентовъ	1	0,2

Надо замѣтить, что при выборкѣ свѣдѣній о профессіи мы руководились отмѣткой того занятія, которое поставлено въ отвѣтѣ на первомъ мѣстѣ, предполагая, что оно является для даннаго члена главнымъ и поставленное послѣ—второстепеннымъ; это послѣднее при группировкѣ ихъ не принималось во вниманіе, во избѣжаніе осложненія. Отмѣтимъ, что наиболѣе частымъ сочетаніемъ наблюдается у землевладѣльцевъ веденіе сельскаго хозяйства съ литературой, у торговцевъ—торговля съ земледѣліемъ, у земледѣльцевъ—земледѣліе съ отхожимъ промысломъ, у состоящихъ на оплачиваемой сельской или волостной общественной должности—служба съ земледѣліемъ. Подъ землевладѣльцами, въ отличіе отъ земледѣльцевъ, разумѣются помѣщики и собственники земли вообще, ведущіе сельское хозяйство лично или сдающіе землю въ аренду; надо замѣтить, что землевладѣльцы имѣются и среди служащихъ по земству, среди профессоровъ и др. профессій, но у нихъ землевладѣніе стоитъ на второмъ планѣ. Болѣе подробныя данныя о землевладѣніи будутъ приведены особо ниже. Домовладѣльцевъ, конечно, не одинъ во всей думѣ, но здѣсь выдѣленъ только одинъ, отмѣтившій единственное занятіе: «домовладѣлецъ» очевидно, это живущій на доходъ отъ дома въ большомъ городѣ.

Землевладѣльцы—это крестьяне и поселяне.

Рабочіе—по преимуществу съ фабрикъ и заводовъ; нѣсколько человѣкъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Къ частной службѣ отнесена служба въ приказчикахъ, конторщикахъ, управляющихъ и т. п.

Категорія служащихъ на общественной, городской и земской службѣ является крайне разнообразной, начиная отъ бухгалтера и секретаря, кончая предсѣдателями управъ, которые въ то же время являются средней руки землевладѣльцами. Слѣдуетъ оговориться, что врачи, хотя бы они были и на земской службѣ, выдѣлены въ общую профессіональную группу. Служащіе на государственной службѣ отмѣчали мѣста, которыя они занимали до вступленія въ думу. Одинъ студентъ также отмѣченъ по состоянію его въ званіи студента во время выборовъ.

Послѣ этихъ поясненій вглядимся ближе въ приведенныя числа и процентныя отношенія отдѣльныхъ профессій. Прежде всего лицъ, живущихъ исключительно доходами отъ землевладѣнія, насчитывается 12,5% общаго числа членовъ. Какъ увидимъ далѣе, землевладѣльцевъ въ общемъ больше, но у нихъ на первомъ планѣ въ качествѣ средства существованія стоитъ или служба, или профессіональная дѣятельность (адвокатура, литература, земская служба и т. п.).

81136

Промышленники (0,4%) и торговцы (5,4) занимали въ первой думѣ ничтожное мѣсто среди членовъ думы. Ко второй думѣ дѣлались усилія, чтобы въ ней это представительство было болѣе солидное.

Первое по количеству членовъ мѣсто принадлежитъ «земледѣльцамъ», составляющимъ 24,8% общаго числа. Это преимущественно крестьяне. Сравненіе ихъ количества (111) съ числомъ лицъ крестьянскаго происхожденія (204) показываетъ, что чуть не половина этихъ послѣднихъ въ классовомъ отношеніи не принадлежала къ земледѣльческому населенію, а разбивается на цѣлый рядъ профессій и преимущественно входитъ въ число рабочихъ, торговцевъ, служащихъ на частной и земской службѣ и учителей (народныхъ). Такимъ образомъ, говоря о *крестьянахъ*, надо различать лицъ крестьянскаго происхожденія, крестьянъ по паспорту, но несомнѣнно относящихся уже къ «разночинцамъ», третьему элементу, или трудовой, сельской по преимуществу, интеллигенціи, и настоящихъ крестьянъ-пахарей, земледѣльцевъ. Первые по своему общественному положенію и развитію стоятъ ближе къ среднему сословію буржуазіи, хотя, конечно, могутъ имѣть отнюдь не буржуазныя убѣжденія; только вторые являются классомъ земледѣльцевъ. Къ этимъ послѣднимъ гораздо ближе стоятъ крестьяне, занимающіеся торговлей и земледѣліемъ (такихъ 24), и часть рабочихъ, не оторвав-

шихся еще отъ земли. Группируя профессіи такимъ образомъ и выдѣляя изъ рабочихъ профессіональныхъ рабочихъ, заявившихъ себя въ числѣ 14 въ извѣстномъ воззваніи къ рабочимъ, мы получаемъ общее число крестьянъ-*земледѣльцевъ 146, или около* 1/3 *всего парламента.* Эта группа депутатовъ является самой многочисленной.

За ней слѣдуютъ *землевладѣльцы*, общее число коихъ, съ числомъ десятинъ земли болѣе 100, опредѣляется въ 114, или около *четвертой части* всего парламента. Въ таблицѣ они входятъ въ рубрику землевладѣльцевъ—65 чел. и, главнымъ образомъ, еще въ число служащихъ по земству.

Слѣдующую категорію составляютъ люди свободныхъ профессій—профессора, учителя, врачи, адвокаты и т. п. Ихъ набирается 112 чел., или 1/4 *всего* числа членовъ.

Эти три класса — земледѣльцы, землевладѣльцы и получающіе средства къ жизни умственнымъ трудомъ (трудовая интеллигенція)—составляютъ главную массу членовъ думы. За исключеніемъ ихъ, остается 32 чел. рабочихъ и частно-служащихъ и 29—состоявшихъ на государственной службѣ и священниковъ. Оговариваемся, что врачи, профессора, учителя, хотя и состоящіе на государственной службѣ, выдѣлены въ особыя отъ служащихъ на государственной службѣ вообще группы.

Изъ приведенныхъ выше числовыхъ отношеній очевидно, что назвать думу «панской», т. е. помѣщичьей, нѣтъ никакихъ основаній. Есть основаніе называть ее состоящей на 2/3 изъ интеллигенціи (по преимуществу трудовой) и на 1/3 изъ сѣраго крестьянства и рабочихъ. Послѣднихъ относительно мало. По даннымъ переписи 1897 года, рабочихъ насчитывается въ Европейской Россіи всего 5 милліоновъ, или 5,5% общаго населенія. Если бы всѣ 25 рабочихъ были профессіональными рабочими, то ихъ число приблизительно соотвѣтствовало бы въ процентномъ отношеніи тому, какое пропорціонально приходится на рабочихъ по ихъ численности. Но профессіональныхъ рабочихъ, какъ сказано, 14, или 3,3 проц., на 2 проц. менѣе, чѣмъ причитается на рабочихъ по ихъ относительному числу вообще.

Трудовая интеллигенція и среди нея, такъ называемый, земскій «третій элементъ» составляетъ видную часть состава думы. Если присоединить сюда и служащихъ по земскому самоуправленію землевладѣльцевъ, то общее число ихъ *составитъ* около 100 чел. или 22,5 проц. Въ довольно значительномъ числѣ входятъ въ составъ

думы *адвокаты*—38, или 8,5 проц. общаго числа членовъ, тогда какъ профессора (вмѣстѣ съ приватъ-доцентами)—14 чел.—составляютъ лишь 3,1 проц. общаго числа членовъ. Сдѣлавшіяся избитыми ссылки на преобладающую роль по числу и значенію *профессоровъ* въ государственной думѣ, какъ убѣждаютъ цифры, ни на чемъ не основаны.

Но наличность въ думѣ талантливыхъ юристовъ, спеціалистовъ по всѣмъ отдѣламъ юриспруденціи, и создавало ту спокойную и полную достоинства умѣлую защиту народныхъ правъ и конституціонныхъ началъ, которая была особенно цѣнна для нашего молодого парламента, явившагося одновременно и законодательнымъ учрежденіемъ, и высшей политической школой для вновь нарождающихся гражданъ земли русской.

Если бы первому русскому парламенту суждено было заняться устройствомъ русской жизни на новыхъ началахъ, составъ его какъ нельзя болѣе отвѣчалъ бы качествамъ, необходимымъ для такого парламента: въ немъ представлены буквально всѣ главнѣйшія профессіи, имѣлись знатоки по разнообразнымъ спеціальностямъ и въ то же время были представители всѣхъ классовъ многомилліоннаго населенія. Наиболѣе видные земскіе дѣятели, крупнѣйшіе публицисты и общественные дѣятели, люди государственнаго опыта, лучшіе юристы и убѣжденные гуманисты, съ одной стороны, и яркіе и твердые представители крестьянскаго горя, народныхъ нуждъ и терзаній—съ другой. Единственнымъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи было слабое (количественно и особенно качественно) представительство рабочихъ.

Характерно для первой думы значительное участіе въ ней *учителей* (5,1 проц.), по преимуществу народныхъ; все это избранники крестьянской куріи; нѣкоторые изъ нихъ замѣтно выдвигались въ палатѣ своими рѣчами (напр., Аникинъ, Рыжковъ).

Священники православнаго и другихъ исповѣданій занимаютъ также не послѣднее мѣсто: ихъ зарегистрировано 14, что составляетъ 3,3%. Это также ставленники сельскаго сословія. Большая часть ихъ твердо защищаетъ интересы трудовыхъ массъ и въ то же время они горячо протестуютъ противъ насилія и безправія. *Духовенство* въ Имперіи составляетъ всего 0,4—0,5 проц. Относительно большое участіе его въ палатѣ обусловливается, главнымъ образомъ, большимъ числомъ духовныхъ лицъ среди иновѣрцевъ (поляковъ, латышей, мусульманъ), что, очевидно, объясняется довѣріемъ, которымъ духовныя лица пользуются у населенія окраинъ.

Врачи, которые по своей профессіи, казалось, не должны бы

*

имѣть много шансовъ на значительное представительство въ палатѣ, оказывается, представлены въ ней довольно сильно: ихъ 19, или 4,2% общаго состава. Объясненіе кроется въ томъ, что это, по преимуществу, земскіе врачи, стоящіе близко къ народу и почти всегда выступающіе на общественную дѣятельность.

Изъ лицъ, бывшихъ до вступленія въ думу на государственной службѣ, мы встрѣчаемъ бывшихъ членовъ судебнаго вѣдомства, податного инспектора, спеціалиста по рыбоводству и др.

Не лишено интереса сравнить составъ нашей думы по профессіямъ съ другими парламентами. Такъ, въ первомъ японскомъ парламентѣ (цензовомъ) было: купцовъ 56, землевладѣльцевъ 145, чиновниковъ 11, либеральныхъ профессій 32, живущихъ на проценты съ капитала 55, т. е., другими словами, преобладающее значеніе имѣлъ классъ капиталистовъ (землевладѣльцевъ, купцовъ и живущихъ на проценты съ капитала). Къ сожалѣнію, данныхъ о составѣ японскаго парламента за послѣднее время мы не нашли.

Изъ европейскихъ парламентовъ въ германскомъ рейхстагѣ (выборы 1903 г.) изъ 397 членовъ 52 рабочихъ, 119 земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, [1]) 66 чиновниковъ, 45 журналистовъ, остальныхъ профессій гораздо меньше. Во французской палатѣ депутатовъ на 565 депутатовъ (выборы 1903 г.) было: рабочихъ 17, земледѣльцевъ 13, землевладѣльцевъ 88, капиталистовъ 6, фабрикантовъ и купцовъ 21, офицеровъ 28, чиновниковъ 42, состоящихъ на государственной службѣ 55, адвокатовъ 123, профессоровъ 29, журналистовъ 45, врачей 54, инженеровъ 25, остальныхъ профессій по немногу. Въ англійской палатѣ общинъ изъ 583 членовъ самое большое число падаетъ на фабрикантовъ и купцовъ—150, далѣе слѣдуютъ адвокаты—100, затѣмъ журналисты—48, чиновники—38, нотаріусы—34, офицеры—28, инженеры—20, другихъ профессій —понемногу каждой.

Для сравненія удобнѣе соединить близкія профессіи вмѣстѣ и образовать меньшее число болѣе широко объемлющихъ группъ. Разбивая всѣ профессіи на I) представителей физическаго труда— рабочіе и земледѣльцы, II) представителей государственной и общественной службы, III) представителей капитала и землевладѣнія— помѣщики, землевладѣльцы, фабриканты, капиталисты и IV) представителей свободныхъ профессій—адвокаты, литераторы, врачи,

[1]) Такое соединеніе двухъ классовъ въ одну группу дѣлаетъ цифры несравнимыми. Данныя и часть графикъ заимствованы изъ ст. г. Б. В. въ „Нивѣ“ №№ 28 и 29: „Составъ первой гос. думы“.

учителя, журналисты, священнослужители и отражая относительное число членовъ, относящихся къ каждой группѣ, въ процентныхъ отношеніяхъ, а эти послѣднія, для наглядности, изображая различнаго рода фигурами (чѣмъ болѣе %, тѣмъ выше фигура), мы получимъ діаграмму о составѣ пяти главнѣйшихъ европейскихъ парламентовъ — Россіи, Германіи, Франціи, Италіи и Англіи [1]), при бѣгломъ взглядѣ на которую можно замѣтить, что земледѣльцы и рабочіе—люди физическаго труда въ первой россійской государственной думѣ превосходятъ своимъ относительнымъ числомъ своихъ собратій въ другихъ парламентахъ; наоборотъ, люди свободныхъ профессій — адвокаты, журналисты, профессора и т. д. были представлены въ думѣ, по сравненію съ западно-европейскими парламентами, очень слабо. Тогда какъ въ Германіи и въ Англіи капиталисты и землевладѣльцы имѣютъ много мѣстъ въ парламентахъ, въ Россіи, Франціи и Италіи они играютъ довольно скромную роль. Въ общемъ же, классовыя группы изъ всѣхъ европейскихъ парламентовъ представлены наиболѣе равномѣрно въ россійской государственной думѣ (въ Россіи фигуры менѣе различаются ростомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ).

Землевладѣніе. Въ отвѣтъ на вопросъ объ имущественномъ положеніи «по количеству десятинъ, принадлежащихъ на правѣ частной собственности земли, по стоимости др. недвижимости и по размѣру годового заработка», свѣдѣнія даны далеко не однообразныя. Но тѣмъ не менѣе, въ виду особаго интереса, именно, этихъ признаковъ, мы постарались извлечь изъ нихъ все возможное.

Болѣе цѣнными являются свѣдѣнія о землевладѣніи, и на нихъ мы остановимся. Въ нижеслѣдующей табличкѣ представлена группировка членовъ гос. думы по землевладѣнію:

Имѣютъ:		Число.	%
Болѣе 100.000	дес.	1	0,2
„ 10.000	„	1	0,2
Отъ 5.000—10.000	„	7	1,5
„ 2.000— 5.000	„	17	3,8
„ 1.000 – 2.000	„	16	3,7
„ 500— 1.000	„	41	9,3

[1]) См. въ концѣ этого выпуска; цифры рядомъ съ фигурами означаютъ % къ общему числу членовъ. Въ Германіи и Англіи землевладѣльцы и земледѣльцы соединены въ одну группу, тогда какъ въ другихъ странахъ первые соединены съ рабочими.

Отъ 100— 500 дес.	31	6,9
„ 10— 100 „	58	12,9
Менѣе 10 дес. . . .	81	18,0
Частное владѣніе безъ указанія размѣра	10	2,2
Надѣлъ безъ указанія размѣра . . .	23	5,1
Не имѣющихъ земли	162[1])	36,1

Необходимо замѣтить, что въ число землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 10 дес., входитъ значительное число крестьянъ, имѣющихъ надѣльную землю, которую крестьяне часто считаютъ частной собственностью, разъ она выкуплена.

Итакъ, 162 изъ 448 членовъ, или 36,1 проц., не имѣютъ земли, или, по крайней мѣрѣ, они дали отмѣтку, что не имѣютъ или же зачеркнули мѣсто для отвѣта. Это нисколько не должно удивлять насъ, такъ какъ мы видѣли уже, что въ думѣ было много лицъ изъ трудовой интеллигенціи, съ одной стороны, и изъ пролетаризовавшихся выходцевъ изъ крестьянъ—съ другой.

Разбивая всѣхъ членовъ думы на землевладѣльцевъ крупныхъ (имѣющихъ болѣе 1000 дес.), среднихъ (отъ 100 до 1000 дес.) и мелкихъ (менѣе 100 дес.) и присоединяя къ послѣднимъ всѣхъ съ надѣльной землей и ко вторымъ 10 чел., не показавшихъ числа десятинъ, мы увидимъ, что крупныхъ землевладѣльцевъ въ первой думѣ было 42, или 9,4 проц., среднихъ 82, или 18,4 проц. и мелкихъ 162, или 36,1 проц. Если же выдѣлить только имѣющихъ землю (286 чел.), то крупные среди нихъ составятъ 14,7, средніе 28,6 и мелкіе 56,5 проц.

Въ европейской Россіи, по даннымъ центр. ст. ком., первые составляютъ 3 проц., вторые 12 проц. и третьи 84 проц. Такимъ образомъ, крупное, особенно среднее, землевладѣніе представлено въ думѣ въ два и болѣе раза сильнѣе по сравненію съ мелкимъ, которое является пропорціонально менѣе представленнымъ. Само собою, это связано съ принципами, положенными въ основу избирательнаго закона 1905 г.

Взглянемъ теперь на составъ думы съ точки зрѣнія господствовавшаго въ ней теченія въ рѣшеніи аграрнаго вопроса. Дума выска-

[1]) Надо замѣтить, что всѣ лица, не сдѣлавшія отмѣтки о землевладѣніи, вошли сюда безразлично, если у нихъ не отмѣчено и въ профессіи—„землевладѣлецъ“.

залась въ принципѣ (въ отвѣтѣ на тронную рѣчь) за необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Среднее и крупное землевладѣніе, въ случаѣ приведенія въ исполненіе этого рѣшенія, внѣ всякаго сомнѣнія, понесетъ значительный ущербъ. Если бы думскіе землевладѣльцы стояли на стражѣ этого землевладѣнія, мы были бы свидѣтелями многочисленныхъ возраженій противъ этого принципа, такъ какъ по указаннымъ даннымъ въ думѣ насчитывается 42 члена изъ крупныхъ и 72 изъ среднихъ землевладѣльцевъ.

Между тѣмъ, вопросъ о принудительномъ отчужденіи земель въ интересахъ землевладѣльцевъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ чуть не единогласно. Этотъ принципъ стоитъ въ программѣ к.-д. партіи, въ которую эти «непонятные»[1]) землевладѣльцы входятъ въ значительномъ количествѣ (всѣ земскіе дѣятели).

Очевидно, что какъ и въ вопросѣ о дворянскихъ привилегіяхъ, здѣсь грубый матеріальный аршинъ для установленія классовыхъ группъ далеко не пригоденъ, и требуется другое мѣрило, болѣе деликатное и трудно учитываемое статистическими пріемами.

Принадлежность къ партіямъ и группамъ. Центральный интересъ имѣетъ, конечно, группировка членовъ государственной думы по политическимъ партіямъ и группамъ. Ниже нами приводятся данныя по этому предмету, но, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Группировка основана исключительно на собственноручной отмѣткѣ каждаго члена думы на поставленный въ бланкѣ вопросъ, отмѣтка относится къ 10—15 мая мѣсяца. Къ концу сессіи произошли крупныя измѣненія. Мы приведемъ сначала свѣдѣнія о распредѣленіи членовъ думы по партіямъ на основаніи ихъ собственныхъ показаній Оно было таково:

	Число.	%.
Конституціонно-демократ. .	153	34,1
Трудовой группы	107	23,8
Автономистовъ	63	14,0
Партіи демократ. реформъ .	4	0,9
Союза 17 октября	13	2,9
Умѣренно-прогрессивной . .	2	0,4

[1]) Само собою, объясненіе стремленій думскихъ землевладѣльцевъ къ своей собственной экспропріаціи à la Гурко, какъ чисто агитаціонный пріемъ, адресованный къ райку, при серьезномъ изученіи вопроса исключается совершенно.

Торгово-промышленной . .	1	0,2
Безпартійныхъ . . .	105	23,4

Такимъ образомъ, крупное дѣленіе можно выразить такъ: к.-д. составляютъ нѣсколько болѣе ½, трудовая и безпартійные—каждая группа немного менѣе ¼ всего числа членовъ думы. Этотъ остатокъ до ¼ у каждой группы причитается на автономистовъ и незначительное число числящихся въ мелкихъ партіяхъ. Если оставаться при этой группировкѣ, парламентское большинство можетъ образоваться соединеніемъ к.-д. съ трудовиками (это даетъ около 58 проц.), или соединеніемъ к.-д. съ автономистами+часть безпартійныхъ, которые въ значительной части тяготѣютъ къ к.-д.

Ниже мы проанализируемъ подробнѣе недостаточно опредѣленныя и не имѣющія точной программы группы—трудовую и безпартійныхъ. Теперь же скажемъ два слова о прочихъ, установленныхъ въ нашей группировкѣ партіяхъ. Автономисты включаютъ въ себя лишь ту часть ихъ, которая не входитъ въ составъ другихъ партій и группъ. Дѣло въ томъ, что среди членовъ к.-д. было около 40 членовъ, принадлежащихъ одновременно къ автономистамъ (они значатся въ числѣ 153) и, кромѣ того, автономисты были въ трудовой группѣ. Въ таблицѣ же показаны только тѣ, которые не принадлежали къ приведеннымъ въ таблицѣ партіямъ и группамъ. Они состояли болѣе половины изъ членовъ польскаго кружка («польское коло»), изъ группы сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній, изъ членовъ литовской демократической партіи и др. чисто національныхъ группъ. Въ области политическихъ вопросовъ всѣ они или совпадаютъ, или близки къ к.-д. партіи; въ области соціальной часть ихъ (поляки), судя по преніямъ по аграрному вопросу, стоитъ правѣе к.-д. партіи. Подраздѣленіе ихъ по національнымъ группамъ таково:

Польскій кружокъ	31
Сѣв.-зап. и юго-зап. окраинъ	12
Литовскій кружокъ	5
Украинской демокр.	6
Казачьей группы	1
Латышской демокр.	5
Мусульманъ	3
	63

Стоящіе внѣ партійной дисциплины члены партіи демокр. реформъ идутъ во всемъ существенномъ рука объ руку съ к.-д. Быть можетъ, самый составъ этой небольшой группы, вклю-

чавшей въ себѣ видныхъ ораторовъ палаты (проф. М. М. Ковалевскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, кн. С. Д. Урусовъ), поставилъ ее въ такое положеніе, что къ партіи д.-р. всѣ прислушивались, и палата охотно принимала предлагаемыя ею рѣшенія частныхъ вопросовъ. Какъ видно изъ группировки безпартійныхъ, къ нимъ тяготѣло еще 14 членовъ, пожелавшихъ и сидѣть вмѣстѣ съ ними.

Октябристы съ П. А. Гейденомъ и М. А. Стаховичемъ во главѣ числятся, по отмѣткамъ, въ количествѣ всего 13 человѣкъ; къ нимъ тяготѣютъ еще 12 изъ безпартійныхъ. Впослѣдствіи октябристы превратились въ «мирно-обновленцевъ», увеличивъ число своихъ приверженцевъ.

Торговопромышленная партія имѣла только 1 представителя въ думѣ, «чисто-монархическія» партіи, т. е. абсолютисты, въ палатѣ не имѣли явныхъ представителей (судя по собственнымъ отмѣткамъ гг. членовъ) и если имѣлось ихъ одинъ, другой, а быть можетъ и десятокъ,—они были скрыты подъ вывѣской безпартійныхъ, такъ что выдѣлить ихъ можно было бы лишь путемъ оцѣнки гласныхъ заявленій (по стенографическимъ отчетамъ), что уже выходитъ изъ предѣловъ статистическаго анализа.

Посмотримъ ближе, изъ кого же состояли по своимъ симпатіямъ безпартійные: судя по отвѣтамъ на вопросъ о близости къ той или иной партіи или группѣ, они группируются такъ: ближе къ к.-д.—25, къ трудовой—9, къ п. дем. реф.—14, къ союзу 17 окт.—12, прочихъ—45, всего—105. Такимъ образомъ, лѣвыхъ надо считать нѣсколько менѣе половины общаго числа, правыхъ $^1/_8$ и нѣсколько менѣе половины съ неопредѣленной физіономіей. Это, по преимуществу, крестьяне.

Наиболѣе пестрый составъ представляетъ съ виду сплоченная трудовая группа. Совершенно резонно она назвала себя «группой», а не партіей, такъ какъ это и не есть прочная политическая партія, а временный союзъ, или блокъ многихъ партій, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ о партійной принадлежности членовъ группы:

Соціал.-революціонеровъ	2
Соціалъ-демократовъ и близкихъ къ нимъ	10
Крестьянскаго союза	9
Соціалистовъ внѣ партій	7
Радикальной партіи	1
Свободомыслящихъ	2

Лѣвѣе к.-д.	2
Ближе къ к.-д.	18
Автономистовъ (2 еврея, 4 украинца 1 литовецъ и 1 казакъ) . . .	8
Безпартійныхъ (по ихъ заявленію) . .	21
Прочихъ (безъ отмѣтокъ болѣе опредѣленныхъ)	27
Итого . .	107

Такимъ образомъ, въ трудовой группѣ были представители 5 политическихъ партій съ опредѣленными программами (с.-р., с.-д., рад., свободом. и к.-д.) и 4 представителей 3-хъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ платформъ (крестьянскаго союза, близкихъ къ с-р., соціалистовъ внѣ партій и автономистовъ-демократовъ) и двѣ категоріи членовъ: «безпартійныхъ» и съ простой отмѣткой на вопросъ о принадлежности къ группѣ—къ «трудовой», которыхъ можно считать входящими въ союзъ безъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, или же со взглядами, не вполнѣ установившимися. Эти двѣ категоріи составляютъ 49 чел.—немного менѣе половины, и состоятъ онѣ главнымъ образомъ изъ крестьянъ. Въ число этихъ послѣднихъ входятъ, между прочимъ, 1 неграмотный и малограмотные крестьяне подольской губ.

Вторую крупную группу «трудовиковъ» составляютъ тяготѣющіе къ к.-д. партіи («лѣвѣе» или «ближе»), ихъ 20 чел., 48 трудовиковъ, не принадлежащихъ ни къ какой политической партіи,+20 близкихъ къ к.-д. партіи даютъ 68 членовъ, или болѣе $^1/_2$ всей группы.

Несмотря на такую смѣсь партій и теченій, трудовая группа имѣла, несомнѣнно, свою особую физіономію, не поддающуюся учету цифрами, такъ какъ она зависѣла не отъ числа ея членовъ, а отъ яркости выдвинутыхъ ею лидеровъ—людей вполнѣ партійныхъ и цѣльныхъ, хотя и не одинаковаго міросозерцанія.

Отбрасывая довольно мало самостоятельную партію радикальную и своб.-мыслящую, мы можемъ отмѣтить въ трудовой группѣ, когда она была еще единой, 4 политическихъ теченія: с.-р., с.-д., соціалистовъ внѣ партій и близкихъ къ к.-д. Первые, опираясь на крестьянскій союзъ и на крестьянъ и оперируя больше на почвѣ аграрнаго и крестьянскаго вопросовъ, играли руководящую роль и придавали особый отпечатокъ соціалъ-народничества всей группѣ. Входящіе въ составъ трудовой группы члены, тяготѣвшіе къ пар-

тіи к.-д. (а по тактическимъ вопросамъ цѣликомъ къ нимъ присоединившіеся) въ сущности составляли единое съ соціалистами по убѣжденію, входящими и въ к.-д. партію, и принадлежность къ трудовой группѣ являлась для нихъ скорѣе признакомъ внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ. Въ качествѣ депутатовъ отъ крестьянъ они считали для себя необходимымъ быть среди крестьянъ, а крестьяне входили сначала преимущественно въ составъ трудовой группы.

Послѣдующія событія вполнѣ подтвердили эти положенія: передъ самымъ роспускомъ госуд. думы, когда еще никто изъ депутатовъ, однако, не зналъ о готовящемся сюрпризѣ, крестьяне-трудовики, въ числѣ 40 человѣкъ, постановили выдѣлиться изъ трудовой группы, присоединить часть безпартійныхъ крестьянъ и образовать свою самостоятельную «крестьянскую партію».

Съ пріѣздомъ кавказскихъ депутатовъ, когда число с.-д. увеличилось, выдѣлилась особая соціалъ-демократическая группа меньшевистскаго толка.

Всего сказаннаго о трудовой группѣ можно считать слишкомъ достаточнымъ, чтобы убѣдить каждого, что это не есть политическая партія, а союзъ лицъ, принадлежащихъ по взглядамъ къ цѣлому ряду партій, объединяющихся лишь въ одномъ, что это представители крестьянства, рабочихъ и другихъ трудящихся слоевъ городского населенія.

Перегруппировка депутатовъ по партіямъ къ 26 іюня, когда число членовъ было уже 478 чел. и когда члены отдѣльныхъ партій и группъ заняли въ думѣ мѣста по партіямъ и группамъ, дала слѣдующіе результаты:

ВСЕГО	К.-Д.	Трудовики.	С.-Д.	Польское коло.	Безпартійные автономисты.	Демократ. реф.	Партія мирнаго обновленія.	Прогрессисты.	Безпартійные.
478	179	94	17	32	12	6	26	12	100
%	37,4	19,6	3,5	6,7	2,5	1,2	5,4	2,5	20,9
По сравненію съ прежнимъ + или —въ %.	+3,3	—5,5	+3,2		—4,8	+ 0,3		+ 7,3	—2,5

Такимъ образомъ, сравненіе состава думы въ концѣ іюня съ таковымъ же въ половинѣ мая въ отношеніи распредѣленія на партіи показываетъ, съ одной стороны, усиленіе партіи к.-д., отчасти дем. реф. и умѣренныхъ партій, образовавшихся въ стѣнахъ парла-

мента изъ октябристовъ и торг. пром. партіи, и образованіе соціалъ-демократической фракціи; съ другой—ослабленіе трудовой группы, часть которой откололась къ с.-д., автономистовъ, часть которыхъ примкнула къ к.-д. фракціи, и безпартійныхъ, частью вошедшихъ въ число мирнообновленцевъ и прогрессистовъ.

Болѣе наглядно численное соотношеніе и размѣщеніе парламентскихъ партій и группъ видно на прилагаемомъ планѣ зала засѣданій гос. думы и размѣщенія въ ней партіи.

3. Характеристика отдѣльныхъ парламентскихъ фракцій и группъ по статистическимъ признакамъ.

Партія народной свободы.—Трудовая группа.—Автономисты.—Партія демократическихъ реформъ.—Союзъ 17 октября, торгово-промышленная и умѣренно-прогрессивная.—Безпартійные.

Въ предыдущихъ главахъ рѣчь шла о государственной думѣ, какъ единомъ цѣломъ. Здѣсь мы перейдемъ къ характеристикѣ парламентскихъ фракцій и группъ по тѣмъ признакамъ, какіе давались о всей думѣ, т. е. по возрасту, образованію, вѣроисповѣданію и т. д., причемъ имѣется въ виду установить тѣ различія въ этихъ признакахъ, которыя отличаютъ группу отъ другой и отъ тѣхъ среднихъ чиселъ, которыя были даны о всемъ составѣ думы. Свѣдѣнія мы будемъ давать по партіямъ.

Партія народной свободы, или к.-д., по *возрастному составу* весьма близка къ тѣмъ среднимъ % отношеніямъ въ возрастахъ, которыя установлены для всей думы. Средній возрастъ членовъ равняется 41 г.

По степени *образованія* эта партія даетъ значительное превышеніе противъ данныхъ за всю думу въ высшемъ образованіи и относительно малый % для низшаго образованія: съ высшимъ образованіемъ 67%, тогда какъ въ среднемъ для всей думы этотъ % равенъ всего 42,1%; съ среднимъ образованіемъ 16,9%; съ низшимъ 10,4%, тогда какъ для всей думы этотъ %—24,7, съ домашнимъ (тоже низшимъ)—5,9%.

По *вѣроисповѣданіямъ* она близка къ тѣмъ среднимъ % отношеніямъ, которыя даны для всей думы. Въ ней относительно меньше католиковъ и болѣе православныхъ и магометанъ.

Племенной, или національный составъ этой партіи сообразно съ приведенными отличіями по вѣроисповѣданію также характеризуется относительно большимъ числомъ русскихъ и татаръ и меньшимъ поляковъ.

По *сословному* составу партія к.-д. характеризуется значительно превышающимъ среднюю норму % дворянъ и меньшимъ % крестьянъ: дворянъ 92 (60,1%), почетныхъ гражданъ 1 (0,6%), духовнаго званія 5 (3,2%), купеческаго 7 (4,5%), казаковъ 1 (0,6%), мѣщанъ 6 (3,9%), крестьянъ 36 (23,5%), безъ указанія сословія 5 (3,2).

По *профессіямъ*, или занятіямъ, на этой партіи отражается то разнообразіе ихъ, которое такъ характерно для всей думы и выше отмѣчено. Характерными чертами ея является относительно меньшее число земледѣльцевъ, рабочихъ, относительно большее число профессоровъ, врачей, редакторовъ. % землевладѣльцевъ одинаковъ съ общимъ для думы %.

Землевладѣльцевъ 22 (14,4%), промышленниковъ 1 (0,6%) торговцевъ 8 (15,2%), домовладѣльцевъ 1 (0,6%), земледѣльцевъ 9 (5,9%), рабочихъ 2 (1,3%), на службѣ частной 3 (1,9%), на обществ., город., земск. 30 (19,6%), на государственной 12 (7,8%), профессоровъ 9 (5,9%), приватъ-доцентовъ 4 (2,6%), учителей, инспекторовъ учил. 11 (7,1%), врачей 13 (8,5%), адвокатовъ 15 (9,8%), инженеровъ 2 (1,3%), редакторовъ 4 (2,6%), литераторовъ 3 (1,9%), священниковъ 4 (2,6%).

Изъ 10 профессоровъ государственной думы 9 принадлежатъ къ к.-д. партіи и къ ней при всѣ 4 приватъ-доцента. Если выдѣлить живущихъ съ доходовъ отъ недвижимаго имущества (землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ), отъ промышленности и торговли въ одну категорію, лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ (общ., городская, земская и госуд. служба, всѣ свободныя и техническія профессіи),—въ другую категорію и живущихъ мускульнымъ трудомъ (земледѣльцевъ, рабочихъ и частн. служащихъ, большинство коихъ мелкіе служащіе) —въ третью, получимъ слѣдующую крупную группировку всѣхъ профессій.

1) Рантье, или живущихъ съ дохода съ недвижимаго имущества, торговли и промышленности 20,8%; 2) людей умственнаго труда 70,1%; 3) людей мускульнаго труда 9,1%.

Такимъ образомъ, главную составную часть данной партіи въ парламентѣ составляютъ люди умственнаго труда, принадлежащіе къ разнымъ профессіямъ. Наибольшій % падаетъ на служащихъ по земству (предсѣдатели и члены земскихъ управъ главнымъ образомъ).

По *землевладѣнію* въ партію к.-д. входитъ ½ всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ думы, нѣсколько болѣе ½ землевладѣльцевъ

среднихъ и незначительное число мелкихъ. Относительное число разныхъ категорій землевладѣльцевъ внутри самой группы видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Имѣютъ отъ 5.000—10.000 дес.—3 (1,9%), отъ 2.000—5000 дес.—8 (5,2%), отъ 1.000—2.000 дес.—8 (5,2%), отъ 500—1.000 дес.—30 (19,6%), отъ 100—500 дес.—14 (9,1%), отъ 10—100 дес.—6,5%), менѣе 10 дес.—9 (5,8%), надѣлъ безъ указанія разм.—4 (2,6%), не имѣющихъ земли—67 (43,6%).

Землевладѣльцы данной партіи по преимуществу земскіе гласные, обладающіе земскимъ цензомъ, который какъ разъ падаетъ на землевладѣнія 100 — 1.000 дес. Максимальное землевладѣніе здѣсь опредѣляется 9.000 дес.

Не лишены интереса слѣдующія подробности о землевладѣніи членовъ этой партіи: изъ числа 67 членовъ, не имѣющихъ совсѣмъ земли, 26 крестьянъ, 20 разночинцевъ и 22 дворянина; изъ 86, имѣющихъ землю, насчитывается крестьянъ 10, мѣщанъ 5 и дворянъ 71.

Кромѣ землевладѣльцевъ, въ этой же партіи имѣется два члена, собственники цѣнныхъ домовъ въ крупныхъ городахъ.

Заработокъ отдѣльныхъ членовъ данной партіи колеблется отъ 360 руб. въ годъ до 9.000 р. Первый—у рабочаго, второй—у адвоката. Преобладающей цифрой является 200 руб. Свѣдѣнія эти отрывочны. Въ общемъ разнообразіе очень велико.

Трудовая группа въ отношеніи возрастного состава отличается отъ всѣхъ другихъ преобладаніемъ болѣе молодыхъ членовъ. Средній *возрастъ* для этой группы опредѣляется 35 годами. Если же выдѣлить собственно крестьянъ, то возрастъ интеллигенціи, входящей въ составъ этой группы, будетъ еще ближе къ 30 годамъ. Число лицъ, имѣющихъ менѣе 30 лѣтъ, въ этой группѣ равно 18, болѣе ½ всѣхъ членовъ такого возраста въ парламентѣ. Они составляютъ 16,8% общаго числа членовъ этой группы, тогда какъ для всего парламента % этотъ опредѣляется лишь 7, 3. Стариковъ (болѣе 60 л.) въ группѣ всего одинъ.

По степени *образованія* эта группа стоитъ неизмѣримо ниже к.-д. партіи: лица съ высшимъ образованіемъ здѣсь составляютъ всего 11,2%, тогда какъ общій для парламента % —42,1. Громадное преобладаніе на сторонѣ низшаго образованія и домашняго, причемъ послѣднее является еще болѣе низкой ступенью: лица съ такимъ образованіемъ—малограмотные по преимуществу, о чемъ можно судить по ихъ подлиннымъ отвѣтамъ. Здѣсь же на-

ходится 1 изъ двухъ имѣющихся въ думѣ неграмотныхъ членовъ. Распредѣленіе членовъ трудовой группы по степени образованія таково: съ высшимъ 12—11,2%, съ среднимъ 14—13,0%, съ низшимъ 52—48,6%, съ домашнимъ 28—26,1%, неграмотный 1—1,9%.

По *вѣроисповѣдному* составу трудовая группа характеризируется относительно большимъ числомъ православныхъ, меньшимъ числомъ католиковъ, наличностью старообрядцевъ, баптиста и полнымъ отсутствіемъ магометанъ.

Въ *племенномъ* отношеніи характерной особенностью трудовой группы является относительно большое число въ ней малороссовъ и наличностью разнообразныхъ малокультурныхъ народностей, каковы мордва, вотяки, чуваши. Все незначительное число представителей этихъ, въ значительной степени обрусѣвшихъ, народностей въ парламентѣ входитъ въ составъ трудовой группы.

Характерная особенность трудовой группы заключается въ ея сильно отличномъ и отъ к.-д. партіи. и отъ среднихъ чиселъ за всю думу—*сословномъ* составѣ. Въ ней ничтожный % лицъ дворянскаго происхожденія—2,8% и сильное преобладаніе крестьянъ—81, 3%. Число мѣщанъ относительно велико, включая около ½ всѣхъ мѣщанъ, входящихъ въ составъ думы. Данныя о сословномъ составѣ трудовой группы сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

Дворянскаго 3—2,8%, почетн. гражанъ 2—1,8%, духовнаго званія 1—0,9%, купеческаго 1—0,9%, казачьяго [1]) 4—3,7% мѣщанскаго 9—8,4%, крестьянскаго 87[2])—81,3%.

Какое количество изъ лицъ крестьянскаго происхожденія—настоящихъ крестьянъ-хлѣборобовъ, видно будетъ ниже изъ распредѣленія членовъ *по профессіямъ*, или занятіямъ. За немногими исключеніями и въ трудовой группѣ представлены почти всѣ профессіи, отмѣченныя для членовъ думы вообще. Исключеніе представляютъ инженеры, священники, редактора, приватъ доценты и служащіе на госуд. службѣ. Распредѣленіе по профессіямъ видно изъ слѣдующаго.

Землевладѣльцевъ 1 (0,9%), промышленниковъ 1 (0,9%), торговецъ 3 (2,8%), земледѣльцевъ 42 (23,9%), рабочихъ

---

[1]) Въ томъ числѣ 1 изъ войсковыхъ казаковъ и 3 изъ малороссійскихъ (прежнихъ).

[2]) Въ томъ числѣ 12 рабочихъ и 20 земскихъ служащихъ, учителей т. п.

19 (17,7%), на службѣ частной 3 (2,8%). На службѣ обществ. город., земской 12 (11,2%), профессоровъ (0,9%), учителей 10 (9,3%), врачей 3 (2,8%) адвокатовъ 8 (7,4%), литераторовъ 1 (0,9%), землемѣръ 1 (0,9%), чертежникъ 1 (0,9%), студентъ 1 (0,7%.)

Изъ рабочихъ—16 относятся къ категоріи фабрично-заводскихъ профессіональныхъ рабочихъ и 3 сельскохозяйств. рабочихъ. Служба частная—преимущественно конторщики и писаря. Служба общественная—преимущественно низшіе служащіе, съ небольшимъ заработкомъ, о размѣрахъ котораго общія свѣдѣнія будутъ приведены ниже. Учителя преимущественно начальныхъ училищъ—ставленники крестьянъ. Врачи—земскіе.

Такимъ образомъ, въ общемъ составъ группы по профессіямъ вполнѣ оправдываетъ ея названіе «трудовой», разумѣя трудъ умственный и физическій, взятые вмѣстѣ. Въ общемъ нѣсколько болѣе ½ группы принадлежало къ людямъ мускульнаго труда и нѣсколько менѣе ½ къ людямъ умственнаго труда. Послѣдніе, однако, играли главную роль въ виду своего умственнаго превосходства и большей подготовки къ общественной дѣятельности. Выдающіеся дѣятели группы принадлежали къ учителямъ изъ народа, къ литераторамъ и адвокатамъ.

По *землевладѣнію* трудовая группа рѣзко выдѣляется изъ другихъ по ничтожному числу среднихъ землевладѣльцевъ и по большему мелкихъ землевладѣльцевъ и безземельныхъ, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) имѣющихъ отъ 100 до 500 дес. 2 (1,8%), 2) отъ 10 до 100 дес. 19 (17,7%), 3) менѣе 10 дес.—23 (21,5%), 4) надѣлъ безъ указанія размѣра 13 (12,1%), 5) не имѣющихъ земли 50 (46,7%).

Первая категорія относится къ землевладѣльцамъ въ предѣлахъ земскаго ценза (у одного 430 дес., у другого 180 дес.). Въ числѣ 19 второй категоріи у двухъ имѣются участки по 60 дес. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ число мелкихъ землевладѣльцевъ здѣсь входятъ и крестьяне съ надѣльной землей, которая ими обычно не различается отъ земли частной собственности. На правахъ частной собственности, если судить только по категорическимъ заявленіямъ о таковой, владѣютъ 9 человѣкъ изъ двухъ группъ 2-й и 3-й. Имѣющіе надѣльныя земли группируются по размѣру надѣла такъ: ихъ всего 42 человѣка (изъ 2-й, 3-й, и 4-й группы, имѣютъ менѣе 1 дес.—7 чел., отъ 1 до 2 дес.—7 чел., отъ 4 до 6 дес.—9 чел., отъ 6 до 10 дес.—4 чел., болѣе 10 дес.—2 чел. безъ указанія размѣра 13 чел. Максимальный надѣлъ обозначенъ въ 23 дес. Изъ отмѣтокъ

о размѣрѣ годового *заработка* не лишено интереса привести, что таковой у трудовиковъ колеблется отъ 60 руб. (сельскій рабочій) до 4.000 руб. (адвокатъ). Средній заработокъ живущихъ умственнымъ трудомъ ниже 1.000 руб. Преобладаютъ числа 500—700 руб.

Автономисты. Говоря объ этой парламентской группѣ, необходимо прежде всего оговориться, что общее число ея членовъ не 63, а около 120 чел. и что 63 чел. это автономисты, не принадлежащіе къ другимъ политическимъ партіямъ; что главную составную часть ихъ составляетъ сплоченная группа «Польское коло», или польскій кружекъ, состоявшій изъ 31 члена, и затѣмъ депутаты юго-западныхъ и сѣв.-зап. губерній также по преимуществу поляки по происхожденію.

По *возрастному* составу они не представляютъ какихъ-либо характерныхъ отличій отъ среднихъ % отношеній для всей палаты

По *образовательному* цензу члены этой группы стоятъ почти на той же высотѣ, какъ и члены к.-д. партіи.

Съ высшимъ образованіемъ 41 (65 %), среднимъ 10 (15,8%), низшимъ 8 (12,7%), домашнимъ 4 (6,3%).

По *вѣроисповѣдному* составу преобладающими элементами являются католики.

И *племенной* составъ соотвѣтственно выражается преобладаніемъ поляковъ.

Сословный составъ близокъ къ таковому же партіи народной свободы. Характернымъ отличіемъ является относительно большой % лицъ духовнаго званія: дворянъ 34[1]) (54,0%), поч. гражданъ 1 (1,5%), духовнаго 5 (7,9%), казачьяго 2[2]) (3,1%), мѣщанъ 4 (6,3%), крестьянъ 12 (19,0%), безъ указанія сосл. 5 (8%).

Весьма характерной является группировка автономистовъ по *профессіямъ*, или занятіямъ. Здѣсь бросается въ глаза очень высокій % землевладѣльцевъ (въ 2½ раза большій средняго % для палаты), меньшій % земледѣльцевъ и рабочихъ, высокій % адвокатовъ и священниковъ. Замѣтимъ, что частнослужащіе здѣсь не мелкіе, а преимущественно крупные администраторы имѣній (управляющіе): землевладѣльцевъ 22 (34,8%), земледѣльцевъ 12 (19,0%).

---

[1]) Въ томъ числѣ 2 князя, 3 графа и 1 баронъ.

[2]) Малороссійскіе казаки.

рабочихъ 1 (1,5%), на службѣ частной 3 (4,7%), на службѣ обществъ, 1 (1,5%), учитель 1 (1,5%), врачей 3 (4,7%), адвокатовъ 10[1]) (15,8%), инженеръ 1 (1,5%), редакторъ 1 (1,6%), литераторъ 1 (1,5%), священниковъ 7[2]) (11,1%).

Цифра 22 для землевладѣльцевъ, однако, не включаетъ всѣхъ землевладѣльцевъ этой группы; число ихъ гораздо болѣе, какъ это видно изъ таблицы распредѣленія ихъ по *землевладѣнію*. 22 это члены, живущіе главнымъ образомъ землевладѣніемъ; но, кромѣ нихъ, имѣется еще 21 землевладѣлецъ, относящійся къ крупнымъ и среднимъ по принятой нами классификаціи. Вотъ подробное распредѣленіе членовъ этой группы по *землевладѣнію*:

Имѣющихъ болѣе 100.000 дес. 1 (1,5%), болѣе 10.000 дес.—1 (1,5%), отъ 5.000—10.000 дес.—1 (1,5%), 2.000—5.000 дес.—2 (3,1%), 1.000—2.000 дес.—5 (7,9%), 500—1.000 дес.—3 (4,7%) отъ 100—500 дес.—6 (9,5%), отъ 10—100 дес.—10 (15,8%), менѣе 10 дес.—10 (15,8%), частное владѣніе безъ указанія размѣра 7[3]) (11,1%), не имѣющихъ земли 17 (27,4 %).

Такимъ образомъ, въ этой группѣ сосредоточены наиболѣе крупные помѣщики изъ всей палаты; мы имѣемъ здѣсь нѣсколько владѣльцевъ несомнѣнныхъ латифундій юго-западнаго края и значительное количество крупныхъ землевладѣльцевъ вообще. Максимумъ землевладѣнія здѣсь выражается въ 160.000 десятинъ. Характерной особенностью является отсутствіе надѣльныхъ общинныхъ земель. Здѣсь среди землевладѣльцевъ мы имѣемъ владѣльцевъ свеклосахарныхъ заводовъ, паровыхъ мельницъ и т. п.

Характерны и заработки членовъ этой группы: они колеблются отъ 100 р. (сельскій рабочій) до 12.000 руб. (горный инженеръ). Средній, изъ 16 данныхъ показаній, заработокъ опредѣляется въ 3.000 руб. Одинъ, отмѣтившій себя «пролетаріемъ», зарабатываетъ въ годъ 3.000 руб. Такова разница въ масштабѣ въ центральной Россіи и на границѣ съ Зап. Европой, гдѣ такіе пролетаріи далеко не рѣдкость.

Партія демократическихъ реформъ. Имѣя въ своемъ составѣ всего 4 человѣка (ко времени подачи отвѣтовъ), группа эта слишкомъ мала и слишкомъ близка къ к.-д. партіи, чтобы давать о ней подробныя сравнительныя свѣдѣнія. Ограничимся наиболѣе характерными отличительными ея чертами. Выдѣляется она изъ всѣхъ

[1]) Во всей палатѣ ихъ 19.

[2]) Во всей палатѣ ихъ 14.

[3]) Въ томъ числѣ 6 „крупныхъ“, 1 „средній“.

другихъ наивысшимъ % лицъ съ высшимъ образованіемъ (75%), исключительной принадлежностью къ дворянскому сословію, православному исповѣданію и къ среднему классу землевладѣльцевъ.

Союзъ 17 октября. Принадлежность къ союзу 17 окт. заявило въ отвѣтахъ 13 членовъ государственной думы. Группа эта характерна во многомъ, почему, несмотря на ея малочисленность, мы отводимъ ей въ нашемъ очеркѣ необходимое мѣсто.

По *возрасту* мы здѣсь видимъ несомнѣнно большую, сравнительно съ другими группами, зрѣлость, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ: имѣютъ болѣе 60 лѣтъ 1 (7,7%), отъ 50—60 лѣтъ 4 (30,7%), отъ 40—50 лѣтъ 6 (46,1%), отъ 30—40 лѣтъ 2 (15,4%).

Первыя двѣ группы имѣютъ представителей въ два раза больше, чѣмъ во всей палатѣ. Болѣе молодой возрастъ представленъ соотвѣтственно меньше, а депутатамъ моложе 30 лѣтъ среди этого «почтеннаго» союза совсѣмъ не оказалось мѣста.

По *образованію* эта группа приближается къ к.-д. партіи.

Въ отношеніи *вѣроисповѣданія* здѣсь мы видимъ исключительное господство православія.

По *національности*—всѣ великороссы.

По *сословію* эта группа рисуется въ такомъ видѣ: дворянъ 9[1]) (69,2%), поч. гражданъ 1 (7,7%), духовнаго званія 1 (7,7%), казаковъ 1 (7, 7%), крестьянъ 1 (7,7%).

По *профессіямъ* среди октябристовъ преобладаютъ землевладѣльцы и торговцы (вмѣстѣ взятые болѣе 1/2 всей группы) и служащіе по общественному и земскому самоуправленію.

Землевладѣльцевъ 6 (46,1%), торговцевъ 1 (7,7%), на службѣ частной 1 (7,7%), на службѣ общественной и земской 3 (21,8%), на государственной 1 (7,7%), священникъ 1 (7,7%).

По *землевладѣнію* преобладаютъ помѣщики средней руки. Распредѣленіе ихъ таково: имѣющихъ 1000—2000 дес. 1 (7,7%). 500—1000 дес. 3 (21,8%) 100—500 дес. 2 (15,4%), 10—100 дес. 1 (7,7%), не указано размѣра 2[2]) (15,4%), не имѣющихъ земли 4 (30,7%).

Было уже упомянуто, что впослѣдствіи октябристы въ государственной думѣ образовали новую партію «мирнаго обновленія». Въ нее вошли, кромѣ октябристовъ, часть изъ безпартійныхъ.

Партіи *умѣренно-прогрессивная* и *торгово-промышленная*, имѣющія въ палатѣ—первая 2 представителей, вторая—1, не за-

[1]) Въ томъ числѣ 1 графъ, 2 князя.

[2]) Оба крупныхъ землевладѣльца.

служиваютъ особаго изслѣдованія. Впослѣдствіи онѣ слились въ одну общую крайнюю правую «прогрессистовъ», насчитывавшую въ думѣ 10—12 человѣкъ.

Остается анализировать довольно значительную ко времени собранія свѣдѣній группу *безпартійныхъ*.

По *возрастному* составу члены этой группы отличаются большимъ относительно числомъ пожилыхъ людей (75 чел. отъ 40—50 л.) и малымъ числомъ молодыхъ.

По *образованію* въ группѣ преобладаетъ низшее образованіе (школьное и домашнее).

Съ высшимъ образованіемъ 22 (20,9), съ среднимъ 9 (8,9), съ низшимъ 32 (30,5), съ домашнимъ 41 (39,0), неграмотный 1 (0,9).

По *вѣроисповѣданію* преобладаютъ православные:

По *національности* эта группа отличается преобладаніемъ великоруссовъ (75,2%) и нахожденіемъ въ ней значительнаго количества бѣлоруссовъ (6 чел. изъ 12, вошедшихъ въ госуд. думу).

По *сословному* составу бросается въ глаза значительное число крестьянъ: дворянъ 21[1]) (20,0%), почетныхъ гражданъ 4 (3,8%), духовнаго званія 1 (0,9%), купеческаго 3 (2,8%), казаковъ 5 (4,7%), мѣщанъ 1 (0,9%), крестьянъ 66 (62,8%), безъ указанія сословія 4 (3,8%).

Отмѣтимъ, что казаки могутъ быть одновременно и дворянами, такъ что число казаковъ по рожденію въ этой группѣ болѣе. Ихъ всего здѣсь 8, т. е. болѣе ½ всѣхъ «войсковыхъ» казаковъ (ихъ къ 1 іюня было 14 чел., не считая малороссійскихъ «бывшихъ» казаковъ).

По *профессіямъ* среди безпартійныхъ наибольшій, по сравненію съ другими партіями, % составляютъ земледѣльцы и торговцы. Около ½ всѣхъ торговцевъ, вошедшихъ въ думу, принадлежитъ къ этой группѣ: землевладѣльцевъ 13 (12,3%), торговцевъ 11 (10,4%), земледѣльцевъ 48 (45,7 %), рабочихъ 3 (2,8%), служба частная 4 (3,8%) общественная 14 (13,3%), государственная 1 (0,9%), учитель 1 (0,9%), адвокатовъ 5 (4,7%), инженера 2 (1,9%), литератора 2 (1, 9%), священникъ 1 (0,9%).

По *землевладѣнію* группа характеризуется преобладаніемъ мелкой земельной собственности и наличностью надѣльной земли; % безземельныхъ въ ней меньше, чѣмъ въ другихъ группахъ. Но, съ другой стороны, среди членовъ этой группы есть довольно значи-

---

[1]) Въ томъ числѣ 1 князь.

тельное число крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Распредѣленіе ихъ таково: имѣющихъ отъ 5.000—10.000 3 (2, 8%), отъ 2.000—5000 7 (6,6%), отъ 1.000—2.000 2 (1,9%), 500—1.000 5 (4,7%), 100—500 3 (2,8%), отъ 10—100 18[1]) (17,7%), менѣе 10 дес. 38[2]) (36,1%), частное владѣніе безъ указанія числа дес. 1 (0,9%), надѣлъ безъ указанія размѣра 6 (5,7%), не имѣющихъ земли 22 (21,4%).

Такимъ образомъ, здѣсь преобладаютъ крестьяне и поселяне (мелкіе земельные собственники, съ размѣромъ участковъ до 25 дес.).

Относительно *заработка* въ этой группѣ имѣются характерныя отмѣтки: изъ числа 20, давшихъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, опредѣлили свой заработокъ: менѣе 100 руб. 3, отъ 100—300 5, отъ 300—500 6, отъ 500—1.000 2, 1.000—2.000 2, болѣе 5.000 2.

Наименьшій заработокъ опредѣляется въ 36 руб. въ годъ (сельскій рабочій), наивысшій—въ 7.000 р. (горный инженеръ).

Таковы пестрота и разнообразіе этой группы, являющейся поставщикомъ новыхъ членовъ для той или иной организованной партіи. Мѣсяцъ спустя (къ 20 іюня) прежніе безпартійные отчасти распредѣлились по партіямъ. Часть присоединилась къ «прогрессистамъ», часть къ «партіи мирнаго обновленія» и часть къ к.-д. партіи. Но, съ другой стороны, за это время подъѣхали новые члены, увеличившіе снова число членовъ этой группы.

Заключеніе.

Въ анкету о членахъ госуд. думы былъ введенъ вопросъ: «какими избирателями избранъ»; отвѣты на него были даны далеко не однообразные, почему полной разработки этихъ свѣдѣній мы и не дѣлали. Но это не исключаетъ необходимости дать нѣкоторыя извлеченія изъ полученныхъ на этотъ вопросъ отвѣтовъ, расположивъ ихъ по партіямъ.

Избраны:	К.-д.	Труд.	Авт.	Демокр. реформъ.	17 октября.	Ум. пр. и т.-пр.	Безпартійные.	Всего.
1) Землевладѣльцами. . . .	29	5	20	—	6	—	14	74
2) Землевлад. и крестьн. . .	5	—	4	2	1	—	3	15

[1]) Въ томъ числѣ 11 съ надѣльной землей. Максимумъ надѣла 25 дес. Изъ общаго числа 17 отъ 10 до 25 и 1—60 дес.

[2]) Въ томъ числѣ 21 съ надѣльной землей.

3) Общ. губ. избир. собр. .	9	9	16	2	1	2	13	52
4) Крестьянами	24	68	15	—	1	—	59	167
5) Городскими избир. . . .	83	12	6	—	3	1	10	115
6) Рабочими	2	13	1	—	—	—	1	17
7) Казаками	1	—	1	—	1	—	4	7
8) Калмыками	—	—	—	—	—	—	1	1
Всего . . .	153	107	63	4	13	3	105	448

Очевидно, что 2-я и 3-категоріи избирателей интерферируютъ между собой и не являются каждая сама по себѣ типичной, причемъ члены, избранные и землевладѣльцами, и крестьянами, впослѣдствіи прошли черезъ общія губернскія избирательныя собранія. Отсутствіе однообразія отмѣтокъ о первоначальномъ избраніи лишаетъ эти свѣдѣнія должной точности. Но какъ бы то ни было, изъ приведенной сводки явствуетъ, что наибольшее число членовъ думы избрано крестьянами, за ними слѣдуютъ избранные горожанами, за ними избранные землевладѣльцами (мелкими и крупными безъ различія). Рабочими избраны—17 депутатовъ, казаками—7 и инородцами—1.

Распредѣленіе избраній по партіямъ также не лишено значенія и интереса: депутаты к.-д. партіи избраны главнымъ образомъ городскими избирателями (болѣе $^1/_2$ общаго числа ихъ), трудовики—главнымъ образомъ крестьянами ($^3/_5$ общаго числа), октябристы всего болѣе землевладѣльцами (почти $^1/_2$) и безпартійные преимущественно крестьянами (нѣсколько болѣе $^1/_2$ общаго числа).

Наконецъ, въ видѣ примѣчанія на вопросномъ бланкѣ нѣкоторые депутаты отмѣчали о репрессіяхъ, которымъ они подвергались. Но свѣдѣнія эти крайне неполны и статистическому изученію совершенно не поддаются. Такія отмѣтки сдѣланы всего 12 депутатами, тогда какъ, можно навѣрное сказать на основаніи опубликованныхъ біографій членовъ I-ой госуд. думы, репрессіямъ подвергалось гораздо большее число депутатовъ.

Однако, репрессіи, примѣненныя къ депутатамъ до ихъ избранія въ думу, дѣло прошлое и они теперь мало кого занимаютъ. Но вотъ репрессіи, которыя администрація чинила и продолжаетъ чинить бывшимъ депутатамъ 1-ой гос. думы послѣ ея роспуска, даютъ себя гораздо болѣе чувствовать, о нихъ неизбѣжно приходится сказать нѣсколько словъ и привести нѣкоторыя сюда относящіяся статистическія свѣдѣнія.

Изъ сообщеній газетъ мы узнаемъ, что изъ числа депутатовъ первой государственной думы 1—умеръ, 1—сошелъ съ ума, 1—убитъ

2—подверглись истязанію, 10—скрываются, 5—высланы, 33—подвергнуты обыску, 24—заключены въ тюрьму: итого подверглись репрессіямъ 74 депутата; кромѣ того, 182—привлечены къ суду съ устраненіемъ отъ государственной службы и службы по выборамъ и съ временнымъ лишеніемъ политическихъ правъ. Всего же пострадало изъ депутатовъ г. д. перваго призыва — 259 чел., или 54, 2% общаго ихъ числа.

Нельзя утверждать, чтобы приведенныя цифры были точны, провѣрить ихъ не прдставляется возможности; но одно можно сказать, что свѣдѣнія о репрессіяхъ могутъ страдать лишь неполнотой, а не преувеличеніемъ и что въ дѣйствительности число пострадавшихъ депутатовъ первой гос. думы, оказавшейся неугодной правительству, должно быть болѣе значительно.

Заканчивая нашъ очеркъ этой скорбной статистикой, мы выражаемъ увѣренность, что депутаты гос. думы второго призыва учтутъ репрессіи, обращенныя на головы депутатовъ первой гос. думы, при оцѣнкѣ общаго политическаго положенія въ странѣ, и отдадутъ должное депутатамъ перваго призыва.

Н. Бородинъ.

Политическая роль первой государственной думы.

Первая государственная дума, созванная 27 апрѣля и распущенная съ 8 на 9 іюля, просуществовавъ 72 дня, отошла въ область исторіи.

Тѣмъ не менѣе, историческая оцѣнка ея значенія и роли, сыгранной ею въ судьбахъ нашей страны, еще не наступила. Трудно ожидать спокойной и объективной критики такъ или иначе принимающихъ участіе въ незакончившейся еще борьбѣ, въ которой кратковременная жизнь первой думы была только однимъ изъ факторовъ, однимъ изъ этаповъ глубокаго историческаго движенія громадной страны. Правда, этотъ факторъ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ, но все же не единственнымъ, такъ какъ, помимо думы, дѣйствовали и другіе факторы, шли и другія теченія, глубокія и сильныя, возникшія задолго до созыва думы и только отчасти вливавшіяся въ русло, по которому шла дума, и мѣшавшія правильности ея работы. Опредѣлить соотношеніе всѣхъ этихъ теченій, оцѣнить ихъ силу и значеніе наряду съ силой и значеніемъ первой думы, показать предѣлы дѣйствій этихъ сложныхъ вліяній, станетъ возможнымъ лишь тогда, когда трагедія русской революціи будетъ сыграна до конца, когда ея борьба, ея ужасы, убійства, потоки крови и страданія останутся лишь историческими памятниками и перестанутъ быть живой дѣйствительностью. Въ настоящій же моментъ едва ли даже возможно съ желательной точностью установить причинную связь явленій, еще далеко не закончившихся, и слѣдствій, еще не наступившихъ и потому болѣе или менѣе проблематическихъ.

Государственная дума во время своего существованія неизбѣжно должна была сдѣлаться средоточіемъ надеждъ, желаній и упованій для однихъ и ненависти, опасеній и мести для другихъ. Смерть думы не измѣнила этихъ чувствъ, такъ какъ произошла лишь смѣна людей, а сама дума, желанная и ненавистная, снова явится, чтобы дать жизнь но-

вому строю и схоронить старый, съ которымъ связано столько кровныхъ интересовъ.

Первая дума появилась въ самый острый моментъ исторической жизни Россіи, послѣ небывалаго разгрома ея военныхъ силъ, послѣ полнаго паденія престижа власти, послѣ раскрытія всѣхъ язвъ ея внутренняго управленія, послѣ того какъ народъ увидѣлъ себя приведеннымъ на край пропасти, опозореннымъ, разореннымъ и брошеннымъ на произволъ хищниковъ, пекущихся не о народномъ благѣ, а о своихъ собственныхъ интересахъ. Только коллективный разумъ всего народа, только коллективная его воля представлялась достаточнымъ средствомъ, чтобы спасти страну отъ угрожающихъ ей новыхъ бѣдствій; только государственная дума, какъ выраженіе этого коллективнаго разума и воли, могла выполнить эту гигантскую задачу. И первая государственная дума инстинктивно чувствовала біеніе народнаго пульса, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, настроеніе народной массы: и ея негодованіе, и ея готовность на всевозможныя жертвы для обновленія родины.

Первые депутаты думы, выйдя изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, представляли все разнообразіе русской культуры, степени образованности, политическаго воспитанія, политическихъ и соціальныхъ воззрѣній, но всѣ депутаты были проникнуты однимъ чувствомъ и однимъ желаніемъ—отдать всѣ свои силы интересамъ народа, обезпечить ему гражданскую и политическую свободу и создать условія его матеріальнаго благосостоянія.

Первой думѣ не удалось этого достигнуть, потому что она просуществовала только 72 дня, и ея работа была насильственно оборвана властью, еще не утратившею надежды вернуть къ жизни умирающій режимъ, но краеугольные камни ею заложены и дальнѣйшій путь ею намѣченъ; ихъ уже не уничтожить въ сознаніи народа никакими репрессіями, никакими писаніями продажныхъ перьевъ.

Едва ли исторія знаетъ другой примѣръ народнаго представительства, которому приходилось бы работать въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ работалъ первый русскій парламентъ. Его регламентъ, созданный безъ участія думы и съ очевидной тенденціей подчинить ея работу видамъ бюрократіи, ставилъ эту работу въ полную зависимость отъ министерства вообще и каждаго министра въ частности. Законодательный починъ думы требовалъ согласія министра, который могъ не давать даже отвѣта въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Этимъ правомъ министры пользовались неукоснительно, и тормазъ дѣйствовалъ непрерывно и безошибочно. Открывъ сессію думы,

министерство не сообщило ей ни своей программы, ни плана необходимыхъ реформъ, ни законопроектовъ, хотя оно было образовано наканунѣ созыва думы и его программа оставалась никому неизвѣстной, а хаотическое состояніе страны, финансовое положеніе и надвигавшійся голодъ требовали рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ.

Зависѣло ли это отъ неподготовленности министерства, или непониманія необходимости вступить въ контактъ съ думою, или это былъ умышленный и открытый протестъ противъ новаго фактора законодательной власти, такъ неожиданно ворвавшагося въ спокойную работу государственныхъ сановниковъ, привыкшихъ рѣшать дѣла келейно въ своей замкнутой средѣ,—вопросъ, который мы оставляемъ открытымъ, но,—какъ бы то ни было, дума была предоставлена самой себѣ и должна была вести свою работу не вмѣстѣ съ министерствомъ, а вопреки ему.

Немногочисленный, но до сихъ поръ наиболѣе вліятельный классъ, для котораго народное представительство являлось угрозой его богатству, положенію и власти, классъ, къ которому принадлежали и министры, не могъ скрыть своей оппозиціи новому порядку и употребилъ все свое могущество, чтобы дискредитировать думу, завести ее въ тупикъ и сдѣлать ея работу безплодной. По необходимости думская работа сосредоточилась главнымъ образомъ въ комиссіяхъ и здѣсь достигла необыкновенной интенсивности. Труды комиссій оставались мало извѣстными публикѣ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ значеніе будетъ оцѣнено второй думой, которая найдетъ въ нихъ немало полезнаго матеріала.

Бойкотъ думы министерствомъ сказалъ, конечно, большое вліяніе на ходъ занятій въ думѣ, и его не слѣдуетъ упускать изъ вида при оцѣнкѣ ея «работоспособности», въ чемъ ей такъ высокомѣрно отказываютъ тѣ самые министры, которые пришли въ думу съ пустыми руками.

«Неработоспособность» первой думы стала въ настоящее время излюбленнымъ аргументомъ въ устахъ всѣхъ, кто борется за старый порядокъ противъ народнаго представительства. Чистокровный бюрократъ стараго режима, продажный журналистъ, провалившійся на выборахъ вожакъ провалившейся партіи, ученый профессоръ, отдавшій свое перо на службу реакціи, изступленный аграрій, перепуганный принудительнымъ отчужденіемъ, г. Ермоловъ, такъ много поработавшій въ качествѣ министра земледѣлія, и даже «центръ» нашей палаты пэровъ—государственнаго совѣта—всѣ эти безкорыст-

ные труженики родины наперерывъ и авторитетно обвиняютъ первую думу въ «неработоспособности», и никто изъ нихъ не подумалъ обвинить министровъ, у которыхъ весь планъ реформъ выразился въ пресловутомъ законопроектѣ о постройкѣ прачешной въ юрьевскомъ университетѣ. Настоящая книга служитъ лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ подобныхъ обвиненій.

Но безпристрастный изслѣдователь работы думы не пройдетъ мимо и другихъ условій, оказавшихъ вліяніе на ходъ и нѣкоторыя особенности дѣятельности думы. Онъ остановитъ свое вниманіе на томъ процессѣ внутренняго тренія, которое было неизбѣжнымъ въ такой сложной средѣ, какъ личный составъ государственной думы, представляющій не только различіе интересовъ политическихъ и соціальныхъ, но и интересовъ и особенностей національныхъ, религіозныхъ и бытовыхъ.

За исключеніемъ партіи «народной свободы» (конституціонно демократической), явившейся въ думу вполнѣ сложившимся организмомъ, и партіи польскаго «коло», всѣ остальныя группы слагались и формировались въ самой думѣ, и весь этотъ процессъ разслоенія и ассимиляціи требовалъ много силъ и времени, такъ какъ парламентскій строй только зарождался и ко времени роспуска думы процессъ разслоенія еще не закончился. Точно также и парламентская борьба требовала опыта и приспособленія, которыхъ раньше не было по условіямъ нашей общественной жизни. Сверхъ того, внутреннее треніе думской работы усложнялось еще тѣмъ, что въ составѣ думы, отражавшей всѣ теченія общественной мысли, была группа, отвергавшая всякую парламентскую борьбу, всѣ ея способы, всякую законодательную работу и видѣвшая въ парламентской трибунѣ лишь могущественное орудіе пропаганды и организаціи революціонныхъ силъ въ видахъ полнаго соціальнаго переворота. Для этой группы дума представлялась «организаціоннымъ центромъ революціи», а отнюдь не верховнымъ государственнымъ законодательнымъ органомъ. Постепенно эта группа теряла своихъ членовъ, и къ концу думской сессіи она сократилась на цѣлую треть, такъ какъ 40 членовъ ея, крестьянъ, образовали новую группу—крестьянскую. Это послѣднее обстоятельство могло имѣть огромное значеніе въ дальнѣйшей работѣ думы, но оно не могло быть замѣчено министрами, которые не знали думы, не наблюдали ее и явно избѣгали всякаго съ нею сношенія. Да это было имъ и не нужно, такъ какъ участь первой думы была рѣшена въ самомъ

началѣ ея существованія, и подыскивался лишь благовидный предлогъ для ея роспуска.

Кромѣ обвиненія въ неработоспособности, первая дума обвиняется еще во многихъ прегрѣшеніяхъ: въ борьбѣ за власть, въ покушеніи на прерогативы верховной власти и на основные законы, въ разслѣдованіи дѣйствій закономъ установленныхъ властей, въ возбужденіи среди крестьянъ преступныхъ надеждъ и т. д. Даже въ офиціальномъ актѣ, которымъ была распущена дума, нашли мѣсто такія обвиненія. Степень достовѣрности и основательности этихъ обвиненій будетъ разсмотрѣна ниже, теперь же мы можемъ лишь отмѣтить, что дума, какъ цѣлое, во всей своей дѣятельности руководствовалась двумя основаніями: интересами народа и своимъ конституціоннымъ правомъ. Первое народное представительство ни на одну минуту не забывало своей великой отвѣтственности передъ страной, вручившей ему свои судьбы, знало ея нужды и не могло согласиться, не измѣняя народу, стать орудіемъ его горшаго порабощенія. Декоративная конституція съ декоративной думой была для этого прекраснымъ средствомъ въ рукахъ всевластной бюрократіи, но интересы Россіи, интересы народа требовали измѣненія не внѣшняго государственнаго порядка, а дѣйствительнаго преобразованія государственнаго строя на началахъ, торжественно провозглашенныхъ манифестомъ 17 октября.

Раньше мы сказали, что для всесторонней оцѣнки дѣятельности первой думы, ея роли и значенія въ развитіи политическаго самосознанія народа въ Россіи и ея конституціоннаго строя, время еще не наступило. Эта мысль однако нисколько не препятствуетъ появленію и въ настоящее время попытокъ освѣщать и оцѣнивать тѣ или другія стороны дѣятельности перваго русскаго парламента. Съ своей стороны, и мы дѣлаемъ эту попытку не только въ качествѣ свидѣтелей, но и въ качествѣ участниковъ въ трудахъ первой думы. Въ настоящій моментъ борьба стараго строя съ новымъ, умирающаго порядка съ нарождающимся, приняла такую ожесточенную форму, ложь, клевета и инсинуаціи стали такимъ обычнымъ средствомъ, дѣятельность думы и ея членовъ обливаются ея небезкорыстными судьями такими потоками грязи, что каждое показаніе не только наблюдателя, но и обвиняемаго можетъ быть небезполезно для будущаго.

I.

Съ какой бы точки зрѣнія ни оцѣнивали манифестъ 17 октября, нельзя не признать, что это пока единственная хартія свободы, ставшая неотъемлемымъ достояніемъ народа. Впервые этимъ актомъ самодержавная власть отказалась отъ своей неограниченности, признала за народомъ право на участіе въ законодательной власти и провозгласила основы гражданской свободы. Съ этого момента Россія вступила на конституціонный путь, и никакія препятствія, которыя она встрѣтитъ на этомъ пути, не помѣшаютъ ей осуществить конституціонный строй во всей его полнотѣ. Отнынѣ государственная дума является могущественнѣйшимъ факторомъ развитія народоправства. Грубыя попытки открытыхъ сторонниковъ абсолютизма и болѣе тонкія и скрытыя махинаціи тайныхъ противниковъ конституціоннаго строя съ цѣлью сдѣлать народное представительство несостоятельнымъ или призрачнымъ, конечно, останутся безплодными. Крушеніе же первой государственной думы представляется лишь эпизодомъ въ длящейся еще борьбѣ абсолютизма съ народоправствомъ. Исторія первой думы есть страница исторіи этой борьбы, конецъ которой предвидится еще не скоро.

Но исторія первой думы не можетъ быть заключена въ рамки тѣхъ 72 дней, въ теченіе которыхъ она существовала. Элементы, опредѣлившіе ея роль, характеръ и способы ея дѣятельности сложились раньше и зародились вмѣстѣ съ зарожденіемъ манифеста 17 октября. Поэтому, чтобы сколько-нибудь понять все то, что совершалось въ думѣ, что приковывало къ ней всеобщее вниманіе, что вызвало къ ней такія симпатіи народа и такую ненависть къ бюрократіи и правящимъ классамъ, что возбуждало столько надеждъ и разочарованій, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, обусловливавшихъ созывъ первой государственной думы.

Манифестъ 17 октября, въ которомъ государь отказался отъ своихъ неограниченныхъ правъ и призналъ за народомъ законодательныя права, появился въ самый интенсивный моментъ освободительной борьбы, принявшей форму всеобщей политической забастовки. Этотъ важнѣйшій актъ нашего времени появился не до забастовки, не послѣ ея окончанія, а въ моментъ ея высшаго напряженія. Всѣ мотивы появленія этого акта свидѣтельствуютъ, что онъ изданъ для «прекращенія неслыханной смуты», угрожающей

«цѣлости и единству державы», смуты, достигшей во всемъ государствѣ до такихъ размѣровъ, что для умиротворенія страны оказалось необходимымъ предоставить населенію «незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ», расширенія избирательнаго права и установленія «незыблемаго правила, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей». Естественно, что народъ увидѣлъ въ этомъ актѣ завоеваніе, купленное цѣною крови и всяческихъ жертвъ, уступку въ борьбѣ, сдѣланную верховной властью не добровольно, а по необходимости, въ видахъ сохраненія «цѣлости и единства державы». Контекстъ манифеста неоспоримо подтверждаетъ, что само правительство признавало въ тотъ моментъ неизбѣжность уступки, необходимость пожертвовать частью груза, чтобы спасти государственный корабль отъ крушенія. И дѣйствительно: крушеніе военнаго могущества въ войнѣ съ Японіей логически и немедленно привело къ крушенію абсолютизма внутри государства. Какъ Портсмутскій договоръ былъ капитуляціей военнаго могущества, такъ манифестъ 17 октября сталъ капитуляціей самодержавія, ибо послѣднее держалось только на призракѣ физической силы и не имѣло уже подъ собою никакой дѣйствительной опоры ни въ сознаніи и чувствахъ народа, ни въ его реальныхъ интересахъ.

Сознаніе побѣды народа надъ правительствомъ въ борьбѣ за право создало то психологическое настроеніе, которое оказало огромное вліяніе на выборную кампанію и создало особыя условія для дѣятельности думы наряду съ условіями, созданными бюрократіей, не пожелавшей добровольно итти по стопамъ манифеста и занять подобающее ей отнынѣ болѣе скромное мѣсто. Иначе и быть не могло, ибо актъ 17 октября ограничивалъ не только власть монарха, но еще болѣе ограничивалъ власть той верховной бюрократіи, которая самымъ дѣйствительнымъ образомъ ограничивала волю государя и, съ отмѣною неограниченности царской власти, утрачивала свою собственную неограниченную власть надъ жизнью и достояніемъ всѣхъ «обывателей» Россіи, фактически лишенныхъ всякихъ правъ и состоящихъ въ полномъ распоряженіи арміи чиновничества.

Хотя «благо россійскаго государя неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная—его печаль» [1]), но двуединое благо

---

[1]) Манифестъ 17 октября,

государства въ данномъ случаѣ далеко не совпадало съ интересами правящей бюрократіи, и это обнаружилось очень скоро. По мѣрѣ того, какъ правительство оправлялось отъ полученнаго удара и все болѣе убѣждалось, что располагаетъ силами для продолженія борьбы, оно переходитъ къ цѣлому ряду мѣръ, при помощи которыхъ торжественныя обѣщанія 17 октября сводятся если не къ нулю, то, во всякомъ случаѣ, къ минимальному ихъ значенію, къ сохраненію внѣшности, лишенной всякаго содержанія. Для этого было необходимо сдѣлать изъ думы, вмѣсто органа народоправства, покорное орудіе бюрократіи и, не отмѣняя обѣщанныхъ свободъ, сдѣлать ихъ фактически не существующими.

Конституціонная хартія 17 октября, сохраняя лишь временно главнѣйшія основы избирательнаго закона 6-го августа, распространяла его на классы населенія, которые были лишены избирательныхъ правъ, и въ то же время признала въ принципѣ согласіе на введеніе всеобщаго избирательнаго права въ зависимости отъ рѣшенія самой думы. Закономъ 11 декабря первая часть обѣщанія, т. е. расширеніе избирательнаго права, получила свое осуществленіе. Изданію этого закона предшествовали повсемѣстные митинги, на которыхъ вездѣ вотировалась одна и та же резолюція: «избирательное право должно быть всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ». Сколько намъ извѣстно, ни одинъ народный митингъ не вынесъ иного рѣшенія.

Наряду съ народными митингами происходили и совѣщанія министровъ съ приглашенными лицами, которыя точно также поддерживали необходимость всеобщаго избирательнаго права. Графъ Витте, однако, не соглашался на такое радикальное рѣшеніе вопроса, чтобы не нарушать «конституціонныхъ правъ думы и не ставить ее въ затруднительное положеніе, если она пожелаетъ ограничить избирательныя права какимъ-либо цензомъ. Разъ министерство дастъ всеобщее избирательное право, говорилъ графъ Витте, дума будетъ уже безсильна лишить кого-либо пріобрѣтенныхъ правъ». Это былъ чрезвычайно удобный «конституціонный» аргументъ въ пользу созданія своеобразнаго избирательнаго закона, въ которомъ сочеталось бы расширеніе избирательныхъ правъ съ привлеченіемъ въ думу представителей преимущественно тѣхъ классовъ, на которыхъ сосредоточивались послѣднія надежды правительства.

Крестьянское движеніе съ его разгромами помѣщичьихъ имѣній представлялось графу Витте не болѣе, какъ обостреніемъ классовыхъ

интересовъ и выраженіемъ исконной вражды къ дворянству. Въ глазахъ правительства это была борьба экономическихъ интересовъ, въ которыхъ правительство не только не замѣшано, но можетъ явиться покровителемъ и заступникомъ слабыхъ и, такимъ образомъ, привлечетъ всю крестьянскую массу на свою сторону. Конечно, лозунгъ—«вся земля крестьянамъ»—не можетъ быть лозунгомъ правительства, такъ какъ у послѣдняго есть свои особыя отношенія къ аграріямъ, да и благоразумная часть крестьянства удовольствуется меньшимъ. Во-первыхъ, правительство можетъ широко раскинуть дѣятельность крестьянскаго банка, дать возможность наиболѣе вліятельнымъ крестьянамъ увеличить площадь своего землевладѣнія и создать въ самомъ крестьянствѣ устойчивый и консервативный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ; во-вторыхъ, въ виду обремененія крестьянъ налогами и съ цѣлью удовлетворенія интересовъ вообще всѣхъ крестьянъ, правительство можетъ пожертвовать выкупными платежами, что сдѣлаетъ наилучшее впечатлѣніе на всю крестьянскую массу и, казалось, несомнѣнно расположитъ ее въ пользу правительства.

Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать думу орудіемъ въ рукахъ правительства, избирательный законъ долженъ предоставить въ думѣ возможно большее вліяніе крестьянской массѣ, на поддержку которой правительство считало возможнымъ болѣе всего полагаться, тѣмъ болѣе, что крестьянамъ, какъ думали творцы закона, чужда идея ограниченія самодержавія, въ которомъ она признаетъ своего единственнаго защитника.

Въ виду этихъ соображеній, которыхъ графъ Витте не скрывалъ въ частныхъ бесѣдахъ, правительство было особенно озабочено сохраненіемъ особой крестьянской куріи, гдѣ какъ избиратели, такъ и избираемые были бы исключительно крестьяне. Сверхъ того, съ цѣлью еще болѣе усилить крестьянское вліяніе и представительство въ думѣ, графъ Витте предоставилъ, во-первыхъ, именно той части крестьянства, которая имѣла купленную землю, и, слѣдовательно, предполагалась наиболѣе консервативною, двойной голосъ:—въ крестьянской куріи и на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ и, во-вторыхъ, участіе выборщиковъ крестьянской куріи въ выборѣ не только своего крестьянскаго депутата, но и депутатовъ отъ городовъ и землевладѣльцевъ, на губернскихъ съѣздахъ выборщиковъ, тогда какъ тѣ не участвовали въ выборѣ депутатовъ отъ крестьянской куріи.

Послѣдующія событія показали, однако, какъ грубо заблуждались

творцы закона 11 декабря, какъ не вѣренъ былъ расчетъ на подкупъ крестьянъ изданіемъ закона объ уничтоженіи выкупныхъ платежей, расширенія операцій крестьянскаго банка и т. п. мѣръ, какъ мало они были освѣдомлены о сущности крестьянскаго движенія и настроенія крестьянскихъ массъ.

На сторонѣ правительства въ дѣйствительности были только безсильное и разоренное дворянство, представители крупной промышленности и то общественное отребье, которое подъ именемъ «истинно-русскихъ людей» устраивало подъ руководствомъ администраціи и полиціи еврейскіе погромы.

Лучшимъ доказательствомъ ошибочности соображеній и плановъ графа Витте можетъ служить тотъ фактъ, что правительству г. Столыпина для устройства вторыхъ выборовъ въ думу, согласно видамъ правительства, пришлось прибѣгнуть къ услугамъ сената, который, вопреки дѣйствительному смыслу закона, поспѣшилъ лишить крестьянъ, владѣющихъ купленной землею, права участвовать на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, именно на тѣхъ съѣздахъ, гдѣ они численностью своихъ голосовъ подавляли голоса землевладѣльцевъ другихъ сословій. Крестьянство обнаружило такъ мало склонности поддерживать правительство, что послѣднее не остановилось по старой привычкѣ передъ нарушеніемъ закона и поспѣшило исправить ошибку графа Витте. Г. Столыпинъ пользуется опытомъ, котораго графъ Витте не имѣлъ, и лучше теперь знаетъ, гдѣ правительство можетъ искать точки опоры.

Согласно манифеста 17 октября, требовалось предоставить избирательныя права и рабочему классу, въ революціонномъ настроеніи котораго сомнѣній не существовало. Однако, вводить въ думу, хотя бы въ незначительномъ числѣ, завѣдомо революціонные элементы правительство, конечно, не желало. Въ виду двойственности такой задачи графъ Витте остановился на созданіи особой рабочей куріи, организація которой должна быть признана верхомъ совершенства съ точки зрѣнія маккіавелизма. Въ отличіе отъ крестьянской куріи, рабочая курія не избираетъ своихъ депутатовъ въ думу, а лишь выборщиковъ, которые, распредѣляясь между городскими и уѣздными выборщиками и не располагая достаточно большимъ числомъ голосовъ, утрачиваютъ всякую надежду провести своихъ кандидатовъ въ депутаты думы, если какая-либо партія, достаточно сильная, не согласится «уступить» имъ одинъ изъ своихъ мандатовъ.

Даже въ такихъ крупныхъ центрахъ фабричной и заводской промышленности, какъ Петербургъ и Москва, голоса выборщиковъ—

рабочихъ не имѣли никакого значенія, и если Москва и Петербургъ послали по одному депутату-рабочему, то лишь благодаря рѣшенію партіи народной свободы предоставить одно мѣсто рабочему.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая часть рабочаго класса, по странному противорѣчію съ общей тенденціей закона 11 декабря, могла воспользоваться избирательнымъ правомъ не въ качествѣ рабочихъ, а въ качествѣ квартиронанимателей и оказала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сильную поддержку выбору оппозиціонныхъ депутатовъ.

Что касается довольно многочисленной группы трудовой интеллигенціи, вліятельной въ низшихъ классахъ населенія, то ея голоса удобно парализовались установленіемъ общаго правила, состоящаго въ томъ, что всякое избирательное собраніе могло избирать выборщиковъ, а выборщики депутатовъ исключительно изъ своей среды. Слѣдовательно, никакое громкое имя, никакія заслуги передъ страной или партіей не давали права на избраніе, если это имя не было въ числѣ избирателей даннаго участка. Самого графа Витте могъ избрать въ выборщики только одинъ изъ участковъ Петербурга, и если бы этотъ участокъ, составляющій $^1/_{12}$ часть городскихъ избирателей, не пожелалъ его избрать, то весь Петербургъ былъ бы лишенъ чести вручить депутатскія полномочія автору закона 11 декабря. Такое ограниченіе пассивнаго права принято въ виду необходимости устранить лицъ, пользующихся широкой популярностью въ странѣ и въ большинствѣ случаевъ не склонныхъ одобрять политику правительства.

Само собою разумѣется, что всего маккіавелизма закона 11 декабря оказалось недостаточно, чтобы убѣдить страну въ достоинствахъ новаго избирательнаго закона, замѣнявшаго законъ г. Булыгина. Новый законъ ни мало не измѣнилъ настроенія крестьянъ и не обезпечилъ правительству ни одного лишняго голоса. Всѣ же, вообще, видѣли въ новомъ законѣ, во-первыхъ, полное отрицаніе всеобщаго избирательнаго права и, во-вторыхъ, желаніе подтасовать составъ народнаго представительства, чтобы овладѣть имъ и подчинить его правительству. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы еще болѣе усилить недовѣріе и враждебное къ правительству настроеніе.

Выборы показали, что крестьянская курія послала въ думу наиболѣе радикальныхъ депутатовъ, и вся дума, за совершенно ничтожными исключеніями, представляла сплошную массу оппозиціонныхъ депутатовъ, не склонныхъ къ компромиссамъ съ правительствомъ.

Осуществленіе манифеста 17 октября не могло ограничиться изданіемъ избирательнаго закона, такъ какъ имъ была провозгла, шена сверхъ того дѣйствительная неприкосновенность личности свобода совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Въ какой же мѣрѣ правительство выполнило это обѣщаніе?

Если та или другая система выборовъ въ государственную думу могла оказаться въ большей или меньшей степени «предупредительными связками» на рукахъ правительства, привыкшихъ къ неограниченной свободѣ дѣйствій, то неприкосновенность личности и всѣ виды свободъ, провозглашенныхъ манифестомъ какъ неотъемлемое право гражданъ, представляли неменьшую опасность для стараго режима, особенно въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ общество пыталось ихъ осуществить, не останавливаясь передъ «захватнымъ правомъ». но которые совершенно не соотвѣтствовали видамъ правительства, Правительство и страна въ своихъ взглядахъ на этотъ вопросъ расходились кореннымъ образомъ. Тогда какъ страна принимала обѣщанія манифеста въ серьезъ и полагала, что дальнѣйшіе законы должны осуществить въ жизни всю полноту свободъ, ограничивая ихъ лишь необходимыми интересами государства, по мнѣнію правительства, манифестъ 17 октября обѣщалъ свободы, но не установилъ ихъ границы, а потому послѣднія должны быть положены тамъ, гдѣ начинается стѣсненіе правительственной власти въ ея обязанности поддерживать прежде всего «порядокъ и спокойствіе». Этимъ «высшимъ» интересамъ государства должны быть строго подчинены, по мнѣнію правительства, частные интересы гражданъ, и если отъ обѣщанныхъ свободъ въ дѣйствительности останутся лишь прекрасныя слова, то въ этомъ не только нѣтъ бѣды, но прямая выгода, ибо онѣ должны были въ свое время только сыграть роль пролитаго масла на разбушевавшіяся волны.

Въ этихъ видахъ уже 24 ноября, т. е. черезъ 5 недѣль послѣ манифеста, были изданы, впредь до изданія закона о печати въ законодательномъ порядкѣ, временныя правила, «обезпечивающія свободу слова». На первый взглядъ правила эти были шагомъ впередъ сравнительно съ дѣйствовавшими до того времени, но онѣ совершенно не соотвѣтствовали ни элементарнымъ понятіямъ о свободѣ печати, ни тому, на что имѣло право расчитывать общество, ни тѣмъ жертвамъ, которыя оно принесло въ борьбѣ за свободу. Съ одной стороны, отмѣнялись: 1) какъ общая, такъ и духовная предварительная цензура выходящихъ въ городахъ повременныхъ изданій, эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній; 2) администра-

тивныя взысканія, налагаемыя на повременныя изданія; 3) залоги для этихъ изданій; 4) право министра в. д. воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности (знаменитая 140 ст. устава о цензурѣ), 5) устанавливался явочный порядокъ выпуска въ свѣтъ повременныхъ изданій вмѣсто концессіоннаго. Но, съ другой стороны, выпускъ повременнаго изданія не могъ быть сдѣланъ до полученія отъ администраціи особаго свидѣтельства, которое въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть и вовсе не дано, а безъ него ни одна типографія не можетъ приступать къ набору и печатанію; каждый номеръ повременнаго изданія одновременно съ выпущеннымъ изъ типографіи представляется мѣстному управленію или лицу по дѣламъ печати; на отдѣльные номера повременныхъ изданій можетъ быть наложенъ арестъ впредь до окончательнаго разрѣшенія дѣла судомъ; судъ можетъ пріостановить изданіе до судебнаго приговора и, наконецъ, для издателей и редакторовъ установлена лѣстница наказаній, примѣненіе которой всецѣло зависитъ отъ короннаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе недостатковъ временныхъ правилъ о печати и противорѣчія ихъ духа и содержанія манифесту 17 октября. Отмѣтимъ лишь, что въ печати и обществѣ временныя правила не встрѣтили никакого сочувствія и что опасенія за судьбу печатнаго слова оправдались въ самомъ непродолжительномъ времени. Немедленно же по изданіи закона начался непрерывный рядъ арестовъ, конфискацій и прекращеній повременныхъ изданій не только по суду, но и безъ всякаго суда «по законамъ» усиленной охраны; въ типографіи стали вводить полицейскіе наряды во время печатанія, съ цѣлью воспрепятствовать выпуску въ свѣтъ изданій, заарестованіе которыхъ было желательно даже раньше, чѣмъ стало извѣстно ихъ содержаніе, суды оказались заваленными процессами по дѣламъ печати, а тюрьмы переполненными редакторами и издателями, которымъ судъ, конкурируя съ администраціей и полиціей, назначалъ суровыя наказанія [1]).

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ страна могла убѣдиться, что торжественно провозглашенная свобода печатнаго слова превратилась въ пустой звукъ.

---

[1]) Въ концѣ апрѣля 1906 г. состояли привлеченными къ суду редакторы 52 повременныхъ изданій. „Право“ № 17-й.

Не лучше было положеніе и другихъ «свободъ». Точно также, впредь до изданія «въ соотвѣтствіе съ манифестомъ 17 октября» общаго закона о союзахъ, обществахъ и собраніяхъ, были изданы 4-го марта временныя правила, не болѣе отвѣчавшія общественнымъ ожиданіямъ и интересамъ, какъ и законъ о печати, такъ какъ право публичныхъ собраній оказалось обставленнымъ такими условіями, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ были невыполнимыми и открывали широкій просторъ полицейскому усмотрѣнію. Воспрещеніе устраивать публичныя собранія въ разнаго рода помѣщеніяхъ, какъ то: школахъ, гостинницахъ, ресторанахъ, трактирахъ и т. п. дѣлало въ провинціи, за рѣдкими исключеніями, невозможнымъ найти мѣсто для собраній, а права, предоставленныя полиціи роспускать собранія, когда оно «явно отклоняется отъ предмета его занятій, либо высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой» и т. д.,—открываютъ столь широкое поприще для невѣжественной и привыкшей къ произволу власти, что никакое собраніе не могло считать себя гарантированнымъ въ пользованіи своимъ правомъ. Если, тѣмъ не менѣе, на всемъ протяженіи Россіи населеніе широко пользовалось правомъ собираться, устраивать митинги и обсуждать вопросы дня, то это было слѣдствіемъ полной растерянности власти послѣ октябрьскихъ событій и продолжалось лишь до того времени, пока власть не почувствовала, что сила снова въ ея рукахъ и что она можетъ пользоваться не только дѣйствующимъ закономъ, но и безнаказанно выступать изъ всякихъ опредѣленій закона.

Уже во время войны съ Японіей не только верхніе слои общества, но и весь народъ обнаружилъ такое вниманіе къ событіямъ, какое предвидѣли немногіе. По мѣрѣ того, какъ въ сознаніи народа стала раскрываться глубокая и неразрывная связь военныхъ пораженій съ огранизаціей нашего внутренняго управленія интересъ къ общественнымъ явленіямъ и вопросамъ все болѣе возрасталъ. Многимъ проѣзжавшимъ въ то время по желѣзнымъ дорогамъ памятно зрѣлище и крики мальчиковъ, располагавшихся вдоль линій и встрѣчавшихъ проходившіе поѣзда криками: «газетъ! газетъ!» Листы газетъ летѣли въ окна и счастливые обладатели спѣшили доставить ихъ въ деревенскіе трактиры, превратившіеся въ клубы, гдѣ все обсуждалось съ громаднымъ интересомъ. Съ окончаніемъ войны интересъ этотъ не только не умалился, но еще болѣе возросъ, и отъ чтенія газетъ въ трактирахъ народъ перешелъ къ

устройству на улицахъ митинговъ, на которыхъ появились пріѣзжіе и мѣстные ораторы, приковывавшіе къ своимъ рѣчамъ вниманіе слушателей. Всякая попытка силою ограничить пробудившуюся потребность вызывала протестъ и озлобленіе, перевѣшивавшіе на вѣсахъ крестьянскаго сознанія и подарокъ выкупныхъ платежей, и посулы расширенія землепользованія при помощи крестьянскаго банка. Чувство свободы охватило деревню и противъ всякихъ «временныхъ правилъ» она выдвигала свое, «право захвата», а противъ воли начальства, которому раньше безпрекословно подчинялись, — свою волю, т. е. свободу жить, говорить и дѣйствовать, какъ требуетъ его человѣческая природа, къ несчастью не смягченная культурою и не воспитанная въ понятіяхъ права.

Очевидно, что обѣщаніе манифеста 17 октября, осуществляемое повсемѣстно въ видѣ разгона всякихъ собраній, арестовъ ихъ участниковъ, разгромовъ разнаго рода союзовъ, образовавшихся на основаніи манифеста, и особенно разгрома крестьянскаго союза,—не могло способствовать упроченію вѣры въ искренность намѣреній правительства. Не способствовало такой вѣрѣ и обѣщаніе дѣйствительной неприкосновенности личности. Если прежде лишали свободы, заключали въ тюрьмы и ссылали административнымъ порядкомъ отдѣльныхъ лицъ, то теперь ихъ забирали, сажали въ тюрьмы и ссылали цѣлыми партіями, и произволъ въ этомъ отношеніи далеко оставилъ за собою произволъ Плеве и ему подобныхъ вершителей судебъ Россіи, такъ какъ тѣ лишали только свободы, а теперь административнымъ путемъ лишали самой жизни. Смертная казнь стала явленіемъ обычнымъ, заняла въ газетной хроникѣ мѣсто ежедневныхъ «происшествій»!

Если всѣ эти репрессіи могутъ быть объясняемы крайностями и, вообще, бурными формами народнаго движенія, сопровождавшими появленіе манифеста 17 октября, если аграрныя преступленія, захваты земель, разореніе помѣщичьихъ усадебъ и убійства должностныхъ лицъ требовали серьезныхъ и даже чрезвычайныхъ мѣръ, въ видахъ успокоенія страны, то, во всякомъ случаѣ, не репрессіями можно было успокоить страну, да и репрессивныя мѣры послѣ манифеста 17 октября должны были имѣть безусловно закономѣрный характеръ. Но наряду съ манифестомъ, торжественно провозглашавшимъ свободу слова, собраній, союзовъ и дѣйствительную неприкосновенность личности, карательныя экспедиціи, не разбиравшія правыхъ и виноватыхъ, разстрѣливавшія безъ суда всякаго, попавшагося въ руки, не исключая женщинъ и дѣтей, сжигавшія деревни,

уничтожавшія жалкое крестьянское имущество и пускавшія по міру цѣлыя семьи бѣдняковъ, въ глазахъ населенія справедливо представлялись чудовищными по своей нелѣпости, по своей жестокости, по своему произволу и беззаконію.

Выступая съ крайними мѣрами противъ революціонныхъ дѣйствій и террористическихъ актовъ и въ защиту яко бы мирныхъ гражданъ и государственнаго порядка, правительство не находило, однако, иныхъ мѣръ, кромѣ изданія временныхъ правилъ о печати, о собраніяхъ и союзахъ, коими до послѣдней степени ограничивались права всѣхъ гражданъ, независимо отъ способа ихъ дѣйствій. Борясь съ печатными призывами къ вооруженному возстанію,— оно накладывало печать молчанія на печать, изобличавшую незакономѣрность дѣйствій властей; не допуская сборищъ, угрожающихъ общественному порядку,—оно вовсе не допускало или отдавало на полный произволъ полиціи собранія вполнѣ мирныя; преслѣдуя сообщества, имѣющія цѣлью государственный переворотъ,—оно уничтожало союзы, образующіеся въ видахъ профессіональныхъ интересовъ; безпощадно карая преступленія безумцевъ,—оно пренебрегало всякой законом'рностью въ своихъ дѣйствіяхъ и утратило всякое чувство мѣры, забывая всѣ остальные интересы государства [1]).

Изъ всѣхъ мѣропріятій правительства, относящихся къ данному времени, только два имѣютъ положительный характеръ: отмѣна выкупныхъ платежей и расширеніе операцій крестьянскаго банка, послѣдовавшія указомъ 3 ноября. Если бы первая мѣра была принята годомъ раньше, она вызвала бы въ населеніи чувство благодарности, но 3 ноября 1905 года, послѣ погромовъ помѣщичьихъ усадебъ, захватовъ земель и карательныхъ экспедицій, послѣ того, какъ крестьяне отказались платить всякія подати, такая мѣра утрачивала въ ихъ глазахъ всякое значеніе. Что же касается до крестьянскаго банка, то въ этой мѣрѣ масса крестьянъ увидѣла лишь попытку помочь помѣщикамъ выгодно сбыть свои земли до рѣшенія думы.

Единственной мѣрой, которой правительство могло, если не совершенно умиротворить страну, то, во всякомъ случаѣ, прекратить самые нежелательные эксцессы народнаго возбужденія, — возможно быстрый созывъ государственной думы, съ широкими законодательными правомочіями и появленіе у власти министерства, не оста-

[1]) До какого, въ концѣ концовъ, произвола можетъ дойти администрація въ осуществленіи права собраній и союзовъ, показываетъ современное положеніе этихъ „свободъ", которыми могутъ пользоваться партіи, только угодныя правительству.

вляющаго сомнѣній въ искренности желанія правительства раздѣлить съ народомъ руководительство государственнымъ кораблемъ. Прошло однако четыре мѣсяца прежде, чѣмъ былъ обнародованъ (20 февраля) законъ объ учрежденіи государственной думы, далеко не согласованный съ обѣщаніями манифеста 17 октября. Этотъ актъ величайшей важности сопровождался закономъ о преобразованіи государственнаго совѣта и обнаружилъ именно то, чего болѣе всего слѣдовало опасаться. Противъ государственной думы поставлена цитадель, въ которой бюрократія и высшія сословія найдутъ достаточно сильную опору не только для борьбы съ народнымъ представительствомъ, но и для уничтоженія его значенія въ глазахъ народа. Законодательная дѣятельность думы обставлена такими формальностями, такъ ограничена, настолько подчинена волѣ и интересамъ бюрократіи и высшихъ классовъ, что всякая попытка коренной реформы, какъ въ политическомъ, такъ и соціальномъ отношеніи, можетъ быть уничтожена въ самомъ зародышѣ на конституціонномъ основаніи, тѣмъ болѣе, что въ промежуткахъ между сессіями думы за верховной властью сохранено право издавать не терпящіе отлагательства законы въ порядкѣ верховнаго управленія, а продолжительность думскихъ сессій и роспускъ думы поставлены безъ всякихъ законныхъ ограниченій въ полную зависимость отъ верховной власти, т. е., въ сущности, высшей бюрократіи. Уже теперь опытъ показалъ, что дума можетъ быть распущена черезъ 72 дня, что созывъ новой можетъ быть отсроченъ на 7 $^1/_2$ мѣсяцевъ, что въ этотъ промежутокъ времени могутъ издаваться законы, ничего общаго не имѣющіе съ конституціоннымъ правомъ. Впрочемъ, опытъ подтвердилъ лишь то, что можно было предвидѣть и раньше, такъ какъ содержаніе актовъ 20 февраля съ полной очевидностью свидѣтельствовало объ истинныхъ намѣреніяхъ правительства.

Было бы большой ошибкой думать, что значеніе актовъ 20 февраля не было понято массой населенія. На избирательныхъ собраніяхъ, происходившихъ послѣ 20 февраля и до избранія выборщиковъ и депутатовъ, вопросъ о роли государственнаго совѣта и объ ограниченіи правъ народнаго представительства горячо обсуждался и даже оказалъ вліяніе на распространеніе идеи бойкота думы. На митингахъ постоянно раздавались голоса, что отъ думы, связанной по рукамъ и ногамъ государственнымъ совѣтомъ и верховной властью, ничего нельзя ожидать, что только учредительное собраніе, обладающее всей полнотой власти, можетъ дать законы, удовлетворяющіе дѣйствительнымъ нуждамъ и интересамъ народа.

Тѣмъ не менѣе, большинство народа не шло такъ далеко, продолжало видѣть въ думѣ выраженіе народной воли. Такимъ образомъ, для огромной массы народа представлялось яснымъ, что правительство говорило одно, а дѣлало другое; что его обѣщанія были вынужденными, а не выражали дѣйствительныхъ его намѣреній; что бюрократія не намѣрена добровольно уступать своихъ позицій и отказываться отъ того положенія, которое она раньше занимала; что, значитъ, прежнія бѣдствія слѣдуетъ ожидать и въ будущемъ и что только государственная дума, какъ выразительница воли всего народа, можетъ отвратить грозящія бѣдствія, вывести народъ изъ нищеты и дать ему обѣщанную свободу. «Дума все можетъ, если она будетъ послушна голосу народа, такъ какъ за нею стоитъ весь народъ». Этими словами можно выразить настроеніе массы народа, шедшаго избирать своихъ представителей. Это настроеніе поддерживалось еще вѣрой, сложившейся вѣками, въ единство интересовъ народа и царя. Народъ вѣрилъ, что его голосъ до этого времени не былъ слышанъ, но что теперь его представители станутъ непосредственно передъ царемъ и царь узнаетъ, сколько горя, страданій и нужды терпитъ народъ, сколько терпитъ онъ отъ всякаго начальства—и высшаго, и низшаго, всегда несправедливаго, жестокаго и корыстолюбиваго. Онъ узнаетъ, какъ нужна народу земля и какъ ее мало у него... Эти чаянія и надежды глубоко внѣдрились въ чувства крестьянской массы и прорывались наружу неоднократно въ самой думѣ, въ формѣ разныхъ предложеній: «послать отъ думы депутацію къ царю», «обратиться отъ думы къ царю съ петиціей» и т. п.

Конечно, этого нельзя сказать относительно всѣхъ избирателей, среди которыхъ были довольно многочисленныя группы, не имѣвшія уже такой наивной вѣры и провозглашавшія идею народоправства до ея конечныхъ логическихъ выводовъ, но такія группы, за нѣкоторыми исключеніями, держались тактики бойкота думы и въ выборахъ не принимали прямого участія.

Вѣра въ думу, ея авторитетъ и могущество, за исключеніемъ вышеуказанныхъ группъ, была всеобщая, но вѣроятность борьбы съ бюрократіей и борьбы непримиримой, представлялась неизбѣжной, что и выражалось въ категорической формѣ: «безъ земли и воли не возвращайтесь, лучше умрите тамъ, чѣмъ умирать здѣсь съ позоромъ». По мнѣнію народа, если пораженіе было возможно, то лишь по недостатку энергіи его представителей, а не по силѣ сопротивленія власти, которую предстояло одолѣть.

Таковъ психологическій моментъ выборовъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что выборы дали сплошную массу депутатовъ, пришедшихъ въ думу со всѣхъ концовъ Россіи, съ цѣлью прежде всего сломить власть бюрократіи, составляющей коренной устой стараго режима. Пока вся полнота власти остается въ рукахъ бюрократіи, всѣ обѣщанія верховной власти останутся словами, лишенными реальнаго значенія, такъ какъ дѣйствительная самодержавная и неограниченная власть не на престолѣ, а у престола.

События, происшедшія со времени роспуска думы, показали, что народное чутье не обманывало его, что дума, вступившая въ непримиримую борьбу съ бюрократическимъ правительствомъ, не ошиблась въ выборѣ своей задачи. Если первая дума сорвана, то сознаніе народа не затемнено, и каждая новая дума неизбѣжно должна итти по пути первой думы, пока самовластіе бюрократіи не будетъ сломлено и народное представительство не займетъ подобающаго ему мѣста, ибо до тѣхъ поръ никакая реформа; ни земельная, ни финансовая, ни судебная, ни земско-городская, ни свобода печати, собраній и союзовъ, ни неприкосновенность личности,—не будетъ, да и не можетъ быть осуществлена.

II.

Прежде чѣмъ первая государственная дума послѣ выбора депутатовъ собралась, провозглашенному конституціонному порядку пришлось считаться съ новымъ ограниченіемъ правъ народнаго представительства.

Первое конституціонное министерство графа Витте-Дурново закончило свою преобразовательную дѣятельность изданіемъ основного конституціоннаго закона, съ очевидной цѣлью, во-первыхъ, устранить возможность разрѣшенія въ думѣ вопросовъ, имѣющихъ учредительный характеръ, и вѣроятность возникновенія на этой почвѣ крайне опасныхъ конфликтовъ, а, во-вторыхъ, обезпечить бюрократіи власть, которую она могла утратить въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ, не находя достаточно твердой опоры въ условіяхъ возникающаго государственнаго порядка. По мнѣнію бюрократіи, если новый конституціонный порядокъ неизбѣженъ, то онъ долженъ быть незыблемо установленъ до созыва думы, которая должна считаться съ совершившимся фактомъ и признать его безповоротность, такъ какъ конституціонный актъ октроированъ раньше,

чѣмъ россійскій парламентъ занялъ свое мѣсто на исторической сценѣ.

Эта задача графомъ Витте выполнена вполнѣ успѣшно, ибо возможность конфликта на почвѣ разграниченія предѣловъ компетенціи верховной, исполнительной и законодательной властей отодвинута въ неизвѣстное будущее, въ которомъ играть свои роли будутъ уже другіе актеры.

23-го апрѣля Россія получила самодержавную конституцію, въ видѣ основныхъ законовъ имперіи, надолго закрѣпившихъ незыблемость самодержавно-бюрократическаго порядка, для ниспровержения котораго страною пролито столько крови и принесено столько жертвъ. Въ какой мѣрѣ бюрократія была озабочена сохраненіемъ своихъ не только политическихъ, но и чисто матеріальныхъ интересовъ, свидѣтельствуетъ статья 15 первоначальнаго проекта основныхъ законовъ, въ которой устанавливалось, что «власти его Императорскаго Величества принадлежитъ опредѣленіе окладовъ содержанія и назначенія размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ таковыя не установлены закономъ, а также пожалованіе служащимъ усиленныхъ окладовъ и назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ». Притязаніе на конституціонныя гарантіи безмѣрныхъ окладовъ, арендъ и пенсій высшей бюрократіи лучше всего опредѣляетъ цивическую доблесть нашихъ олигарховъ, творцовъ конституціи. Этимъ притязаніямъ, однако, не пришлось осуществиться, и въ основныхъ законахъ такихъ гарантій не имѣется, благодаря, надо думать, всеобщему и единодушному осужденію ихъ общественнымъ мнѣніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что авторы основныхъ законовъ, озабоченные возможнымъ сохраненіемъ самодержавно-бюрократическаго строя, ни въ одной изъ 82 статей закона не обмолвились словомъ „конституція“ и сохранили за верховной властью титулъ самодержавія, хотя никакого сомнѣнія не можетъ быть, что основные законы есть основной уставъ россійской конституціи, а понятіе конституціи находится въ полномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ понятіемъ самодержавія монарха.

Это основное противорѣчіе проходитъ красною нитью черезъ всѣ положенія основныхъ законовъ и, сохраняя за монархомъ во многихъ случаяхъ (въ вопросахъ войны и мира, международной политики, расходованія денежныхъ средствъ военнаго и морского вѣдомствъ, заключенія въ извѣстныхъ случаяхъ займовъ, изданія въ порядкѣ управленія законовъ, право объявлять отдѣльныя мѣст-

ности или всю страну на особомъ положеніи, ничѣмъ не обусловленное право роспуска и созыва государств. думы и т. д.) неограниченную власть, не даетъ гражданамъ никакихъ гарантій дѣйствительнаго осуществленія провозглашаемыхъ (ст. 30—39) свободъ и ограничиваетъ права народнаго представительства не только въ участіи въ важнѣйшихъ вопросахъ международной политики, отъ которой зависятъ самые жизненные интересы государства, какъ это показала японская война, но даже въ разсмотрѣніи бюджета во всей его совокупности и въ сужденіи о цѣлесообразности дѣйствій агентовъ государственной власти.

Изданіе за три дня до созыва думы основныхъ законовъ, проникнутыхъ открытымъ намѣреніемъ умалить до послѣдней возможности значеніе обѣщаній манифеста 17 октября и сохранить старый, всѣмъ ненавистный, режимъ,—было встрѣчено какъ вызовъ, заранѣе бросаемый народному представительству. Государственная дума, или, по крайней мѣрѣ, ея огромное большинство, такъ это и поняла.

22-го апрѣля министерство графа Витте-Дурново получило отставку, считая свое призваніе оконченнымъ, свою миссію исполненною. Оно дало Россіи конституцію, въ которой страна считала себя обманутой, оно демонстрировало въ теченіе 6 мѣсяцевъ передъ страной конституціонныя свободы въ тюрьмахъ, ссылкахъ, смертныхъ казняхъ, погромахъ, карательныхъ экспедиціяхъ, потокахъ крови и всевозможныхъ видахъ страданій. Выступать на парламентской трибунѣ съ такимъ конституціоннымъ багажемъ не представлялось особенно заманчивымъ и министерство графа Витте-Дурново предпочло уступить свое мѣсто новому министерству[1]).

24-го апрѣля образовано второе конституціонное министерство г. Горемыкина. Въ составъ этого министерства вошли министры: внутреннихъ дѣлъ—г. Столыпинъ, финансовъ—г. Коковцевъ, юстиціи—г. Щегловитовъ, земледѣлія и землеустройства—г. Стишинскій, торговли и промышленности — г. Штофъ, просвѣщенія — г. фонъ-Кауфманъ, путей сообщенія—г. Шауфусъ, контроля—г. Шванебахъ, оберъ-прокуроръ синода—князь Ширинскій-Шахматовъ. Министры: иностранныхъ дѣлъ—г. Извольскій, военный—генералъ Редигеръ, морской—вице-адмиралъ Бирилевъ сохранили свои портфели. Списокъ министровъ былъ бы не полонъ, если бы

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы говоримъ объ отставкѣ гр. Витте съ точки зрѣнія общественныхъ условій и не касаемся тѣхъ закулисныхъ причинъ, которыя намъ неизвѣстны.

мы пропустили г. Гурко, который, занимая второстепенный постъ товарища г. Столыпина, являлся въ думѣ главнымъ ораторомъ министерства и одинаково помогалъ какъ своему патрону, такъ и г. Стишинскому, въ качествѣ спеціалиста по крестьянскому вопросу.

Казалось бы, что смѣна министерства передъ самымъ созывомъ думы должна была свидѣтельствовать о новомъ направленіи правительственной политики, задача которой прежде всего заключалась въ установленіи правильныхъ отношеній между властью исполнительной и законодательной, въ лицѣ думы только что вступившей въ кругъ высшихъ конституціонныхъ учрежденій. Такое предположеніе, однако, опровергалось уже самымъ составомъ новаго министерства, который менѣе всего соотвѣтствовалъ подобной задачѣ.

Какое политическое credo представляютъ государственные люди, принимавшіе на себя нелегкую задачу осуществленія совершенно новыхъ формъ государственнаго управленія? Можетъ ли страна и народное представительство отнестись къ нимъ съ довѣріемъ? Всѣ имена, вошедшія въ министерство, начиная съ его главы г. Горемыкина, хорошо извѣстны по своей бюрократической дѣятельности. Имена гг. Коковцева, Щегловитова, Стишинскаго, Шванебаха, князя Ширинскаго-Шахматова и Гурко не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ подозрѣнія въ намѣреніи правительства оказать всяческое противодѣйствіе осуществленію конституціи получили свое полное подтвержденіе. Трудно было найти среди правящей бюрократіи имена, менѣе популярныя и менѣе способныя импонировать думѣ и внушить довѣріе къ правительству. Убѣжденные противники конституціи и защитники бюрократическаго режима не могли же взять на себя совмѣстный съ думой трудъ утвержденія конституціи и низверженія бюрократіи? Появленіе ихъ въ думѣ, въ качествѣ представителей власти, предрѣшало и теченіе дѣлъ, и неизбѣжность кризиса. Въ первые же дни думскихъ засѣданій обнаружилось, что министерство не намѣрено принимать участія въ парламентской работѣ, что оно, напротивъ, намѣрено какъ бы бойкотировать думу. Министры in corpore присутствовали въ думѣ лишь при ея открытіи, а затѣмъ министерскія кресла всегда оставались пустыми. Въ теченіе первыхъ 2-хъ недѣль, до 13 мая, когда дума почти единогласно постановила выразить министерству недовѣріе, со стороны послѣдняго не было сдѣлано ни одного шага, который бы свидѣтельствовалъ о желаніи, если не вступить съ думою въ какое-нибудь соглашеніе, то присмотрѣться

къ думѣ, уловить ея настроеніе, понять существующія въ ней теченія, выяснить значеніе образующихся партій. Все это было такъ чуждо, такъ несвойственно привычкамъ новыхъ «конституціонныхъ» министровъ, что надо было обладать самымъ искреннимъ желаніемъ помочь странѣ спокойно выйти изъ тяжкаго кризиса, чтобы побѣдить бюрократическую рутину и признать парламентскую борьбу наилучшимъ средствомъ для этого. Но такимъ желаніемъ никто изъ министровъ не обладалъ и министерство предпочло отсиживаться отъ нападокъ думы въ своихъ канцеляріяхъ. Эту систему предсѣдатель совѣта довелъ до того, что сталъ отписываться на запросы думы, точно онъ имѣлъ дѣло съ какимъ-то бюрократическимъ «вѣдомствомъ». Вмѣсто того, чтобы явиться въ думу и открыто изложить ей свое отношеніе къ запросу о печатаніи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» оскорбительныхъ для думы и призывающихъ правительство къ государственному перевороту всеподданнѣйшихъ адресовъ, г. Горемыкинъ дважды уклонился отъ этого и предпочелъ увѣдомить предсѣдателя думы, что «не находитъ возможнымъ давать объясненія по этому запросу, такъ какъ, вообще, распоряженія по поводу обращенія къ Е. И. В-ву отъ его подданныхъ, а въ томъ числѣ и о приданіи такимъ обращеніямъ гласности, вѣдѣнію государственной думы не подлежатъ» [1]). Конечно, написать канцелярскую бумагу и уклониться отъ личнаго объясненія и оправданія предпринятаго похода противъ думы—удобнѣе и привычнѣе, но вѣдь г. Горемыкинъ не для этого, надо полагать, былъ поставленъ во главѣ правительства, когда государство напрягало всѣ силы, чтобы выйти изъ той бездны, въ которую оно было ввергнуто. Точно также и другіе министры предпочитали посылать въ думу второстепенныхъ чиновниковъ, когда объясненіе было уже неизбѣжно [2]). Министерство отмежевалось отъ думы, огородилось отъ нея всѣми законами и всякими способами и сносилось съ нею, какъ съ непріятельскимъ лагеремъ. Законъ предоставляетъ министрамъ мѣсячный срокъ для отвѣта на запросы думы, и каждый министръ считаетъ необходимымъ использовать этотъ срокъ въ полной мѣрѣ. Нужды нѣтъ, что запросъ можетъ быть совершенно неотложнаго характера, министръ считаетъ себя обязаннымъ дать объясненіе въ послѣдній день мѣсячнаго срока. Законъ не возлагаетъ

[1]) Оф. стеногр. отчетъ, стр. 1889.

[2]) Такъ, г. Столыпинъ посылалъ гг. Гурко и Макарова, г. Щегловитовъ—г. Солертинскаго, военный министръ—г. Павлова, морской—г. Матвѣенко.

на министерство формальной обязанности знакомить думу не только съ планомъ управленія, но и съ планомъ законодательныхъ мѣръ, которыя министерство намѣрено внести на обсужденіе думы, и министерство сохраняетъ полное безмолвіе, точно думѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Оно явилось на открытіе думы, какъ зритель, какъ публика, занимавшая мѣста въ верхнихъ галлереяхъ, а не какъ участникъ великаго исторического момента, въ которомъ ему принадлежала не только почетная, но и отвѣтственная роль. Въ эту торжественную минуту какъ къ думѣ, такъ и къ министерству было приковано вниманіе всей Россіи, и вся Россія жаждала услышать, что скажетъ не только дума, но и правительство. Оно молчало. Министры сохраняли невозмутимое спокойствіе, когда вся Россія была въ лихорадочномъ ожиданіи, и страна такъ и не узнала, что думало правительство, открывая думу, и каковы были его намѣренія. Ни въ одной странѣ Европы немыслимо представить себѣ главу правительства нѣмымъ. Конституціонный режимъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ такой аномаліей, и нѣмой министръ Горемыкинъ займетъ въ исторіи конституціонныхъ учрежденій совершенно исключительное мѣсто. Государственная дума съ перваго же шага поняла, что она предоставлена исключительно самой себѣ, и если ея отрицательное отношеніе къ бюрократическому правительству раньше имѣло своимъ источникомъ настроеніе избирателей, то со дня созыва министерство съ своей стороны сдѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы вызвать то отношеніе къ нему депутатовъ, которое въ настоящее время служитъ врагамъ народнаго представительства одною изъ излюбленныхъ темъ для осужденія первой думы.

Принятый министерствомъ способъ отношенія къ думѣ не былъ случайнымъ и не можетъ быть объясненъ неподготовленностью правительства къ законодательной работѣ въ первые дни думской сессіи. Напротивъ, министерство придерживается того же способа и въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ думѣ, оттѣняя свое пренебреженіе къ ея правамъ и конституціонной роли и провоцируя дѣйствія, которыя дали бы правительству благовидный предлогъ для роспуска непокорнаго парламента.

Уже въ самомъ началѣ думской сессіи, когда дума обсуждала отвѣтный адресъ и когда министерство имѣло чрезвычайно удобный случай высказаться по многимъ наиболѣе важнымъ вопросамъ, оно не проронило ни одного слова, давая думѣ понять, что отвѣтный адресъ не имѣетъ никакого отношенія къ правительству.

Вмѣсто этого, значеніе и роль министерства была подчеркнута въ письменномъ сообщеніи предсѣдателя совѣта о волѣ государя принять адресъ не черезъ депутацію думы, а при всеподданнѣйшей запискѣ предсѣдателя думы. Другими словами, министерство дало понять думѣ, что безъ его посредничества дума не можетъ имѣть доступа къ трону. Но это былъ лишь первый, еще не смѣлый, шагъ. 13-го мая министерство впервые выступило передъ думою съ изложеніемъ не столько своей программы, сколько съ критикой тѣхъ пожеланій, которыя выражены въ адресѣ думы. Эта министерская декларація насквозь проникнута бюрократическимъ духомъ, стилемъ и міровоззрѣніемъ. «Какая при этихъ условіяхъ возможна спокойная, согласная работа? Какое при этихъ условіяхъ возможно приближеніе къ тому обновленію Россіи, о которомъ намъ объявлялось съ высоты престола?»—спрашиваетъ депутатъ Набоковъ, возражая на министерскую декларацію [1]). И, въ самомъ дѣлѣ, возможна ли для народнаго представительства какая-либо совмѣстная работа съ правительствомъ, которое остается слѣпымъ и глухимъ къ жизненнымъ интересамъ страны и оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія канцелярскаго толкованія законовъ и требованій полицейскаго порядка? Въ такое время, когда вся страна взбаломучена, когда торговля и промышленность остановились, когда въ каждой крестьянской избѣ ищутъ выхода изъ своего бѣдственнаго положенія и, не находя его въ закономѣрныхъ способахъ, вооружаются топоромъ и трутомъ для истребленія помѣщичьихъ лѣсовъ и усадебъ, когда въ войскахъ возникаютъ бунты, когда стрѣльба и взрывы бомбъ уносятъ множество жизней,—въ такое исключительное по своей важности время правительство, признающее «обязанность свою разъяснять государственной думѣ свои взгляды по существу вопросовъ и отстаивать свои предположенія» [2]), вмѣсто этого читаетъ наставленія думѣ о предѣлахъ ея вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія. Языкъ думы—требованія народной нужды, языкъ декларации—застывшая мертвечина канцелярскаго искусства. Что можетъ быть общаго между ними? Гг. министры даже «*не считаютъ себя вправѣ*» останавливаться на тѣхъ измѣненіяхъ основныхъ законовъ, на которыя указала дума въ своемъ адресѣ, такъ какъ они не подлежатъ пересмотру по почину думы. Таковы вопросы: объ отвѣтственности министровъ передъ народ-

---

[1]) Рѣчь деп. Набокова. Оф. стен. отчетъ, стр. 325 и 326.

[2]) Декларація м-ва. Оф. стен. отчетъ, стр. 322.

нымъ представительствомъ, объ упраздненіи государственнаго совѣта и объ устраненіи установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности государственной думы.

Страстные защитники бюрократическаго режима пользуются этою частью думскаго адреса для несправедливыхъ нападокъ на думу за ея яко бы покушенія на прерогативы верховной власти. Профессоръ Герье въ своемъ памфлетѣ [1]) говоритъ: «Они (составители отвѣтнаго адреса) стали на почву новаго права, прекрасно названнаго на простонародномъ языкѣ захватнымъ правомъ... Не довольствуясь законодательною ролью, отведенной г. думѣ основными законами, адресъ требовалъ, чтобы никакія особыя узаконенія не полагали предѣла законодательной компетенціи народнаго представительства и уничтоженія государственнаго совѣта. Не довольствуясь вліяніемъ на управленіе страной, посредствомъ права запроса министрамъ и критики ихъ дѣйствій, адресъ требовалъ отвѣтственнаго передъ думою министерства, обновленія администраціи на всѣхъ ступеняхъ государственной службы. Въ награду за это адресъ сулилъ монарху полную безотвѣтственность. Это значило, что государю отводилось почетное положеніе мраморной статуи въ завѣшенномъ храмѣ, отъ имени которой жрецы произрекали бы народу свою волю. А такъ какъ этому препятствовали основные законы, то адресъ заговорилъ о пересмотрѣ ихъ. Не можетъ быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ монархомъ. Подъ этимъ «эвфемизмомъ» скрывалось притязаніе на учредительную власть, т. е. затаенное желаніе превратить думу въ учредительное собраніе». Такъ ученый авторъ, превратившійся въ политическаго бойца правительственной партіи, не только толкуетъ содержаніе адреса, но даже и видитъ въ немъ то, «чего въ немъ нѣтъ» [2]), но что можетъ быть безошибочно возстановлено по рецепту департамента государственной полиціи, при помощи «чтенія въ сердцахъ».

Да, безспорно, дума сказала въ своемъ адресѣ, что «никакое умиротвореніе страны невозможно, доколѣ не станетъ ясно народу,

---

[1]) В. Герье. Первая русская государственная дума. Москва. 1906 г., стр. 13 и 14.

[2]) Тамъ же, стр. 13. „Этотъ первый адресъ представителей русскаго народа поразителенъ тѣмъ, что въ немъ есть, и тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ“.

ПЛАНЪ.

Зала засѣданія государственной думы съ показаніемъ размѣщенія партій.

Рис. 2. Распредѣленіе членовъ пяти главнѣйшихъ парламентовъ по занятіямъ.

—Россійская Гос. Дума.---Французск. палата депутатовъ.

.....Германскій Рейхстагъ.

Рис. 1. Возрастной составъ парламентовъ, русскаго, французскаго и германскаго.

БИБЛИОТЕКА

что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь именемъ верховной власти, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и, сообразно съ этимъ, не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы», и что же: она нарушила этимъ прерогативы верховной власти? Она не указала государю на самую больную язву нашего государственнаго организма? Она не выразила царю со всей прямотой и искренностью самой настоятельной народной нужды?

Прежде всего надо установить истинный смыслъ ст. 65 (107) основныхъ законовъ, починъ пересмотра которыхъ принадлежитъ исключительно верховной власти. Этой статьей устанавливается правило, въ силу котораго къ пересмотру того или другого основного закона, или всей ихъ совокупности дума имѣетъ право приступить только по почину или предварительному согласію верховной власти, но едва ли доведеніе народнымъ представительствомъ, также какъ и министерствомъ, до свѣдѣнія монарха желанія, просьбы или убѣжденія въ полезности для государя и государства измѣненія того или другого основного закона можетъ быть признано покушеніемъ на прерогативы верховной власти. Монархъ можетъ согласиться или не согласиться съ мнѣніемъ народнаго представительства или министровъ и, если онъ не согласится, пересмотръ закона становится невозможнымъ. Основные законы не суть догматы вѣры и обсужденіе ихъ не можетъ почитаться за ересь. Если народное представительство, соблюдая интересы царя и народа, усматриваетъ необходимость пересмотра закона, но не имѣетъ права сдѣлать это по собственному почину, оно обязано довести о томъ до свѣдѣнія государя и, если не сдѣлаетъ этого,—не исполнитъ своего долга передъ народомъ и его главой. Государственная дума только это и сдѣлала и къ пересмотру закона не приступала. Историкамъ-апологетамъ бюрократическаго самодержавія хорошо извѣстно изъ примѣровъ западно-европейскихъ государствъ, что отвѣтственность министровъ передъ парламентами не превращаетъ монарховъ въ мраморныя статуи, отъ имени которыхъ провозглашаютъ партіи свою волю, и, конечно, имъ не менѣе извѣстно изъ отечественной исторіи и современной дѣйствительности, какъ безсильно самодержавіе передъ силою бюрократіи.

Если императоръ Николай I имѣлъ основаніе сказать, что Россіей управляютъ столоначальники, то въ какой же мѣрѣ укрѣпилась эта истина теперь? По чьей волѣ Россія доведена до позора и разоренія? Подъ чьимъ игомъ стонетъ вся Россія и чья власть

ей ненавистнѣе всего—развѣ не бюрократіи? Развѣ дума, возвысивъ свой голосъ передъ царемъ, была не права, утверждая, что умиротвореніе не наступитъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы? Развѣ то, что происходитъ на всемъ протяженіи имперіи, не свидѣтельствуетъ изо дня въ день о безграничномъ произволѣ администраціи всѣхъ ранговъ? Развѣ имя монарха ограждено въ этихъ сплошныхъ преступленіяхъ, и администрація творитъ ихъ отъ своего имени, а не именемъ государя?

Жрецы самодержавія уже давно превратили монарха въ орудіе с в о е й власти и менѣе всего расположены допустить живую связь верховной власти съ народнымъ представительствомъ. Не скрывается ли подъ «мраморной статуей» своеобразный «эвфемизмъ», которымъ бюрократія пугаетъ простодушныхъ людей, чтобы сохранить свою выгодную роль жрецовъ самодержавнаго культа?

Съ неменьшимъ конституціоннымъ правомъ, не посягая на прерогативы верховной власти, государственная дума должна была исполнить свой долгъ и довести до свѣдѣнія верховной власти о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя грозятъ правильному развитію законодательной дѣятельности народнаго представительства, съ одной стороны, въ учрежденіи государственнаго совѣта, представляющаго исключительно интересы бюрократіи и высшихъ классовъ, но пользующагося равными правами съ народнымъ представительствомъ, а, съ другой,—и о тѣхъ ограниченіяхъ законодательной дѣятельности думы, которыя находятся къ тому же въ противорѣчіи съ незыблемымъ правиломъ, провозглашеннымъ манифестомъ 17 октября: «никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы». А между тѣмъ, бюджетное право думы, т. е. ея законодательное одобреніе, ограничено тѣсными предѣлами, за которыми попрежнему народныя денежныя средства оставлены въ полномъ распоряженіи бюрократіи.

Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ случаяхъ государственная дума не вышла изъ своего конституціоннаго права и лишь довела до свѣдѣнія монарха желаніе народнаго представительства.

Министерство въ своей декларації отрицаетъ такое право за государственной думой, повидимому, не подозрѣвая, что отрицать за народнымъ представительствомъ право доводить до свѣдѣнія верховной власти о такого рода нуждахъ, удовлетвореніе которыхъ зависитъ отъ воли монарха,—значитъ признавать такое право только за революціей, ибо дѣйствительные интересы народа, будучи

имъ сознаны и не находя легальнаго пути, неизбѣжно примутъ формы нелегальныя и насильственныя. Если, при отсутствіи всякихъ легальныхъ путей борьбы, манифестъ 17 октября могъ явиться послѣдствіемъ революціоннаго движенія, то развѣ желательно, чтобы развитіе новаго государственнаго строя, при существованіи парламента, шло толчками вмѣсто спокойнаго и мирнаго усовершенствованія законовъ и отношеній верховной власти къ законодательной? Близорукость бюрократіи уже создала смуту, которую такъ болѣзненно переживаетъ Россія, но опытъ не научилъ ее ничему и она съ легкимъ сердцемъ съ думской трибуны какъ бы напоминаетъ народу девизъ соціалистовъ-революціонеровъ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Интересно отмѣтить, что министерство, ставъ на точку зрѣнія недопустимости возбужденія вопросовъ, составляющихъ прерогативы верховной власти, и заявляя, что вопросъ объ амнистіи является именно однимъ изъ такихъ вопросовъ, сообщаетъ, однако, что «совѣтъ министровъ, съ своей стороны, находитъ, что этому благу (амнистіи) не отвѣчало бы въ настоящее смутное время помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ». Если народное представительство, считая за благо для государства тотъ или другой актъ, составляющій прерогативу верховной власти, не вправѣ обращаться къ монарху, то вправѣ ли совѣтъ министровъ предрѣшать волю монарха и не нарушаетъ ли онъ самъ прерогативы верховной власти? Или ея прерогативы охраняются отъ покушеній народнаго представительства, но склоняются передъ волей министровъ? Не касаясь мнѣнія министровъ по вопросу объ амнистіи по существу, мы полагаемъ, что совѣтъ министровъ имѣлъ право высказать свое отношеніе къ амнистіи, ибо высказывалъ лишь свое сужденіе о ея цѣлесообразности точно такъ же, какъ имѣла право высказать свое мнѣніе по этому вопросу и дума.

Но на томъ же самомъ основаніи совѣтъ митистровъ долженъ былъ не прикрываться неприкосновенностью основныхъ законовъ, а опредѣленно высказаться по возбужденнымъ адресомъ вопросамъ объ отвѣтственности министровъ, о государственномъ совѣтѣ и о расширеніи законодательныхъ правъ думы, такъ какъ невозможно допустить, чтобы органъ исполнительной власти не имѣлъ своего сужденія и своего отношенія къ тѣмъ или другимъ государственнымъ мѣрамъ, точно такъ же, какъ нельзя допустить, чтобы органъ народнаго представительства, выражающій нужды

страны по мѣрѣ ихъ назрѣванія, былъ лишенъ права обращенія къ монарху только потому, что починъ пересмотра закона принадлежитъ послѣднему.

Установивъ свою отрицательную точку зрѣнія на право думы касаться вопросовъ, соприкасающихся съ основными законами, совѣтъ министровъ выразилъ готовность подѣлиться съ думой своими взглядами на ея предстоящую законодательную дѣятельность и на тѣ законодательныя предположенія, которыя намѣчены въ ея адресѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, во взглядахъ думы и министерства обнаружилась полная полярность и непримиримое противорѣчіе.

Прежде всего, министерство сочло необходимымъ заявить, что не считаетъ нужнымъ измѣнять избирательный законъ, «такъ какъ государственная дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія».

Въ этомъ взглядѣ министерства на смыслъ и принципы избирательнаго закона, опредѣляющаго не только составъ народнаго представительства, но и пользованіе политическими правами, уже видна пропасть, раздѣляющая бюрократію отъ представителей интересовъ народа. По мнѣнію совѣта министровъ, вопросъ о народномъ представительствѣ не есть вопросъ права и основъ государственнаго строя, а дѣло цѣлесообразнаго устройства новаго «присутственнаго мѣста» и испытанія на дѣлѣ хода канцелярской машины. Министерство осталось глухо къ единодушному требованію страною всеобщаго избирательнаго права и не только не замѣтило протеста противъ выборовъ въ формѣ бойкота изъ-за лишенія избирательнаго права многихъ гражданъ, но отвергло торжественное обѣщаніе манифеста 17 октября, заранѣе предоставившее думѣ право пересмотра избирательнаго закона.

Очевидно, дума, считающая неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина участіе въ избраніи депутатовъ и полагающая въ этомъ самую важную гарантію авторитета народнаго представительства, ни въ какомъ случаѣ не могла считать себя удовлетворенной заявленіемъ совѣта министровъ.

Далѣе, дума не сомнѣвается, что разрѣшеніе земельнаго вопроса возможно лишь на основѣ принудительнаго отчужденія частно-владѣльческой земли. Совѣтъ министровъ «считаетъ своей обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ государственною думою основаніяхъ безусловно недо-

пустимо», ибо неприкосновенность собственности является «на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства», тѣмъ болѣе, что при помощи переселенія и крестьянскаго банка вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ «несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего отечества».

Выступая въ такой категорической формѣ противъ самаго принципа, на которомъ дума признала единственно возможнымъ построить дѣйствительную реформу земельнаго обезпеченія крестьянскаго быта, министерство, очевидно, не могло расчитывать на какой либо компромиссъ и заранѣе объявляло думѣ войну, такъ какъ дума, въ свою очередь, признавала разрѣшеніе земельнаго вопроса важнѣйшей изъ своихъ ближайшихъ задачъ.

Такую же рѣшимость «осадить» думу министерская декларація обнаружила и по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, затронутымъ думою въ адресѣ.

Конечно, министерство весьма «сочувствуетъ» изданію закона, которымъ были бы обезпечены и неприкосновенность личности, и свобода совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, но еще болѣе, по его мнѣнію, необходимо «вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы при дѣйствіи законовъ, расчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству».

Смыслъ этой оговорки, въ устахъ бюрократическаго министерства, отстаивающаго старый режимъ, былъ совершенно ясенъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что значитъ на языкѣ нашей бюрократіи вооруженіе ея «дѣйствительными способами борьбы съ посягательствами, угрожающими обществу и государству», и что разумѣетъ бюратія подъ мирнымъ теченіемъ жизни. Но, чтобы не оставить на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, совѣтъ министровъ въ своей декларації, отвѣчая на требованія думы объ отмѣнѣ дѣйствія исключительныхъ законовъ, заявляетъ, что, хотя эти законы неудовлетворительны, но министерство вовсе не намѣрено до изданія болѣе совершенныхъ отказываться отъ существующихъ законовъ, такъ какъ они примѣнялись и примѣняются въ виду «повсемѣстныхъ

убійствъ, грабежей и возмутительныхъ насилій» и впредь будутъ примѣняться, «какъ единственное средство борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности», такъ какъ въ этомъ состоитъ «основная обязанность государственной власти».

Легко понять впечатлѣніе, которое должно было произвести подобное заявленіе министерства на представителей народа. Въ продолженіе всего царствованія императора Александра III общій порядокъ въ странѣ не нарушался и, тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстностяхъ имперіи дѣйствовало положеніе объ усиленной охранѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно дѣйствуетъ непрерывно уже 25 лѣтъ. Теперь почти вся имперія объявлена на положеніи либо усиленной, либо чрезвычайной охраны, либо на военномъ положеніи, и никогда раньше произволъ административныхъ властей не достигалъ той степени, когда и жизнь и имущество жителей находятся въ полномъ распоряженіи любого агента государственной власти. Всѣ законы упразднены, законодательство передано въ руки множества невѣжественныхъ и жестокихъ правителей мелкихъ, почти самостоятельныхъ территорій, на которыя подѣлена страна, гдѣ издаются свои законы и приводятся въ исполненіе приговоры самими же законодателями по правилу—своя рука владыка. И это называется декларацiей «огражденіемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности всѣми существующими нынѣ законными способами». Законными способами! Страна узнала всю силу законныхъ способовъ послѣ роспуска думы, когда оказалось возможнымъ замѣнить повсюду одни законные суды другими, яко бы законными военно-полевыми судами и предавать смертной казни каждаго безъ различія возраста и пола и безъ какихъ-либо гарантій правосудія. Посредствомъ тѣхъ же «законныхъ способовъ» громадная масса гражданъ при помощи сената и въ явный обходъ основныхъ законовъ лишена своихъ избирательныхъ правъ и посредствомъ такихъ же «законныхъ способовъ» министерство налагаетъ руку на избирательныя собранія, съ цѣлью подтасовать народный выборъ и получить рабски покорную думу.

Если нѣкоторые изъ отмѣченныхъ нами фактовъ относятся къ болѣе позднему времени, когда дума была уже распущена, то это нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ замѣна г. Горемыкина г. Столыпинымъ не измѣнила ни положенія вещей, ни существа внутренней политики министерства по той естественной причинѣ, что важнѣйшія министерства остались въ рукахъ тѣхъ же лицъ,

которыя управляли ими и при г. Горемыкинѣ. Очевидно, что министерство послѣдняго въ декларацiи 13 мая не считало еще возможнымъ раскрывать всѣ карты и истинныя свои намѣренiя и закутывало ихъ въ туманныя фразы о «первѣйшей обязанности государственной власти ограждать законными способами общество и государство отъ посягательствъ на неприкосновенность собственности и личности», пуская въ ходъ именно всѣ тѣ «эвфемизмы», которые проф. Герье приписываетъ теперь думскому адресу, и тщетно расчитывая на политическую неопытность членовъ думы. Послѣ роспуска думы «эвфемизмы» не были болѣе нужны, и г. Столыпинъ примѣнилъ программу, изложенную въ декларацiи во всей ея наготѣ. Лучше всего это обнаруживается изъ той части декларацiи, которая служитъ отвѣтомъ на признанiе думою необходимости выработать законы, утверждающiе равноправiе крестьянъ и снимающiе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Совѣтъ министровъ съ своей стороны признаетъ, что «сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенiю ихъ съ другими сословiями въ отношенiи гражданскаго правопорядка управленiя и суда», а также, что должны «отпасть всѣ ограниченiя права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченiя исправнаго погашенiя выкупного долга», но имѣя, въ виду, что «сила русскаго государства зиждется прежде всего на силѣ его земледѣльческаго населенiя», что крестьянскiй вопросъ имѣетъ «всеобъемлющее государственное значенiе, и что рѣшенiе такого вопроса требуетъ особливой заботливости и осторожности, во избѣжанiе рѣзкихъ потрясенiй исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта»,—господа министры находятъ, что «уравненiе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ правахъ съ прочими сословiями отнюдь не должно лишить государственную власть права и обязанности выказывать особливую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства. Мѣропрiятiя въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенiю условiй крестьянскаго землепользованiя въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенiю площади землевладѣнiя малоземельной части населенiя за счетъ свободныхъ казенныхъ земель и прiобрѣтенiемъ частно-владѣльческихъ земель при содѣйствiи крестьянскаго банка».

Съ думской трибуны министры признавали за крестьянами равенство ихъ правъ со всѣми другими гражданами и возлагали на правительство лишь особую заботливость о нуждахъ земледѣльческаго крестьянства. Въ дѣйствительности же и подъ равенствомъ

правъ, и подъ особой заботливостью подразумѣвалось нѣчто совершенно другое, давно всѣмъ знакомое и послѣ роспуска думы нашедшее свое выраженіе въ циркулярѣ г. Столыпина о неприкосновенности и незыблемости власти земскихъ начальниковъ, въ лишеніи огромной массы крестьянъ, владѣющихъ купленной землей, избирательнаго права на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, наконецъ, въ законахъ 9 и 15 ноября, имѣющихъ цѣлью расколоть крестьянство на 2 части, создать изъ одной мелкую крестьянскую буржуазію и противопоставить ея матеріальные и политическіе интересы интересамъ другой части.

Для того, чтобы создать возможность совмѣстной работы съ думой, совѣтъ министровъ долженъ былъ говорить съ нею такимъ языкомъ, который опредѣленно свидѣтельствовалъ бы, что правительство искренно идетъ навстрѣчу новому режиму и готово немедленно приступить къ осуществленію обѣщаній манифеста 17 октября, что оно заранѣе и навсегда отказывается отъ всякихъ самовластныхъ рѣшеній и мѣропріятій и, стоя на почвѣ конституціи, уважаетъ законодательныя права государственной думы. Такимъ языкомъ должно было говорить министерство, составленное изъ старыхъ бюрократовъ и завѣдомыхъ противниковъ конституціоннаго строя, если оно желало внушить довѣріе къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ. Министерство поступило обратно этому и прибѣгло къ способу выраженій или неясныхъ и неопредѣленныхъ, или явно оскорбительныхъ для достоинства народнаго представительства. Въ общемъ декларація получила характеръ вызова думѣ, которая не могла этого не почувствовать, а послѣдствія показали, что министерство всецѣло сохранило въ себѣ духъ формально упраздненнаго режима и вовсе не отказалось отъ привычнаго самовластія.

Если освободить декларацію отъ всѣхъ условностей и туманностей дипломатическаго языка, то она обнаруживаетъ, съ одной стороны, грубое отрицаніе законодательныхъ правъ государственной думы, а, съ другой,—полное отрицаніе необходимости коренныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, несмотря на очевидное обветшаніе прежнихъ устоевъ.

Въ глазахъ правительства, повидимому, ничто не измѣнилось и вся его задача состоитъ въ противодѣйствіи всякой попыткѣ дѣйствительнаго обновленія государственнаго строя.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени характерный отвѣтъ даетъ министерская декларація на указаніе думы о необходимости укрѣпленія въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права:

„правительство заявляетъ, гласитъ декларація, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ“, т. е. не допускаютъ никакихъ перемѣнъ. Такое категорическое заявленіе дѣлается послѣ позорной войны, обнаружившей неисчислимыя язвы управленія и деморализаціи арміи и флота, послѣ севастопольскихъ, кронштадтскихъ и владивостокскихъ военныхъ бунтовъ и передъ новыми бунтами въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ.

Послѣ такого заявленія не могло оставаться никакого сомнѣнія, что дума имѣла передъ собой, въ лицѣ министровъ, правительство непреклонныхъ обструкціонистовъ, а не государственныхъ людей, политика которыхъ считается съ явленіями жизни, съ отмираніемъ однѣхъ и нарожденіемъ другихъ потребностей, съ эволюціей соціальнаго и политическаго быта страны, переживающей къ тому же острый кризисъ.

И думу, исключительно думу, тѣмъ не менѣе, упрекаютъ въ революціонности, въ непримиримости и неуваженіи къ правительству, которое не только заставило страну пережить всѣ виды бѣдствій, но и съ тупымъ и равнодушнымъ упрямствомъ объявило о своемъ намѣреніи не допускать никакихъ преобразованій. Бюрократія осталась вѣрна своимъ традиціямъ и не собиралась сдѣлать никакихъ уступокъ народу.

Дальнѣйшія появленія членовъ министерства въ думѣ ни мало не отступили отъ такой программы. Едва дума приступила, по почину 42 депутатовъ, къ обсужденію основаній аграрной реформы, правительство сочло необходимымъ устами главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Стишинскаго и товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко объяснить думѣ свою точку зрѣнія и установить предѣлы допустимыхъ мѣръ въ этой области. По существу ихъ заявленія были лишь болѣе подробнымъ обоснованіемъ того категорическаго положенія, которое заявлено декларацiей: разрѣшеніе земельнаго вопроса на основаніи принудительнаго отчужденія частно владѣльческихъ земель—безусловно недопустимо. Изъ объясненія правительственныхъ ораторовъ было ясно, что министерство и думу раздѣляютъ не только способъ разрѣшенія земельнаго вопроса, но и непримиримое различіе во взглядахъ думы и правительства на самую важность и необходимость коренной реформы, въ видахъ устраненія того бѣдственнаго положенія, до котораго дошла огромная масса крестьянства.

Ни повторяющіяся въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ голодовки,

охватывающія все большія пространства, ни непомѣрный ростъ продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, ни все растущее стремленіе къ переселенію, ни прогрессирующее развитіе сельскаго пролетаріата—ничто до сихъ поръ не убѣдило правительство въ существованіи глубокаго земельнаго кризиса, кризиса въ той самой средѣ, на которой, по словамъ декларації, зиждется сила русскаго государства. Населеніе исправно платитъ подати, преимущественно въ формѣ косвенныхъ налоговъ, государство имѣетъ возможность ежегодно ихъ увеличивать и, если налогоплатежность населенія не убываетъ, то, очевидно, до кризиса далеко. Такъ въ свое время докладывалъ въ финансовыхъ отчетахъ г. Витте, и съ тѣхъ поръ положеніе земледѣльцевъ не могло значительно измѣниться. Если же въ послѣднее время, полагаетъ министерство, что либо и измѣнилось, то не въ экономическихъ, а въ политическихъ условіяхъ, и ослабленіе государственной власти, вслѣдствіе войны съ Японіей, породило тѣ аграрные безпорядки, которые требуютъ полицейскихъ мѣръ, а не измѣненія земельныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, правительство считается съ естественнымъ приростомъ населенія и увеличивающимся по этой причинѣ малоземельемъ нѣкоторой части земледѣльцевъ, но для этого, думаетъ правительство, совершенно достаточно тѣхъ средствъ, которыми оно располагаетъ, а именно—развитіе переселенческаго дѣла и планомѣрная покупка черезъ крестьянскій банкъ тѣхъ частновладѣльческихъ земель, которыя предлагаются въ продажу добровольно. Этихъ мѣръ, по мнѣнію правительства, вполнѣ достаточно для урегулированія земельныхъ отношеній и возстановленія равновѣсія тамъ, гдѣ оно нарушено. Вступать же на путь принудительнаго отчужденія частновладѣльческой земли,—значитъ нарушать принципъ частной собственности и разрушать самыя основы государства. Поэтому „не уничтоженіе частной собственности на землю, а закрѣпленіе за каждымъ крестьяниномъ въ его частную собственность нынѣ состоящей въ его владѣніи надѣльной земли—вотъ какой мѣрой государственная дума заслужитъ отъ народа большое спасибо“ [1]).

Такія рѣчи и взгляды офиціальныхъ ораторовъ не только не могли убѣдить думу, но свидѣтельствовали въ ея глазахъ о полной неспособности бюрократическаго правительства вникнуть и оцѣнить какъ интересы крестьянства, такъ и интересы государства, которое

---

[1]) Рѣчь тов. мин. внутр. дѣлъ г. Гурко. Офиціальн. стенограф. отчетъ, стр. 523.

безспорно черпаетъ свою силу изъ благосостоянія и силы земледѣльческаго населенія, составляющаго у насъ около 85% всѣхъ жителей Россіи.

Съ точки зрѣнія думы, благодаря разнообразнымъ условіямъ нашей страны, остающейся до сихъ поръ, если не цѣликомъ, то преимущественно, земледѣльческой, по причинѣ экономической и финансовой политики правительства, земельный вопросъ, мало по малу, превратился въ соціальную язву, способную привести къ смерти и общество, и государство. Въ крестьянскихъ требованіяхъ земли звучитъ не жадность, не стремленіе захватить чужое, недостаточно защищенное, а крайняя нужда, инстинктъ самосохраненія и чувство справедливости. Ради общей пользы и важнѣйшихъ государственныхъ интересовъ дума считала коренную реформу неизбѣжной и, не отрицая частныхъ интересовъ, должна была остановиться на способахъ разрѣшенія земельной нужды въ томъ видѣ и въ той мѣрѣ, въ какихъ диктуетъ ихъ необходимость и интересы государства. Для примиренія этихъ двухъ въ корнѣ различныхъ точекъ зрѣнія не было мѣста, тѣмъ болѣе, что само министерство его и не искало. Напротивъ, оно избрало своимъ ораторомъ человѣка, который могъ дать думѣ только деказательство неуваженія къ ней правительства. Ораторскіе пріемы г. Гурко, его желаніе заподозрить значительную часть думы въ спекуляціи, при возможномъ отчужденіи ихъ имѣній, и такимъ пріемомъ возбудить депутатовъ крестьянъ противъ принудительнаго отчужденія,—могло вызвать въ каждомъ безпристрастномъ слушателѣ только полное осужденіе. Но правительство и этимъ не ограничилось. Въ разныхъ губерніяхъ стали появляться воззванія къ населенію губернаторовъ, гдѣ безцеремонно и вопреки всякой правдѣ сообщалось о намѣреніяхъ думы отобрать отъ крестьянъ всю пріобрѣтенную ими покупкою землю. Само собою разумѣется, что ни одинъ губернаторъ не могъ по собственному почину выступить съ подобнымъ воззваніемъ, а сходство ихъ содержанія удостовѣряло ихъ происхожденіе изъ министерскихъ канцелярій.

Уже это обстоятельство показываетъ все значеніе, которое придавало правительство столкновенію съ думой на аграрномъ вопросѣ. Если вопросъ о роспускѣ думы до этого момента не получилъ своего обоснованія, то, несомнѣнно, въ этотъ моментъ онъ былъ рѣшенъ безповоротно. Здѣсь затрагивались не только интересы бюрократіи, но и всего правящаго класса. Старый порядокъ терялъ, въ прямомъ смыслѣ слова, почву подъ ногами и добровольно согласиться на превращеніе бюрократической и служилой Россіи въ

Россію демократическую онъ не хотѣлъ, если даже не расчитывалъ на окончательную побѣду, ибо отодвинуть собственное пораженіе на болѣе или менѣе долгій срокъ представлялось уже значительной побѣдой.

Дальнѣйшія ораторскія выступленія гг. Столыпина, Коковцева, Щегловитова, Макарова, Солертинскаго и даже генерала Павлова не внесли ничего новаго въ совершенно уже опредѣлившіяся взаимныя отношенія министерства, съ одной стороны, и думы—съ другой. Всѣ варіаціи министровъ на тему о законѣ и законности, всѣ оправданія во имя закона: и карательныхъ экспедицій, и смертныхъ казней, и безчисленныхъ арестовъ, и бѣлостокскаго погрома, и всякихъ иныхъ насилій и самоуправствъ всевозможныхъ представителей администраціи и юстиціи—не могли убѣдить депутатовъ первой думы въ добрыхъ намѣреніяхъ министровъ и въ дѣйствительномъ преклоненіи ихъ передъ закономъ, такъ какъ вся Россія уже убѣдилась въ достаточной мѣрѣ, что означаетъ законность въ устахъ представителей власти и что означало знаменитое кремневое ружье въ рукахъ г. Столыпина, который обѣщалъ и охранять имъ права гражданъ, и карать нарушителей государственнаго порядка. Даже рѣчь генерала Павлова по поводу смертныхъ казней, глубоко возмутившая всю думу своимъ деревяннымъ и безчеловѣчно-жестокимъ тономъ, доведшая значительную часть депутатовъ до потери всякаго равновѣсія, даже она не прибавила ничего новаго. Взрывъ негодованія, вызванный Павловымъ, служитъ лишь внѣшнимъ показателемъ уже сложившагося, совершенно безнадежнаго взгляда думы на положеніе, занятое правительствомъ относительно народнаго представительства. Если депутатъ Онипко, обращаясь къ предсѣдателю съ просьбой не отнимать у думы времени допущеніемъ на трибуну «постороннихъ» ораторовъ, подъ которыми онъ разумѣлъ членовъ министерства, если онъ былъ формально неправъ, то по существу выражалъ мысль, которой держалось и само министерство относительно думы. Не подлежитъ сомнѣнію, что и дума, и министерство были учрежденіями, одно для другого совершенно посторонними. Въ глазахъ правительства дума была постороннимъ учрежденіемъ, невзначай ворвавшимся въ его собственныя владѣнія и пытающимся отнять его традиціонное право безконтрольнаго распоряженія судьбами Россіи. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть объяснена та обструкція, которой министерство неуклонно слѣдовало со дня созыва думы; затѣмъ, попытка вызвать противъ думы враждебное настроеніе въ странѣ систематическимъ печа-

таніемъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстныхъ телеграммъ, направленныхъ противъ народнаго представительства, наконецъ, ловкій военный обходъ думы съ тыла, къ чему прибѣгло министерство въ своемъ «правительственномъ сообщеніи» 20 іюня по земельному вопросу съ цѣлью создать предлогъ для роспуска думы. Все это—и обструкція, и печатаніе въ правительственномъ органѣ не только оскорбительныхъ для достоинства думы, но и призывающихъ верховную власть къ государственному перевороту телеграммъ, и правительственное сообщеніе 20 іюня—все это лишь моменты борьбы, рѣшенной до созыва думы, когда опредѣлился ея оппозиціонный составъ, и предпринятой не во имя осуществленія началъ, положенныхъ въ основу новаго строя манифестомъ 17 октября и закономъ 20 февраля, а противъ нихъ и съ цѣлью дискредитированія и уничтоженія самаго принципа народнаго представительства и его законодательныхъ правъ. Для достиженія этой цѣли министерство пустило въ ходъ весь аппаратъ старыхъ и испытанныхъ средствъ и, восторжествовавъ надъ первой думой, съ усиленной энергіей продолжаетъ начатую борьбу. Если въ борьбѣ съ думой оказывалось нужнымъ скрывать карты, то послѣ ея роспуска игра въ темную не была болѣе нужна. Чрезвычайная охрана, военно-полевые суды, безчисленные аресты и высылки, объявленіе всѣхъ оппозиціонныхъ партій революціонными, запрещеніе собраній — вотъ чѣмъ оказалось въ дѣйствительности классическое кремневое ружье г. Столыпина, которымъ онъ защищаетъ законъ и законность

Тѣмъ не менѣе, оруженосцы министерства кричать налѣво и направо, что правительство вынуждено было разогнать думу, потому что вмѣсто работы она мѣшала работать правительству, вмѣсто разработки законовъ—она покушалась на основные законы, вмѣсто строгаго соблюденія предѣловъ своей власти—она покушалась на захватъ власти исполнительной, вмѣсто борьбы конституціонной—она вела борьбу революціонную.

Достаточно просмотрѣть хронику нашихъ дней, обратить вниманіе на мѣры, которыя принимаются правительствомъ относительно выборовъ во вторую думу, чтобы всѣ обвиненія, взводимыя на первую думу, совершенно разсѣялись. Настоящее правительство можетъ примириться лишь на такомъ народномъ представительствѣ, которое согласится быть послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ и возьметъ на себя роль ширмы, за которою власть будетъ чувствовать себя свободной отъ какихъ-либо конституціонныхъ обязательствъ.

Мы не станемъ отрицать, что тѣ *формы*, въ которыя нерѣдко отливалась борьба съ министерствомъ въ думѣ, со стороны части ея членовъ были далеки отъ общепринятыхъ парламентскихъ формъ, но это легко объясняется сущностью самой борьбы. Если бы парламентъ любой европейской страны былъ осужденъ на борьбу съ правительствомъ, поставившимъ себѣ цѣлью аннулировать конституціонный строй и подчинить страну абсолютизму, если бы оно даже не употребляло для достиженія этой цѣли такія средства, какъ казни и всѣ виды насилія и произвола, то мы были бы свидѣтелями такихъ формъ парламентской борьбы, которыя далеко превзошли бы манеру нашей крайней лѣвой.

Мы не сторонники этой манеры и въ думѣ ею не пользовались но, во всякомъ случаѣ, не тѣмъ, которые покушаются на права и достояніе народа, которые нарушаютъ всѣ законы и лишаютъ гражданъ всѣхъ гарантій, провозглашенныхъ манифестомъ 17 октября, становиться обвинителями тѣхъ, которые выражали свое негодованіе только крикомъ: «въ отставку!»

Мы не снимаемъ съ думы и отвѣтственности за недостатки ея дѣятельности, и даже за ея роспускъ, но, чтобы установить предѣлы этой отвѣтственности, необходимо еще обратиться къ разсмотрѣнію самой дѣятельности думы въ ея главнѣйшихъ моментахъ.

III.

Выборы депутатовъ государственной думы прошли при тѣхъ особенныхъ условіяхъ, которыя были созданы дѣйствіями правительства графа Витте, явно стремившагося, поскольку было возможно, свести къ нулю обѣщанія манифеста 17-го октября, тогда какъ огромная часть населенія смотрѣла на эти обѣщанія, какъ на свое неотъемлемое достояніе, добытое дорогой цѣной тяжелыхъ жертвъ и крови. Никому не улыбался,—напротивъ, вызывалъ всеобщія опасенія,—возвратъ павшаго абсолютизма, которому страна цѣлые вѣка также приносила тяжкія жертвы, за неприкосновенность котораго также проливала кровь и который заплатилъ ей позоромъ, разореніемъ, тираніей и самовластіемъ бюрократіи. Враждебное настроеніе къ старому режиму и рѣшеніе противодѣйствовать его возврату росло вмѣстѣ съ опасеніемъ за успѣхъ борьбы. Народное представительство представлялось тѣмъ единственнымъ оплотомъ права и свободы, который можетъ предотвра-

тить его возвратъ и гарантировать странѣ новый порядокъ, соотвѣтствующій ея интересамъ. Поэтому тамъ, гдѣ населеніе относилось къ выборамъ болѣе или менѣе сознательно, имѣли шансы быть избранными только тѣ лица, которыя принимали на себя обязательство бороться съ правительствомъ за полное осуществленіе обѣщанныхъ манифестомъ свободъ, за всеобщее избирательное право, за уравненіе правъ всѣхъ сословій, расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, привлеченія къ отвѣту и суду всѣхъ правительственныхъ лицъ, виновныхъ въ насиліяхъ и беззаконіяхъ, и за амнистію всѣхъ пострадавшихъ участниковъ освободительнаго движенія. Тѣ избиратели, которые желали большаго и лозунгомъ которыхъ было учредительное собраніе, бойкотировали думу и не принимали участія въ выборахъ. Тѣ же, которые желали меньшаго, или вовсе не умѣли формулировать своихъ желаній, въ огромномъ большинствѣ случаевъ были побѣждены на выборахъ; но и это меньшинство почти повсюду относилось къ существующему режиму отрицательно и борьбу съ нимъ признавало необходимой. Даже тайные сторонники абсолютизма не считали возможнымъ открыто выступать подъ своимъ знаменемъ и формировались въ партіи, на знаменахъ которыхъ неизмѣнно значилась борьба съ бюрократіей.

Такое настроеніе избирателей нашло свое естественное выраженіе въ томъ, что огромное большинство ихъ на выборахъ вотировало за партію народной свободы (к.-д.), которая явилась къ выборамъ достаточно хорошо организованной, открыто оппозиціонной и широкой по своей программѣ. Подъ ея флагомъ прошло немало и такихъ лицъ, которыя держались воззрѣній „лѣвѣе кадетовъ“, но не успѣвшихъ ни формулировать своей программы, ни образовать партіи, ни привлечь къ себѣ симпатіи избирателей. Впослѣдствіи эти депутаты примкнули къ группѣ, принявшей названіе „трудовой“ и образовавшейся не передъ выборами, а уже въ самой думѣ.

Теперь всевозможныя рептиліи стараются увѣрить насъ, что торжество конституціонно-демократической партіи на выборахъ въ первую думу вовсе не служитъ показателемъ дѣйствительнаго настроенія избирателей, а обязано, съ одной стороны, ловкости партіи, сумѣвшей путемъ несбыточныхъ обѣщаній устроить выборы въ свою пользу, а, съ другой,—тактическимъ ошибкамъ правыхъ партій, скомпрометировавшихъ себя въ глазахъ избирателей, союзомъ съ партіями, явно стоящими на сторонѣ бюрократіи. Всѣ

подобныя увѣренія однако свидѣтельствуютъ либо объ умышленномъ извращеніи фактовъ, либо о неумѣніи въ нихъ разобраться. Никакая ловкость партіи не могла извратить или обмануть настроеніе избирателей, такъ какъ оно было столь всеобщимъ и столь интенсивнымъ, что успѣхъ могла имѣть лишь та партія, которая думаетъ и чувствуетъ въ унисонъ съ избирателями и сумѣла выразить желанія ихъ въ ясной и конкретной формѣ и въ осуществимыхъ предѣлахъ.

Тамъ, гдѣ эти желанія остались несознанными или неясными, партія народной свободы не имѣла успѣха, доказательствомъ чего служитъ присутствіе въ думѣ безпартійныхъ депутатовъ. Очевидно, никакая партійная ловкость не могла имѣть успѣха тамъ, гдѣ населеніе и избиратели не могли разобраться въ значеніи народнаго представительства или гдѣ довѣріе къ лицамъ еще не уступило мѣста довѣрію къ идеямъ. Только безсильная злоба могла пытаться создать легенду о еврейскихъ милліонахъ потраченныхъ партіей народной свободы на предвыборную агитацію, которая очень мало нуждалась въ деньгахъ, когда каждый охотно отдавалъ свое время и трудъ для торжества партіи, воплощавшей въ себѣ идею непримиримой борьбы съ абсолютизмомъ. Достаточно вспомнить день выборовъ въ Москвѣ, гдѣ зелеными кокардами партіи народной свободы украшали себя мужчины, женщины и дѣти и каждый по своему агитировалъ въ пользу партіи въ то самое время, когда правыя партіи должны были за деньги нанимать своихъ избирательныхъ агентовъ.

Въ другихъ мѣстахъ этотъ энтузіазмъ не имѣлъ такого праздничнаго характера, но вездѣ побѣду одерживали не обѣщанія, не деньги и не ловкость, а чувство протеста и желаніе борьбы съ ненавистнымъ строемъ.

Это былъ основной мотивъ выборовъ и неудивительно, что дума оказалась оппозиціонной сверхъ всякаго ожиданія не только правительственныхъ сферъ, но и крайнихъ лѣвыхъ партій вмѣстѣ съ правительствомъ полагавшихъ, что выборный законъ дастъ покорную думу, и потому заранѣе бойкотировавшихъ послѣднюю.

Мы уже имѣли случай отмѣтить, что только двѣ партіи вошли въ думу вполнѣ организованными: партія народной свободы и польское «коло», и хотя въ первой партіи произошли нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ, вслѣдствіе перехода незначительнаго числа депутатовъ въ трудовую группу и вступленія новыхъ

членовъ изъ другихъ группъ, но ни то, ни другое не измѣнило значенія и характера дѣятельности этихъ двухъ партій. Что-же касается остальныхъ депутатовъ, то потребовалось нѣкоторое время, прежде чѣмъ они образовали болѣе или менѣе однородныя группы и, за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, эти группы такъ и не успѣли сложиться въ организованныя партіи съ достаточно опредѣленными программами. Къ концу думской сессіи по партіямъ и группамъ депутаты распредѣлялись приблизительно такъ:

1. конституц.-демократ. парт. .	172	
2. трудовая группа	96	(+2)
3. безпартійные правые . . .	92	(+8)
4. польское коло	36	
5. мирное обновленіе	35	(+1)
6. автономисты	24	
7. соціалъ-демократы	19	
8. демократическихъ реформъ. .	5	
9. неизвѣстно къ какой партіи принадлежащихъ	8	
Всего . . .	487 [1]	

Распредѣленіе это не можетъ считаться совершенно точнымъ, вслѣдствіе недостаточной партійной организаціи, но оно показываетъ, что ни одна партія въ думѣ не имѣла абсолютнаго большинства голосовъ, даже партія конституціонно-демакр. имѣла немного болѣе трети (34,9%) ихъ.

Конечно, это составляло значительный недостатокъ состава думы, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ теченіе 72 дней думской жизни группировка партій не успѣла кристаллизоваться. Однако, это не представляло органическаго препятствія работо-

[1]) Въ это число не вошло 11 депутатовъ отъ Тамбовской губерніи, выборы которыхъ были кассированы думой, и число которыхъ поставлено въ скобкахъ противъ соотвѣтственныхъ группъ. Сверхъ того, число 487 не соотвѣтствуетъ общему числу депутатовъ, равному 522, такъ какъ сюда не вошли, кромѣ Тамбовскихъ, 2 депутата отъ Дагестанской области, которые не были избраны, равно какъ и 9 деп. отъ Амурской обл., Амурскаго казачьяго войска, Забайкальской, Приморской и Якутской областей и Иркутской губ., 12 депутатовъ отъ Средне-Азіатскихъ областей, выборы которыхъ были назначены на августъ и сентябрь мѣсяцы и, наконецъ, не избраннаго 1 депутата отъ православнаго населенія Царства Польскаго.

способности думы, какъ это утверждаютъ нѣкоторые „объективные“ ея судьи. Такъ, В. Ф. Дерюжинскій полагаетъ, что „бѣда думы заключалась въ обиліи партій; достаточно было бы и двухъ, самое большее трехъ, какъ это наблюдается въ Англіи“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что большое количество партій во всякомъ парламентѣ составляетъ одинъ изъ его недостатковъ, такъ какъ въ зависимости отъ этого увеличивается необходимость партійныхъ компромиссовъ и соглашеній, задерживающихъ и ослабляющихъ ходъ законодательной машины.

Но можно ли ставить въ особую вину такой недостатокъ первой государственной думѣ? Возможно ли избѣжать такого недостатка во второй или въ третьей думѣ путемъ измѣненія избирательнаго закона, или какимъ-либо другимъ способомъ?

Кому же неизвѣстно, что до октябрьскаго манифеста всякія попытки организаціи политическихъ партій и группъ преслѣдовались какъ государственныя преступленія и карались тяжкими наказаніями. Поэтому партіи могли формироваться лишь конспиративнымъ путемъ, который совершенно непригоденъ для широкихъ народныхъ массъ, и только послѣ манифеста 17 октября, признавшаго за населеніемъ право собраній и союзовъ, стали возникать партіи съ политическими программами. Однако, ближайшія событія показали, что вліяніе на выборы въ думу могли оказать только партіи, возникшія раньше октября, успѣвшія ознакомить населеніе съ очередными задачами и пріобрѣсти его довѣріе. Такихъ партій было только двѣ [2]): соціалистическая, съ ея двумя фракціями, и конституціонно-демократическая, или партія народной свободы, преобразованная изъ конспиративнаго союза «освобожденія», основаннаго года два раньше. Вліяніе на выборахъ соціалистовъ имѣло отрицательный характеръ, такъ какъ они бойкотировали думу; вліяніе партіи народной свободы было положительнымъ, потому что она одна имѣла прочные корни въ обществѣ и широкое распространеніе по крайней мѣрѣ въ болѣе образованныхъ слояхъ населенія. Въ этомъ причина успѣха партіи народной свободы, но въ этомъ же и причина ея недостаточной численности въ думѣ, такъ какъ значительныя массы оставались внѣ ея вліянія. Остальныя партіи не могли оказать какого-либо вліянія на выборы,

---

[1]) Газета „Рѣчь“, № 239, 1906 г.

[2]) Мы не касаемся Царства Польскаго, гдѣ политическая жизнь сложилась давно и партіи образовались сообразно особымъ условіямъ ея политической и соціальной жизни.

потому что не имѣли никакихъ корней въ странѣ и не отвѣчали ея оппозиціонному настроенію. Въ виду этого скорѣе можно удивляться тому, что въ думу было избрано безпартійныхъ, вмѣстѣ съ исключенными тамбовцами, не болѣе 76 депутатовъ изъ 500, т. е. около 15%, и что всѣ остальные распредѣлились по партіямъ, тогда какъ слѣдовало ожидать ихъ гораздо больше. Точно также можно было ожидать мелкой группировки, принимая во вниманіе разноплеменность Россіи и разнообразіе быта, культуры и экономическихъ интересовъ. Мы полагаемъ поэтому, что если «бѣда» первой думы заключалась въ многочисленности ея партій, то такой бѣды не только не избѣжитъ вторая, третья и слѣдующія думы, но, напротивъ, эта бѣда будетъ увеличиваться съ развитіемъ и культурою окраинъ, особенности и частные интересы которыхъ поведутъ къ организаціи въ народномъ представительствѣ и особыхъ группъ, предвѣстникомъ которыхъ въ первой думѣ была группа «автономистовъ» [1]). Не уничтожить, а смягчить этотъ недостатокъ можетъ только развитіе автономнаго начала и широкое его распространеніе.

Независимо отъ этихъ соображеній, намъ представляется фактически невѣрнымъ утвержденіе, что въ парламентахъ, отличающихся зрѣлостью и работоспособностью, имѣется „всего двѣ, три партіи, какъ въ Англіи“. Англійскій парламентъ давно забылъ такое положеніе, такъ какъ въ немъ уже много лѣтъ существуетъ четыре, а въ настоящее время цѣлыхъ шесть партій (тори, либералы, уніанисты, рабочіе съ Брайсомъ во главѣ и соціалисты во главѣ съ Кейръ-Гарди). Точно также и въ германскомъ рейхстагѣ имѣются цѣлыхъ одиннадцать партій (консерваторы, свободноконсерваторы, католики, вельфы, національ-либералы, поляки, свободомыслящіе, свободомыслящій союзъ, соціалъ-демократы, ю. германская народная партія и дикіе). Наконецъ, во французской палатѣ имѣется девять партій (монархисты, бонапартисты, возсоединившіеся—ralliés, націоналисты, оппортунисты, радикалы,

---

[1]) Если отъ большого числа партій въ думѣ зависитъ ея неработоспособность, то министерство г. Столыпина дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы сдѣлать думу совсѣмъ неработоспособной, устраняя предвыборную борьбу партій и предоставляя выборъ депутатовъ всѣмъ случайностямъ. Результатомъ такихъ пріемовъ будетъ появленіе мелкихъ группъ, на которыхъ одинаково не могутъ опираться ни партіи, ни правительство.

радикалы-соціалисты и двѣ фракціи соціалистовъ Геда и Жореса).

Очевидно, что съ развитіемъ культуры, образованности и классовыхъ интересовъ, не взирая даже на однородность состава страны, народное представительство имѣетъ склонность къ дробленію партій, а не къ объединенію, такъ что парламенты съ двумя партіями сохраняются въ памяти лишь какъ историческое прошлое.

Въ нашей первой думѣ было только восемь партій, но въ строгомъ смыслѣ партіями, какъ организаціями съ опредѣленными программами, было только три: конституціонно-демократическая, соціалъ-демократическая и польское коло. Всѣ остальныя, не исключая демократическихъ реформъ и трудовой, были группами, у которыхъ либо была программа, но не было организаціи (д. р., октябристы), либо была организація, но не было программы (трудовики), либо не было ни того, ни другого. Вѣроятно, при болѣе продолжительной законодательной дѣятельности эти группы организовались бы въ партіи, но въ теченіе короткаго срока жизни думы такая организація была невозможна, такъ какъ парламентская дѣятельность думы только еще зарождалась.

Естественно, что, въ зависимости отъ организованности, численнаго преобладанія и личнаго состава, конституціонно-демократическая партія получила въ думѣ преобладающее значеніе, такъ что сама дума получила названіе кадетской, но роль партіи народной свободы, хотя была преобладающей, не была господствующей, ибо она не располагала большинствомъ голосовъ и должна была раздѣлять это значеніе съ трудовой группой, вліяніе которой въ думѣ, а еще болѣе въ странѣ, было бы несправедливо отрицать.

Шумная дѣятельность въ думѣ трудовиковъ, ихъ несдержанность и рѣзкость ихъ нападокъ на министерство, вообще, и на отдѣльныхъ его членовъ въ частности, ихъ требованіе „народной“ взамѣнъ „государственной“ думы, находили полное осужденіе и опасеніе въ правящихъ сферахъ, но въ то же время вызывали горячія симпатіи въ народныхъ массахъ. Имена нѣкоторыхъ ораторовъ этой группы стали извѣстны въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи и произносились тамъ съ любовью и надеждой, пугая бюрократію, возбуждая ея ненависть и служа ей основаніемъ для ограниченія избирательнаго права крестьянъ. Для газетныхъ рептилій имена депутатовъ Аладьина, Аникина и Жил-

кина стали нарицательными, когда надо было оправдать и подчеркнуть необходимость разгона думы. Даже такіе „объективные“ судьи, какъ г. Дюрижинскій, котораго мы цитировали выше, оцѣниваетъ работоспособность думы по неподготовленности къ государственной дѣятельности г. Аладьина и его товарищей по группѣ. Въ его глазахъ г. Аладьинъ какъ бы олицетворялъ думу.

Придавая такое значеніе трудовой группѣ, въ то же время порицали партію народной свободы, за ея союзъ съ нею и за то, что первая не оказала достаточнаго, или даже никакого, противодѣйствія трудовикамъ, а шла за ними въ хвостѣ, боясь утратить свою популярность. Всѣ эти сужденія и порицанія намъ представляются не столько объективными, сколько узкими, мало продуманными. Мы понимаемъ тѣхъ, которые непосредственно на себѣ испытали непарламентское отношеніе къ нимъ трудовиковъ, но и отъ нихъ можно было бы ожидать большей вдумчивости въ явленіе столь для нихъ непріятное и неожиданное. Объективное же изслѣдованіе самаго существа и условій дѣятельности перваго нашего народнаго представительства, казалось бы, заслуживаютъ со стороны объективныхъ судей не повторенія банальныхъ обвиненій, а хотя бы нѣкотораго анализа фактовъ.

Гдѣ же лежитъ причина тѣхъ безспорныхъ симпатій, которыми пользовалась трудовая группа въ самыхъ широкихъ массахъ крестьянскаго населенія? Гдѣ причина той популярности ея, которая обнаружилась въ обществѣ, литературѣ и даже на сценѣ? Должны же существовать для этого какія-либо причины, тѣмъ болѣе, что законодательной дѣятельностью трудовики не отличались, сколько,-нибудь крупныхъ ораторскихъ талантовъ между ними не было, особеннаго искусства въ борьбѣ не обнаружили, равно не поражали воображеніе ни широтою своихъ замысловъ, ни силою своей аргументаціи?

Мы полагаемъ, что для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ разобраться въ психологіи выборовъ.

Нѣтъ нужды вновь повторять о настроеніи народныхъ массъ въ моментъ выборовъ въ думу. Достаточно вспомнить, что жажда свободы, страстное желаніе сбросить съ себя самовластное иго бюрократіи, ненависть къ ней, подавленная и безконечно долго скрываемая подъ угрозой жестокой расправы, безысходность матеріальнаго положенія, чувство одержанной побѣды, отсутствіе всякаго политическаго и общественнаго воспитанія и полное непониманіе средствъ и путей для выхода изъ этого состоянія—

таковы условія выборовъ въ самой многочисленной средѣ избирателей. Къ этому надо прибавить численную ничтожность образованнаго класса и накопленную вѣками ненависть къ „барину“, которымъ представлялся каждый, не принадлежащій къ крестьянской средѣ и потому возбуждавшій ея недовѣріе. Такимъ избирателямъ нуженъ былъ депутатъ, который не измѣнилъ бы имъ. Они не могутъ, подобно французскимъ избирателямъ 1789 года, дать своимъ депутатамъ письменные наказы, требующихъ изложенія желаній, не всегда ясныхъ, поэтому ищутъ въ депутатѣ настроенія, столь же интенсивнаго, столь же непримиримаго и столь же радикальнаго, какъ то, которое владѣетъ ими. Такой избранникъ не предастъ, потому что онъ плоть отъ плоти ихъ. Конечно, лучше, если избранникъ образованнѣе ихъ, избирателей, но это не столь важно, ибо главное — единство чувства и настроенія, которыя и внушали полное довѣріе.

Тамъ, гдѣ это настроеніе было особенно интенсивно и избиратели, или часть ихъ, стояли немного выше средняго уровня среды, тамъ избраніе трудовика было обезпечено. Если обратить вниманіе на географическое распредѣленіе трудовой группы по территоріи Россіи, то можно замѣтить, что именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ положеніе крестьянства наиболѣе тяжелое и крестьянская масса болѣе сознательная, большинство депутатовъ принадлежитъ къ трудовой группѣ. Губерніи вятская, екатеринославская, курская, орловская, пензенская, полтавская, саратовская дали преимущественно трудовиковъ. Если бы выборамъ предшествовали свободныя собранія и если бы они не сопровождались, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, давленіемъ администраціи и духовенства, вѣроятно, картина оказалась бы еще ярче.

Но подъ какимъ бы флагомъ трудовикъ ни проходилъ на выборахъ, онъ несъ въ думу не программу, не планъ законодательныхъ реформъ, а настроеніе своихъ избирателей, которое было и его собственнымъ настроеніемъ. По существу настроеніе трудовиковъ въ думѣ было барометромъ настроенія массъ, хотя не совершенно точнымъ, и его стрѣлка имѣла склонность быстрѣе двигаться къ бурѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, разумнѣе наблюдать инструментъ и принимать въ расчетъ поправку, чѣмъ вовсе пренебергать имъ. Партія народной свободы такъ и поступала, что ставится ей въ вину критиками, относящимися къ общественнымъ явленіямъ съ легкомысліемъ людей, привыкшихъ оцѣнивать явленія съ точки зрѣнія канцелярій.

Наши соображенія о характерѣ трудовой группы подтверждаются и показаніемъ одного изъ видныхъ его членовъ, проф. Т. В. Локотя, который говоритъ: „Какъ создалась и сложилась трудовая группа: былъ ли при ея созданіи, вѣрнѣе, при ея образованіи, какой-либо опредѣленный планъ, съ опредѣленными политическими цѣлями, задачами, пріемами, тактикой? Была ли однородность составлявшихъ ее элементовъ? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно, но если мы спросимъ, была ли въ трудовой группѣ— и въ моментъ ея образованія, и во все время ея думскаго существованія—однородность политическаго настроенія, мы, несомнѣнно, должны будемъ отвѣчать утвердительно. И настроеніе это было тѣмъ самымъ глубоко народнымъ и *стихійно-революціоннымъ*, которымъ были проникнуты народныя массы, которое и отражало, и двигало быстро развивавшуюся русскую революцію. Трудовая группа—точное отраженіе народныхъ массъ въ первый думскій періодъ. Всѣ положительныя и отрицательныя черты и свойства стихійно-революціоннаго состоянія и настроенія народныхъ массъ присущи и трудовой группѣ. Вотъ почему, несмотря на видимую и качественную, и количественную слабость трудовой группы, къ ней стали очень чутко прислушиваться не только народныя массы, сразу почувствовавшія въ трудовой группѣ свое близкое родное дѣтище, свое вѣрное, надежное отраженіе“ [1]).

Г. Локоть, глядя на дѣятельность думы сквозь призму своего собственнаго настроенія и стихійно-революціоннаго настроенія своей группы, приписываетъ такое же настроеніе всей думѣ, вообще, и, въ особенности, конституціонно-демократической партіи, подтвержденіемъ чего онъ признаетъ выборгское воззваніе.

Мы полагаемъ, однако, что въ данномъ случаѣ г. Локоть такъ же далекъ отъ истины, какъ и реакціонные обвинители думы, приписывающіе ей тотъ же характеръ. Различіе между ними состоитъ лишь въ томъ, что г. Локоть усматриваетъ заслугу тамъ, гдѣ г.г. Гучковъ, Герье и ихъ союзники находятъ преступленія. Тождество ихъ исходной точки не дѣлаетъ ее достовѣрнѣе, и если трудовики въ своемъ самообольщеніи ошибаются, то реакціонеры прибѣгаютъ къ этому лишь какъ къ средству для своихъ реакціонныхъ цѣлей, въ видахъ борьбы съ демократіей и народнымъ представительствомъ.

Въ чемъ заключается стихійно-революціонное настроеніе не

---

[1]) Проф. Т. В. Локоть. Первая дума, Москва 1906 г., стр., 121 и 122.

тѣхъ или другихъ членовъ думы, не той или другой группы, а думы, какъ цѣлаго? Не въ томъ ли, что въ ея составѣ была группа съ революціоннымъ настроеніемъ, составлявшая не болѣе одной пятой части ея состава? Никакой парламентъ не можетъ претендовать на отсутствіе революціонныхъ группъ. Англія имѣетъ своихъ націоналистовъ—ирландцевъ, борьба которыхъ не рѣдко принимала далеко не легальныя формы, а иногда переходила въ революціонную. Франція имѣетъ монархистовъ и націоналистовъ, ведущихъ и въ парламентѣ, и внѣ его борьбу противъ республики. Въ испанскихъ кортесахъ имѣются карлисты и республиканцы; въ итальянскомъ парламентѣ республиканцы открыто ведутъ борьбу съ существующей монархіей. Въ австрійскомъ рейхсратѣ пангерманцы открыто возлагаютъ свои надежды на прусскихъ Гогенцоллерновъ и, наконецъ, въ Германіи еще недавно, соціалъ-демократы трактовались какъ революціонеры и разрушители существующаго строя и противъ нихъ принимались Бисмаркомъ насильственныя мѣры, оказавшіяся, впрочемъ, совершенно безплодными. Но ни въ одной странѣ идеи, желанія и борьба партій, несогласныхъ съ существующимъ порядкомъ, не служатъ въ настоящее время предлогомъ для обвиненій и извращенія смысла парламентской борьбы и роли парламентовъ. Только у насъ въ Россіи, гдѣ революціонный консерватизмъ, какъ его назвалъ Ю. Ф. Самаринъ, отстаивая свое полновластное господство, не только революціонными, но и террористическими способами, объявляетъ все, что борется съ произволомъ властей и насиліемъ, съ казнокрадствомъ и тунеядствомъ высшихъ классовъ, съ позоромъ родины и Цусимой, съ порабощеніемъ личности и общимъ безправіемъ, что отстаиваетъ право и равенство всѣхъ передъ закономъ, высшую цѣнность общихъ государственныхъ интересовъ и принесеніе имъ въ жертву монополій и привилегій, что защищаетъ свободу, справедливость и уваженіе къ человѣческой личности, независимо отъ ея религіи и національности,—все это провозглашается революціоннымъ, такъ какъ направлено противъ существующаго порядка. Въ этомъ смыслѣ первая государственная дума была несомнѣнно глубоко-революціонной, но не стихійно, а вполнѣ сознательно, такъ какъ видѣла не только въ министерствѣ Столыпина, а, именно, въ существующемъ порядкѣ, по выраженію кн. Трубецкого, „бичъ Божій“, который не долженъ болѣе тяготѣть надъ страной.

Покушеніе на прерогативы верховной власти, желаніе превра-

тить думу въ учредительное собраніе и т. п.,—все это „жупелы“, которыми вооружаются реакціонеры, чтобы запугать трусливыхъ и обмануть несвѣдущихъ, съ цѣлью удержать свои позиціи и сохранить самовластіе бюрократіи съ его неизбѣжными привилегіями, съ его пренебреженіемъ государственныхъ интересовъ и интересовъ народныхъ массъ и покровительствомъ интересовъ личныхъ и немногихъ избранныхъ. Не тѣ же ли самые защитники прерогативъ и незыблемости основныхъ законовъ привѣтствуютъ теперь ихъ сплошное нарушеніе министерствомъ и не они ли поощряютъ его къ дальнѣйшему извращенію избирательнаго закона, неприкосновенность котораго, безъ согласія думы, гарантирована тѣми же основными законами?

Трудовая группа въ цѣломъ безспорно не имѣла яснаго представленія о роли конституціонныхъ учрежденій, ихъ значеніи, какъ основѣ правового порядка, и способѣ ихъ дѣйствій, поэтому, ей не была ясна и роль думы, которая представлялась трудовикамъ, какъ и массѣ избирателей, всерѣшающей властью. Кропотливая законодательная работа, продолжительность преній имъ казалась безцѣльной тратой времени; неисполненіе правительствомъ рѣшеній думы—ея полнымъ безсиліемъ и непригодностью для борьбы съ существующимъ режимомъ. Не разъ члены этой группы заявляли съ думской трибуны, что имъ тутъ дѣлать нечего, что только самъ народъ можетъ отстоять свое право и свою свободу и что полномочія думы должны быть возвращены народу, который у себя на мѣстахъ рѣшитъ свою судьбу.

Способы конституціонной борьбы, ея неизбѣжная продолжительность, несомнѣнно, находились въ противорѣчіи съ настроеніемъ какъ трудовой группы, такъ и ея избирателей. Народныя массы пребывали въ ожиданіи быстрой перемѣны своего положенія. Ихъ чувство говорило имъ, что народные представители, собравшись вмѣстѣ со всѣхъ концовъ Россіи, должны немедленно осуществить ихъ надежды. Охваченные такимъ же настроеніемъ, трудовики искренно и правдиво выполнили свою миссію, не соображаясь ни съ своими силами, ни съ силами безоружнаго народа, ни съ силами своего вооруженнаго противника. Имъ казалось, что „гнѣвъ народа“, на который они такъ часто ссылались, страшнѣе для врага, чѣмъ пулеметы послѣдняго для народа. Отсюда ихъ единственнымъ оружіемъ въ борьбѣ были ихъ запросы, касающіеся произвола власти, рѣзкіе по формѣ, но справедливые по существу обвиненія министровъ и всей администраціи въ попра-

ніи всякаго права и всякой справедливости. Говорятъ, что запросовъ было слишкомъ много, что запросы придали засѣданіямъ думы характеръ митинговъ, что въ количествѣ запросовъ обнаружилась ея неработоспособность. Мы готовы согласиться, что запросовъ было много и что было бы лучше, если бы ихъ было меньше, но развѣ ихъ число было больше той неправды, которая творилась въ это время ежедневно на протяженіи всей Россіи? Въ запросахъ отражалась лишь малая ея доля, но непрестанное напоминаніе о ней было и необходимо, и неизбѣжно. Въ нихъ неизмѣнно звучалъ протестующій голосъ, напоминавшій о человѣчности, о правѣ и справедливости, и единственныя стѣны, гдѣ этотъ голосъ, задушенный и молчавшій цѣлые вѣка, могъ, наконецъ, свободно раздаваться и быть услышаннымъ,—были стѣны думы; отсюда онъ разносился по всей странѣ и поддерживалъ завѣтныя надежды народа. Эту задачу выполнила трудовая группа, въ этомъ ея успѣхъ, ея широкая популярность, но въ этомъ же и ея слабость.

Настроеніе страны не было случайнымъ и преходящимъ, оно коренилось въ ея реальныхъ нуждахъ, которыя назрѣвали, терпѣлись, болѣзненно чувствовались, и, наконецъ, ставъ невыносимыми, прорывались наружу. Измѣнить настроеніе, дать ему иное направленіе возможно только подъ условіемъ удовлетворенія самыхъ нуждъ, т. е. созданія новыхъ условій жизни. Никакое настроеніе не можетъ продолжаться слишкомъ долго, и настроеніе народныхъ массъ должно было либо перейти въ дикую анархію, либо принять разумную форму. Мы полагаемъ, что населеніе съ своей обычной трезвостью скоро перестало бы удовлетворяться тѣмъ, что могла дать ему трудовая группа своими запросами, и потребовало бы законовъ, которые измѣнили бы его существованіе къ лучшему.

Если трудовая группа не перешла къ этому новому законодательному настроенію, то, быть можетъ, только благодаря министерству, которое продолжало бойкотировать думу и усиленно терроризировать страну, возбуждая въ ней все большее негодованіе и новыя страсти.

Если бы даже трудовая группа оказалась неспособной къ законодательной дѣятельности, чего мы не предполагаемъ, то и въ этомъ случаѣ она сослужила бы великую службу странѣ и думѣ, ибо оставалась бы открытымъ каналомъ накопляющихся въ

странѣ чувствъ и потому необходимымъ условіемъ правильной работы конституціонной машины.

Въ отличіе отъ трудовой группы конституціонно-демократическая партія, занимавшая центральное положеніе въ думѣ, явилась туда, вопреки увѣренію г. Локотя, не носительницею стихійно-революціоннаго настроенія, а во всеоружіи ясной и опредѣленной программы и съ глубокимъ убѣжденіемъ, что страна давно переросла формы своего политическаго, гражданскаго и соціальнаго быта, что этотъ бытъ требуетъ немедленныхъ коренныхъ и демократическихъ реформъ, что только дѣйствительный конституціонный строй можетъ осуществить ихъ и что не насильственнымъ путемъ, а лишь путемъ упорной и продолжительной конституціонной работы можно достигнуть прочныхъ результатовъ. И партія вступила и неизмѣнно шла по этому пути вплоть до заключительнаго акта—выборгскаго возванія, что бы тамъ ни говорили ожесточенные противники думы, вообще, и кадетской партіи, въ особенности.

Конституціонно-демократическая партія располагала въ Думѣ всего одной третью голосовъ, слѣдовательно, только въ союзѣ съ другой или съ другими группами, которыя дали бы ей численный перевѣсъ, она могла выполнить свою задачу и осуществить свою программу по проведенію необходимыхъ демократическихъ реформъ. Съ какими же партіями она могла вступить въ союзъ? Наиболѣе близкою къ ней и по личному составу, и по своей программѣ, и по способу дѣйствій была партія демократическихъ реформъ, но она состояла всего изъ 5 членовъ и не могла дать перевѣса голосовъ, хотя, обыкновенно, дѣйствовала солидарно съ партіей народной свободы. Почти то же можно сказать и о партіи автономистовъ, хотя послѣдняя и не отличалась однородностью состава. Польское коло представляло такія особенности въ своихъ задачахъ, а въ нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ и такія противоположности со взглядами к.-д. партіи, что въ однихъ случаяхъ эти партіи могли оказаться вмѣстѣ, а въ другихъ—на противоположныхъ концахъ. Съ думской правой, представляющей остатки разбитой на выборахъ партіи октябристовъ, торгово-промышленной, правового порядка и т. п., само собою разумѣется, не могло быть никакого соглашенія, какъ и съ безпартійными, заключавшими въ своей средѣ наиболѣе реакціонные элементы думы. Что же касается партіи мирнаго обновленія, образовавшейся незадолго до роспуска думы, то ея ядро составляли бывшіе октя-

бристы и частью отщепенцы партіи народной свободы, не считавшіе возможнымъ идти въ прежнихъ рядахъ. Уже это одно показываетъ, что соглашеніе этихъ партій по важнѣйшимъ вопросамъ было невозможно. Совершенно иное представляла группа, которая и механически, и органически являлась неизбѣжнымъ союзникомъ партіи народной свободы, хотя этотъ союзъ, или правильнѣе совмѣстность дѣйствій, выражался въ соглашеніяхъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ и резолюціямъ. Совмѣстность дѣйствій этихъ двухъ партій механически была неизбѣжной, потому что давала имъ численный перевѣсъ голосовъ въ думѣ, безъ чего ни та, ни другая группа не могла расчитывать на успѣхъ. Такія соглашенія и коалиціи партій существуютъ во всѣхъ парламентахъ и часто только благодаря имъ возможна та работоспособность, въ отсутствіи которой упрекаютъ нашу думу. Точно также и послѣдняя могла быть работоспособной лишь подъ условіемъ коалиціи партій. Органически коалиція партіи народной свободы и трудовой группы была неизбѣжна, такъ какъ обѣ онѣ представляли двѣ стороны той почвы, на которой происходили выборы среди широкихъ народныхъ массъ. Трудовая группа представляла ихъ настроеніе, к.-д. партія—ихъ реальныя нужды. Стремленія обѣихъ партій въ своемъ существѣ были одинаковы, хотя у первой они были неясны и смѣшивались съ теоретическими доктринами народниковъ и соціалистовъ и съ вѣрою въ реальную силу призраковъ, тогда какъ вторая оставалась въ предѣлахъ конкретнаго и осуществимаго и, отрицая всякіе призраки, существующіе лишь въ воображеніи, искала средствъ въ парламентской борьбѣ и въ утвержденіи конституціи.

Мы не сомнѣваемся, что, если бы дума не была принесена въ жертву абсолютизму и бюрократіи, коалиція этихъ двухъ партій оказала бы благотворное вліяніе на законодательную работу, такъ какъ въ самой трудовой группѣ, среди ея членовъ, все болѣе выяснялась необходимость законодательной, работы и обнаруживалось два теченія, изъ коихъ одно не довольствовалось стихійно-революціоннымъ настроеніемъ.

Только люди, лишенные пониманія положенія вещей въ странѣ и соотношенія партій въ думѣ, могутъ обвинять к.-д. партію за ея „поддержку“ трудовой группы или за ея боязнь утратить популярность. Напротивъ, политическій тактъ партіи народной свободы руководилъ ею въ настойчивости и осторожности, съ которой она вела борьбу съ министерствомъ, не желая давать ему въ

руки оружія въ думѣ и устраняя выгодную ему междоусобную борьбу партій. Тотъ же политическій тактъ партіи народной свободы сдѣлалъ ее политической силой, размѣры которой могутъ измѣряться преслѣдованіями, предпринимаемыми противъ нея правительствомъ, и ненавистью къ ней, обнаруженной всѣми правыми партіями, бюрократіей, „сферами“ и крайними лѣвыми. Ругать кадетовъ считается въ приличномъ обществѣ моднымъ, быть членомъ кадетской партіи—значитъ обнаружить преступный образъ мыслей, принимать противъ партіи народной свободы самыя произвольныя и беззаконныя мѣры — считается вполнѣ дозволительнымъ. Можно надѣяться, однако, что здравый смыслъ народа преодолѣетъ всѣ препятствія и снова пошлетъ въ думу конституціонныхъ демократовъ и трудовиковъ, такъ такъ только они не сложили оружіе въ борьбѣ съ правительствомъ и только они въ совмѣстной работѣ обезпечатъ не призрачный, а дѣйствительный конституціонный строй.

К.-д. партія представляетъ реальную силу именно потому, что борется со старымъ режимомъ конституціонными средствами и на конституціонной почвѣ, отказываясь заранѣе и рѣшительно отъ борьбы физической силой во всѣхъ ея возможныхъ видахъ, считая эти способы не только безполезными, но и вредными для интересовъ народа. Правда, она признаетъ пассивное сопротивленіе, но не противъ закона, не для его разрушенія, а для его защиты и во имя его обязательности не только для управляемыхъ, но и для управляющихъ.

Для защиты закона и уже пріобрѣтенныхъ правъ, когда у народа отняты парламентскія средства борьбы и осталось лишь конституціонное право, которое никакими легальными способами, а тѣмъ болѣе государственными переворотами, не можетъ быть отнято, нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ пассивнаго сопротивленія насилію. Защита конституціоннаго права есть не только право, но и гражданская обязанность, такъ какъ разрушеніе основъ гражданскаго общежитія касается не одного, а всѣхъ гражданъ. Старыя конституціонныя государства это давно знаютъ, и исторія Джона Гемпдена всѣмъ извѣстна, какъ извѣстно, вѣроятно, сопротивленіе, оказанное тамъ же въ недавнее время школьному биллю, подчинявшему воспитаніе дѣтей англиканскому духовенству, вопреки признанной свободѣ совѣсти каждаго гражданина. Наша юная конституція еще не успѣла измѣнить привычекъ и взглядовъ стараго режима и въ глазахъ однихъ пассивное сопротивленіе во

имя защиты права представляется революціей, а въ глазахъ другихъ, даже такихъ просвѣщенныхъ людей, какъ князь Е. Н. Трубецкой, имѣетъ нѣчто смѣшное и напоминаетъ ему знаменитую гоголевскую слесаршу.

Ни идея диктатуры пролетаріата соціалистовъ, ни идея «народной» думы трудовиковъ, ни захватъ власти, ни соціальный переворотъ съ соціализаціей имуществъ и орудій производства не только не входили въ программу партіи народной свободы, но каждый разъ встрѣчали рѣшительное противодѣйствіе съ ея стороны, такъ какъ она оставалась на реальной почвѣ и хорошо понимала, что въ борьбѣ съ правительствомъ всѣ подобныя задачи лишаютъ ихъ защитниковъ всякаго практическаго значенія и даютъ бюрократіи сильное оружіе противъ освобожденія Россіи и укрѣпленія его конституціоннаго строя. Партія к.-д. выдвигала лишь реформы, осуществимыя въ данное время, и считала возможнымъ провести ихъ только конституціоннымъ путемъ, несмотря на то, что сама конституція была едва намѣчена и оставляла широкій просторъ абсолютизму. Это послѣднее осложняло борьбу, дѣлало ее чрезмѣрно трудной, но тѣмъ болѣе необходимой. Послѣдствія показали, что к.-д. были правы, и дальнѣйшая борьба въ новой думѣ за свободу и соціальныя реформы возможна только тѣмъ путемъ и тѣми средствами, по которому шла и дѣйствовала партія народной свободы въ первой думѣ.

Никакая другая коалиція партій не была возможна, такъ какъ и польское коло, и соціалъ-демократы, нерѣдко голосовавшіе вмѣстѣ съ трудовиками, преслѣдовали свои особыя задачи, да и не располагали значительнымъ числомъ голосовъ. Остальные же: правые, безпартійные—не обладали ни единствомъ воззрѣній, ни организаціей, а потому и коалиція ихъ была невозможной; тутъ возможно было лишь соглашеніе отдѣльныхъ лицъ. Самостоятельной же иниціативы эти группы вовсе не проявили, хотя въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ работахъ думы.

«Неработоспособность»—это коренное обвиненіе первой государственной думы, которая за 72 дня своего существованія успѣла провести только два законопроекта: о кредитѣ для вспомоществованія голодающимъ и о смертной казни, изъ коихъ лишь первый сталъ закономъ. Обвиненіе въ неработоспособности повторяется всѣми хулителями первой думы и на всѣ лады. Даже «объективные» судьи повторяютъ его, не давая себѣ труда хотя бы справиться въ стено-

графическихъ отчетахъ думы, отпечатанныхъ и всѣмъ доступныхъ. (Отчеты двухъ послѣднихъ засѣданій не были напечатаны, наборъ ихъ, по слухамъ, уничтоженъ послѣ роспуска думы тою самою властью, на которой лежала обязанность сохранить ихъ). Между прочими объективными судьями, г. Дерюжинскій заявляетъ, что «ни одинъ серьезный парламентъ въ мірѣ, напримѣръ, не потребовалъ бы двѣ—три недѣли на обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ бѣлостокскій погромъ. Депутаты не давали себѣ отчета въ томъ, что дѣлается за стѣнами Таврическаго дворца, и поэтому тратили время на разсматриваніе запросовъ, выраженіе недовѣрія и т. д.» [1]).

Это сужденіе лица, заранѣе рекламирующаго себя объективнымъ и безпристрастнымъ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ сужденій и другихъ обвинителей думы, какъ объективныхъ, такъ и откровенно предумышленныхъ. Если заглянуть въ стенографическіе отчеты, то нетрудно убѣдиться, что 1 іюня начался въ Бѣлостокѣ погромъ, а 2-го въ думѣ внесенъ запросъ по этому случаю; затѣмъ докладъ трехъ депутатовъ, посланныхъ для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, обсуждался въ засѣданіяхъ: 31, 32, 33, 34 и 35-мъ (іюня 22, 23, 26, 27 и 29).

Безспорно, отъ возникновенія вопроса о бѣлостокскомъ погромѣ до окончанія его прошло ровно четыре недѣли, но дума о б с у ж д а л а его очень кратко при внесеніи запроса и потомъ въ п я т и засѣданіяхъ, удѣляя, однако, время разсмотрѣнію и многихъ другихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, 2 — 3 недѣли фактически сводятся къ пяти засѣданіямъ, притомъ не исключительно посвященнымъ одному вопросу. Но этого мало. Для объективныхъ цѣнителей думской работы «ни одинъ парламентъ въ мірѣ» не сталъ бы заниматься такимъ «частнымъ вопросомъ», какъ погромъ въ Бѣлостокѣ. Надо сознаться, что въ оцѣнкѣ событій члены думы совершенно разошлись съ министерствомъ и его явными и тайными защитниками. Для членовъ думы бѣлостокскій погромъ являлся не частнымъ случаемъ, а общимъ, и притомъ въ высшей степени угрожающимъ проявленіемъ политики бюрократическаго правительства, прибѣгающаго, въ видахъ борьбы съ освободительнымъ движеніемъ и ради охраненія абсолютизма, къ возбужденію междоусобной войны, пользуясь самыми дурными инстинктами черни. Дума усматривала въ бѣлостокскомъ погромѣ не случай, а звено въ непрерывной цѣпи погромовъ, одинъ изъ концовъ которой скрывался здѣсь, въ Петер-

---

[1]) Газета „Рѣчь“, № 239, 1906 года.

бургѣ, на Фонтанкѣ № 16, и откуда можно было устроить погромъ по желанію: «на десять человѣкъ или на десять тысячъ» [1]). Погромы въ Кишиневѣ, Одессѣ, Гомелѣ, Томскѣ, Твери, Александровскѣ и т. д.—краснорѣчиво свидѣтельствовали, что бѣлостокскій погромъ служитъ продолженіемъ позора и ужасовъ, бѣдствія которыхъ еще не исчерпаны, и сулитъ въ будущемъ новыми потрясеніями и бѣдствіями. «Ни одинъ парламентъ міра не потратилъ бы на такіе вопросы столько времени». Ни одному парламенту, къ счастью ихъ, не приходится встрѣчаться съ подобными явленіями, а если бы это случилось, то г. Дерюжинскому и его единомышленникамъ, вѣроятно, пришлось бы разочароваться въ работоспособности всѣхъ парламентовъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не успокоился бы, пока возможность такихъ фактовъ не была бы устранена. Съ нашей точки зрѣнія, рѣшеніе думы послать своихъ парламентскихъ делегатовъ для разслѣдованія бѣлостокскаго погрома составляетъ ея особую заслугу и свидѣтельствуетъ, какъ раздвигала она стѣны дворца, чтобы видѣть жизнь въ ея непосредственности, а не изъ бумажныхъ протоколовъ бюрократическихъ канцелярій. Дума воспользовалась первымъ же случаемъ и установила прецедентъ парламентскихъ слѣдствій, которыя только и могутъ раскрывать незакономѣрность дѣйствій исполнительной власти.

Первую думу обвиняютъ въ неработоспособности; дума выработала только два законопроекта и въ этомъ выразилась вся ея законодательная дѣятельность, не оправдавъ ни довѣрія верховной власти, ни надеждъ страны? Если въ этомъ обвиненіи есть какая—нибудь доля правды, то не слѣдовало ли ее искать въ другомъ мѣстѣ, не въ составѣ думы, а въ дѣйствіяхъ министерства, которое начало съ бойкота думы, а окончило внесеніемъ нѣсколькихъ ничтожныхъ по своему значенію законопроектовъ, передъ самымъ роспускомъ ея, притомъ проектовъ, лишенныхъ сколько-нибудь яснаго плана. Вотъ въ чемъ выразилась дѣятельность министерства:

1) 15 мая министромъ народнаго просвѣщенія внесены законопроекты: а) о предоставленіи ему права разрѣшать учрежденіе частныхъ курсовъ съ программами преподаванія выше среднихъ учебныхъ заведеній и б) объ отпускѣ 40.000 р. 49 коп. на постройку оранжереи и сооруженіе прачешной при юрьевскомъ университетѣ.

2) 1-го іюня министромъ юстиціи внесены законопроекты: а) о

---

[1]) Офиціальный стенографическій отчетъ, стр. 1131, рѣчь кн. Урусова.

преобразованіи мѣстнаго суда; б) объединенія порядка производства дѣлъ при взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ, и в) объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по преступнымъ дѣяніямъ по службѣ.

3) 6-го іюня министромъ вн. дѣлъ: а) о земельныхъ обществахъ, владѣющихъ надѣльными землями, и б) объ актахъ на надѣльныя земли.

4) 9-го іюня министромъ финансовъ: о взысканіи крѣпостныхъ пошлинъ съ переходовъ вѣчно-чиншевыхъ правъ на недвижимыя имущества.

5) 12-го іюня главноуправляющимъ земледѣліемъ и землеустройствомъ: объ улучшеніи и расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.

6) 19 іюня министромъ финансовъ: а) о пересмотрѣ положенія о налогахъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, коссадахъ и мѣстечкахъ и б) о повышеніи акциза на табачныя издѣлія и объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій о фабрикаціи этихъ издѣлій.

7) Того же 19 іюня министромъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ: объ ассигнованіи средствъ, потребныхъ на оказаніе продовольственкой и по обсѣмененію полей помощи населенію, пострадавшихъ отъ неурожая губерній.

8) 22 іюня министромъ финансовъ: о вознагражденіи потерпѣвшихъ, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, или утратившихъ трудоспособность на работѣ мастеровыхъ рабочихъ, вольнонаемныхъ служащихъ, а равно и членовъ семействъ этихъ лицъ промышленныхъ и техническихъ заведеній министерства финансовъ.

9) 29-го іюня министромъ финансовъ: а) объ установленіи налога на папиросныя гильзы и папиросную бумагу и б) объ измѣненіи росписанія среднихъ по губерніямъ окладовъ государственнаго поземельнаго налога на десятину удобной земли и лѣса.

10) 3-го іюля министромъ внутреннихъ дѣлъ: о кредитѣ на содержаніе почтово-телеграфнаго отдѣленія въ Таврическомъ дворцѣ

Если исключить изъ нихъ законопроектъ о пособіи голодающимъ, а равно законопроекты, внесенные въ концѣ іюня и въ іюлѣ, которые не могли быть разсмотрѣнны за роспускомъ думы, то неразсмотрѣніе какихъ же законопроектовъ могло лишить думу довѣрія и обнаружить ея неработоспособность? Не правильнѣе и не справедливѣе-ли обратить негодованіе и осужденіе на министерство, которое обнаружило полную нищету мысли и невниманіе къ переживаемому страною кризису, найти выходъ изъ котораго лежитъ прежде

всего на обязанности правительства? Одно изъ двухъ: либо народное представительство собрано для того, чтобы совмѣстно съ правительствомъ найти средства исцѣленія страны, создать законы, осуществляющіе обѣщанія манифеста 17 октября, и заложить прочный фундаментъ обновленія государственной жизни, либо народное представительство должно служить лишь декораціей, скрывающей истинныя намѣренія абсолютизма. Въ первомъ случаѣ министерство должно было внести въ думу если не законопроекты необходимыхъ реформъ, то, по меньшей мѣрѣ, ихъ планъ; во второмъ случаѣ оно могло ограничиться передачей всякихъ случайныхъ и канцелярскихъ проектовъ, оставшихся въ министерскихъ портфеляхъ. Къ числу, именно, такихъ случайныхъ проектовъ принадлежали законопроекты внесенные министрами въ думу.

Не говоря уже о первомъ, внесенномъ въ думу м. н. просвѣщенія законопроектѣ, озадачившемъ думу своей несвоевременностью, ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ требованіямъ момента и серьезности положенія. Указываютъ на проектъ преобразованія мѣстнаго суда, внесенный мин. юстиціи. Но развѣ допустимо преобразованіе мѣстнаго суда безъ всякой связи съ необходимыми преобразованіями въ другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ? Должны ли были народные представители, отъ которыхъ страна нетерпѣливо ждала исцѣленія своихъ мучительныхъ язвъ, начать свою работу установленіемъ пошлинъ на переходы имущества чиншевиковъ? Или повышеніемъ акциза на табачныя издѣлія? Или разсматривать проекты гг. Стишинскаго и Гурко о недопустимости отчужденія частновладѣльческой земли?

Очевидно, если бы государственная дума обнаружила свою работоспособность разсмотрѣніемъ министерскихъ законопроектовъ, вмѣсто выполненія той задачи, которую на нее возлагалъ народъ и его многострадальная исторія, дума заслужила бы, по всей справедливости, проклятіе и презрѣніе современниковъ и потомства.

Дума чувствовала свое историческое назначеніе и свою великую отвѣтственность и передъ народомъ, и передъ потомствомъ и пошла по другому пути.

Въ своемъ отвѣтномъ адресѣ она съ полною искренностью и прямотою изложила программу тѣхъ коренныхъ реформъ, которыя, по ея мнѣнію, были безусловно необходимы для умиротворенія страны и для ея полнаго обновленія на началахъ права и справедливости. Далекая отъ покушеній на прерогативы и власть монарха, она указала способы единенія верховной власти и народа

и возможности достиженія величія и могущества государства, расшатаннаго и разрушеннаго бюрократіей. Адресъ думы, принятый ею почти единогласно послѣ четырехдневныхъ преній, навсегда останется памятникомъ благороднаго патріотизма первой думы, ясности ея пониманія нуждъ страны и готовности не отступать ни передъ какими жертвами для ея блага. Она, имѣвшая въ своемъ составѣ представителей различныхъ классовъ, сословій, религій и національностей, отрѣшилась отъ предразсудковъ и классовыхъ, и сословныхъ, и религіозныхъ, и расовыхъ, и національныхъ во имя высшихъ интересовъ справедливости и государства.

Только тупая злоба можетъ видѣть въ этомъ первомъ актѣ перваго народнаго представительства признаки разрушенія, антипатріотизма и личнаго эгоизма. Разрушеніе, разложеніе отжившаго уже совершилось, и дума считала себя призванной не задерживать хода исторіи, не исцѣлять умирающихъ формъ, а созидать новыя, жизненныя и отвѣчающія требованіямъ дѣйствительности.

Проникнутая важностью намѣченныхъ въ адресѣ задачъ, дума, не ожидая почина правительства, немедленно приступила къ ихъ осуществленію, несмотря на всѣ искусственныя преграды, созданныя статьями 55 и 56 положен. о гос. думѣ, предоставлявшими министрамъ оттягивать разсмотрѣніе каждаго вопроса, возбужденнаго въ думѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Уже 8-го мая были внесены въ думу, въ 6-мъ ея засѣданіи, основы аграрной реформы, подписанныя 42 депутатами к.-д. партіи, въ видахъ образованія комиссіи и выработки законопроекта. Преніямъ въ этой предварительной стадіи было посвящено 15 засѣданій [1]).

Такая продолжительность преній и затрата времени на предварительное обсужденіе аграрнаго вопроса не только не можетъ быть поставлена въ вину думѣ, а должна быть признана совершенно естественной, въ виду чрезвычайной важности вопроса, затрагивающаго коренныя условія быта всего государства.

Затѣмъ были внесены на обсужденіе думы не менѣе коренные вопросы:

8 мая объ обезпеченіи дѣйствительной неприкосновенности личности (2 засѣданія).

12 мая о свободѣ совѣсти (1 засѣд.).

---

[1]) Мая: 12, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 26, 27, 30, іюня 1, 2, 5, 6 и 8.

15 мая о гражданскомъ равенствѣ (4 зас.).

18 мая законопроектъ о смертной казни (2 засѣд.).

30 мая законопроектъ о собраніяхъ (4 зас.).

1 іюня законопроектъ о союзахъ (1 засѣд.).

5 іюня о помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая (2 засѣд.).

4 іюля основныя положенія закона о печати (1 засѣд.).

Сверхъ этихъ важнѣйшихъ вопросовъ, были внесены:

23 мая проектъ измѣненій въ дѣйствующемъ законѣ о судо устройствѣ и судопроизводствѣ.

29 мая наказъ гос. думы (правила внутренняго распорядка ея дѣятельности).

1 іюня о неприкосновенности личности членовъ думы.

26 іюня законопроектъ о безплатныхъ школахъ грамоты, народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

Для разработки всѣхъ этихъ вопросовъ и обращенія ихъ въ законопроекты были образованы комиссіи, работавшія непрерывно до роспуска думы и представившія по нѣкоторымъ вопросамъ выработанные проекты законовъ.

За исключеніемъ проекта аграрной реформы и ассигнованія кредита для помощи пострадавшему отъ неурожая населенію, министерство не принимало никакого участія въ работахъ думы и лишь тормозило ее, пользуясь 55 и 56 статьями и мѣсячнымъ срокомъ, въ теченіе котораго оно могло отсиживаться и не допускать разсмотрѣнія законопроектовъ.

Если принять въ соображеніе, что дума должна была употребить по чисто-формальнымъ причинамъ, не менѣе двухъ засѣданій, чтобы конституироваться, установить, хотя бы временныя, правила распорядка въ своихъ засѣданіяхъ, если ей приходилось удѣлять время даже для хозяйственныхъ вопросовъ, вродѣ принятія Таврическаго дворца въ свое вѣдѣніе и т. п., если принять во вниманіе отсутствіе какого-либо опыта и необходимость всякую мелочь рѣшать заново,—станетъ ясно, что все, что могла сдѣлать дума, проявивъ массу энергіи и труда, она сдѣлала. Вопросы, ею поставленные, служили отвѣтомъ обѣщаніямъ манифеста 17 октября и ожиданіямъ страны, и не вина думы, что эти отвѣты не успѣли воплотиться въ форму закона, хотя она работала не покладая рукъ и, главное, безъ увѣренности, что ея работа и ея надежды осуществятся. Она не сомнѣвалась только, что ея работа не пропадетъ для будущаго, и поставленные ею вопросы вызовутъ въ странѣ

откликъ и найдутъ своихъ продолжателей. Въ первый разъ аграрный вопросъ былъ поставленъ ею на широкую почву и указанъ путь къ его практическому рѣшенію. Въ этомъ одномъ величайшая заслуга думы, и исторія лучше оцѣнитъ ея трудоспособность, чѣмъ дѣлаютъ это современные бюрократы и ихъ подголоски, никогда не обмолвившіеся упреками по адресу министровъ и государственнаго совѣта. А между тѣмъ первые отказались отъ всякой работы [1]), а второй не проявилъ ни малѣйшей иниціативы, хотя обладалъ правомъ почина въ законодательной работѣ и личнымъ составомъ, переполненнымъ «работоспособными» государственными людьми. Эти тѣни государственной мудрости остались, повидимому, забытыми въ борьбѣ живыхъ силъ, среди которыхъ государственная дума одна приковывала вниманіе и своихъ сторонниковъ, и своихъ враговъ.

Послѣ обвиненія въ неработоспособности на первомъ мѣстѣ стоитъ обвиненіе думы въ стремленіи къ захвату власти, въ мечтахъ кадетской партіи о министерскихъ портфеляхъ и т. п.

Безспорно, партія народной свободы, и не она одна, а и трудовая группа и отдѣльныя лица съ правыхъ скамеекъ, считали и считаютъ теперь, что только министерство, отвѣтственное передъ думой, можетъ дать условія, необходимыя для водворенія конституціоннаго строя въ Россіи. Можетъ ли такое отвѣтственное министерство принадлежать не къ составу думы,—это вопросъ особый, подлежащій обсужденію, но не можетъ быть голословно отвергнутъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ быть отвергнутъ голословнымъ обвиненіемъ отдѣльныхъ лицъ или партій въ честолюбивыхъ стремленіяхъ.

Находится ли принципъ отвѣтственнаго министерства въ противорѣчіи съ основными законами и прерогативами верховной власти—вопросъ, который менѣе всего можетъ быть рѣшенъ положительно или отрицательно съ помощью тѣхъ способовъ, къ которымъ прибѣ-

---

[1]) Даже законопроектъ о кредитѣ на вспомоществованіе населенію, пострадавшему отъ неурожая, первоначально (5 іюня) возникъ въ думѣ въ видѣ предложенія образовать особую комиссію для изслѣдованія вопроса и выработки тѣхъ началъ, на которыхъ должна быть поставлена правительственная помощь населенію. Только 19 іюня министерство внесло требованіе кредита, но обнаружило полную неподготовленность свою къ этому вопросу, такъ какъ всѣ его расчеты основывались не на реальныхъ данныхъ, а на ничѣмъ не мотивированныхъ соображеніяхъ. Дальнѣйшая печальная судьба этого вопроса закончилась, какъ извѣстно, гурко-лидвалевскимъ скандаломъ.

гаютъ поклонники абсолютизма въ своей борьбѣ съ народнымъ представительствомъ. Въ такихъ пріемахъ борьбы обнаруживаются лишь старыя привычки деспотизма и холопства, идущихъ всегда рядомъ, и логическое развитіе вещей въ поступательномъ ходѣ исторіи представляется абсолютистамъ покушеніемъ, которое можетъ быть задержано насильственными мѣрами.

Какъ монархія, обновленная и установленная въ 1613 году, будучи ограниченной совѣтомъ земскихъ соборовъ, логически и въ силу исторической необходимости превратилась въ абсолютизмъ и всевластіе бюрократіи, такъ и монархія, ограниченная 17 октября 1905 года народнымъ представительствомъ, будетъ имѣть, вопреки всѣмъ преградамъ, свое логическое развитіе, «истекающее, какъ прекрасно выразился первый предсѣдатель думы С. А. Муромцевъ, изъ самой природы народнаго представительства». Поэтому, не изъ стремленія къ захвату власти, не ради честолюбія отдѣльныхъ лицъ государственная дума съ перваго же своего шага въ отвѣтномъ адресѣ указала на необходимость отвѣтственнаго министерства. Этотъ шагъ думы былъ столь же неизбѣженъ, какъ неизбѣженъ былъ призывъ царя представителей народа для раздѣленія съ нимъ законодательной власти. Абсолютизмъ пережилъ себя и, сохраняя внѣшнія формы прерогативъ короны, въ историческомъ процессѣ подчинился бюрократіи и высшему классу, властная роль которыхъ составляетъ неотъемлемую часть стараго режима. Формальное ограниченіе предѣловъ власти монарха, безъ измѣненія существа власти и отвѣтственности бюрократіи, вноситъ лишь призракъ новаго строя, сохраняя неприкосновенной его сущность. Отвѣтственность министровъ передъ верховной властью существовала всегда, но наша исторія не знаетъ примѣровъ отвѣтственности ихъ передъ закономъ. Даже позоръ японской войны, корейская концессія, бездарность и неряшливость дипломатіи, преступная небрежность руководителей флота и арміи, отсутствіе дисциплины высшихъ чиновъ ея, гибель массы людей и народныхъ средствъ и разгромъ Россіи—все это не вызвало ничьей отвѣтственности, и виновники такой катастрофы стоятъ, какъ и прежде, на верху власти, чтобы ввергнуть страну въ новыя бѣдствія, если ихъ личные интересы того потребуютъ.

Россіи и народу нуженъ не призракъ отвѣтственности, а ея дѣйствительность. Россіи и народу нужна не юридическая фикція, а совершенное уничтоженіе произвола власти и подчиненіе ея законамъ. Свободная отъ отвѣтственности передъ народнымъ предста-

вительствомъ, власть не измѣнитъ своихъ привычекъ, вскормленныхъ вѣками, и не поступится своими интересами, противоположными интересамъ народа. Она обратитъ народное представительство въ ширму, еще плотнѣе закрывающую отъ глазъ народа ея произволъ и корыстолюбіе. Доказательство на лицо: развѣ рѣшилось бы какое-либо отвѣтственное министерство на всѣ тѣ мѣры, которыя принимаются и противъ свободы гражданъ, и противъ ихъ достоянія, и противъ народнаго представительства вопреки основнымъ законамъ? Упраздненіе правосудія, военно-полевые суды, ежедневныя казни, переполненныя тюрьмы и сибирскіе этапы, преслѣдованія печати и легальныхъ политическихъ партій, извращеніе избирательнаго закона и необузданное давленіе съ цѣлью получить покорную думу—развѣ все это не безграничный произволъ, не отрицаніе того строя, который провозглашенъ 17 октября? Развѣ самый роспускъ первой думы не носитъ печати государственнаго переворота, устроеннаго безотвѣтственнымъ министерствомъ? Мы полагаемъ, что если требованіе первой думы отвѣтственнаго передъ ней министерства могло быть не понято въ то время, то теперь, по прошествіи полугода, когда произволъ власти обнаруженъ во всей полнотѣ, требованіе думы находитъ свое объясненіе и полное оправданіе въ событіяхъ настоящаго времени.

Народное представительство въ Россіи можетъ существовать только при отвѣтственномъ передъ думою министерствѣ или оно не будетъ существовать вовсе, ибо сущность той борьбы, которую ведетъ съ нимъ министерство въ настоящее время, не можетъ привести къ какому-либо жизненному компромиссу. Конечный результатъ борьбы приведетъ либо къ государственному перевороту, отмѣнѣ конституціонной хартіи 17 октября и уничтоженію народнаго представительства, либо къ полной побѣдѣ послѣдняго и установленію отвѣтственнаго и парламентскаго министерства. Совмѣстное же существованіе ихъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, невозможно, ибо это означало бы поддержаніе непрерывнаго конфликта народа не съ министерствомъ, а съ верховной властью и перенесеніе на нее отвѣтственности за произволъ и преступленія администраціи. Такое положеніе можетъ быть выгодно для послѣдней но противорѣчитъ интересамъ государства. Раньше, когда абсолютизмъ хранился въ качествѣ непререкаемаго принципа не только въ сводѣ законовъ Россійской имперіи, но и въ сердцахъ ея подданныхъ, отвѣтственность правительства за нарушеніе этихъ интересовъ не имѣла реальнаго значенія, но теперь, послѣ событій по-

слѣднихъ годовъ, пробужденія народнаго сознанія и созыва первой думы, вопросъ объ отвѣтственности власти получилъ реальное значеніе и не можетъ быть устраненъ механическимъ способомъ. Нѣкоторое время можно держать страну въ повиновеніи посредствомъ чрезвычайной охраны, военнаго положенія и военно-полевыхъ судовъ, но строить на такомъ основаніи будущее государства и страны нельзя. Это одинъ изъ тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно окончательно убить идею монархіи и монархическое чувство, но невозможно достигнуть сколько-нибудь прочнаго государственнаго порядка. Вотъ почему защита монархіи проф. Герье, яростно нападающаго на первую думу за ея желаніе перенести отвѣтственность съ монарха на министерство и не пренебрегающаго инсинуаціями, представляется намъ услугою медвѣдя. Защищать юридическую и политическую фикцію отвѣтственности министровъ передъ монархомъ и жертвовать ради нея самымъ принципомъ монархіи и ея реальною силою—не значитъ оказывать ей услугу.

Противъ этихъ соображеній обыкновенно возражаютъ примѣрами Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, забывая, конечно, что въ Соединенныхъ Штатахъ президентъ отвѣтственъ передъ народными представителями и что въ республикѣ такая отвѣтственность не фикція, какъ показываетъ исторія преемника Линкольна, президента Андрью Джонсона, освобожденнаго отъ суда лишь однимъ голосомъ, не составившимъ необходимыхъ для обвиненія двухъ третей голосовъ. Президентъ Джонсонъ, освобожденный отъ суда, спокойно закончилъ свою президентскую карьеру и не подвергся участи отвѣтственныхъ королей Англіи и Франціи. Независимо отъ сего, въ Штатахъ каждый администраторъ отвѣтственъ передъ независимымъ судомъ за нарушеніе конституціи и интересовъ гражданъ, и примѣръ этой страны не находитъ для себя никакой аналогіи въ условіяхъ русской жизни.

Что же касается Германіи, то ея условія ближе къ нашимъ, но и здѣсь для аналогіи едва ли найдется мѣсто. Еще въ XVIII вѣкѣ тамъ была возможна знаменитая угроза въ устахъ простого мельника въ спорѣ его съ королемъ: «есть судъ въ Берлинѣ». Несмотря на абсолютизмъ, царившій въ Пруссіи и въ Германіи, идея права, на которое опирался мельникъ, была присуща нѣмецкому народу и нѣмецкой монархіи. На нѣмецкой почвѣ выросла идея просвѣщеннаго абсолютизма, при всѣхъ его недостаткахъ, никогда не переходившаго въ нашу аракчеевщину, въ наше взяточничество, наше отрицаніе всякаго права и всякаго закона. Нѣмецкая

бюрократія залечила раны, нанесенныя Германіи Наполеономъ I, и дала Штейна, Гарденберга и Бисмарка. Ея недостатки и прегрѣшенія искуплены Садовой, Версальскимъ коронованіемъ Германской имперіи, объединеніемъ и могуществомъ государства, просвѣщеніемъ народа и колоссальнымъ ростомъ богатства страны.

Наша бюрократія за цѣлое столѣтіе дала только одно имя Сперанскаго, отправленнаго въ ссылку за свои реформаторскіе планы, и его имя осталось народу неизвѣстнымъ. Ему памятны лишь тѣ имена изъ чиновничества, которыя онъ не поминаетъ добромъ. Руками нашей бюрократіи вписаны въ исторію Россіи позорныя страницы Цусимы, Мукдена, казнокрадства, разгрома государственнаго могущества, безправія народа, его невѣжество, нищета и голодовки. Вся наша бюрократія сверху до низу насквозь проникнута неуваженіемъ къ праву и закону и воспитана въ привычкахъ произвола.

Поэтому, при всѣхъ автократическихъ чувствахъ германскаго императора и безотвѣтственности его министровъ, мы не видимъ ни покушеній на конституцію, ни систематическаго злоупотребленія властью, ни хищеній, ни пренебреженія къ правамъ гражданъ и интересамъ государства. Императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ уволить министра Подбѣльскаго, когда его поведеніе было осуждено общественнымъ мнѣніемъ.

Наша высшая бюрократія незнакома съ отвѣтственностью передъ закономъ, и мы видимъ, что преступленія японской войны не повлекли за собой отвѣтственности лицъ, безгранично виновныхъ передъ своей родиной. Наша бюрократія выработала даже правило, въ силу котораго всякое обнаруженіе беззаконнаго дѣйствія власти требуетъ не преслѣдованія виновнаго и возстановленія силы закона, а признанія такого нарушенія закономѣрнымъ и подлежащимъ исполненію. Хранитель и толкователь законовъ, сенатъ, безъ колебаній, въ угоду министрамъ, лишаетъ избирательныхъ правъ цѣлыя категоріи гражданъ, а затѣмъ отмѣняетъ свое собственное толкованіе порядка выборовъ и объявляетъ новое, противоположное, чтобы поддержать не законъ, а престижъ власти. Точно также и министерство, обвиняя думу въ посягательствѣ на основные законы, не останавливается передъ явнымъ ихъ нарушеніемъ или извращеніемъ, если это оказывается нужнымъ для его политическихъ плановъ. Такъ, статья 105, предоставляя монарху право роспуска государственной думы, требуетъ, однако, чтобы въ томъ же указѣ были назначены новые выборы, а ст. 24 требуетъ скрѣпы указа предсѣда-

телемъ совѣта министровъ. Но оба требованія основныхъ законовъ въ указѣ 8 іюля, распустившемъ думу, не были соблюдены, и основные законы были явно нарушены, съ цѣлью дать министерству возможность назначить выборы въ моментъ, наиболѣе для него выгодный. Далѣе, ст. 87 предоставляетъ правительству, во время отсутствія думы, принимать съ согласія верховной власти нѣкоторыя мѣры, „если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ ихъ необходимость", но онѣ не могутъ касаться ни основныхъ законовъ, ни постановленій о выборахъ въ думу; и дѣйствія такихъ мѣръ прекращаются, если не будетъ получена санкція думы или государственнаго совѣта. Ужъ это одно показываетъ, какого свойства могутъ быть эти мѣры. Между тѣмъ, министерство, во-первыхъ, путемъ простой инструкціи измѣняетъ дѣйствія постановленій распубликованныхъ сенатомъ передъ первыми выборами, и находитъ поддержку въ томъ же сенатѣ, во-вторыхъ, послѣ роспуска думы оно издаетъ цѣлый рядъ законовъ, касающихся коренныхъ формъ народнаго быта, не вызванныхъ никакими чрезвычайными обстоятельствами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически неустранимыхъ государственною думою. Законъ, изданный 9 ноября, устанавливающій право каждаго общинника требовать выдѣла въ личную собственность надѣльнаго участка и дальнѣйшая инструкція министра внутреннихъ дѣлъ о немедленномъ осуществленіи этого закона, не можетъ не вызвать въ странѣ крупныхъ недоразумѣній даже въ томъ случаѣ, если дума отвергнетъ законъ. Ст. 87 предоставляетъ министрамъ прибѣгать къ особымъ мѣрамъ лишь въ «чрезвычайныхъ» обстоятельствахъ, они же пользуются ею, чтобы издавать законы безъ участія государственной думы, съ цѣлью ограниченія правъ народнаго представительства. Поклонники стараго режима кричатъ о покушеніи на основные законы первой думой, но энергично поддерживаютъ разрушеніе ихъ самимъ министерствомъ.

Отъ царящаго произвола власти и беззащитности населенія Россія можетъ избавиться только реальною отвѣтственностью министровъ и такая отвѣтственность осуществима лишь передъ народнымъ представительствомъ и только такая отвѣтственность гарантируетъ странѣ конституціонный правопорядокъ. Очевидно, министерство стоящее внѣ думы, никогда не будетъ чувствовать себя отвѣтственнымъ передъ нею.

Первая дума не сомнѣвалась въ вѣрности этого принципа, а дѣятельность правительства послѣ роспуска думы должна еще болѣе укрѣпить послѣдующія думы въ безусловной необходимости осуще-

ствленія реальной отвѣтственности министерства. Это борьба не за власть, а за отвѣтственность власти, не посягательство на основные законы, а требованіе условій, необходимыхъ для существованія въ Россіи народнаго представительства, въ виду исторически сложившихся условій ея государственнаго быта. Пусть бюрократы по службѣ и бюрократы по вкусамъ измышляютъ всевозможныя, яко бы техническія, затрудненія установленія отвѣтственности министерства передъ думой; пусть они предсказываютъ неизбѣжность коллизіи, когда министерство не пользуется довѣріемъ думы, но пользуется довѣріемъ государственнаго совѣта и монарха, или не пользуется довѣріемъ государственнаго совѣта, а пользуется довѣріемъ думы и т. д.,— съ точки зрѣнія первой думы всѣ эти возраженія лишены всякаго смысла: на Западѣ давно и безъ всякихъ затрудненій разрѣшаются эти вопросы, и если жизнь потребуетъ рѣшенія ихъ у насъ, они будутъ рѣшены столь же просто.

Вопросъ объ образованіи кадетскаго министерства не только не выдвигался к.-д. партіей, но и не обсуждался на ея партійныхъ собраніяхъ. Насколько намъ извѣстно, вопросъ этотъ возникалъ въ правящихъ сферахъ, обсуждался ими въ зависимости отъ преобладавшихъ тамъ въ данный моментъ теченій и съ перемѣною ихъ устранялся, такъ какъ находился въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительными планами руководителей внутренней политики. Слухи объ этомъ, однако, проникали въ общество и создали легенду о погонѣ депутатовъ за министерскими портфелями. Распространенію такихъ слуховъ помогали именно тѣ, которые не брезгали никакою ложью, чтобы дискредитировать думу и ея главныхъ дѣятелей, приписывая имъ своекорыстныя цѣли. Кадетское-же министерство было возможно лишь при такихъ условіяхъ, согласія на которыя высшихъ сферъ нельзя было ожидать. Для этого требовалось согласіе на основныя положенія думскаго адреса и искреннее намѣреніе перейти къ конституціонному режиму, между тѣмъ съ первыхъ же дней своего существованія дума не могла не видѣть, что она можетъ оттянуть на короткій срокъ конфликтъ съ правительствомъ, но устранить его окончательно не въ ея власти.

Отрицая, такимъ образомъ, фактическую сторону обвиненія партіи народной свободы въ честолюбивомъ стремленіи къ министерскимъ кресламъ, мы полагаемъ, что, призвавъ къ жизни народное представительство, нельзя отрицать необходимости искать въ его средѣ лицъ для образованія министерства. Такая необходимость существуетъ у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, благодаря испорченности

нашей бюрократіи и утратѣ ею всякаго довѣрія въ странѣ. Министерство г. Горемыкина отрицало свои конституціонныя обязанности и парламентская борьба съ нимъ была не покушеніемъ на власть, а сознаніемъ необходимости ея замѣны властью, отвѣчающею новому положенію вещей. Когда упреки въ покушеніи на власть исходятъ изъ нѣдръ защитниковъ абсолютизма и бюрократіи это совершенно понятно, но когда ту или другую политическую партію упрекаютъ въ этомъ защитники народнаго представительства, то это свидѣтельствуетъ лишь о живучести старыхъ привычекъ и представленій о власти какъ о чемъ то внѣшнемъ и постороннемъ. Только тѣ партіи въ думѣ и могутъ имѣть рѣшающее политическое значеніе, которыя способны и готовы управлять страною и нести отвѣтственность передъ нею.

Иное дѣло партіи, видѣвшія въ государственной думѣ лишь удобное средство для организаціи народныхъ массъ. Въ ихъ глазахъ представительство въ той формѣ, въ какую оно сложилось по закону 20 февраля, не отвѣчало дѣйствительнымъ интересамъ народа и жертвамъ, понесеннымъ ради него, а путь парламентской борьбы для достиженія политическихъ и соціальныхъ реформъ представлялся и слишкомъ сложнымъ и ненадежнымъ, а, главное,—слишкомъ долгимъ и неотвѣчающимъ уже созрѣвшей готовности народа однимъ ударомъ сокрушить одряхлѣвшій, неспособный къ сопротивленію порядокъ. Парламентскій способъ борьбы, по мнѣнію этихъ партій,—это почва для личныхъ честолюбій и погони за министерскими портфелями; поэтому защитники такого способа либо честолюбцы, либо трусы и измѣнники народному дѣлу. Государственная дума призвана не организовать отвѣтственное правительство, закономѣрно дѣйствующее и равномѣрно охраняющее интересы гражданъ и государства, «а организовать самый народъ, который долженъ осуществить свою верховную волю черезъ учредительное собраніе, избранное по четырехчленной формулѣ, ибо все должно быть творимо «не только для народа, но и черезъ народъ».

И мнѣніе о безсиліи правительства стараго режима и непобѣдимой силы народа, ждущаго лишь сигнала, чтобы опрокинуть его, ярко выступало и въ печати, и въ предвыборной агитаціи, поддерживавшей бойкотъ думы, и въ самой думѣ въ рѣчахъ трудовиковъ и особенно соціалистовъ. Потребовался тяжелый опытъ разгона думы, безпримѣрныхъ репрессій, заливщихъ кровью страну и раздавившихъ остатки свободы и права, чтобы обнаружилась вся призрачность этой иллюзіи: правительство оказалось сильнѣе, чѣмъ всѣ думали, а революціонное настроеніе народа оставалось

въ аморфномъ состояніи, и моментъ его кристаллизаціи еще не наступилъ.

Если преобладавшая въ думѣ партія народной свободы не вполнѣ вѣрно оцѣнивала борющіяся силы и положеніе вещей, если она нѣсколько преуменьшала жизнеспособность стараго режима и преувеличивала силу народнаго движенія, то она раздѣлила эту ошибку не только съ лѣвыми партіями, но и съ самимъ правительствомъ, которое обнаруживало сверхъ того полную растерянность. Но въ то время, когда правительство забыло о своемъ долгѣ и государственныхъ интересахъ и боролось лишь за свои интересы, большинство думы рѣшительно отвергало всѣ попытки направить ее на путь, несоотвѣтствующій ея задачамъ и сдѣлать изъ нея непосредственное орудіе организаціи массъ. Это большинство непреклонно оставалось въ убѣжденіи, что государственная дума сама представляетъ единственно возможную организацію народа во всей его совокупности, организацію, имѣющую цѣлью осуществленіе общенародныхъ и государственныхъ задачъ на началахъ права и справедливости, что въ данное время она есть единственный способъ выраженія мысли и воли народа и что всѣ другіе способы дѣйствія привели бы къ нарушенію самыхъ важныхъ интересовъ народа, къ уничтоженію права и свободы и къ торжеству деспотизма. Это убѣжденіе большинства думы не только не было опровергнуто дальнѣйшими событіями, но нашло себѣ полное подтвержденіе въ сознаніи народа послѣ роспуска думы, когда народъ не только не утратилъ довѣрія къ думѣ, не только не убѣдился въ ея безсиліи и не сталъ смотрѣть на нее, какъ на орудіе организаціи массъ, а напротивъ—возложилъ всѣ надежды на новый созывъ думы, въ полной увѣренности, что только черезъ нее, какъ дѣйствительное выраженіе народной воли, осуществитъ свои желанія.

Въ противоположность правительству, озабоченному своими особенными интересами, первая дума оцѣнивала свою роль съ точки зрѣнія народной пользы и государственныхъ интересовъ, и попытки меньшинства дать иное направленіе думской дѣятельности, какъ мы уже сказали, встрѣчали неизмѣнное сопротивленіе большинства. Достаточно напомнить, напримѣръ, пренія, происходившія въ думѣ 26 мая по предложенію 35 членовъ «объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ для подготовки данныхъ для земельной реформы», когда лидеръ трудовиковъ Аладьинъ, защищая предложеніе и не скрывая его истинныхъ цѣлей, сказалъ: «....можетъ быть, вы поймете, что руководитъ нами, когда мы хотимъ начать немедленную работу по

организаціи мѣстныхъ комитетовъ. Мы хотимъ, дѣйствительно, привести русскій народъ въ то движеніе, которое остановить невозможно; но я знаю, что не смотря на то, что на нашей сторонѣ сильные аргументы и что мы могли бы побѣдить въ спорѣ о томъ, нужны или не нужны комитеты, въ спорѣ на голоса во всякомъ случаѣ побѣдить мы не можемъ...». Въ этихъ словахъ, кажется, заключается истинный смыслъ какъ цѣлей, для которыхъ дума должна «организовать» народъ, такъ и способовъ, при помощи которыхъ возможно дѣйствовать «черезъ народъ». Но д. Аладьинъ ясно понималъ, что большинство думы не раздѣляетъ желанія его и его единомышленниковъ и не потому, конечно, что это большинство боялось народа или питало честолюбивыя цѣли, какъ въ этомъ его обвинили сторонники революціоннаго выступленія народа, а потому, что въ существующемъ народномъ представительствѣ видѣло единственную въ данное время гарантію свободы и права и полагало, что сохранить эту гарантію возможно, лишь укрѣпляя въ странѣ конституціонныя начала.

Поэтому намъ представляется въ высшей степени невѣрнымъ утвержденіе, что заключительный актъ, который повлекъ за собой роспускъ думы, носилъ характеръ выступленія ея на революціонный путь. Это обвиненіе такъ же мало основательно, какъ и обвиненіе, исходящее изъ противоположнаго лагеря, заключающееся въ томъ, что, возбудивъ вопросъ объ «обращеніи къ народу», дума, въ концѣ концовъ, испугалась сдѣланнаго шага и, въ надеждѣ спасти свои честолюбивые замыслы, дала новый смыслъ своему рѣшенію.

Какъ извѣстно, 20 іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было обнародовано «правительственное сообщеніе» по аграрному вопросу, имѣвшее очевидную цѣль разсѣять увѣренность крестьянъ въ томъ, что вся земля должна принадлежать имъ и что именно дума должна осуществить эту идею, такъ какъ правительство противится этому и отстаиваетъ неприкосновенность права собственности на землю. Такая увѣренность крестьянъ нашла большую поддержку какъ въ адресѣ думы въ отвѣтъ на тронную рѣчь, такъ и въ парламентскихъ преніяхъ, свѣдѣнія о которыхъ получили широкое распространеніе въ крестьянской средѣ.

Если «правительственное сообщеніе» имѣло въ виду внести въ народныя массы успокоеніе, то оно выбрало самое неудачное средство, такъ какъ разъясненіе гг. Стишинскаго и Гурко, нисколько не убѣдившія гос. думу, еще менѣе казались убѣдительными для

крестьянъ; если-же оно желало поддержать авторитетъ власти и показать, что не госуд. дума, а только правительство можетъ разумно разрѣшить вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, то оно упустило изъ виду, что самый авторитетъ правительства подорванъ въ народномъ сознаніи до самаго основанія и что онъ не можетъ быть возстановленъ полемикой съ госуд. думой и угрозой нарушенія конституціонныхъ правъ народнаго представительства. Повидимому, въ данномъ случаѣ министерство преслѣдовало вторую цѣль, такъ какъ до появленія правительственнаго сообщенія, очевидно по лозунгу, данному изъ Петербурга, многіе губернаторы въ обращеніяхъ къ населенію выступили съ рѣзкой критикой рѣшеній думы по аграрному вопросу, хотя такихъ рѣшеній вовсе не существовало: и аграрный вопросъ еще не выходилъ изъ стадіи комиссіоннаго разсмотрѣнія.

Нельзя отрицать права правительства, т. е. исполнительной власти, обращаться къ населенію по тому или другому случаю съ воззваніями и разъясненіями; въ случаѣ же конфликта съ народнымъ представительствомъ это даже неизбѣжно, когда правительство распускаетъ парламентъ и предоставляетъ народу рѣшить споръ путемъ выбора новыхъ депутатовъ. Но въ данномъ случаѣ правительство, несогласное съ думою во взглядахъ на рѣшеніе аграрнаго вопроса, не распустило думы и не назначило новыхъ выборовъ, а попыталось уронить авторитетъ думы, дискредитировать ее въ глазахъ народа, заявляя, что оно, правительство, вопреки рѣшенію думы и безъ нея, само разрѣшитъ аграрный вопросъ, какъ признаетъ за лучшее.

Было бы весьма странно ожидать, что дума отнесется къ такой попыткѣ безразлично, вѣдь дѣло шло не только о достоинствѣ народнаго представительства, но, что гораздо важнѣе, объ отрицаніи правъ думы, гарантированныхъ основными законами, о возвратѣ къ старому порядку и о рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ безъ участія народнаго представительства. Конечно, можно было бы желать большаго спокойствія въ преніяхъ и предложеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ думѣ, но не слѣдуетъ забывать условій, въ которыхъ она работала, той сгущенной атмосферы недоброжелательства и угрозъ роспуска; наконецъ, надо судить думу по ея рѣшеніямъ, а не по тѣмъ или другимъ сужденіямъ и предложеніямъ, исходившимъ отъ отдѣльныхъ членовъ или отъ отдѣльныхъ партій и группъ.

Въ засѣданіи 26 іюня депутатъ Кузьминъ-Караваевъ внесъ въ думу предложеніе распубликовать во всеобщее свѣдѣніе опровер-

женіе правительственнаго сообщенія въ виду того, что оно отрицаетъ права думы на участіе въ рѣшеніи земельнаго вопроса и составляетъ «прямой призывъ къ возстанію», и не сомнѣвался, что такая мѣра не представляетъ чего-нибудь антиконституціоннаго. Депутатъ Обнинскій, порицая въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ правительственное сообщеніе, не находилъ въ положеніи гос. думы права распубликовывать свои постановленія и полагалъ необходимымъ обратиться къ правительству съ запросомъ. Депутатъ Якушкинъ поддерживалъ предложеніе Кузьмина-Караваева и полагалъ, что дума обязана отвѣтить на это сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, такимъ сообщеніемъ отъ имени госуд. думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, «что она, гос. дума, не отказалась отъ своихъ начинаній, что она стремится достигнуть возможности удовлетворенія земельной нужды народа». Точно также депутатъ Мухановъ предлагалъ «поручить аграрной комиссіи выработать своего рода обращеніе ко всей странѣ, конечно, въ формѣ неопредѣленной, но которая могла бы парализовать сообщеніе (правительственное)».

Мы привели по стенографическому отчету всѣ предложенія членовъ думы, послужившія основаніемъ для составленія обращенія къ населенію отъ госуд. думы, и изъ нихъ можно вывести только одно заключеніе: дума желала возстановить истину, успокоить населеніе и объяснить, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса не можетъ быть сдѣлано помимо думы, и что дума не отступитъ отъ своего рѣшенія—удовлетворить земельную нужду крестьянъ. Такимъ образомъ, вопросъ о конституціонности или неконституціонности образа дѣйствій думы—сводился не къ существу рѣшенія, а къ формѣ, въ которой оно можетъ быть объявлено, причемъ не слѣдуетъ забывать, что въ какой бы формѣ это рѣшеніе ни послѣдовало, населеніе было бы освѣдомлено въ достаточной мѣрѣ, такъ какъ оно узнало бы о немъ изъ газетъ и отчетовъ думы, за которыми всѣ слѣдили съ интенсивнымъ вниманіемъ. Дума остановилась на особомъ обращеніи, какъ такой формѣ, которая выдѣляла его рѣшеніе на особое мѣсто, соотвѣтствующее его назначенію, но вовсе не имѣла въ виду установить свои особыя отношенія къ населенію, лишенныя конституціоннаго характера. Мы видѣли, что самъ иниціаторъ обращенія обосновывалъ свое предложеніе непротиворѣчіемъ его конституціи. Аграрная комиссія, на которую было возложено составленіе проекта обращенія, представила его на разсмотрѣніе думы 4-го іюля и озаглавила его: «отъ государственной думы»,

придавая ему этимъ характеръ не манифеста и не воззванія, а просто сообщенія населенію необходимыхъ свѣдѣній съ цѣлью его успокоенія, что прямо вытекаетъ изъ заключительныхъ словъ этого документа: «Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманный и правильно составленный законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, государственная дума надѣется, что населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона». Пренія, происходившія по этому вопросу 4 и 6 іюля, обнаружили существенное различіе во взглядахъ партій какъ на самую цѣль обращенія, такъ и на его редакцію, причемъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. При первомъ чтеніи трудовая группа и соціалъ-демократы возражали противъ редакціи, призывающей населеніе къ мирному и спокойному ожиданію законодательной дѣятельности думы, спрашивая устами лидера трудовиковъ «развѣ госуд. дума явилась на свѣтъ Божій, благодаря мирному и спокойному теченію русской жизни» и заявляя, что дума должна обратиться непосредственно къ народу съ разъясненіемъ «что же такое творится въ Петербургѣ, какія такія дѣла отвлекаютъ госуд. думу отъ того, что бы самымъ скорымъ, самымъ быстрымъ образомъ вывести Россію изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ она находится». Ясно, что трудовая группа и соціалъ-демократы желали расширенія текста обращенія и включенія въ него вопросовъ, выходящихъ за предѣлы правительственнаго сообщенія; при второмъ же чтеніи проекта, 6 іюля, та же трудовая группа взяла обращеніе подъ свое покровительство и предложенное измѣненіе редакціи, но съ сохраненіемъ всего существа проекта, внесенное партіей народной свободы, отвергала какъ новое предложеніе, противорѣчащее принятому въ первомъ чтеніи проекту. Если сравнить оба текста, то единственное отличіе по существу дѣла въ текстѣ партіи народной свободы заключалось въ объясненіи, что подъ принудительнымъ отчужденіемъ «разумѣется надѣленіе трудящагося крестьянства на основаніи закона землей, отчуждаемой государствомъ по справедливой оцѣнкѣ». Все остальное по существу отъ проекта комиссіи отличалось лишь болѣе точной и опредѣленной редакціей. Тѣмъ не менѣе, споръ сосредоточился не на вопросѣ о справедливой оцѣнкѣ, а на томъ же призывѣ къ мирному и спокойному ожиданію изданія думою закона, заключавшемуся въ обоихъ текстахъ, при чемъ этотъ призывъ выставлялся какъ противорѣчіе проекту комиссіи. Очевидно, это было недоразумѣніе, понятное въ жару спора, но совершенно непонятное впослѣдствіи, въ журнальной полемикѣ

противъ партіи народной свободы: никто не пожелалъ заглянуть въ стенографическіе отчеты и въ нихъ поискать разъясненія дѣла, хотя депутатъ Набоковъ и обращалъ вниманіе на это обстоятельство въ своей рѣчи. Наиболѣе полно и ясно выразилъ мысль трудовой и соціалъ-демократической группъ лидеръ трудовиковъ г. Жилкинъ. «Прежде всего здѣсь устанавливается, что есть въ населеніи вѣра въ правильное разрѣшеніе земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ»... «...что госуд. дума надѣется, что, укрѣпляясь въ этой вѣрѣ, населеніе будетъ спокойно и мирно ожидать того благополучнаго времени, когда госуд. дума разработаетъ этотъ законъ, т. е. полную передачу земли по принципу принудительнаго отчужденія, и даже въ концѣ говорится объ окончаніи и изданіи этого закона». А между тѣмъ, «имѣемъ ли мы какое либо, не то что полное но даже относительное право обращаться къ населенію и увѣрять его... что мы можемъ разработать земельный законъ, можемъ его издать на тѣхъ основаніяхъ, которыя были указаны въ адресѣ, и на этомъ основаніи призываемъ населеніе мирно и спокойно ждать?» «Пора ясно сознать, что идетъ гигантская борьба и что мы здѣсь выставлены, какъ передовой отрядъ той всенародной арміи, которая послала насъ впередъ для завоеванія позиціи». Поэтому, «наша задача заключается не въ томъ, чтобы обращаться съ призывомъ къ миру и успокоенію, потому что наши слова будутъ безпомощны, какъ простая щепка, которая, какъ бурными волнами, будетъ унесена народнымъ движеніемъ. Нѣтъ, мы должны указать на то, что безъ общей цѣли и организаціи безполезно и неразумно растрачивать народныя силы»... «мы должны говорить объ организованной борьбѣ»... «Должно быть не спокойствіе и миръ, а безпокойство! Должно разгораться негодованіе, которое должно уничтожить старую власть и водворить новую!» Исходя изъ этихъ соображеній, трудовая группа, «вмѣсто призыва къ спокойствію и миру», предложила выразить увѣренность, что населеніе съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ ея (госуд. думы) работамъ и обезпечитъ ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинанія госуд. думы въ жизнь».

Мы не станемъ приводить выдержекъ изъ рѣчей другихъ ораторовъ трудовой и соц.-демократической группы, такъ какъ въ нихъ заключаются тѣ же мысли, выраженныя почти въ той же формѣ, и полагаемъ, что изъ приведенныхъ выдержекъ изъ рѣчи лидера трудовиковъ совершенно ясно, что споръ шелъ не противъ поправки внесенной партіей народной свободы, а въ одинаковой

мѣрѣ и противъ проекта комиссіи, составленнаго при участіи самихъ трудовиковъ. Для послѣднихъ было довольно затруднительно выступить противъ самихъ себя, поэтому оставался единственный выходъ: признать, что текстъ партіи народной свободы извращаетъ смыслъ проекта комиссіи. Это былъ тактическій пріемъ съ цѣлью выйти изъ неловкаго положенія. Въ дѣйствительности же и комиссія, и партія народной свободы имѣли въ виду сообщеніемъ думы опровергнуть заявленіе правительства, что разрѣшеніе земельнаго вопроса зависитъ исключительно отъ воли верховной власти, и укрѣпить въ населеніи мысль, что безъ думы никакой законъ не можетъ имѣть силы и что дума исполнитъ свой долгъ передъ населеніемъ. Дума считала необходимымъ успокоить населеніе указаніемъ его конституціонныхъ правъ, а правительству напомнить его конституціонныя обязанности. Трудовая и соц.-демократическая группы обращенію къ населенію придавали совершенно иной смыслъ и видѣли въ немъ одинъ изъ способовъ организаціи народныхъ массъ съ цѣлью внѣпарламентской борьбы со старымъ порядкомъ. Однако, дума не вступила на этотъ путь, и послѣдствія показали, что она была права, хотя ея рѣшеніе не продлило ея собственнаго существованія, такъ какъ ея роспускъ былъ рѣшенъ гораздо раньше и требовался лишь подходящій предлогъ. Въ своемъ рѣшеніи дума осталась на чисто конституціонной почвѣ, и если, тѣмъ не менѣе, она была распущена, то отвѣтственность за это никоимъ образомъ не падаетъ на нее, какъ бы ни старались увѣрить въ противномъ.

Съ первыхъ же шаговъ думы для всѣхъ было ясно, что существующее правительство не можетъ примириться съ народнымъ представительствомъ, которое сознаетъ свои обязанности передъ народомъ и ни на іоту не поступится конституціонными правами, пріобрѣтенными народомъ цѣною тяжелыхъ жертвъ. Уже открытое бойкотированіе думы правительствомъ съ очевидностью свидѣтельствовало, что представители стараго режима цѣпко держатся за свою власть и не намѣрены открыто и добросовѣстно вступить на конституціонный путь. Декларація министерства 13 мая, выступленія гг. Стишинскаго и Гурко только подтверждали, что старый режимъ не имѣетъ никакихъ плановъ для устраненія страданій Россіи, для ея исцѣленія и обновленія, но непоколебимо стоитъ на одномъ: народному представительству онъ, этотъ старый режимъ, не уступитъ ни малѣйшей доли въ управленіи страной и признаетъ право власти, вопреки манифесту 17 октября, всецѣло за собой.

Конфликтъ былъ неизбѣженъ, такъ какъ правительство не находило, что манифестъ 17 октября его къ чему-нибудь обязываетъ. Оно готово было признать въ думѣ необходимую въ данный моментъ декорацію, но не считало нужнымъ принять на себя отвѣтственную роль въ исторической драмѣ, выпавшей на долю русскаго народа, въ которой послѣдній долженъ имѣть свою великую роль.

Первая русская государственная дума имѣла свои крупные недостатки. Во многомъ она была неопытна, но гдѣ-же она могла пріобрѣсти необходимый опытъ, когда она была первою? Ея составъ могъ быть лучше, но можно лишь удивляться здравому смыслу народа, побѣдившему всѣ преграды и нелѣпости избирательнаго закона, чтобы дать хотя столь несовершенный составъ. Ея темпераментъ былъ нѣсколько повышенъ, горячность ея членовъ нерѣдко нарушала спокойное обсужденіе дѣлъ, а ихъ негодованіе часто принимало грубыя формы, но атмосфера, въ которой жила и работала дума, не располагала ни къ равновѣсію, ни къ спокойствію, ни къ парламентской учтивости. Всѣ ея недостатки искупались ея безусловной преданностью общенародному дѣлу, сознаніемъ долга передъ страной и глубокой вѣрой въ народъ, какъ источникъ великаго будущаго Россіи. Жизнь первой думы была кратковременная, но оставленный ею слѣдъ въ политической и соціальной жизни народа глубокъ, борозда, ею проведенная, подняла новь, и никакія силы реакціи не вернутъ землю къ первобытному ея состоянію. Въ своемъ видимомъ безсиліи она показала странѣ силу и значеніе народнаго представительства, какъ единственной формы, въ которой народъ можетъ осуществить свое право, свободу и благосостояніе. Первая дума пустила глубокіе корни и, распустивъ думу, уже не могли вырвать ихъ изъ народнаго сознанія: идея народнаго представительства осталась живою, и, несмотря на всѣ усилія правительства и его реакціонныхъ приспѣшниковъ, населеніе сосредоточило всѣ свои надежды на второй думѣ.

Въ ночь съ 8 на 9 іюля дума была распущена, или—какъ обыкновенно говорятъ—разогнана. Какъ ни унизительно звучитъ этотъ послѣдній терминъ, но онъ болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ, въ которыхъ состоялся роспускъ думы. «Между правительственнымъ распоряженіемъ, расклееннымъ 9 іюля на дверяхъ думы, закрывшимъ народнымъ представителямъ входъ въ Таврическій дворецъ, и конституціоннымъ актомъ, объявляющимъ о закрытіи сессіи законодательнаго собранія и о его роспускѣ, говоритъ проф. А. С. Алексѣевъ, очень мало общаго какъ по формѣ, такъ и по

мотивамъ»[1]). Тамъ, гдѣ конституціонный строй составляетъ нестъемлемую основу правового порядка, роспускъ парламента «никогда не можетъ носить и никогда не носитъ характера карательной мѣры по отношенію къ парламенту, имѣющей цѣлью обуздать и образумить непокорныхъ членовъ парламента и подчинить ихъ велѣніямъ правительства». Между тѣмъ, роспускъ нашей первой думы имѣлъ, именно, такой характеръ и сопровождался мѣрами не только унизительными, но и угрожающими самому существованію народнаго представительства. Въ ночь на 9 іюля указъ о роспускѣ думы былъ доставленъ въ Таврическій дворецъ и расклеенъ на входахъ во дворъ; ворота были заперты, и къ нимъ приставлена стража; предсѣдатель думы не былъ увѣдомленъ и узналъ о роспускѣ тогда же, когда узнали объ этомъ всѣ депутаты; Петербургъ объявленъ на положеніи чрезвычайной охраны... Вмѣстѣ съ объявленіемъ о роспускѣ думы, вопреки ст. 105 основ. законовъ, новые выборы не были назначены, срокъ же созыва думы былъ установленъ въ прямое противорѣчіе со ст. 86 тѣхъ же законовъ, такъ какъ, согласно 1 и 2 ст. правилъ о разсмотрѣніи государственнаго бюджета, послѣдній долженъ быть разсмотрѣнъ думою въ законодательномъ порядкѣ до 1 декабря, для чего дума должна быть созвана не позже 1-го сентября. Наконецъ, самый указъ о роспускѣ, вопреки 24 ст. основ. законовъ, не былъ скрѣпленъ ни однимъ изъ министровъ, и, слѣдовательно, не оказалось ни одного правительственнаго лица, которое было бы отвѣтственно за незакономѣрность и неконституціонность акта 8 іюля.

При такихъ обстоятельствахъ первая дума была распущена и ей поставлено въ вину многое, въ чемъ она менѣе всего можетъ быть обвинена. Отжившій порядокъ торжествовалъ побѣду, расчитывая на «богатырей мысли и дѣла», которые повернутъ историческій потокъ народнаго движенія въ обратную сторону. Исторія такихъ примѣровъ не знаетъ, можетъ быть, русскому народу предстоитъ пережить еще много страданій, но въ концѣ концовъ торжество въ Россіи правового порядка не можетъ подлежать сомнѣнію.

Ив. Петрункевичъ.

---

[1]) „Московск. Еженедѣльникъ“, №№ 18 и 19 за 1906 г.

Тактика партій въ первой государственной думѣ.

Первое впечатлѣніе отъ первой государственной думы—впечатлѣніе внутренняго единства, организованной и сплоченной силы.

Дума хочетъ созидательной работы; она ненавидитъ старый режимъ; но съ министерствомъ Горемыкина она готова для успѣха своей работы заключить перемиріе, если и не миръ. «Народъ насъ послалъ, какъ парламентеровъ, указать, что на Руси не должно быть больше войны, на Руси долженъ быть миръ» (*Заболотный)* [1]). «Если борцы за свободу будутъ выпущены на свободу, мы, государственная дума, скажемъ, что желаемъ серьезнаго перемирія, и я думаю, что первымъ словомъ, которое должно быть произнесено думой, это желаніе перейти на борьбу правомѣрную, на борьбу словомъ, на парламентскую борьбу» (*Шапошниковъ*) [2]). «Если бы оказалось, что наша работа встрѣтила неожиданную поддержку, мы ее примемъ и будемъ работать вмѣстѣ» (*Родичевъ*) [3]). «Народъ открываетъ царю объятья (*апплодисменты*), но открываетъ на борьбу съ неправдой, со зломъ, слишкомъ долго царившимъ, и намъ нужно много труда и усилій для того, чтобы стереть съ нашей думы ту горечь, которая въ ней годами накопилась и отвердѣла» (*Родичевъ*) [4]).

Впослѣдствіи, уже разувѣрившись въ успѣхахъ борьбы, *Аладьинъ* слѣдующими словами характеризуетъ настроеніе думы въ моментъ ея созыва: «Если вы вспомните начало нашей дѣятельности, тѣ чувства, съ которыми мы пришли сюда и въ первомъ же нашемъ засѣданіи выразили, вы должны согласиться, что сколько ни накопилось горя, страданья, обидъ, все это мы сумѣли задушить въ себѣ на минуту, подавить во имя того лучшаго, свѣтлаго бу-

---

[1]) II, 27.
[2]) II, 28.
[3]) IV, 78.
[4]) IV, 230.

дущаго, въ которое мы вѣрили. И когда въ первый разъ здѣсь, съ этой трибуны, прозвучало слово: «амнистія», мы не внесли ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ страстности, ненависти, желанія мстить... Безъ словъ, одними апплодисментами, мы выразили, что насъ одушевляетъ только одна надежда, что мы думаемъ, что къ намъ пойдутъ навстрѣчу... Но кто-то, гдѣ-то сталъ между нами и эхо нашихъ апплодисментовъ не дошло туда, куда мы его направляли» [1]).

Совмѣстная мирная работа оказалась невозможной. Отказъ въ пріемѣ депутаціи, избранной думою для сообщенія верховной власти отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, ворвался рѣзкимъ диссонансомъ въ гармоническое настроеніе думы. Самъ по себѣ незначительный этотъ фактъ былъ воспринятъ думою, какъ угрожающій симптомъ, какъ опасное предзнаменованіе.

Далѣе, отвѣтная рѣчь премьера Горемыкина на адресъ государственной думы является прямымъ и категорическимъ объявленіемъ войны народному представительству. Съ этого момента для всѣхъ, и для самихъ правыхъ, становится очевиднымъ, что о совмѣстной работѣ правительства съ государственной думой не можетъ быть и рѣчи.

Гр. Гейденъ, подъ громъ апплодисментовъ, говоритъ: «Когда я шелъ въ государственную думу, я полагалъ, что намъ дана будетъ возможность мирно и благотворно вести работу и что мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Но, къ сожалѣнію, сегодняшняя декларація убѣдила меня въ совершенно противномъ» [2]).

«Или мы, или они»,—такъ резюмировалъ Аникинъ положеніе, созданное декларацією министерства [3]).

Дальнѣйшіе шаги правительства какъ будто расчитаны на то, чтобы углубить и расширить оппозиціонное настроеніе думы. Слово «провокація» опошлено неразборчивымъ его употребленіемъ на революціонномъ жаргонѣ; но мы не знаемъ, какъ иначе назвать печатаніе въ «*Правительственномъ Вѣстникѣ*» «истинно-русскихъ» телеграммъ, приглашающихъ верховную власть къ уничтоженію думы; мы не знаемъ, какъ иначе назвать непрекращающіеся разстрѣлы политическихъ преступниковъ, несмотря на протестъ государственной

---

[1]) XI, 427.

[2]) VIII, 349. См. рѣчь *Лосева*, ib., 350.

[3]) VIII, 329.

думы [1]), воззванія губернаторовъ казанскаго, саратовскаго и др., порочащіе дѣятельность думы [2]); наконецъ, обращеніе министерства къ народу съ антиконституціоннымъ воззваніемъ по аграрному вопросу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе глубокой становится пропасть, отдѣляющая правительство отъ думы. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе рѣзкимъ становится оппозиціонное настроеніе думы.

Само собою понятно, что настроеніе это, будучи всеобщимъ, у разныхъ группъ выражается въ различной формѣ.

Оппозиція правыхъ—умѣренна и осторожна. По образному выраженію Стаховича, правые живутъ въ глухой и благоразумной мѣстности, въ которой, несмотря на все говоримое въ думѣ, люди не бросаютъ обычной жизни и занятій, не перестаютъ метать пары, сѣять гречиху и просо и не ждутъ, затаивъ дыханіе... [3]), останется ли государственный совѣтъ или нѣтъ [4]).

Ужасы русской дѣйствительности не смущаютъ, не выводятъ изъ равновѣсія непоколебимаго спокойствія правыхъ. Самый размѣръ этихъ ужасовъ кажется имъ преувеличеннымъ и искаженнымъ. Каждый запросъ правительству долженъ, по ихъ мнѣнію, начинаться словами: «правда ли», ибо ни одинъ фактъ не можетъ почитаться установленнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подтвержденъ правительствомъ [5]). Въ своей рѣчи по поводу бѣлостокскаго погрома М. Стаховичъ сомнѣвается во всемъ: и въ томъ, что погромъ былъ организованъ, и въ томъ, что въ его организаціи принимали участіе мѣстныя власти. По его мнѣнію, русскій народъ забудетъ,—онъ уже готовъ забыть и разореніе, и потери, и даже звѣрства; одного не забудетъ русскій народъ—униженія русской государственной власти, того, что имя ея сдѣлалось постыло, что когда о ней говорятъ, то русскимъ не только больно, но и стыдно. И въ этомъ «униженіи власти» повинна не власть, а повинны тѣ, кто, безъ достаточныхъ основаній, бросаютъ въ лицо министрамъ, полиціи и войску обвиненіе въ попустительствѣ и даже въ организаціи бѣлостокскаго погрома [6]).

Бурная оппозиція лѣвыхъ шокируетъ правыхъ, она кажется имъ неумѣстной и ненужной. «Лѣвыя» рѣчи—вешняя вода, это

---

[1]) Наприм., разстрѣлъ 8 ч. въ Ригѣ; *Ледницкій*, XI, 425.
[2]) XVII, 802.
[3]) IV, 226.
[4]) IV, 154.
[5]) Тоже.
[6]) XXXV, 8115 и сл.

вода не рабочая; ея не надо пускать на колеса мельницы. Умный мельникъ открылъ бы затворы и терпѣливо ждалъ: пусть себѣ сольетъ (Стаховичъ) [1]).

«Трезвый русскій народъ» относится съ осужденіемъ къ проповѣди народнаго самоуправства, раздающейся съ высоты думской каѳедры на всю Россію. Никогда, ни во хмелю, ни въ ярости, нельзя замахиваться топоромъ на родину. Она — мать. (Стаховичъ) [2]).

Гр. Гейденъ-Стародумъ государственной думы. Упорно защищая никѣмъ, впрочемъ, ненарушаемыя права думскаго меньшинства [3]), гр. Гейденъ неустанно предостерегаетъ думу отъ излишней поспѣшности [4]), отъ опрометчивыхъ рѣшеній [5]), отъ блестящаго, но безсодержательнаго краснорѣчія публичныхъ собраній [6]).

Законодателямъ необходимо спокойствіе; они должны напоминать тѣхъ римскихъ сенаторовъ, которыхъ галлы приняли за статуи,— такъ сумѣли они спокойно и неподвижно сидѣть въ сенатѣ среди взятаго варварами Рима (Стаховичъ) [7]).

Иной характеръ имѣетъ оппозиція лѣвая.

Если правые явились въ думу изъ «глухой и благоразумной мѣстности», лѣвые, наоборотъ, явились въ нее изъ нѣдръ того кромѣшнаго ада, который зовется Россіей.

Депутатъ *Бондаревъ* говоритъ думѣ: «Господа, вѣдь мы, пріѣхавшіе изъ тѣхъ мѣстъ Россіи, гдѣ совершались администраціей погромы,—мы были свидѣтелями, были очевидцами ихъ, а нѣкоторые изъ насъ были ихъ жертвами. И если одни, на основаніи бумажныхъ канцелярскихъ свѣдѣній, могутъ спокойно описывать фактическіе матеріалы, для насъ погромъ—это страданіе близкихъ намъ людей, это смерть нашихъ братьевъ и родственниковъ, это страданіе нашего тѣла и нашей души. [8]).

Много горя своего и чужого видѣли эти люди на своемъ вѣку. Они пережили разгромъ крестьянскаго союза, массовые аресты и

---

1) IV, 83; XVIII, 806.

2) XXI, 996.

3) XIII, 548; XVII, 755; XXI, 1010; ср. *Котляревскій*, XXI, 1019; *Родичевъ*, XXI, 1020.

4) XXI, 1010.

5) Тоже.

6) XXIII, 1101; XXVIII, 1414.

7) XXXV, 1819; *Гейденъ*, IV, 83.

8) XXIV, 1170; *Аникинъ*, XXVII, 1347.

высылки, истязанія въ полицейскихъ застѣнкахъ, военныя экзекуціи, издѣвательство казаковъ надъ беззащитной деревней [1]). Вчера еще маленькіе и незамѣтные люди, они испытали на себѣ всю тяжесть административнаго произвола, не щадящаго ни свободы, ни жизни людей.

Депутаты, пріѣхавшіе въ думу съ Кавказа, были свидѣтелями и очевидцами безпримѣрнаго по своей жестокости разгрома,—«потока и разграбленій» ихъ родной земли. Они видѣли сожженные города и села, горы труповъ и море слезъ [2]). И можно ли удивляться тому чувству сконцентрированной, изступленной ненависти, которое они принесли съ собою подъ тихіе своды Таврическаго дворца?

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ оппозиція лѣвыхъ не можетъ не быть неумѣренной и рѣзкой. Она опредѣляется не разумомъ, а чувствомъ,—чувствомъ отчаянія, негодованія и гнѣва. «Положеніе думы таково, что она не можетъ работать. Насъ ежеминутно отрываютъ отъ обычной думской работы, съ одной стороны, заявленіями и телеграммами о правительственныхъ жестокостяхъ, разстрѣлахъ и гоненіяхъ, а, съ другой,—намъ мѣшаютъ отсюда (съ министерской скамьи) наглыми разговорами, упорнымъ сопротивленіемъ, издѣвательствомъ надъ народнымъ представительствомъ (*Аникинъ*) [3]).

Можно ли говорить безъ того, чтобы кровь отъ гнѣва не бросалась въ голову, о томъ, что совершается въ Россіи?.. Мы дрожимъ отъ негодованія, наше сердце готово разорваться отъ жалости, мы не находимъ словъ, чтобы выразить наши чувства» (*Жилкинъ*) [4]).

У большинства членовъ думы «живой протестъ кипитъ въ груди»; правда, одни умѣютъ «голосу холоднаго разсудка подчинить горячія чувства, клокочущія въ нихъ», но другіе, «съ трудомъ сдерживая это чувство, въ ужасѣ хватаются за голову, готовы покинуть залъ Таврическаго дворца» (Бондаревъ) [5]).

Отчаяніе и гнѣвъ толкаютъ депутатовъ на рѣзкія нарушенія «этикета парламентской борьбы» [6]). Говоря о правительствѣ, они

---

[1]) См. рѣчи о крестьянскомъ союзѣ, XXIV, 1344 и слѣд.
[2]) *Гамартели*, XXVII, 1352.
[3]) XIV, 593.
[4]) X, 394 *Локоть*, XI, 426.
[5]) XXIV, 1168.
[6]) *Аладьинъ*, XIV, 598.

не стѣсняются въ выраженіяхъ, мало соотвѣтствующихъ тону парламентаризма. Депутатъ *Аладьинъ* предлагаетъ министрамъ «убраться изъ этого зала» [1]). Депутату *Михайличенко* недовѣрія къ министерству мало: онъ выражаетъ «презрѣніе» министрамъ [2]). «Мы двѣ недѣли упорно гонимъ министровъ,—говоритъ *Аникинъ*,—но они не имѣютъ ни стыда, ни совѣсти» [3]).

Министры—хулиганы; Столыпинъ производитъ тѣ дѣйствія, которыя называютъ у насъ хулиганскими [4]). Министры—грабители, три четверти денегъ остаются въ карманахъ, начиная съ министерства и кончая послѣдними [5])... Министры—черносотенцы; если министерство не уйдетъ, его выбросятъ изъ этой залы [6]). Министры—убійцы и палачи [7]). Наше разбойническое правительство не имѣетъ права называться правительствомъ [8]). Служба современному правительству—грязная и подлая служба [9]).

Въ борьбѣ съ «краснорѣчіемъ» лѣвыхъ предсѣдатель думы безсиленъ. Напрасно, по поводу рѣзкостей Аладьина, въ отчаяніи онъ восклицаетъ: «Есть же предѣлъ!..» [10]) Предѣловъ нѣтъ,—и каждый день вноситъ новую лепту «въ словесную сокровищницу сего храма»... [11]).

Было бы, разумѣется, большою ошибкой объяснять исключительно повышеннымъ настроеніемъ лѣвыхъ революціонную ихъ тактику въ государственной думѣ. Въ основѣ этой тактики несомнѣнно лежатъ теоретическія предпосылки, характеризующія не только думскую, но и внѣ-думскую дѣятельность лѣваго крыла освободительнаго движенія вообще. Но, съ другой стороны, точно также несомнѣнно огромное вліяніе *настроенія* на тактику лѣвыхъ въ государственной думѣ. Ниже мы познакомимъ съ этой тактикой подробнѣй; и тогда мы увидимъ, что тактика эта отнюдь не проникнута одной и неизмѣнной руководящей идеей. Въ тактическихъ своихъ пріемахъ лѣвое думское крыло непрестанно

---

[1]) Ibid,. 597.
[2]) XV, 651.
[3]) XXVI, 692.
[4]) *Аникинъ*, XXVII, 1347, 1345.
[5]) *Аладьинъ*, XXIV, 1164.
[6]) *Аладьинъ*, XXV, 1249.
[7]) *Гамартели*, XXVII, 1352; *Недоносковъ*, XIX, 912.
[8]) *Михайличенко*, XXVII, 1358.
[9]) *Аладьинъ*, XXVI, 1336.
[10]) XVII, 799.
[11]) Выраженіе свящ. Гусева, IV, 134.

колеблется между представленіемъ о думѣ, какъ о полномочномъ, полноправномъ учредительномъ собраніи, и представленіемъ о той же думѣ, какъ о безправной и безсильной «революціонной трибунѣ». Началомъ, объединяющимъ тактику лѣвыхъ въ государственной думѣ, является, именно, революціонное *настроеніе*; внѣ этого настроенія нельзя понять ни многихъ выступленій «трудовиковъ» въ государственной думѣ, ни той широкой популярности, какую эта группа пріобрѣла въ странѣ.

Мы думаемъ, что одно изъ наиболѣе рѣзкихъ различій, отчетливо проявившееся въ думской дѣятельности, между конституціонно-демократической партіей, съ одной стороны, и, такъ называемой, трудовою группою, съ другой, заключается, именно, въ «разсудочности» первой и «крайнемъ импрессіонизмѣ второй». Тактика трудовой группы опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, настроеніемъ и чувствомъ; наоборотъ, тактика конституціонно-демократической партіи въ значительной мѣрѣ эмансипируется отъ настроеній, господствующихъ въ ея средѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *по своимъ настроеніямъ* конституціонно-демократическая партія стоитъ несравненно ближе къ лѣвому думскому крылу, нежели къ правому.

Когда въ достопамятный день 19 іюня изъ залы Таврическаго дворца былъ изгнанъ военный прокуроръ, вдохновитель военной юстиціи Павловъ, гр. Гейденъ отъ имени правыхъ возсталъ противъ «насилія надъ свободой», выразившагося въ лишеніи слова представителя военнаго министерства. Во имя «новаго порядка», онъ требовалъ отъ думы «глубокаго уваженія къ закону и даже къ личности своего врага» [1]).

Отъ имени конституціонно-демократической фракціи гр. Гейдену отвѣтилъ Винаверъ:

— И мы хранимъ тоже завѣтъ уваженія къ свободѣ слова, но есть предѣлы, въ которыхъ нужно считаться съ человѣческимъ терпѣніемъ... Тѣ люди, которые явно попираютъ пожеланія, высказанныя думой, не должны являться сюда по порученію министерства. Поэтому я понимаю и *всецѣло раздѣляю* возмущенія всѣхъ тѣхъ, которые отвѣтили громкимъ протестомъ противъ появленія того человѣка, который является передъ нами въ глазахъ государственной думы выразителемъ той политики, противъ которой направленъ нашъ законопроектъ [2]).

[1]) XXIX, 1483.

[2]) Ib.

И Петражицкій, спокойный и холодный, уравновѣшенный Петражицкій, поднимается затѣмъ, чтобы присоединиться къ словамъ Винавера:

— Я имѣлъ въ виду сказать то, что сказалъ товарищъ Винаверъ. Поэтому отказываюсь отъ слова [1]).

Надо быть глухимъ, чтобы не слышать въ рѣчахъ «кадетовъ» —и не только, по выраженію С. Я. Елпатьевскаго, «периферическихъ», но и «центральныхъ»,—въ рѣчахъ Родичева, Петрункевича, Герценштейна, Щепкина и др. того же настроенія—настроенія непримиримой вражды къ существующему режиму, которое такъ отчетливо слышится въ рѣчахъ лѣвыхъ ораторовъ думы.

Правда, *по формѣ своего выраженія* настроеніе это нѣсколько отличается отъ настроенія лѣвыхъ. Такъ, напримѣръ, словесные эксцессы, столь часто допускаемые лѣвыми, постоянно встрѣчаютъ со стороны «кадетовъ» рѣшительный отпоръ. Не одинъ гр. Гейденъ протестуетъ противъ «прянностей рѣчи»,—«избитыхъ митинговыхъ выраженій», неумѣстныхъ въ государственной думѣ [2]). Противъ «звѣрскихъ эпитетовъ» протестуетъ кн. П. Д. Долгоруковъ; и онъ думаетъ, что будетъ гораздо сильнѣе, если «мы будемъ употреблять корректныя парламентскія выраженія, вмѣсто бранныхъ, и всю силу перенесемъ на содержаніе нашихъ рѣчей, на логику и убѣжденія» [3]). Проф. Петражицкій считалъ бы себя «дикаремъ», если бы «дѣйствовалъ въ парламентѣ не парламентскими средствами, а грубостями и бранными выраженіями» [4]).

Депутатъ Галецкій упрекаетъ «кадетовъ» въ близости къ правымъ. «Между гр. Гейденомъ и вами,—говоритъ онъ,—уже болѣе или менѣе установились опредѣленныя взаимоотношенія. Когда первый обучаетъ неуклюжихъ соціалъ-демократовъ салонности и галантнымъ выраженіямъ, тогда вы очень охотно ему апплодируете. Въ свою очередь, когда вы даете намъ уроки парламентской лойяльности, то очень охотно раздаются возгласы одобренія оттуда» [5]).

Надо ли доказывать наивность подобныхъ обвиненій?

Непарламентскую рѣзкость своихъ выраженій депутатъ Михайличенко откровенно оправдываетъ ссылкой на некультурность опредѣленной категоріи народныхъ представителей. «У насъ есть пред-

---

[1]) Ib.
[2]) XXVIII, 1415.
[3]) XXVII, 1366.
[4]) XVII, 795.
[5]) XXIX, 1457.

ставители,—говоритъ онъ,—которые не могутъ понять въ другомъ смыслѣ, въ литературномъ изложеніи они не могутъ понять» [1]).

Конституціоналисты-демократы, въ огромномъ своемъ большинствѣ, къ числу такихъ представителей не принадлежатъ; и они слишкомъ уважаютъ депутатовъ-крестьянъ, чтобы допустить на одну минуту, что «въ другомъ смыслѣ» они не могутъ понять...

Будущій историкъ переживаемой нами революціонной эпохи, несомнѣнно, признаетъ, что наиболѣе тяжелые, неизгладимые удары нанесены существующему режиму не горячими филиппиками лѣвыхъ ораторовъ, а «корректною» рѣчью ораторовъ «лѣваго центра».

Никто не заподозритъ С. Я. Елпатьевскаго въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ кадетамъ. И, однако, онъ пишетъ: «Было жалко смотрѣть на сидѣвшихъ въ министерскихъ креслахъ людей, когда взошелъ на трибуну одинъ изъ лучшихъ представителей того типа ораторовъ, которые владѣютъ словомъ,—И. И. Петрункевичъ, и во всеоружіи мысли стегалъ ихъ жестокими бичами; когда входилъ на трибуну Герценштейнъ и во всеоружіи знанія, со всею силой своего анализа, снималъ одно за другимъ тѣ убогія лохмотья, которыми эти люди прикрывали свою умственную наготу» [2]).

Если, такимъ образомъ, *настроеніе* конституціонно-демократической фракціи *только* по формѣ своего выраженія отличается отъ настроенія лѣвыхъ, то, наоборотъ, между тактикой тѣхъ и другихъ существуетъ глубокое и принципіальное различіе. На игнорированіи этого факта цѣликомъ построенъ недобросовѣстный,

---

[1]) XV, 651.

[2]) „*Русское Богатство*“ 1906 г., іюль, стр. 100. Весьма характерно „недоумѣніе“ проф. Локотя, посвященное имъ памяти М. Я. Герценштейна. Почему,—спрашиваетъ профессоръ-передовикъ,—первый жребій контръ-революціонныхъ организацій палъ на М. Я. Герценштейна? Почему М. Я. Герценштейна можно было признать однимъ изъ наиболѣе выдающихся и сильныхъ представителей революціи? Вдохновлялъ ли онъ и даже поддерживалъ ли онъ „думскихъ революціонеровъ“, такъ сильно и рѣзко выражавшихъ то стихійно-революціонное настроеніе народа, противъ котораго стихійно же поднялась... контръ-революціонная волна? И проф. Локоть не замѣчаетъ, какъ нѣсколькими страницами ниже онъ самъ отвѣчаетъ на поставленный имъ же вопросъ: „Если контръ-революціи была страшна и опасна не политически-революціонная сила намѣченныхъ ею (?!) депутатовъ, а сила чисто дѣловой, но тѣмъ болѣе безпощадной критики, то выборъ контръ-революціи дѣйствительно вѣренъ (профессоръ *Т. В. Локоть*: „Первая дума“, стр. 314 и сл.)

жалкій памфлетъ проф. В. Герье [1]); доказательству этого факта мы посвящаемъ настоящую статью.

Можно быть разнаго мнѣнія о томъ, какой тактики, въ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, слѣдовало держаться нашей первой государственной думѣ; но достаточно элементарной добросовѣстности для того, чтобы признать, что тактика конституціонно-демократической партіи, въ отличіе отъ тактики лѣвыхъ партій, являлась въ государственной думѣ *конституціонной* отъ начала и до конца.

II.

Очень нелегко охарактеризовать отношеніе къ государственной думѣ ея лѣвыхъ элементовъ. И потому нелегко, что отношеніе это, по существу, представляется спутаннымъ и неяснымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крестьяне, впослѣдствіи вошедшіе, въ значительной своей части, въ, такъ называемую, трудовую группу, явились въ государственную думу съ твердымъ намѣреніемъ «законодательствовать» въ ней. Идея «бойкота внутри думы» имъ органически чужда. Они обязались передъ избирателями добыть имъ и землю, и волю; поэтому дума должна написать и издать законы о землѣ и волѣ.

Никакого представленія о юридическомъ положеніи думы, какъ законодательнаго учрежденія, о ея обязанностяхъ и правахъ, о пріемахъ и условіяхъ законодательной работы рядовой крестьянинъ — да и не одинъ крестьянинъ—разумѣется не имѣетъ. Михайличенко былъ увѣренъ, что дума амнистируетъ политическихъ сразу; и съ изумленіемъ онъ видитъ, что дума «обратилась къ формальностямъ», между тѣмъ какъ «наши мученики» продолжаютъ мучиться попрежнему [2]). Священникъ Поярковъ предлагаетъ отмѣнить смертную казнь «безъ всякихъ законовъ, безъ всякихъ законопроектовъ» [3]). Московскій депутатъ Савельевъ «не разбирается въ законахъ, не знаетъ законовъ», но онъ знаетъ, что необходимо къ 1 мая такъ или иначе успокоить рабочихъ,—не то «завтра уже прольется много крови» [4]). Депутатъ Поповъ проситъ государственную думу устранить земскихъ начальниковъ, а въ какомъ

---

[1]) *В. Герье*: „Первая русская государственная дума“.
[2]) II, 29.
[3]) XI, 430.
[4]) III, 36.

порядкѣ ихъ устранить—онъ не знаетъ: «я крестьянинъ» [1]). Крестьянинъ Бабичъ подаетъ предсѣдателю думы прошеніе отъ крестьянъ: помѣщикъ насильственнымъ образомъ оттягалъ у нихъ 87 десятинъ земли; поэтому Бабичъ ходатайствуетъ передъ думой о томъ, чтобы она возвратила безъ всякаго вознагражденія эту землю крестьянамъ [2]).

Изъ глухихъ деревень, изъ медвѣжьихъ угловъ рядовые «трудовики» привозятъ съ собою наивную вѣру въ «естественное всемогущество» государственной думы: дума все можетъ; она все разсудитъ, она все добудетъ. Наряду съ писаннымъ, чиновничьимъ правомъ, существуетъ другое *народное* (естественное) право,—и органомъ этого права является дума,—и только она.

На эту наивную вѣру опирается сознательная тактика руководителей, лидеровъ трудовой группы.

Цѣль этой политики заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы государственную думу превратить въ *полномочную* думу.

Для того, чтобы добыть народу землю и волю, «революціонная дума» должна быть *полномочною думой*; она должна быть, если не по названію, то по существу, полномочнымъ учредительнымъ собраніемъ.

— «Мы должны взять дѣло въ свои собственныя руки,—говоритъ Аладьинъ; *мы — всемощные законодатели*, которымъ стоитъ только захотѣть,—и будетъ и свѣтъ, и свобода, и жить будетъ народу легче» [3]).

Для передовыхъ трудовиковъ не существуетъ вопроса объ измѣненіи основныхъ законовъ: они основныхъ законовъ не признаютъ.

— «Что такое русская конституція?—Бумажный мѣшокъ. Пока дума не прорветъ этотъ бумажный мѣшокъ и не вырвется на свободу, русскій свободный народъ, желающій освобожденія, а не канцелярскаго, бумажнаго законодательства, не будетъ ей вѣрить, не будетъ и слушать (*Съдельниковъ*) [4]).

Согласно основнымъ законамъ, законодательная власть осуществляется монархомъ въ *единеніи* съ государственнымъ

---

[1]) XIII, 537.
[2]) XVIII, 843.
[3]) XI, 428.
[4]) XV, 657.

совѣтомъ и государственной думой [1]). Таковъ основной принципъ конституціонно-монархическаго строя [2]).

По мнѣнію «трудовиковъ», для того, чтобы издать законъ, не требуется ни согласія государственнаго совѣта, ни санкціи монарха. Законы должны издаваться государственной думой; «пусть государственная дума издаетъ законъ», народъ этотъ законъ исполнитъ.

«Мы не должны бояться за судьбу нашихъ законопроектовъ. Они будутъ приняты, они будутъ утверждены *его величествомъ русскимъ народомъ*, и онъ не только утвердитъ ихъ, но и приведетъ въ исполненіе. Такъ поторопитесь же дать ему законы» (*Съдельниковъ*) [3]). «Судьбу нашихъ законопроектовъ рѣшать будетъ страна, которая прочтетъ ихъ и приметъ» (*Аникинъ*) [4]). Въ революціонное время и законы должны быть принимаемы революціоннымъ путемъ; принимаемые революціоннымъ путемъ, они все-таки будутъ имѣть значеніе и силу законовъ (*Якубсонъ*) [5]).

Отрицая основные законы, передовые трудовики тѣмъ самымъ отрицаютъ учрежденіе государственной думы. Они не признаютъ тѣхъ рамокъ, въ которыя поставлена Положеніемъ законодательная работа. Вопросъ о законодательномъ измѣненіи статей Положенія, стѣсняющихъ законодательную иниціативу государственной думы, представляется имъ мелочнымъ и ничтожнымъ вопросомъ (*Аникинъ*) [6]).

Министры, опираясь на законъ, предлагаютъ думѣ отсрочить на мѣсяцъ обсужденіе законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни. Депутатъ *Локоть*, отъ имени трудовой группы, предлагаетъ государственной думѣ *немедленно* приступить къ обсужденію законопроекта [7]).

Какъ *полномочное* представительное собраніе, какъ конвентъ,

---

[1]) Св. зак., т. I, ч. 1 (изд. 1906 г.) ст. 7.

[2]) Ср. *бельгійская* конст., ст. 26: „Законодательная власть осуществляется коллективно королемъ, палатой представителей и сенатомъ“; *прусская* конст., ст. 62: „Законодательная власть осуществляется совмѣстно королемъ и обѣими палатами“; и др.

[3]) XI, 433; ср. *Меркуловъ*, XVIII, 822: „Воля его величества народа всероссійскаго непреклонна“.

[4]) XIV, 596.

[5]) XV, 644; срв. *Михайличенко*, XIX, 913.

[6]) XIV, 593.

[7]) XV, 646; срв. *Аникинъ*, XV, 644; *Аладьинъ*, ib., 645.

государственная дума должна сосредоточить въ своихъ рукахъ наряду съ законодательной *правительственную власть.*

Вмѣстѣ съ конституціонно-демократической партіей трудовая группа рѣзко и настойчиво, неутомимо требуетъ назначенія думскаго министерства [1]). Но она идетъ дальше: она не только «не довѣряетъ» министерству Горемыкина; она «не признаетъ» его министерствомъ. Министры и ихъ товарищи даютъ свои объясненія—знаменитыя объясненія—по аграрному вопросу. Депутатъ Онипко недоумѣваетъ: времени у насъ мало, а между тѣмъ это время отнимается *постороннимъ* лицами, *постороннимъ* разговорами [2]). Разъ государственная дума выразила недовѣріе министерству, министерство для думы является постороннимъ лицомъ; и всѣ его рѣчи—одни только «праздные разговоры» (*Онипко*) [3]). Не слѣдуетъ думѣ терять время въ разговорахъ и спорахъ съ посторонними людьми (*Онипко*) [4])

Полиція министра Столыпина избиваетъ депутата Сѣдельникова. Депутатъ *Аладьинъ*, при бурныхъ аплодисментахъ лѣвой, заявляетъ государственной думѣ: «Если еще разъ дотронутся хотя бы до одного депутата, ни одинъ министръ съ этой трибуны не произнесетъ ни одного слова. Пусть (тогда) ни одинъ изъ министровъ не является въ думу: мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность» [5]).

Необходимо ассигновать въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ значительную сумму для борьбы съ продовольственной нуждой. Депутатъ *Галецкій* предлагаетъ думѣ категорически заявить, что «ни копѣйки она не ассигнуетъ въ распоряженіе министерства, лишеннаго довѣрія страны» [6]).

Но какъ быть съ продовольственной нуждой? Вѣдь исполнительная власть необходима?!.. Да, но государственная дума должна взять исполнительную власть въ свои руки. Отвѣтственное предъ думой министерство понимается трудовиками, какъ осуществленіе непосредственно думой, или ея комиссіями, исполнительной власти. Наше разбойническое правительство,—говоритъ *Михайличенко*,—

---

[1]) Соціалъ-демократическая фракція о думскомъ министерствѣ не говоритъ—не того ей надо.

[2]) XII, 530.

[3]) XII, 534.

[4]) XIV, 622.

[5]) XXXI, 1568.

[6]) XXV, 1253.

не имѣетъ права называть себя правительствомъ; и затѣмъ, указывая на думу, прибавляетъ:—«здѣсь наше правительство!» [1]). Исполнительная власть *должна быть организована думой* (*Аладьинъ*) [2]); въ частности, продовольственное дѣло должно быть передано въ исключительное завѣдываніе продовольственной комиссіи, избранной думой. Отъ имени соціалъ-демократической фракціи деп. *Рамишвили* предлагаетъ законченный планъ организаціи продовольственнаго дѣла. Сосредоточеніе правительственныхъ капиталовъ въ рукахъ безотвѣтственнаго правительства недопустимо. При государственной думѣ долженъ быть организованъ продовольственный комитетъ. Комитетомъ должны быть командированы члены на мѣста для организаціи мѣстныхъ комитетовъ изъ среды голодающихъ, съ привлеченіемъ къ этому дѣлу какъ органовъ самоуправленія, такъ и свободныхъ общественныхъ организацій. Продовольственныя средства должны быть добыты путемъ сокращенія расходовъ на полицію, жандармерію, сельскихъ стражниковъ, на пожалованія и пенсіи высшимъ чинамъ и т. д. [3]).

Превосходный планъ! Какъ жаль, что депутатъ Рамишвили не сообщилъ государственной думѣ, отъ имени соціалъ-демократической фракціи, *какимъ образомъ* она могла бы этотъ планъ привести въ исполненіе.

При обсужденіи продовольственнаго дѣла г. Столыпинъ отказывается отвѣчать «трудовикамъ»: на угрозу захвата исполнительной власти министръ внутреннихъ дѣлъ, носитель законной власти, имъ отвѣчать не будетъ [4]).

Какъ полномочное учрежденіе, какъ *конвентъ*, государственная дума должна, по мнѣнію лѣвыхъ, захватить въ свои руки не только правительственную, но и *судебную власть*.

Депутатъ Аникинъ категорически заявляетъ: этихъ чиновничьихъ судовъ русскіе народные представители не признаютъ [5]). Министры и другіе чины, преступившіе законы, должны быть привлечены къ суду... Но къ какому суду?—*Народному суду*,—отвѣчаетъ деп. *Михайличенко* [6]).—Народный судъ,—это судъ государственной думы. Именемъ народа,—восклицаетъ деп. *Рамишвили*,—я призываю на

---

[1]) XXVII, 1357.
[2]) XXVI, 1332.
[3]) XXXII, 1674.
[4]) XXV, 1252.
[5]) XIX, 896.
[6]) VIII, 349; X, 400.

судъ, *предаю суду* всѣхъ грабителей, весь составъ администраціи, сверху до низу, и новаго, и бывшаго министровъ, и премьера [1]).

Такимъ образомъ, въ представленіи лѣвыхъ,—и, въ частности, въ представленіи трудовиковъ,—государственная дума, дѣйствительно, является полномочнымъ народнымъ собраніемъ, революціоннымъ конвентомъ. Сообразно съ такимъ представленіемъ, парламентарная тактика лѣвыхъ имѣетъ несомнѣнно революціонный характеръ. Задача думы заключается въ томъ, чтобы, опрокинувъ преграды, воздвигнутыя основными законами, завладѣть по «захватному праву»—«явочнымъ порядкомъ»—совокупностью полномочій государственной власти. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерно въ устахъ Аладьина сравненіе государственной думы... съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.

Въ интервью съ корреспондентомъ «Times», одинъ изъ министровъ заявилъ: «не колеблясь, могу сказать, что дума—просто революціонное собраніе, вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ»... Деп. *Аладьинъ* по этому поводу замѣчаетъ: «Пока думѣ комплиментъ—вѣдь и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, и союзъ союзовъ имѣютъ такое блестящее прошлое, что обижаться на заявленіе министра не приходится» [2]).

Само собою разумѣется, что гордое представленіе о думѣ, какъ о полномочномъ учрежденіи, разбивается скоро о горькую правду дѣйствительной жизни. Пусть дума—«полномочная» власть; но какъ это свое «полномочіе» думѣ осуществить? Что ей дѣлать? Она можетъ говорить,—и только.

И вотъ постепенно—чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче—представленіе о думѣ, какъ о полномочномъ собраніи, вытѣсняется въ сознаніи лѣвыхъ другимъ представленіемъ,—представленіемъ о думѣ какъ о безвластной «революціонной трибунѣ».

Государственная дума безсильна: никакого реальнаго дѣла она сдѣлать не можетъ.

Задача думы—революціонизировать народъ для того, чтобы народъ—самъ народъ—добылъ себѣ своими усиліями, помимо и поверхъ думы, и землю, и волю. По мнѣнію *Аладьина*, того самаго Аладьина, который еще такъ недавно называлъ депутатовъ всемощными законодателями, государственная дума не является учрежде-

---

[1]) XXIV, 1160.
[2]) XXIV, 1162.

ніемъ въ достаточной степени уполномоченнымъ для того, чтобы сказать свое собственное слово. Государственная дума является фокусомъ, который сумѣетъ собрать народъ воедино, сгруппировать за собою достаточныя силы для того, чтобы въ надлежащій моментъ эти силы, какъ ударъ парового молота, разнесли все, что мѣшаетъ народу достигнуть благополучія и счастья, какъ онъ его понимаетъ [1]). За полтора мѣсяца усиленной работы,—говоритъ Жилкинъ,—государственная дума, какъ высшее законодательное учрежденіе, не сдѣлала по законодательному пути ни одного опредѣленнаго шага. Ошибочно было бы упрекать ее въ этомъ. Съ необычайнымъ успѣхомъ государственная дума занимается разрѣшеніемъ стараго гипноза, стараго авторитета, стараго жестокаго закона [2]).

Съ пріѣздомъ кавказскихъ депутатовъ представленіе о думѣ, какъ о революціонной трибунѣ, становится въ лѣвыхъ рядахъ думы рѣшительно преобладающимъ. Кавказцы соціалъ-демократы живутъ по канонамъ соціалъ-демократическаго писанія. Для нихъ ясно, что настоящее нужное дѣло будетъ сдѣлано не «безправною думою», а учредительнымъ собраніемъ, опирающимся на революціонныя народныя массы (Джапаридзе) [3]). Безъ возстанія, безъ народнаго возмущенія не получить того, чего требуетъ государственная дума (Рамишвили) [4]).

Задача думы—единственная ея задача—содѣйствовать дѣлу политическаго пробужденія широкихъ народныхъ массъ и сплоченія ихъ въ грозную революціонную силу (*Джапаридзе*) [5]).

Само собою понятно, что, разсматривая думу, какъ революціонную трибуну, лѣвые относятся отрицательно къ какой бы то ни было созидательной, законодательной ея работѣ. «Мы—только боевой авангардъ, высланный народомъ, чтобы очистить русское поле отъ азіатскихъ плевелъ. Когда это будетъ достигнуто, тогда другой парламентъ, истинный, выбранный на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія,—только этотъ парламентъ займется спокойно созидательной и законодательной работой (*Николаевскій*) [6]).

---

[1]) XIV, 597.
[2]) XXVII, 1360.
[3]) XXVIII, 1403.
[4]) XXVIII, 1404.
[5]) XXVIII, 1404.
[6]) XXXIV, 1791.

Государственная дума законодательствовать не можетъ; писаніе законовъ не что иное, какъ тактическій пріемъ революціонизированія народныхъ массъ.

Соціалъ-демократы готовы поддерживать законопроекты, направленные къ возстановленію попираемыхъ правъ народа, но поддерживать ихъ *не* въ надеждѣ на то, что они скоро получатъ значеніе и силу закона, а лишь въ томъ убѣжденіи, что всѣ эти законопроекты разобьются о преграду, поставленную думѣ въ лицѣ государственнаго совѣта и правительства. И чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ будетъ лучше съ точки зрѣнія политическаго пробужденія тѣхъ слоевъ народа, которые еще вѣрятъ въ возможность преобразованія Россіи путемъ мирныхъ законодательныхъ реформъ (Джапаридзе) [1]).

Какая глубокая, какая непроходимая пропасть между первоначальными надеждами и окончательными выводами лѣваго думскаго крыла!

Само собою понятно, что, съ «революціонной точки зрѣнія, составленіе подробныхъ законопроектовъ съ примѣчаніями, оговорками и объяснительными записками», обсужденіе законопроектовъ въ комиссіяхъ представляется лѣвымъ совершенно излишнимъ и ненужнымъ дѣломъ.

Законодатели въ думѣ—школьники, подошедшіе къ доскѣ рѣшать задачу, не зная, какъ ее рѣшить (*Галецкій*) [2]).

Всякій практически-осуществимый законопроектъ направленъ къ тому, чтобы затормозить народное движеніе «обманомъ бумажныхъ уступокъ и ложью примиренія между хищниками реакціи и демократіей» [3]). Полезна обработка «основныхъ началъ» для того, чтобы народъ зналъ, чего ихъ представители требуютъ и въ чемъ имъ правительство отказываетъ [4]).

Только уяснивъ себѣ точку зрѣнія соціалъ-демократовъ, къ которой, въ значительной мѣрѣ, примыкаютъ руководители трудовиковъ (конечно, не ихъ масса), можно понять тѣ ожесточенные нападки

---

[1]) XXVIII, 1405.

[2]) XXIX, 1457.

[3]) *Джапаридзе*, XXVIII, 1404.

[4]) *Джапаридзе*, ib., 1405. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду вышеизложеннаго, представляется утвержденіе *Рамишвили*: „Никто изъ насъ не говорилъ того, что не нужно заниматься выработкой законопроектовъ, не нужно имѣть сужденія объ этихъ законопроектахъ въ комиссіяхъ и думѣ“, XXX, 1523.

объектомъ которыхъ оказался кадетскій законопроектъ о свободѣ собраній. Только съ этой точки зрѣнія можно понять внесеніе трудовиками въ государственную думу законопроекта объ учрежденіи мѣстныхъ «демократическихъ» думъ, или матеріаловъ по аграрному вопросу, теоретически излагающихъ соціалъ-революціонную программу. Не расчитывая ни на какіе практическіе результаты, трудовики преслѣдуютъ одну и единственную цѣль: устройство въ государственной думѣ революціонно-воспитательнаго скандала.

Наконецъ, только съ разсматриваемой точки зрѣнія можно объяснить себѣ отношеніе лѣвыхъ къ *запросамъ*.

Въ глазахъ лѣвыхъ никакого практическаго значенія запросы не имѣютъ. Они сводятся къ щедринской фразѣ: «мы будемъ пописывать, а чиновники будутъ почитывать» (*Съдельниковъ*) [1]. И, тѣмъ не менѣе, лѣвые забрасываютъ думу запросами,—забрасываютъ настолько, что у думы не остается времени для законодательной работы [2]. Наряду съ запросами, необходимыми по содержанію и серьезными по формѣ, министрамъ предъявляются иронические запросы. Такъ, министру Столыпину предъявляется запросъ: «признаетъ ли министръ для себя обязательнымъ предать бывшаго саратовскаго губернатора Столыпина суду за нарушеніе Высочайшаго указа отъ 8 марта 1905 г.?» Тѣ самые трудовики, которые такъ страстно спѣшатъ, съ законодательной работою спѣшить не находятъ нужнымъ.

Таково отношеніе къ думѣ ея лѣваго крыла. Прежде, чѣмъ закончить характеристику этого отношенія, еще одно замѣчаніе.

Представленіе о думѣ, какъ о полномочномъ законодательномъ собраніи, переплетается и скрещивается въ сознаніи трудовиковъ съ представленіемъ о думѣ, какъ о безправной революціонной трибунѣ. Отсюда—безчисленныя противорѣчія ихъ тактики, раскрываемыя съ неумолимой логичностью ораторами конституціонно-демократической фракціи,—Набоковымъ, Кокошкинымъ, Петражицкимъ, Гредескуломъ, Котляревскимъ и другими [3]. Настаивая на «революціонномъ» принятіи законовъ, трудовики убѣждены въ томъ, что эти законы, дѣйствительно, будутъ имѣть значеніе и силу законовъ. «Революціонные законы» они противополагаютъ резолюціямъ,—моти-

---

[1]) X, 398. Срв. замѣчанія *Аладьина* объ „игрѣ въ запросы", XI, 428

[2]) *Набоковъ*, XVII, 1369.

[3]) Объ этомъ см. *ниже*.

вированнымъ переходамъ къ очередному порядку дня [1]). Но когда имъ доказываютъ, что «революціонные законы» не что иное, какъ тѣ же резолюціи, и не больше,—они отвѣчаютъ: Пусть такъ; вы обращаете свои резолюціи къ министрамъ, мы обращаемъ свои къ народу [2]). Мы говоримъ на разныхъ языкахъ и намъ не понять другъ друга.

Несмотря на различіе принциповъ, положенныхъ въ основу парламентской тактики лѣваго думскаго крыла, эта тактика, несомнѣнно, объединяется однимъ,—если не положительнымъ, то отрицательнымъ,—моментомъ. И этотъ моментъ—отрицательное отношеніе лѣвыхъ къ конституціонному (парламентарному) методу дѣйствій государственной думы. Одни, руководимые, этого метода не понимаютъ; другіе, руководители, этого метода не хотятъ. И, несмотря на значительную общность парламентской *платформы* конституціонно-демократической фракціи, съ одной стороны, и болѣе лѣвыхъ группъ, съ другой, различное ихъ отношеніе къ тактическому вопросу—признаніе парламентарной тактики одними, ея отрицаніе другими, вызываетъ между ними непроходимую пропасть. И чѣмъ дальше, тѣмъ пропасть эта становится шире и глубже. Та борьба, которая велась въ государственной думѣ между «кадетами» и «трудовиками», велась преимущественно на почвѣ тактическихъ разногласій.

Какова же парламентская тактика конституціонно-демократической фракціи?

III.

Конституціоналисты-демократы считаютъ задачей государственной думы преобразованіе *законодательнымъ путемъ* политическаго и соціальнаго строя Россіи, осуществленіе политическихъ и соціальныхъ, законодательныхъ реформъ,—въ частности аграрной реформы,—безъ которыхъ Россія не можетъ существовать.

«Страна послала насъ сюда для того, чтобы мы занялись созидательной работой, чтобы мы внесли въ страну спокойствіе и миръ, водворили свободу и законность, правду и справедливость» (Остафьевъ) [3]). Сознательные выборщики не ждали отъ насъ, да

---

[1]) *Аникинъ*, XIV, 596; XI, 433; XV, 643 и мн. др.

[2]) *Рамишвили*, XXIV.

[3]) XIV, 600.

смѣшно было бы имъ ждать, что мы силой пересоздадимъ Россію. Нашъ языкъ—языкъ законопроектовъ и законовъ (Ленинъ) [1]). Основная задача думы есть осуществленіе законодательной власти, есть законодательная работа (Котляревскій) [2]).

Задача эта *не можетъ быть* думою осуществлена иначе, какъ въ рамкахъ, въ которыхъ дѣятельность ея поставлена дѣйствующимъ правомъ,—основными законами и учрежденіемъ государственной думы.

Несмотря на крайнюю свою неудовлетворительность, основные законы, пока они не отмѣнены, или не измѣнены въ законодательномъ порядкѣ, обязательны для думы. Нарушая основные законы, говоритъ *Петражицкій*, обращаясь къ лѣвымъ, вы хотите «разрушить основаніе, на которомъ зиждется ваша сила, вы отпиливаете тотъ сукъ, на которомъ вы сидите, вы занимаетесь ослабленіемъ и даже уничтоженіемъ вашей силы и даете силу вашему врагу. Вы хотите превратить насъ въ самозванныхъ узурпаторовъ, а это собраніе въ незаконный митингъ [3]).

Признавая Россію конституціонной монархіей, конституціонно-демократическая фракція соотвѣтственнымъ образомъ опредѣляетъ отношеніе государственной думы къ монарху. Уже въ первомъ засѣданіи думы деп. Муромцевъ, въ благодарственной рѣчи по поводу избранія его предсѣдателемъ, обращается къ думѣ съ пожеланіемъ: «Пусть совершится работа наша на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ государственной думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства». Громомъ апплодисментовъ государственная дума выражаетъ свою солидарность съ пожеланіемъ предсѣдателя [4]).

Нѣсколько разъ въ теченіе сессіи, въ самыя трудныя минуты думской жизни, у многихъ изъ членовъ думы возникала мысль о непосредственномъ обращеніи къ государю съ ходатайствомъ объ исполненіи заявленныхъ думой пожеланій [5]).

---

[1]) Ib., 599.
[2]) XXVIII, 1425.
[3]) XV, 653.
[4]) I, 3.
[5]) Срв. *Чуриковъ. Корниловъ*, III, 34; *Пустошкинъ*, XI, 442; *Сипягинъ*, XV, 642.

Конституціонно-демократическая фракція всегда и категорически высказывалась противъ подобнаго обращенія,—и не только потому, что она считала его практически безцѣльнымъ, но и потому, что она отрицала конституціонный его характеръ.

Съ одной стороны, непосредственное обращеніе къ монарху превращаетъ государственную думу изъ законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ (*Петрункевичъ*) [1]); оно стремится замѣнить ясное юридически-конституціонное отношеніе государственной думы къ монарху какимъ-то туманнымъ, мистическимъ, таинственнымъ общеніемъ душъ между народомъ и верховною властью (*Щепкинъ*) [2]). Мы не желаемъ быть ходатаями, говоритъ деп. И. Петрункевичъ, мы хотимъ быть законодателями [3]). Государственная дума не должна вступать на путь молитвъ; она должна остаться на пути законодательства (*Родичевъ*) [4]).

Съ другой стороны, обращаясь непосредственно къ монарху, государственная дума перенесла бы отвѣтственность за то, что совершается, и за то, что совершится, съ лицъ, въ дѣйствительности отвѣтственныхъ, отвѣтственности которыхъ она требуетъ, на неотвѣтственное лицо монарха (*Родичевъ*) [5]).

Неотвѣтственность монарха, вытекающая изъ существа монархической формы правленія, съ особенной энергіей и настойчивостью подчеркивается въ государственной думѣ представителями конституціонно-демократической фракціи; именно, отсюда она выводитъ необходимость политической отвѣтственности министровъ предъ государственной думой.

По силѣ основныхъ законовъ, государственная дума является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ законодательной власти; ея другіе элементы—государственный совѣтъ и монархъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ государственный совѣтъ, хотя бы даже въ его нынѣшнемъ, никуда негодномъ, составѣ, законы не могутъ быть издаваемы иначе, какъ монархомъ «въ единеніи» съ государственнымъ совѣтомъ и государственной думой. Только законо-

---

[1]) III, 42.
[2]) III, 45.
[3]) III, 42.
[4]) XV, 648.
[5]) Ib.

проектъ, принятый думой и совѣтомъ и санкціонированный монархомъ, становится закономъ [1]).

Согласно ст. 8-й осн. зак., иниціатива пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ *исключительно* монарху. Конституціонно-демократическая фракція отказывается отъ внесенія въ государственную думу какихъ бы то ни было законопроектовъ, касающихся пересмотра основныхъ законовъ. Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь государя ограничивается указаніемъ на необходимость такого пересмотра; государственная дума ожидаетъ его отъ иниціативы монарха [2]).

Опредѣляя порядокъ обсужденія законовъ, ст. 55—57 учр. госуд. дум. устанавливаютъ, независимо отъ обсужденія законопроекта по существу, еще особое предварительное его обсужденіе по вопросу о «желательности» закона вообще. При этомъ такое предварительное сужденіе («нолевое» чтеніе, по выраженію гр. Гейдена) допустимо не ранѣе истеченія мѣсячнаго срока со дня сообщенія подлежащему министру копіи заявленія объ изданіи новаго или отмѣнѣ или измѣненіи стараго закона.

Само собою понятно, что подобный порядокъ, обрекая думу на ненужныя словопренія, вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигаетъ на продолжительное время обсужденіе неотложныхъ законопроектовъ.

Несмотря на крайнюю свою неудовлетворительность, порядокъ этотъ, впредь до законодательнаго измѣненія соотвѣтственныхъ статей учрежденія, долженъ быть, по мнѣнію конституціонно-демократической фракціи, соблюдаемъ государственной думой.

23 мая фракція вноситъ законопроектъ объ измѣненіи упомя-

---

[1]) *Набоковъ*, XV, 660; *Кокошкинъ*, XV, 675; *Ледницкій*, XV, 649.

[2]) Цитируя слова адреса: „Не можетъ быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ монархомъ“,—проф. *Герье* (Первая государственная дума, стр. 14) замѣчаетъ: „Подъ этимъ „эвфемизмомъ“ скрывалось притязаніе *на учредительную власть*, т. е. затаенное желаніе превратить думу въ учредительное собраніе“. Не знаемъ, чему, собственно, мы должны удивляться,—невѣжеству или недобросовѣстности ученаго автора приведенной цитаты. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ, что *во всѣхъ* современныхъ конституціонныхъ монархіяхъ „нѣтъ такой области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ монархомъ?!“..

нутыхъ статей учрежденія, обезпечивающій дѣйствительное осуществленіе законодательной иниціативы государственной думой [1]).

Одинъ изъ лидеровъ трудовой группы, Аникинъ, высказывается противъ предложенія конституціонно-демократической фракціи, считая измѣненіе ст.ст. 55—57 учрежденія «мелочнымъ измѣненіемъ». «Я думаю, что не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дѣло дѣлать (*шумные апплодисменты*), нужно въ первую голову удалить министерство Горемыкина и замѣнить его министерствомъ изъ народа» [2]). «Мы должны вырабатывать законопроекты, но законопроекты существенные и вырабатывать ихъ мы должны не для министровъ, но для страны» (Аникинъ) [3]).

Возражая Аникину, конституціоналисты-демократы настаиваютъ на необходимости нормальной, законодательной работы. «Если вы (трудовики) призываете насъ къ составленію законопроектовъ, если вы участвуете въ ихъ разработкѣ, то когда мы предлагаемъ способы облегчить нашу же работу, не говорите, что это не дѣло» (Винаверъ) [4]). Мы осуществляемъ здѣсь нашу законодательную власть, делегированную намъ народомъ. Никакія отступленія отъ этого принципа не могутъ быть допустимы. Неужели мы опять сами хотимъ замѣнить послѣдовательную, правильную законодательную работу постановкою какихъ то общихъ, ни для кого не обязательныхъ, никакого авторитета не имѣющихъ резолюцій? Если намъ говорятъ, что остальная работа непроизводительна, то, позвольте, неужели вы думаете, что можно резолюціями кого-нибудь испугать? (*Котляревскій*) [5]). Дума должна законодательствовать; она не можетъ устраивать забастовокъ по тому случаю, что министерство остается у власти (*Родичевъ*) [6]).

Какимъ образомъ можетъ и должна законодательствовать государственная дума? Конституціонно-демократическая фракція отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: въ рамкахъ того закона, которымъ опредѣляется порядокъ обсужденія законопроектовъ въ государственной думѣ.

Фракціей вносится законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Деп. *Набоковъ* отъ имени фракціи предлагаетъ обсудить законопроектъ на предметъ его передачи въ комиссію.

---

[1]) XIII, 553.
[2]) XIV, 593.
[3]) XIV, 596.
[4]) XIV, 594.
[5]) XIV, 594.
[6]) XIV, 601.

Трудовики возражаютъ; они требуютъ немедленнаго принятія законопроекта, принятіе его внѣзаконнымъ путемъ, безъ соблюденія условій, установленныхъ учрежденіемъ думы [1]). Это требованіе отвергается конституціонно-демократической фракціей. «Поскольку мы желаемъ дѣйствовать, какъ законодательное учрежденіе, а не какъ собраніе, принимающее то или другое ни для кого не обязательное рѣшеніе, которое оно само провести практически не можетъ, мы должны держаться того пути, который установленъ. Мы можемъ сегодня постановить или рѣшить все, что угодно, но если мы это сдѣлаемъ, наше постановленіе не будетъ закономъ, выработаннымъ государственной думой; оно будетъ резолюціей государственной думы, которая исполненію ни съ чьей стороны не подлежитъ (*Набоковъ*) [2]).

Законопроектъ передается въ комиссію, при этомъ государственная дума поручаетъ предсѣдателю назначить его слушаніе, по возможности, въ ближайшіе дни. Министры, военный, морской и юстиціи, увѣдомленные о рѣшеніи думы предсѣдателемъ, настаиваютъ, въ виду «сложности» законопроекта, на соблюденіи установленнаго закономъ (ст. 56 учр. госуд. думы) мѣсячнаго срока.

«Трудовики»—на этотъ разъ страстно и настойчиво—требуютъ немедленнаго, *вопреки закону*, слушанія законопроекта. «Сила думы—не въ согласованности съ тѣми или другими законными путями, которыя указаны для ея дѣятельности,—сила думы заключается въ сочувствіи страны. Пора уйти съ пути митинговъ, пора законы издавать, а не только провозглашать резолюціи... Законъ объ отмѣнѣ смертной казни долженъ быть принятъ революціоннымъ путемъ (*Якубсонъ*) [3]).

Положеніе, дѣйствительно, невыносимое. Министры пользуются закономъ для обструкціи. Что дѣлать думѣ? «Люди умираютъ, а мы будемъ парламентскія формы вырабатывать?!. Неужели предъ человѣческой жизнью можно говорить о парламентской формѣ?!. (*Сипягинъ*) [4]).

И, тѣмъ не менѣе, конституціонно-демократическая фракція, въ

---

[1]) *Заболотный*, XI, 431; *Съдельниковъ*, ib., 432.

[2]) XI, 430.

[3]) XV, 643 и сл. Срв. рѣчи *Аникина*, *Аладьина*, *Локотя*, *Недоноскова*, *Галецкаго* и др. (тамъ же).

[4]) XV, 643.

лицѣ своихъ руководителей, твердо и непоколебимо стоитъ на необходимости соблюденія «конституціонныхъ формъ». Эти формы необходимы потому, что внѣ этихъ формъ *законодательная* дѣятельность невозможна. «Пока на насъ лежатъ тѣ легальные, законные путы, отъ которыхъ мы хотимъ отдѣлаться, пока наша законодательная дѣятельность поставлена въ извѣстныя рамки и требуется соблюденіе извѣстныхъ условій для того, чтобы наши постановленія могли пріобрѣсти силу законовъ, до тѣхъ поръ мы должны эти легальныя ограниченія соблюдать» (*Набоковъ*) [1]). Мы не должны утратить ту почву, на которой мы имѣемъ силу. Если мы признаемъ—внѣзаконнымъ путемъ—предполагаемыя статьи за законъ, въ чемъ измѣнится дѣйствительное положеніе вещей? Вы убѣждены, что послѣ того, какъ мы примемъ законопроектъ единогласно,—за исключеніемъ двухъ-трехъ голосовъ,—вы убѣждены, что этотъ параграфъ станетъ закономъ, и смертныя казни прекратятся? Если вы убѣдите меня въ этомъ, я сейчасъ же голосую за это безъ преній (*Родичевъ*) [2]).

Предлагая принять законопроектъ внѣзаконнымъ путемъ, намъ предлагаютъ бумажную резолюцію, которая останется пустымъ звукомъ въ странѣ, которая ничѣмъ отъ митинговой резолюціи не отличается, какъ не отличается и отъ тѣхъ резолюцій, которыя нами раньше принимались (*Ледницкій*) [3]).

Резолюція не есть революція [4])—это часто забываютъ трудовики и объ этомъ упорно напоминаетъ имъ конституціонно-демократическая фракція.

Наряду съ законодательною дѣятельностью и въ тѣсной съ нею связи, ближайшей задачею думы конституціонно-демократическая фракція считаетъ «борьбу за власть»,—борьбу за парламентское министерство, за министерство, пользующееся довѣріемъ думы.

Конституціонно-демократическая фракція не можетъ не понимать, что до тѣхъ поръ, пока власть остается въ рукахъ безотвѣтственной бюрократіи, воспитанной въ традиціяхъ стараго режима,—бюрократіи, относящейся съ нескрываемой враждою къ народному представительству, до тѣхъ поръ невозможна нормальная и плодо-

---

[1]) XV, 642.
[2]) XV, 648.
[3]) XV, 649; срв. *Набоковъ*, ib., 660.
[4]) *Набоковъ* ib.

творная законодательная дѣятельность думы. «Мы собрались сюда не только для того, чтобы писать законы объ устройствѣ земли русской, но и для того, чтобы доказать монарху, что порядокъ будетъ только тогда, когда его министры будутъ дѣйствовать согласно съ волей страны и народа. Если мы не добьемся власти этимъ путемъ, то, безспорно, не только всѣ наши благія пожеланія, но и самое право запроса падетъ въ бездну» (*Винаверъ*) [1]); мы можемъ написать какіе угодно законы, но если мы не подчинимъ министровъ думѣ, то мы ничего не сдѣлаемъ, и страна намъ этого не проститъ. Подчинить министровъ думѣ—только въ этомъ наша задача, въ этомъ главная потребность страны (*кн. Шаховской*) [2]).

Въ историческіе моменты коренной и всеобщей ломки отжившихъ порядковъ отвѣтственное передъ думой министерство, въ особенности, необходимо. Мы переживаемъ такой моментъ, когда только совокупная дѣятельность верховной власти и народныхъ представителей можетъ обновить Россію и повести по новымъ путямъ безъ новыхъ многочисленныхъ жертвъ. Если у насъ будетъ отвѣтственное передъ думой министерство, то Россія будетъ поставлена на настоящіе рельсы; если у насъ этого министерства не будетъ, то Россія должна будетъ двигаться по дорогѣ, покрытой канавами, кочками и рытвинами, по краю пропасти, въ которую такъ легко свалиться (*Карѣевъ*) [3]).

Само собою понятно, что требованіе министерства, отвѣтственнаго передъ думой,—министерства, пользующагося довѣріемъ думы, является вполнѣ и безусловно конституціоннымъ. Больше того: оно вытекаетъ съ логической необходимостью изъ самой сущности представительной формы правленія. Конституціонный механизмъ не можетъ функціонировать правильно, если между правительственной и законодательной властью существуетъ хроническій и непримиримый антагонизмъ. Министерство, не подчиненное народному представительству, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда народное представительство подчиняется министерству. Такъ называемый, въ противоположность парламентаризму, конституціонализмъ (дуализмъ) является, по существу, не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же—разумѣется, своеобразнымъ—парламентаризмомъ; ибо и здѣсь министерство, свободно назначаемое монархомъ, располагаетъ «довѣріемъ» несамо-

---

[1]) IV, 156.
[2]) IV, 157.
[3]) IV, 156.

стоятельнаго и уступчиваго парламентскаго большинства. Если въ Германіи или въ Пруссіи возможенъ «дуализмъ», то только потому, что ни въ Германіи, ни въ Пруссіи парламентъ не бываетъ вполнѣ и безусловно оппозиціоннымъ правительству. Если народное представительство, при всякомъ своемъ составѣ, и до и послѣ роспуска систематически отказываетъ правительству въ «довѣріи»,—неизбѣжно одно изъ двухъ: либо правительственное coup d'état (упраздненіе народнаго представительства, измѣненіе «революціоннымъ путемъ» избирательнаго закона etc.), либо назначеніе новаго министерства, пользующагося довѣріемъ народнаго представительства. Tertium non datur.

Съ другой стороны, только при наличности отвѣтственнаго предъ думой министерства безотвѣтственность монарха, основное начало конституціонно-монархическаго строя, является не искусственной фикціей, а безспорнымъ въ своей реальности фактомъ. Только при этомъ условіи особа монарха остается на той высотѣ, на которой ей надлежитъ находиться (*Федоровскій*) [1]). Только при этомъ условіи «монархъ не можетъ дѣлать зла», и парламентская оппозиція является «оппозиціей его величества, а не его величеству» (*Ковалевскій*) [2]).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что самое существованіе конституціонно-монархическаго строя обусловлено парламентарнымъ характеромъ министерства—довѣріемъ къ нему народнаго представительства. «Единеніе монарха съ народнымъ представительствомъ», требуемое основными законами (ст. 7 осн. зак.), не можетъ быть достигнуто иначе, какъ путемъ парламентарнаго министерства. Отсутствіе такого единенія разрушаетъ въ конституціонномъ государствѣ законодательную власть.

Если, такимъ образомъ, парламентаризмъ является слѣдствіемъ, логически и практически необходимымъ, конституціонализма, то, очевидно, «борьба за власть» въ конституціонномъ государствѣ, другими словами, борьба за парламентарное министерство, не можетъ и не должна вестись иначе, какъ конституціоннымъ путемъ. Послѣдовательнымъ и полнымъ использованіемъ своихъ конституціонныхъ прерогативъ—права запросовъ, права отклоненія законовъ, предлагаемыхъ правительствомъ, бюджетнаго права—оппозиціонная государственная дума не можетъ не добиться парламен-

---

[1]) IV, 155.

[2]) IV, 159.

тарнаго министерства. Нарушеніе конституціи необходимо не думѣ для того, чтобы получить парламентарное министерство; оно необходимо верховной власти для того, чтобы, вопреки категорическимъ требованіямъ думы, такого министерства не назначить.

Такъ именно смотритъ на вопросъ о парламентарномъ министерствѣ конституціонно-демократическая фракція въ государственной думѣ; въ борьбѣ за парламентарное министерство она не сходитъ съ конституціоннаго пути.

Такъ, прежде всего, самымъ рѣшительнымъ образомъ она отвергаетъ безусловно анти-конституціонную тактику «активнаго бойкота министерства», систематически примѣняемую трудовою группой.

При обсужденіи запроса по поводу избіенія полиціей деп. Сѣдельникова деп. Аладьинъ обращается къ министрамъ съ угрожающей рѣчью: «Если еще разъ дотронутся хотя бы до одного депутата въ условіяхъ, въ которыхъ былъ избитъ Сѣдельниковъ, то мы заявляемъ, что ни одинъ министръ съ этой трибуны никогда не произнесетъ ни одного слова... Пусть (тогда) ни одинъ изъ министровъ не является сюда! Мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность! [1]).

Противъ угрозъ деп. Аладьина, вслѣдъ за *гр. Гейденомъ*, самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаютъ депутаты *Черносвитовъ* и *Набоковъ*.—«Я считаю, говоритъ деп. *Набоковъ*, что разъ мы вступимъ на путь личныхъ репрессалій, мы сходимъ тѣмъ самымъ съ пути законодательнаго и представительнаго дѣйствованія... Если мы встрѣчаемся съ какими либо незаконными или насильственными поступками со стороны другихъ, то это не должно быть причиной, чтобы мы тоже стали дѣйствовать насильственно и незаконно. Поэтому, если бы я былъ избитъ или даже убитъ, то я покорнѣйше прошу депутата Аладьина и его товарищей допускать на эту каѳедру и г. министра внутреннихъ дѣлъ, и его товарищей по кабинету» [2]).

Не довѣряя министерству, конституціонно-демократическая фракція *признаетъ*, его пока оно у власти, министерствомъ; въ борьбѣ съ нимъ оно пользуется конституціонными средствами,—тѣми средствами,

---

[1]) XXXI, 1588.

[2]) XXXI, 1576.—Трудовикъ Локоть—противникъ обструкціи, какъ тактической системы; это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему поведеніе кадетовъ находить „нелѣпымъ“ (Первая дума, стр. 266 и сл.)

какими парламенты всѣхъ странъ добивались парламентарнаго министерства. Конечно, государственная дума, уже вслѣдствіе кратковременности своего существованія, не имѣла возможности воспользоваться этими средствами въ ихъ полномъ объемѣ; осуществленіемъ своего законодательнаго и бюджетнаго права она не могла еще обнаружить не только теоретической, но и практической несовмѣстимости бюрократическаго министерства съ оппозиціоннымъ ему народнымъ представительствомъ. И если первая государственная дума не сумѣла добиться отвѣтственнаго предъ ней министерства, то это объясняется именно тѣмъ, что для правильной конституціонной осады у нея не хватило времени, а на стремительный революціонный штурмъ у нея не хватало силъ. «Борьба за парламентаризмъ» отчетливо и рѣзко отграничиваетъ конституціонно-демократическую фракцію отъ праваго крыла государственной думы. *М. А. Стаховичъ* — противъ политической отвѣтственности министровъ предъ думой [1]). Требующій такой отвѣтственности переходъ къ очереднымъ дѣламъ, принятый думою по обсужденіи декларацiи Горемыкина, отвергается г. Стаховичемъ и его немногочисленными единомышленниками. Они предпочитаютъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, не сочувствующій объясненію совѣта, но не касающійся «служебной карьеры» кабинета [2]). Они считаютъ себя реальными политиками и, тѣмъ не менѣе, находятъ возможной законодательную дѣятельность думы при наличности бюрократическаго министерства, безусловно и непримиримо враждебнаго думѣ.

Между ними и конституціонно-демократической фракціей—непроходимая пропасть [3]).

IV.

Борьба между конституціонно-демократической фракціей, съ одной стороны, и лѣвыми партіями—съ другой, въ государственной думѣ велась преимущественно на почвѣ коренного расхожденія

---

[1]) IV, 155.

[2]) VIII, 354.

[3]) Въ вопросѣ о политической отвѣтственности министровъ гр. *Гейденъ* расходится съ г. *Стаховичемъ*. Гр. Гейденъ „глубоко убѣжденъ въ томъ, что министерство Горемыкина должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ думы“ (XVIII, 350).

*

ихъ парламентской тактики. Обращаясь къ деп. *Гредескулу*, деп. *Рамишвили* восклицаетъ: «У насъ общая цѣль, революціонная цѣль — уничтоженіе ненавистнаго режима, но средства къ одной цѣли могутъ быть разныя, и тѣ мирныя средства, которыя рекомендуетъ г. Гредескулъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ не годятся» [1]).

По мнѣнію деп. Рамишвили, въ государственной думѣ «годятся» одни только революціонныя средства...

Такъ ли это? Возможно ли въ настоящее время, въ свѣтѣ пережитыхъ событій, отвѣтить—по возможности спокойно и объективно—на вопросъ: чья тактика въ государственной думѣ—конституціонно-демократической фракціи или лѣвыхъ партій—наиболѣе соотвѣтствовала реальнымъ условіямъ даннаго историческаго момента; другими словами, чья тактика въ данныхъ условіяхъ являлась наиболѣе цѣлесообразной?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, констатируемъ слѣдующій—совершенно безспорный и несомнѣнный—фактъ: вся тактика лѣваго думскаго крыла покоилась на одномъ предположеніи—на твердой и непоколебимой увѣренности думской оппозиціи въ невозможности насильственнаго роспуска думы въ виду организованной поддержки ея народомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прочитывая стенографическіе отчеты думскихъ засѣданій, невольно удивляешься безграничной,—я сказалъ бы, религіозной, — вѣрѣ депутатовъ въ неприкосновенность думы, въ организованную ея поддержку народомъ. Этой вѣрѣ не чужды кадеты; она безраздѣльно царитъ въ рядахъ лѣвой революціонной оппозиціи думы.

Трудовики безусловно увѣрены въ томъ, что страна—вся страна—какъ одинъ человѣкъ, станетъ на защиту постановленій государственной думы (*Михайличенко*) [2]). Революція сдерживается думой; въ тотъ моментъ, когда кто бы то ни было осмѣлится въ той или иной формѣ—въ формѣ ли разгона, или закрытія дверей—уничтожить думу, силы революціи вырвутся изъ-подъ ея контроля (*Аладьинъ*) [3]). Пусть уйдутъ министры, иначе ихъ постигнетъ участь офицеровъ на «Князѣ Потемкинѣ Таврическомъ» (*Бабенко*) [4]).

---

[1]) XXV, 1239.
[2]) XIX, 913.
[3]) VIII, 331 и сл.
[4]) XIX, 912.

Если министерство не уйдетъ, народъ выброситъ его изъ этой залы (Аладьинъ) [1]). Къ голосу думы присоединится грозная и мощная сила народа, и тогда сметены будутъ исполнители писанаго и неписанаго закона (*Бондаревъ*) [2]). Если не мы, то народъ справится съ министрами (*Недоносковъ*) [3]). Мѣра народнаго терпѣнія исполнилась; народный гнѣвъ уже виситъ надъ головами министровъ (*Аникинъ*) [4]). Мы сдерживаемъ революцію; намъ достаточно заявить, что мы ничего не можемъ сдѣлать,—и отъ васъ не останется ничего (*Аладьинъ*) [5]). Народъ возстанетъ, если распустятъ думу (*Родичевъ*) [6]). Почти наканунѣ роспуска думы, 30 іюня, *Аладьинъ* говоритъ: «Министры великолѣпно знаютъ, что они не удержатся на мѣстахъ. Они не менѣе великолѣпно знаютъ, что сидѣть на этихъ мѣстахъ имъ придется не мѣсяцы, не недѣли, а только дни... Ихъ судьба рѣшена; они отсюда уйдутъ и уйдутъ черезъ нѣсколько дней [7]).

Надо ли доказать, что и соціалъ-демократы всю свою думскую тактику строили на томъ же предположеніи о неприкосновенности государственной думы? Только неприкосновенная дума можетъ быть революціонной трибуной; только революціонный народъ, тѣснымъ кольцомъ окружающій думу, можетъ оградить и защитить эту трибуну отъ стремительнаго напора враждебныхъ силъ. «За нами,—восклицаетъ *Рамишвили*,—стоитъ народъ... Дума не должна колебаться; народъ болѣе настойчивъ, чѣмъ мы здѣсь. Слѣдуетъ прислушаться къ его настроенію и дѣйствовать въ его интересахъ [8]).

Дума распущена. Мы знаемъ, мы испытали на себѣ и видѣли на окружающихъ то потрясающее, ошеломляющее впечатлѣніе, какое произведено было на страну извѣстіемъ о роспускѣ государственной думы. И тѣмъ не менѣе фактъ на лицо: той поддержки, организованной и активной поддержки, которой ожидала и требовала дума отъ народа, народъ оказать ей не могъ,—хотѣлъ оказать, но не могъ. И не могъ потому, что той организованности

---

[1]) XXIV, 1164.
[2]) XXIV, 1170.
[3]) XXVI, 1280.
[4]) XXVII, 1348.
[5]) XXXI, 1568.
[6]) XXXIII, 1723.
[7]) XXXVI, 1889.
[8]) XXIV, 1160.

общественныхъ силъ, какая предполагалась думой, въ дѣйствительности не существуетъ.

До тѣхъ поръ, пока народъ остается «людскою пылью»,—возможны стихійныя народныя движенія, но организованное народное движеніе невозможно. Сорвется вѣтеръ и погонитъ предъ собою крутящійся и раскаленный песчаный столбъ; улегся вѣтеръ,—умираетъ пустыня, и опять, куда ни взглянешь,—пески, пески и пески...

Но въ такомъ случаѣ не является ли тактика «революціонеровъ» въ государственной думѣ фантастической тактикой отъ начала и до конца? Превращеніе государственной думы въ полновластное законодательное собраніе и точно также въ революціонную трибуну не могло не оказаться невозможнымъ.

Реальныя условія дѣйствительности категорически ставили государственной думѣ иную задачу; они толкали ее—повелительно и властно—на путь иной тактики.

Основною задачей государственной думы мы считали и считаемъ организацію общественныхъ силъ, созданіе изъ того механическаго аггрегата, который мы называемъ народомъ, того органическаго цѣлаго, которое одно только и можетъ—и должно—называться народомъ.

Объ организаціи «народныхъ массъ»—разумѣется, не о той организаціи, о которой говоримъ мы,—не мало говорилось и лѣвыми ораторами думы; къ несчастью, единственнымъ средствомъ, ведущимъ къ такой организаціи, они признавали наименѣе дѣйствительное средство—*революціонную фразу*.

Для того, чтобы понять «революціонную тактику» лѣвыхъ въ государственной думѣ, необходимо имѣть прежде всего въ виду глубокую и несокрушимую ихъ вѣру въ организующую силу революціонной фразы. Эта вѣра красною нитью проходитъ чрезъ всѣ ихъ рѣчи въ государственной думѣ.

Трудовики и соціалъ-демократы призываютъ думу *къ дѣлу*. «Когда же мы перестанемъ только возмущаться тѣмъ, что происходитъ?.. Когда мы отъ дерзкихъ словъ перейдемъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ?.. Когда же мы будемъ считаться съ возбужденными стихіями народнаго гнѣва, народныхъ требованій?» (*Недоносковъ*) [1]). «Не мелочами нужно заниматься,— восклицаетъ *Аникинъ*,—а

---

[1]) XIX, 897.

нужно крупное дѣло дѣлать»; и дума отвѣчаетъ ему шумными аплодисментами [1]).

Въ чемъ заключается, однако, это «крупное дѣло?» Что, именно, взамѣнъ законодательной работы, предлагаютъ лѣвые государственной думѣ?

Они предлагаютъ *резолюціи*, революціонныя резолюціи,—и больше ничего; резолюцію объ аграрныхъ «думахъ», резолюцію по продовольственному дѣлу, резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни, резолюцію-манифестъ, обращенный къ народу.

Возставая противъ тактики лѣвыхъ въ государственной думѣ, конституціонно-демократическая фракція возстаетъ противъ тактики словъ, а не противъ тактики дѣла. Она не вѣритъ въ магическую силу революціонныхъ фразъ. Если вы стоите предъ гранитной скалой, сколько бы вы ни повторяли «Сезамъ, отворись», скала не раскроетъ вамъ своей наполненной сокровищами пещеры. Нуженъ трудъ, долгій и упорный трудъ, для того, чтобы въ гранитной толщѣ пробить къ этой пещерѣ узкій подземный путь.

Бываютъ моменты, когда слово, брошенное съ высоты, подобно искрѣ, зажигающей пожаръ. Когда войска выстроены въ боевой порядокъ, нужна команда—короткое «впередъ» для того, чтобы двинуть ихъ на врага. Но когда войска на зимнихъ квартирахъ, надо, прежде всего, ихъ собрать. *Собираніе силъ*—такова задача историческаго момента, переживаемаго Россіей.

И когда конституціонно-демократическая фракція настаиваетъ въ думѣ на необходимости конституціонной, а не революціонной тактики, она отнюдь не выбираетъ изъ двухъ возможныхъ и цѣлесообразныхъ тактикъ одну, ей угодную: она указываетъ думѣ *единственно*-возможную, *единственно*-цѣлесообразную тактику.

Настаивая на необходимости парламентской борьбы съ бюрократическимъ правительствомъ, она знаетъ, что эта борьба, быть можетъ, не сразу, но неизбѣжно приведетъ къ торжеству парламентаризма. Настаивая на необходимости законодательной дѣятельности думы, она знаетъ, что самые скромные законы о неприкосновенности личности, о свободѣ союзовъ и собраній, о демократизаціи земства сослужатъ великому дѣлу организаціи общественныхъ силъ гораздо лучшую службу, чѣмъ самыя грозныя революціонныя тирады гг. Джапаридзе и Рамишвили.

И когда, возставая противъ тактики конституціонно-демократи-

---

[1]) XIV, 593.

ческой партіи, представители лѣвыхъ группъ ссылаются на безсиліе думы, мы отказываемся ихъ понять:, неужели безсильная законодательствовать, государственная дума достаточно сильна для того, чтобы поднять революціонное движеніе въ странѣ? Неужели государственная дума, безсильная какъ законодательное учрежденіе, возможна какъ революціонная трибуна?

Опираясь на историческій опытъ государствъ, опередившихъ насъ на пути политическаго развитія, мы утверждаемъ, что конституціонныя учрежденія, при всемъ своемъ несовершенствѣ, въ самихъ себѣ носятъ зародышъ дальнѣйшаго совершенствованія; что самое существованіе ихъ является залогомъ политическаго прогресса. Именно, потому мы стараемся оберечь эти учрежденія отъ тяжелыхъ ударовъ политической реакціи, являющейся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжной—въ настоящихъ условіяхъ—неудачи революціонныхъ движеній.

Пусть наша конституція—пока еще «бумажная конституція». Это не есть возраженіе противъ конституціоннаго характера тактики государственной думы. Еще не такъ давно Н. Е. Кудринъ, одинъ изъ видныхъ представителей лѣваго теченія русской соціалистической мысли, писалъ:

«Допустимъ, что часто и въ сильной степени конституціонныя формулы—лишь «слова, слова, слова», выражающія въ самомъ лучшемъ случаѣ мимолетное отношеніе фактическихъ силъ и интересовъ, борящихся за господство въ обществѣ. Но человѣческія слова—именно потому, что они слова—обладаютъ способностью дальнѣйшаго развитія уже въ силу своей внутренной логики, независимо отъ фактической почвы, на которой они первоначально возникли. Какъ идейные элементы реальныхъ отношеній, они живутъ своеобразною, отчасти самостоятельною, жизнью и стремятся тѣсно срастись и вылиться въ новую, болѣе послѣдовательную и цѣльную формулу... Можно ли отрицать историческую важность этой на половину самостоятельной эволюціи «словъ» и формулъ государственнаго права, которыя, такъ сказать, возвратнымъ ударомъ дѣйствуютъ уже на взаимныя отношенія реальныхъ силъ, борющихся въ обществѣ?» [1]).

Въ государственной думѣ, въ борьбѣ «словъ» со «словами», конституціонно-демократическая фракція была и будетъ на сторонѣ

---

[1]) Сборникъ „Политическій строй совр. государствъ“, т. I, ст. Н. Е. Кудрина: „Государственный строй Франціи“, стр. 404.

тѣхъ «словъ», которыя могутъ стать «дѣломъ», и противъ тѣхъ «словъ», которымъ—увы!—суждено остаться словами.

За истекшій годъ русскому обществу пришлось пережить рядъ мучительныхъ испытаній. Неужели уроки суровой дѣйствительности прошли для него даромъ? Неужели оно не сумѣло ничему научиться и ничего забыть.

Необходимо оглянуться на пройденный путь, учесть всѣ сдѣланныя ошибки и направить всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать ихъ въ будущемъ.

В. Гессенъ.

Національный вопросъ въ государственной думѣ.

Къ числу наиболѣе острыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнью, несомнѣнно слѣдуетъ отнести вопросъ національный.

Вся прошлая дѣятельность самодержавной бюрократіи была направлена на національное обезличеніе всѣхъ нерусскихъ народностей, на ихъ обрусѣніе. Неудивительно поэтому, что національное равноправіе явилось однимъ изъ боевыхъ лозунговъ освободительной борьбы.

Если для однѣхъ народностей національный вопросъ разрѣшался вполнѣ ихъ гражданскимъ равноправіемъ, то для нѣкоторыхъ этого было недостаточно.

Историческое прошлое, знавшее политическую независимость высокая культура, наконецъ вполнѣ развитая національная самобытность и національное самосознаніе естественно раздвинули рамки національныхъ стремленій и въ основу ихъ клали жажду самостоятельнаго быта.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто нужно отвести польскому вопросу.

Еще на сентябрьскомъ и ноябрьскомъ земскихъ съѣздахъ (1905 г.) автономія Польши вызвала оживленные дебаты, а затѣмъ когда была включена въ программу партіи народной свободы, стала въ рукахъ противныхъ партій сильнымъ орудіемъ избирательной борьбы. Разсчитывая опереться на націоналистическія чувства широкихъ народныхъ массъ, мало знакомыхъ съ понятіемъ и существомъ автономіи, воспитанныхъ въ духѣ безпощаднаго людоѣдства, правыя партіи, въ особенности же союзъ 17 октября широко использовали въ своихъ партійныхъ цѣляхъ автономію Польши.

Какъ аграрный вопросъ возбудилъ ожесточенную классовую борьбу, такъ вопросъ національный въ своей новой постановкѣ вызвалъ націоналистическій протестъ.

Посыпались обвиненія въ измѣнѣ, въ желаніи расчленить Россію, указывалось на неизбѣжность отпаденія Польши и т. д.

Если съ одной стороны таково было настроеніе рептильной прессы и той части русскаго общества, которая по справедливому замѣчанію Владимира Соловьева служила не народному идеалу, но народному идолу, если лучшія силы молодой Россіи боролись съ этимъ царствомъ тьмы и предразсудка, то съ другой стороны народности, изстрадавшіяся отъ самаго тяжелаго, какой только существуетъ, національнаго гнета, естественно съ нетерпѣніемъ ждали, когда наконецъ рухнутъ вѣковыя оковы.

Когда избирательная кампанія окончилась полной побѣдой конституціонно-демократической партіи, отъ которой многіе ждали удовлетворенія своихъ національныхъ стремленій, когда правительство, казалось, готово было капитулировать, а власть изъ рукъ бюрократіи должна была перейти въ руки народныя, всѣми стало овладѣвать все большее и большее волненіе: одни надѣялись на лучшее и горячо вѣровали въ него, другіе не могли помириться съ проблесками новаго свѣта и старались всѣми силами вернуться къ темному прошлому.

Многимъ рисовалось уже то свѣтлое будущее, когда осуществятся мечты, когда воцарится наконецъ миръ соціальный и миръ междунаціональный.

На партію народной свободы возлагались не однѣ лишь надежды, но и отвѣтственность за исполненіе данныхъ обязательствъ. Готовы были забыть о необходимости соблюденія въ проведеніи реформъ принципа постепенности, готовы были забыть о томъ, что политическая борьба еще далеко не окончена, что нужно закрѣпить взятыя позиціи введеніемъ и обезпеченіемъ незыблемости конституціоннаго строя. Какъ въ вопросѣ аграрномъ казалось, что народъ не захочетъ ждать его разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ и издастъ свой собственный законъ разрушенія, такъ и въ національномъ вопросѣ политическій разсчетъ уступилъ безграничной жаждѣ скорѣйшаго національнаго освобожденія, переходящей порой въ состояніе всезабывающаго отчаянія. Не безъ тревоги поэтому собиралась первая государственная дума, отъ которой ждали всѣ и всего. Въ національномъ вопросѣ, какъ было указано выше, опасность была двоякаго рода. Опасна была первая встрѣча народныхъ представителей, неизвѣстно было настроеніе безпартійныхъ крестьянъ, неизвѣстно было наконецъ, въ какія формы выльются стремленія отдѣльныхъ народностей.

И нужно сказать, всѣ эти опасенія оказались совершенно неосновательными. Государственная дума оказалась дѣйствительно на высотѣ своего историческаго призванія, оказалась настоящимъ домомъ справедливости и если она не вынесла отдѣльныхъ приговоровъ по каждому данному вопросу, то вина лежитъ не на ней. Постановленный ею общій вердиктъ прежней обрусительной политикѣ является не только указующимъ началомъ для будущихъ народныхъ представителей, но и той живительной влагой, которая скрашивала горечь, если не крушенія многихъ мечтаній и надеждъ, то во всякомъ случаѣ отдаленія ихъ реализаціи.

Безспорно самыми выдающимися событіями въ дѣятельности государственной думы былъ отвѣтъ на тронную рѣчь и отвѣтъ на декларацію министерства.

Въ своемъ составѣ государственная дума была чрезвычайно разнообразна.

По отдѣльнымъ національностямъ депутаты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Великороссовъ . .	265	59,1 проц.
Малороссовъ . .	62	13,1 »
Бѣлоруссовъ . .	12	2,9 »
Поляковъ . . .	51	11,3 »
Евреевъ	13	2,8 »
Литовцевъ . . .	10	2,2 »
Эстовъ	4	9,9 »
Татаръ	8	0,8 »
Башкиръ	4	0,9 »
Киргизовъ . . .	1	0,2 »
Чеченцевъ . . .	1	0,2 »
Мордвы	2	0,4 »
Вотяковъ	1	0,2 »
Болгаръ	1	0,2 »
Чувашей	1	0,2 »
Молдаванъ . . .	1	0,2 »
Калмыковъ . . .	1	0,2 »

Но эта пестрота состава думы не помѣшала ей однако быть единой во всѣ важнѣйшіе моменты своей дѣятельности; правда, это единство иногда покупалось цѣной нѣкоторыхъ компромиссовъ въ силу условій политической дѣятельности. Это особенно сказалось при обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь.

Отвѣчая монарху на тронную рѣчь, дума между прочимъ сказала:

«Государственная дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ возможно только при удовлетвореніи потребностей каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ».

Ранѣе этого мѣста въ адресѣ неоднократно подчеркивалось, что необходимо отмѣнить всѣ ограниченія, связанныя съ національнымъ происхожденіемъ, что въ думѣ имѣются представители всѣхъ народностей, населяющихъ Россію и что всѣ объединены горячимъ желаніемъ обновленія Россіи.

Адресъ, какъ извѣстно, былъ принятъ единогласно, и такимъ образомъ принципъ равноправія и права на культурное самоопредѣленіе былъ окончательно закрѣпленъ въ думѣ. Но въ немъ нѣтъ яснаго отвѣта на то, какія національныя стремленія дума считаетъ справедливыми, почему не упомянуто объ автономіи Польши, объ автономіи другихъ областей.

Послѣднее обстоятельство вызвало опасенія, что оно означаетъ отступленіе отъ программы партіи народной свободы.

Въ самомъ началѣ дѣятельности думы 30 апрѣля была оглашена польская декларація, въ которой депутаты Царства Польскаго говорили: «мы здѣсь протестуемъ противъ попранія правъ польскаго народа и протестъ свой обращаемъ къ русскому народному представительству». «Наши права», говорилось далѣе, «неотъемлемы и святы и изъ нихъ исходитъ необходимость автономіи Царства Польскаго».

Такимъ образомъ вопросъ объ автономіи Польши уже былъ поставленъ въ думѣ. Почему же не оказалось возможнымъ, несмотря на это, несмотря на то, что автономія Польши предусмотрѣна программой партіи, составлявшей большинство думы включить автономію Польши въ адресъ.

Я, какъ полякъ, горячо желалъ этого включенія, опасался неизбѣжныхъ послѣдствій такого пропуска, всевозможныхъ недоразумѣній, но долженъ былъ уступить передъ другой опасностью— преждевременностью обсужденія польскаго вопроса. Во избѣжаніе

всякихъ недоразумѣній отдѣльными ораторами изъ партіи народной свободы въ рѣчахъ было отмѣчено, что отвѣтъ на тронную рѣчь не есть программное выраженіе тѣхъ планомѣрныхъ дѣйствій, которыми та или другая партія намѣрена заняться въ настоящую сессію парламента, а что это лишь мнѣніе и воля всѣхъ представителей страны, и такое выраженіе общей воли по необходимости должно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ результатомъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ.

П. П. Милюковъ въ открытомъ письмѣ на мое имя, (въ отвѣтъ на мое открытое письмо) по этому поводу опредѣленно высказалъ, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, будто партія измѣнила свой взглядъ на рѣшеніе польскаго вопроса.

Въ думѣ не всѣ одинаково подходили къ рѣшенію національнаго вопроса. Одни рѣшали его съ точки зрѣнія національной, или вѣрнѣе сказать націоналистической, другіе въ основу своего взгляда клали демократическій принципъ необходимости удовлетворить національныя стремленія всѣхъ народностей.

Разница во взглядахъ сказывалась неоднократно.

Необходимо отмѣтить, что національный вопросъ освѣщался еще съ точки зрѣнія интересовъ государства, гдѣ опять таки столкнулись тѣ же два теченія.

Въ числѣ тѣхъ, которые стояли на точкѣ зрѣнія націоналистической, надо прежде всего указать священника Концевича, который предложилъ язвительную поправку къ части адреса, излагавшей взглядъ думы на рѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи; поправка эта гласила: «государственная дума озаботится, чтобы самое имя Россіи исчезло». Это былъ какъ бы отвѣтъ на рѣчь проф. Карѣева, указывавшаго на равенство всѣхъ національностей въ Россіи, на то, что всѣ должны въ равной мѣрѣ считаться хозяевыми своей земли, одинаково заинтересованными въ счастіи и развитіи общей родинѣ.

Дума по достоинству оцѣнила это злостное предложеніе и согласно съ мнѣніемъ проф. Петражицкаго отказалась обсуждать поправку Концевича.

Останавливаясь на національномъ вопросѣ, проф. С. А. Котляревскій говорилъ въ думѣ: «самое роковое это утрата идеи государственности, утрата сознанія общности, участія отдѣльныхъ классовъ, отдѣльныхъ національностей, отдѣльныхъ гражданъ въ этихъ государственныхъ цѣляхъ». «Политическое прошлое, говорилъ саратовскій депутатъ, скомпрометировало идею государственности, пріучило къ мысли, что отъ государства можно ждать только наси-

лій и угнетеней, что лишь на почвѣ борьбы со всѣмъ государствомъ, вопреки ему, можно чего-либо достигнуть».

Во всѣхъ рѣчахъ представителей всѣхъ отдѣльныхъ народностей красной нитью проходила мысль, что необходимо устранить установившееся противорѣчіе, непримиримость между законными интересами и правами личности и національности и принципомъ государственности.

Вскорѣ послѣ принятія думой отвѣта на тронную рѣчь начались дебаты по аграрному вопросу, заслонившему собою на много дней все остальное. При обсужденіи этого вопроса замѣтно проявились особенности національныхъ взглядовъ.

Аграрный вопросъ по существу не рѣшался, можно все же утверждать, что стремленіе найти рѣшеніе было, что необходимыя уступки жизни были бы приняты во вниманіе, что въ концѣ концовъ, демократическія начала, положенныя партіей народной свободы въ разрѣшеніе аграрнаго вопроса, были бы согласованы съ укрѣпившимися народными убѣжденіями въ другихъ областяхъ.

Нужно въ заключеніе отмѣтить, что аграрный вопросъ для насъ, поляковъ сѣверо и юго-западнаго края не былъ вопросомъ одной только экономической политики, но вопросомъ національнаго быта, національнаго существованія. Сорокалѣтняя дѣятельность бюрократіи была направлена на уничтоженіе польскаго края; борьба за удержаніе земли была патріотическимъ девизомъ польскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи, она была защитой священныхъ правъ народа на національную жизнь. Это создало какъ бы культъ земли.

13 мая въ думѣ была прочитана предсѣдателемъ совѣта министровъ Горемыкинымъ министерская декларація.

Это была первая встрѣча двухъ силъ: это былъ огромный поединокъ двухъ міровъ, ведущихъ безпощадную вѣковую борьбу. Въ первый разъ народные представители получили возможность открыто въ глаза, всенародно дать отвѣтъ на волновавшіе народную думу вопросы. Какъ въ прорванную плотину полились рѣчи депутатовъ, рѣчи бурныя, полныя негодованія.

Министерская декларація игнорировала совершенно волю народа, выразившуюся въ отвѣтѣ на тронную рѣчь.

Какъ народные представители впервые говорили съ властью, такъ и еще вчера всесильные правители въ первый разъ объяснились съ народомъ. Старыя привычки усвоены; все еще продолжали смотрѣть на народъ, какъ на подчиненныхъ, а на себя, какъ на

нѣчто самодовлѣющее; вотъ почему обѣ стороны не могли столковаться. Въ области неціональной политики министерская декларація ничего новаго не давала.

Общія мѣста, общія фразы о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій—и только; ни одного слова о національныхъ правахъ, о правахъ на языкъ, на національное развитіе, на сохраненіе особенностей культуры и, конечно, ни малѣйшаго даже намека на расширеніе мѣстнаго самоуправленія, на областную автономію. Вполнѣ понятно, что такое отрицательное отношеніе министерства къ наиболѣе дорогимъ правамъ человѣка вызвало страшный протестъ.

Въ думѣ обнаружилось тяготѣніе отдѣльныхъ народностей къ образованію самостоятельныхъ національныхъ парламентскихъ группъ. Польское коло, состоящее изъ представителей Царства Польскаго, прекрасно дисциплинированное, было сорганизовано еще до открытія думы. Поляки сѣверо и юго-западнаго края не входили въ составъ польскаго коло, исходя изъ того, что они не представляли одяого польскаго народа, а весь край съ смѣшаннымъ населеніемъ, и образовали особую «территоріальную» группу, въ которую могли войти всѣ депутаты изъ этихъ губерній, независимо отъ національности.

Такимъ образомъ въ основу этой организаціи былъ положенъ территоріальный принципъ. Литовцы и эстонцы тоже составляли свои національныя группы, малочисленныя по составу, но весьма сплоченныя. Такую же національную организацію составили и украинцы, которые въ то же время, какъ и другіе, принадлежали въ большинствѣ къ партіи народной свободы и отчасти входили въ трудовую группу. Наконецъ, произошло объединеніе всѣхъ магометанъ на основахъ религіозныхъ въ мусульманскую партію, которая составлялась изъ татаръ, башкировъ, киргизовъ, калмыковъ и проч.

Наконецъ, представители Кавказа вошли въ большинствѣ въ соціалъ-демократическую партію, (только очень немногіе изъ нихъ принадлежали къ партіи народной свободы) и игнорировали національный вопросъ.

Эти національныя и областныя организаціи составили «союзъ автономистовъ», поставившій своей задачей обсужденіе и защиту всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ правами національностей и идеей централизаціи. Такая организація была предуказана, вытекла изъ чувства и сознанія общности интересовъ, а, главнымъ обра-

зомъ, необходимости подчинить стремленія отдѣльныхъ областей и народностей началу постепенности. Иначе возникла серьезная опасность, что болѣе нетерпѣливые могли поставить на очередь какой нибудь свой мѣстный вопросъ, который въ то же время являлся общимъ для всѣхъ, и неблагопріятное рѣшеніе этого вопроса, вслѣдствіе ли неудачно выбраннаго момента, недостаточной его разработки или слабой защиты, могли принести существенный и непополнимый вредъ всѣмъ остальнымъ народностямъ.

Союзъ автономистовъ не велъ самостоятельной политики, въ него входили многіе изъ членовъ партіи народной свободы, которые, будучи представителями чисто-русскихъ областей, являлись однако въ то же время убѣжденными сторонниками самой широкой децентрализаціи.

Союзъ автономистовъ дважды вносилъ свои предложенія въ думу. Калужскій депутатъ Обнинскій предложилъ, чтобы извѣстное обращеніе къ народу по аграрному вопросу было издано не только на русскомъ языкѣ, но чтобы оно было переведено на мѣстные языки. Предложеніе это было поддержано конституціонно-демократической партіей и думой было принято. Раньше этого при обсужденіи законопроекта о собраніяхъ было сдѣлано предложеніе о пополненіи законопроекта въ смыслѣ свободы и равноправія всѣхъ языковъ на собраніяхъ.

15 мая 111 членовъ думы внесли законопроектъ о гражданскомъ равноправіи, сущность котораго заключалась въ томъ, что «всѣ установленныя дѣйствующими законами и административными распоряженіями ограниченія въ правахъ, обусловленныя принадлежностью къ той или другой національности или вѣроисповѣданію, подлежатъ отмѣнѣ».

Законопроектъ вызвалъ большіе дебаты, которые открылъ графъ Гейденъ, возражая противъ неполноты его, недостаточной его обоснованности и находя внесеніе его преждевременнымъ. Всѣмъ было ясно, что осью, вокругъ которой вертѣлись всѣ возраженія, былъ еврейскій вопросъ.

Хотя принципіальныхъ противниковъ равноправія всѣхъ гражданъ не было, или если они были, то молчали, тѣмъ не менѣе нельзя было не считаться съ укоренившимися предубѣжденіями, съ многими предразсудками, которые съ одной стороны давали возможность многомилліонное еврейское населеніе держать въ рабствѣ, а съ другой—пріучили населеніе къ первенству, укрѣпляли представленіе о томъ, что въ отношеніи однихъ могутъ быть въ одномъ и

томъ же государствѣ одни законы, а въ отношеніи другихъ, такихъ же гражданъ, другіе

Подобныя развращающія начала, возбуждавшія многихъ гражданъ противъ того самаго государства, подъ кровомъ котораго они живутъ, въ преуспѣяніи котораго должны быть заинтересованы, не могли не найти должной оцѣнки въ думѣ. Принципіальные отвѣты по этому вопросу всѣмъ дѣлавшимъ возраженія дали Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и С. А. Котляревскій.

«У насъ существуетъ то», — говорилъ московскій депутатъ— «чего не существуетъ ни въ одномъ культурномъ государствѣ міра. У насъ существуетъ средневѣковый варварскій пережитокъ—ограниченіе правъ отдѣльныхъ національностей или лицъ отдѣльнаго вѣроисповѣданія. Мы знаемъ, что у насъ, напримѣръ, лица такъ называемаго польскаго происхожденія—причемъ законъ даже не опредѣляетъ, какимъ образомъ можно доказать, что данный человѣкъ непольскаго происхожденія—подвержены многочисленнымъ и существеннымъ ограниченіямъ».—«Но самымъ важнымъ»—продолжалъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ—«пережиткомъ варварства, разлагающимъ весь нашъ государственный бытъ, является несомнѣнно то тяжелое ограниченіе, которое наложено у насъ на еврейское населеніе, на лица, исповѣдующія іудейское исповѣданіе»... «Практическимъ послѣдствіемъ этого вопіющаго несправедливаго закона является вопіющая несправедливость практическая, является извѣстное отношеніе темныхъ массъ къ этой части населенія, къ этимъ паріямъ русскаго законодательства. И вотъ мы видимъ, что эти законодательныя ограниченія на практикѣ, въ жизни складываются въ огромное кровавое пятно, которое пятнитъ нашу жизнь, и одна изъ самыхъ неотложныхъ съ политической и нравственной точекъ зрѣнія задачъ—это смыть съ себя это грязное, кровавое пятно, охранить доброе имя Россіи въ глазахъ всего цивилизованнаго міра, охранить доброе имя нашего поколѣнія въ глазахъ нашего потомства».

Прекрасныя слова этого печальника національной свободы были восторженно приняты думой и не смотря на сдѣланныя возраженія о неподготовленности думы для рѣшенія этого вопроса, о той опасности, которая грозитъ въ самомъ населеніи, если дума слишкомъ радикально рѣшитъ его, законопроектъ былъ сданъ въ комиссію 33-хъ, предсѣдателемъ которой былъ избранъ И. И. Петрункевичъ, а затѣмъ послѣ его отказа кн. С. Д. Урусовъ.

До передачи законопроекта въ комиссію о равноправіи гово-

рили и представители отдѣльныхъ національностей. Всѣ они высказывали передъ думой жалобы на національный гнетъ, на лишеніе свободы преподаванія, правъ на языкъ и т. п.

Въ яркихъ краскахъ рисовали состояніе Царства Польскаго депутаты Новодворскій и Ржондъ, показавшіе во всей наготѣ царящіе въ Царствѣ Польскомъ произволъ и право кулака, обрушивающееся съ неудержимой силой на польскую національность.

Трасунъ, Теннисонъ, Шрагъ говорили о притѣсненіяхъ латышей эстонцевъ и украинцевъ. «Несмотря на то, что я принадлежу къ народу гонимому»—говорилъ еврейскій депутатъ Левинъ—«я никогда не завидовалъ сильнымъ народамъ міра сего. Я не завидовалъ ихъ положенію, а только нѣкоторымъ моментамъ, которые мнѣ импонируютъ, Сильные народы, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ власть надъ болѣе слабыми націями, достигнувъ высшей степени цивилизаціи, освобождаютъ своихъ подчиненныхъ. Это есть высшій пунктъ въ исторіи народовъ. Вообще же всякій властелинъ, освобождающій своего раба, сбрасываетъ прежде всего съ себя самого оковы рабства и вѣковыхъ предразсудковъ». Этого высшаго пункта въ своей исторіи Россія до сихъ поръ не достигла, до настоящаго момента борьба съ вѣковыми предразсудками съ рабствомъ самого русскаго народа продолжается. Изъ другихъ ораторовъ надо отмѣтить представителя башкиръ Сыртланова и представителя татаръ Ахтьямова, больше всего указывавшихъ на религіозныя стѣсненія мусульманъ, на воспрещеніе мулламъ обученія за границей, на отсутствіе мусульманскихъ школъ.

Комиссія 33-хъ, избранная для выработки закона о гражданскомъ равноправіи не окончила своей дѣятельности: она имѣла время лишь сговориться о принципахъ своей законодательной работы, какъ дума была распущена. Общій докладчикъ по національному неравноправію Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ съ содокладчиками по польскимъ ограниченіямъ, мною и Парчевскимъ, и по еврейскому—Винаверомъ, успѣлъ доложить лишь ограниченія польскаго населенія, донынѣ существующія, и комиссія единогласно согласилась съ докладчикомъ о необходимости полной ихъ отмѣны.

Условія дѣятельности думы, когда вся страна находилась въ тискахъ безправія и насилія, когда даже существующіе законы самымъ грубымъ образомъ нарушались, когда въ думу отовсюду стекались жалобы и мольбы о защитѣ, превращавшія самую думу въ верховное судилище, ставили думу въ необходимость удѣлить массу времени этой роли и обсудить безконечные запросы.

*

Въ запросахъ этихъ отражалась вся печальная дѣйствительность, и когда теперь ихъ перечитываешь, то, точно въ калейдоскопѣ, передъ глазами проходятъ карательные отряды, безсудныя казни, гоненія на школы, языки, печать и на все, что составляетъ элементы культурной жизни народовъ.

Въ запросахъ этихъ неоднократно отражалась и національная политика нашего правительства.

Сдѣланный Н. Н. Львовымъ для думы докладъ отъ лица комиссіи по разбору запросовъ, запроса депутатовъ Царства Польскаго объ увольненіи и преслѣдованіи польскихъ учителей начальныхъ школъ за преподаваніе на польскомъ языкѣ, отмѣтилъ чрезвычайно характерный фактъ, что мѣстная администрація вполнѣ игнорировала высочайшія повелѣнія, не приводила ихъ въ исполненіе и что въ защиту этихъ повелѣній выступило мѣстное населеніе, результатомъ чего было нѣкотораго рода возмущеніе противъ произвола мѣстныхъ властей и борьба за проведеніе въ жизнь изданныхъ законовъ.

«Насилія, которыя себѣ дозволяетъ министерство народнаго просвѣщенія по отношенію къ учительскому персоналу»,—говорилъ польскій депутатъ Ржондъ — «по отношенію къ нашимъ дѣтямъ», это — вопросы, касающіеся не одной какой-либо національности, не одной какой-либо области государства, это—вопросы, которые должны задѣвать всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Вездѣ преслѣдуютъ людей за то, что они стремятся къ просвѣщенію; у насъ это преступленіе двойное: преступная цѣль и преступныя средства къ достиженію этой цѣли, преступный и инородческій языкъ.

Въ умахъ руководителей этой системы понятіе государственнаго интереса никакъ не можетъ совмѣститься съ нашими мѣстными потребностями, съ интересами нашей жизни. У насъ есть принципъ покровительства слабымъ національностямъ, и—посмотрите—щепки летятъ отъ евреевъ, кавказцевъ, литовцевъ, латышей и армянъ. У насъ есть великая славянская идея—и всѣ тюрьмы заполняются польскими и украинскими учителями!» Правильность этихъ словъ польскаго депутата какъ нельзя лучше подтверждается запросами, присылавшимися изъ различныхъ концовъ Россіи, гдѣ повсюду происходило одно и то же.

Междоусобная война на Кавказѣ, постоянно съ необыкновенной жестокостью, продолжающаяся была ярко освѣщена представителями Кавказа, а также М. М. Ковалевскимъ, говорившими отъ имени ингушей.

Та же система обрусенія, то же начало раздѣленія, натравливанія одной національности на другую, полное неуваженіе къ закону, безправіе и произволъ—вотъ причины кровавой рѣзни на Кавказѣ.

Съ документами въ рукахъ доказывалъ это въ думѣ докладчикъ по кавказскому запросу—Черносвитовъ.

Со времени покоренія Кавказа двѣ наиболѣе сильныя мѣстныя національности—татары и армяне—мирно уживались до тѣхъ поръ, пока отеческая рука администраціи не взяла ихъ подъ свое покровительство. Разоривъ сначала горцевъ, татаръ, принявшись потомъ за армянъ, учинили на нихъ цѣлый походъ; администрація занялась затѣмъ взаимнымъ натравливаніемъ ихъ другъ на друга, доведшимъ въ концѣ концовъ до междоусобной войны, до взаимнаго истребленія. «Администрація у насъ»—говорилъ Зіатхановъ—«ниже всякой критики. Если представить себѣ, что Россія море, а Закавказье его берегъ, то все то, что у васъ есть ненужнаго и мертваго, все это выбрасывается къ намъ на Кавказскій берегъ и пополняетъ собой составъ и безъ того безнравственной администраціи нашего края».

Подъ этими словами несомнѣнно бы подписались не одни кавказскіе депутаты, но и русскіе, поляки и литовцы, и латыши, и эстонцы, и многіе другіе.

Незнаніе судами мѣстныхъ языковъ и, съ другой стороны, незнаніе мѣстнымъ населеніемъ русскаго языка создавали повсюду на Кавказѣ, да и въ другихъ окраинныхъ частяхъ Россіи такое положеніе, что вѣсы правосудія держали въ своихъ рукахъ переводчики, получающіе по 8 р. въ мѣсяцъ жалованья.

Въ области національной политики бюрократія вездѣ была вѣрна самой себѣ. Мусульманамъ говорили, что армяне усиленно вооружаются съ цѣлью возстановленія армянскаго царства, которое окончательно поработить и безъ того экономически порабощенныхъ мусульманъ, а армянамъ твердили, что идея панисламизма пустила глубокіе корни, что въ одинъ прекрасный день мусульмане армянъ растерзаютъ. Яркими словами говорили объ этомъ Боготуровъ, Эльдерхановъ, Петривеши и Баритовъ.

Въ меньшихъ размѣрахъ та же система примѣнялась и во всѣхъ другихъ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Мы перелистовали всѣ страницы кратковременной исторіи первой государственной думы, страницы, наполненныя слезами національнаго горя и пол-

ныя глубокой благодарности русскому народу, пославшему въ первую палату истинныхъ поборниковъ гуманизма и справедливости.

Говоря о дѣятельности государственной думы въ національномъ вопросѣ, нельзя не остановиться на кровавой страницѣ бѣлостокскаго погрома. Что можно еще прибавить къ этимъ ужасамъ средневѣковья, какъ можно сильнѣе и рѣзче заклеймить истинныхъ виновниковъ, чѣмъ это сдѣлала дума устами своихъ ораторовъ.

Лучше не возращаться къ виновникамъ этихъ событій; пусть въ безсовѣстномъ своемъ спокойствіи ждутъ они если не возмездія современниковъ, то суда исторіи.

Таковы главные этапы политической мысли первой палаты въ ея національной политикѣ. Дума не успѣла заняться всесторонне національнымъ вопросомъ: ни реформа мѣстныхъ самоуправленій, при обсужденіи которой естественно былъ бы поставленъ вопросъ объ автономіи Царства Польскаго и образованіи областныхъ земствъ, ни законъ о языкахъ, ни равноправіе — не дождались своей очереди.

Національный вопросъ въ Россіи не былъ ею разрѣшенъ, были лишь поставлены вѣхи, указывающія тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти къ его разрѣшенію. Несомнѣнно правильное рѣшеніе національнаго вопроса встрѣчаетъ не мало затрудненій; національстическія и шовинистическія тенденціи, вкоренившіяся въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, старыя привычки исполнительной власти нескоро и нелегко уступятъ облагораживающему вліянію этическихъ началъ, которымъ желала слѣдовать первая дума при разрѣшеніи національнаго вопроса.

Партія народной свободы, партія истинно-демократическая, руководившая занятіями думы отлично уразумѣла истинный смыслъ національнаго вопроса въ Россіи и кладя въ основу своего политическаго ученія демократическія идеи, она естественнымъ путемъ, безъ всякой искуственности пришла къ правильному взгляду на разрѣшеніе этого вопроса.

Для всѣхъ не-русскихъ народностей въ Россіи должно быть ясно, что лишь въ партіи народной свободы можно найти дѣйствительную опору и поддержку во всѣхъ справедливыхъ стремленіяхъ; для всѣхъ, ищущихъ выхода изъ созданной силой вещей и безсиліемъ людей анархіи, для всѣхъ желающихъ законности и порядка, должно быть очевидно, что обновленіе Россіи возможно лишь тогда, когда всѣ граждане увидятъ, что государство перестало быть источникомъ насилія и гнета, когда воплотится въ жизнь та истина,

что національная свобода не противорѣчитъ идеѣ правового государства, а, наоборотъ, на ней покоится и ею обезпечивается.

Эволюція государственной политики въ этой области и въ этомъ направленіи создастъ такія условія жизни, въ которыхъ оживится почти уже атрофированный инстинктъ государственности у большинства гражданъ Россіи, для которыхъ тогда государство будетъ уже не символомъ разрушенія, а могущественнымъ культурнымъ орудіемъ, дающимъ возможность свободно развивать свою національную самобытность, объединяясь на почвѣ общности культурныхъ интересовъ и скрѣпляющихъ началъ взаимнаго довѣрія и уваженія.

А. Ледницкій.

Отвѣтный адресъ государственной думы.

Отвѣтный адресъ государственной думы, единогласно принятый въ пятомъ ея засѣданіи, 5 мая, послѣ четырехдневныхъ преній, долженъ быть несомнѣнно признанъ великимъ памятникомъ ея кратковременной дѣятельности. Въ этомъ документѣ первымъ народнымъ представителямъ удалось выразить въ опредѣленной, сильной и законченной формѣ все то, къ чему сводятся въ данный историческій моментъ народныя требованія. Онъ — историческій итогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—стройная и цѣльная политическая программа, осуществленіе которой знаменовало бы дѣйствительное утвержденіе въ Россіи правового строя, обезпеченіе политической свободы и политическихъ правъ и приведеніе широкихъ и коренныхъ соціальныхъ реформъ.

Внѣшняя исторія составленія адреса, въ общихъ чертахъ, такова.

Во второмъ засѣданіи государственной думы внесено было предложеніе депутата Родичева о томъ, чтобы:

1) обратиться къ Его Императорскому Величеству Государю Императору съ адресомъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь его величества; 2) избрать комиссію изъ 33 лицъ для составленія этого адреса; 3) не предрѣшая содержанія адреса, возложить нынѣ же на комиссію непремѣнную обязанность включить въ адресъ указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекавшіе изъ политическихъ побужденій».

Третій пунктъ этого предложенія сразу же вызвалъ оживленныя пренія. Деп. Родичевъ мотивировалъ его въ краткой и сильной рѣчи. «Когда мы говоримъ объ амнистіи, сказалъ онъ, то мы требуемъ созданія тѣхъ условій, при которыхъ въ странѣ возможенъ

миръ. Намъ здѣсь, въ думѣ, нельзя работать, это чувство угнетаетъ насъ, эти призраки крови, они здѣсь, въ этомъ залѣ, ихъ нужно убрать отсюда для того, чтобы мы могли работать».

Обращаясь, главнымъ образомъ, направо, Родичевъ восклицалъ: «будьте единодушны, не будемте возбуждать спора объ ограниченіи амнистіи, постановимъ одно общее пожеланіе: амнистія должна быть всеобщей, безъ исключенія». Остальные ораторы развивали мысль о томъ, что амнистія—актъ не столько милосердія, сколько справедливости, а деп. Заболотный внесъ поправку, заключающую предложеніе «внести указаніе на безусловную необходимость нынѣ же пріостановки смертной казни по всѣмъ дѣламъ политическимъ и уголовнымъ, въ общихъ и военныхъ судахъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно и разъ навсегда отмѣнена смертная казнь въ Россіи». Въ девять часовъ вечера, послѣ единогласнаго принятія предложенія Родичева и поправки Заболотнаго, засѣданіе было закрыто, и выборы были отложены на слѣдующее засѣданіе, въ воскресенье.

Въ воскресномъ засѣданіи произведены были выборы 33-хъ членовъ комиссіи по составленію адреса. Избранными оказались: 1) Ив. Ил. Петрункевичъ, 2) Винаверъ, 3) Набоковъ, 4) Родичевъ, 5) Кокошкинъ, 6) Мухановъ, 7) Сафоновъ, 8) Щепкинъ, 9) Френкель, 10) Н. Н. Львовъ, 11) Тенисонъ, 12) Аладьинъ, 13) Аникинъ, 14) Жилкинъ, 15) Ершовъ, 16) Рыжковъ, 17) Шапошниковъ, 18) Локоть, 19) Назаренко, 20) гр. Гейденъ, 21) Стаховичъ, 22) Кузьминъ-Караваевъ, 23) Стецкій, 24) кн. Друцкой-Любецкій, 25) гр. Тышкевичъ, 26) Сыртлановъ, 27) Лопасъ, 28) Шеметъ, 29) Шефтель, 30) Чаксте, 31) Бондаревъ, 32) Пустовойтовъ, 33) Бусловъ. Засѣданіе снова затянулось до десятаго часа вечера, причемъ дума постановила назначить слѣдующее—во вторникъ, въ два часа, «ожидая, что къ тому времени комиссія приготовитъ проектъ отвѣтнаго адреса въ напечатанномъ видѣ».

На другой день комиссія приступила къ работѣ. Предсѣдателемъ былъ избранъ И. И. Петрункевичъ, но онъ могъ исполнять эту обязанность только во время утренняго засѣданія, вслѣдствіе постигшаго его нездоровья. Въ теченіе остальной части дня обязанности предсѣдателя исполнялъ деп. Набоковъ, который и былъ избранъ докладчикомъ комиссіи.

По открытіи засѣданія прочтенъ былъ проектъ адреса, представленный членами к.-д-ской фракціи. Съ своей стороны, члены трудовой группы огласили свой проектъ. Послѣдовавшимъ голосо-

ваніемъ было рѣшено, что въ основу сужденій кладется проектъ кадетовъ.

Въ теченіе всего дня, съ небольшими перерывами, продолжалось обсужденіе, и въ поздніе ночные часы была установлена окончательная редакція проекта комиссіи. Рано утромъ проектъ былъ отправленъ въ государственную типографію. Къ сожалѣнію, печатаніе его сильно затянулось, и приготовленные экземпляры были доставлены въ думу только къ срединѣ засѣданія 2 мая.

Въ семь часовъ палата приступила къ первому чтенію, послѣ довольно утомительныхъ препирательствъ,—какъ потомъ оказалось—вызванныхъ недоразумѣніемъ со стороны части депутатовъ, полагавшихъ, что голосованіе начнется немедленно вслѣдъ за чтеніемъ. Послѣ краткаго перерыва, приступлено было къ «общему обсужденію» проекта, причемъ пренія почти сразу уклонились отъ общаго характера, большинство занялось критикой отдѣльныхъ частей проекта и предложеніями о тѣхъ или другихъ добавленіяхъ.

Въ теченіе всего дневного засѣданія среды продолжалось «общее обсужденіе». Въ началѣ вечерняго засѣданія было выслушано заключеніе комиссіи по всѣмъ замѣчаніямъ; затѣмъ началось чтеніе и обсужденіе по параграфамъ. Оно продолжалось весь четвергъ и закончилось въ часъ ночи. Засѣданіе было закрыто, съ назначеніемъ слѣдующаго—черезъ часъ. Этимъ перерывомъ должна была воспользоваться комиссія для окончательнаго редактированія текста адреса. Въ половинѣ третьяго открылось новое засѣданіе и въ четвертомъ часу утра, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ всей палаты, проектъ въ третьемъ чтеніи былъ единогласно принятъ.

Единогласіе это явилось результатомъ воздержанія гр. Гейдена и его единомышленниковъ въ количествѣ шести человѣкъ отъ участія въ голосованіи: послѣ рѣчи Петражицкаго, призывавшаго думу вотировать адресъ безъ раздѣленія, гр. Гейденъ взошелъ на трибуну и заявилъ, что онъ и его товарищи, раздѣляя въ общемъ мысли, изложенныя въ адресѣ, не могутъ принять нѣкоторыхъ его частей, а потому, признавая все значеніе единогласія въ данномъ случаѣ, не намѣрены его нарушать и съ этой цѣлью покидаютъ залъ засѣданія.

Пресса, слѣдившая за преніями по адресу, въ свое время отмѣтила, что нѣкоторыя изъ рѣчей, чрезвычайно растянутыхъ и многословныхъ, вдававшихся въ лабиринтъ подробностей, были бы умѣстны только при отдѣльномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ законопроектовъ. Мы выслушали цѣлыя диссертаціи о башкирскихъ и

киргизскихъ земляхъ, о положеніи донского казачества, о поземельныхъ отношеніяхъ между прибалтійскими пасторами и ихъ прихожанами и т. п., безъ того, чтобы всѣ эти объясненія—сами по себѣ вполнѣ, быть можетъ, основательныя—что либо прибавили къ адресу или вообще какимъ бы то ни было образомъ отразились на немъ. Времени и вниманія было потеряно очень много, и это сознаніе стало постепенно охватывать всю думу и выразилось въ овацiяхъ, устроенныхъ одному изъ депутатовъ, призвавшему, такъ сказать, къ порядку ораторовъ и умолявшему ихъ пощадить своихъ слушателей. Докладчикъ комиссіи многократно указывалъ, что комиссія всячески стремилась къ тому, чтобы избѣгнуть преній по существу программныхъ вопросовъ, что съ этой цѣлью адресъ построенъ на общихъ по возможности формулахъ,—что ко всѣмъ программнымъ вопросамъ придется вернуться тогда, когда будутъ разсматриваться соотвѣтствующіе законопроекты.

Моментомъ наибольшого подъема былъ моментъ заключительный,—и вниманіе всей палаты достигло высшей степени напряженія, когда на трибуну взошелъ Стаховичъ, чтобы внести свое предложеніе по вопросу объ амнистіи. И насколько слабо, вяло и не только неубѣдительно, но какъ будто даже неубѣжденно онъ говорилъ наканунѣ по вопросу объ отвѣтственности министровъ, настолько сильна, ярка и красива была эта его рѣчь, сказанная съ большимъ и очень замѣтнымъ волненіемъ и съ огромной искренностью. И все таки предложеніе Стаховича—высказать осужденіе политическимъ убійствамъ и надежду, что съ водвореніемъ конституціоннаго строя эти «душегубства» прекратятся, что они должны прекратиться,—все же это предложеніе было отвергнуто. Конечно, всѣ тѣ, кто съ явной или затаенной злобой и ненавистью слѣдятъ за первыми шагами думы, не преминутъ всячески эксплоатировать это рѣшеніе для того, чтобы разжигать озлобленіе противъ думы и выставить ее какъ потворщицу, потакающую политическому террору. Но по существу нѣтъ обвиненія несправедливѣе. Развѣ весь смыслъ думскаго адреса не въ томъ, чтобы указать тѣ пути, идя по которымъ можно достигнуть мирно и законно свободы и права? Развѣ мы не читаемъ въ самомъ началѣ адреса, что дума «объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы», и развѣ такой порядокъ можетъ хоть на минуту мириться съ терроромъ и признавать его? Ясное дѣло, что принципіальное отношеніе думы

къ террористическимъ дѣйствіямъ опредѣленно выразилось въ адресѣ, и въ этомъ отношеніи формула, предложенная Стаховичемъ, ничего новаго не приносила бы, и каждый членъ думы съ готовностью подъ ней подписался бы. Но Стаховичъ шелъ дальше: по его мнѣнію, дума должна была сказать, что самый фактъ ея созыва равносиленъ дѣйствительному осуществленію конституціоннаго строя, дѣйствительному достиженію права и свободы. А между тѣмъ окружающая насъ дѣйствительность свидѣтельствуетъ о томъ, что фактически бюрократія отнюдь не сдалась, никакого разрыва съ прошлымъ у нея не произошло, и ничуть не порѣдѣли тучи безправія и насилія, нависшія надъ страною. Какая, при этихъ условіяхъ могла быть увѣренность въ томъ, что не только «мы», но и «они»—думскіе абсентеисты совѣта министровъ—твердо прониклись новыми началами и поведутъ страну къ новымъ порядкамъ? И при всемъ сочувствіи къ Стаховичу и его мотивамъ не являлось ли маниловщиной его убѣжденіе, что сдѣланнаго до сихъ поръ правительствомъ достаточно для того, чтобы тѣ насилія власти, которыя, въ свою очередь, плодятъ насилія, отошли въ область прошлаго? Вложите мысль Стаховича не въ думскій адресъ, а въ тотъ отвѣтный манифестъ, котораго съ такимъ болѣзненнымъ, до послѣдней степени напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидала страна, и маниловщина обратилась бы въ живую реальность и нашла бы живой, горячій откликъ въ сердцахъ всѣхъ.

Въ настоящее время адресъ уже извѣстенъ всей Россіи, и только старческое слабоуміе могло усмотрѣть въ немъ «обыкновенную газетную передовицу», совершенно проглядѣвъ ту необычайно полную, всестороннюю и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ реальную политическую программу, которая въ немъ заключается. Конечно, въ адресѣ нашли себѣ выраженіе всѣ тѣ программныя стремленія, которыя съ такою силою и всеобщностью сказались во всемъ народѣ и повсемѣстно за истекшій годъ. Но это и была цѣль адреса, и она достигнута, если удалось въ адресѣ откликнуться на всю совокупность чаяній и справедливыхъ требованій, предъявляемыхъ народомъ. Честная, чуткая и толковая печать съ этой точки зрѣнія и оцѣнила адресъ; въ Европѣ, чуждой нашихъ партійныхъ споровъ и сектантскаго кликушества, такъ именно и поняли адресъ и усмотрѣли въ немъ политическую зрѣлость той парламентской партіи, которой удалось сплотить всю думу вокругъ него. Для партіи народной свободы проведеніе адреса, первая редакція котораго вышла изъ партійной комиссіи, — большая политическая по-

бѣда, поднявшая авторитетъ партіи и увеличившая ея силы.

Въ первыхъ же строкахъ адреса мы читаемъ лозунгъ нашей молодой демократіи: всеобщее избирательное право. Это, реформа реформъ, краеугольный камень того зданія, которое предстоитъ намъ воздвигнуть. Проектъ партійной комиссіи не раскрывалъ содержанія этой формулы. Слѣдуя основной своей мысли—объединить всю думу и выразить потребности, сознанныя всей страной, комиссія понимала, что рѣшеніе вопроса о четырехчленной формулѣ и о политическихъ правахъ женщинъ не можетъ быть вынесено думой мимоходомъ, безъ полнаго обсужденія. Для партіи народной свободы это вопросъ рѣшенный, но въ адресѣ дума говоритъ не отъ имени той или другой партіи, а отъ имени всей страны. Выставить въ первыхъ же словахъ четырехчленную формулу и политическія права женщинъ въ качествѣ требованій, единодушно предъявленныхъ волей народа, значило бы дать слишкомъ удобный поводъ для возраженій и нападокъ. Парламентская комиссія—вѣрнѣе сказать—ея большинство—полагала, что въ условіяхъ обсужденія адреса чрезвычайно неудобно поднимать тѣ вопросы огромной политической важности, обсужденіе которыхъ еще впереди, и прислушиваясь къ тому, какъ мотивировалось въ думѣ требованіе политическихъ правъ для женщинъ, можно было убѣдиться, что комиссія была права. Конечно, и въ палатѣ и внѣ ея такой образъ дѣйствій комиссіи уже вызвалъ обвиненія въ «преступномъ недосмотрѣ», въ «измѣнѣ» и т. п. Но дѣло не въ этихъ «громкихъ словахъ»: они совершенно разбиваются заявленіемъ, сдѣланнымъ докладчикомъ, что партія народной свободы въ ближайшемъ будущемъ вноситъ законопроектъ о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ, безъ различія пола. Говорить при такихъ условіяхъ о «преступномъ недосмотрѣ» и о «величайшей опасности, угрожающей народу»—значитъ впадать въ тонъ митинговъ, который и такъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто слышится въ думѣ.

Я уже упомянулъ о той части дебатовъ, которая была посвящена вопросу объ отвѣтственности министерства. Неблагодарную задачу возраженія противъ этого принципа взялъ на себя Стаховичъ, и не нашелъ полнаго сочувствія даже въ рядахъ своихъ единомышленниковъ.

И все-таки мы были рады этому возраженію, давшему возможность защитникамъ начала отвѣтственности его развить и обосновать блестящей аргументаціей. Эта часть преній—образецъ истинныхъ

парламентскихъ дебатовъ, поднятыхъ на должную высоту. Она не должна быть и не будетъ забыта.

Много споровъ вызвала слѣдующая часть адреса, посвященная «основнымъ законамъ» и государственному совѣту. Одна изъ поправокъ, предложенныхъ М. Ковалевскимъ (объ исключительномъ правѣ думы принимать законопроекты, налагающіе денежныя тягости на населеніе), была принята,—другая, подчеркивающая «административную природу» государственнаго совѣта, въ качествѣ препятствія предоставленія ему законодательныхъ функцій, —была отвергнута.

Въ мотивировкѣ адреса вопросъ о двухъ или однопалатной системѣ оставленъ открытымъ, и государственный совѣтъ отрицается не потому, что онъ—вторая палата, а потому, что онъ, по своему составу, не есть органъ народнаго представительства. Въ этомъ главная сила возраженія, и для народнаго сознанія такое возраженіе совершенно понятно и естественно.

Я не буду останавливаться на дальнѣйшихъ частяхъ адреса, излагающихъ ближайшія задачи законодательной дѣятельности думы. Отмѣчу только большую чуткость и политическій тактъ, проявленный національными группами при обсужденіи абзаца, касающагося правъ національностей. То живое сочувствіе, съ которымъ вся дума встрѣтила блестящую рѣчь Ледницкаго, обнаружило, что постановка вопроса о національныхъ автономіяхъ въ этой думѣ не грозитъ опасностью приверженцамъ автономіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воздержаніе отъ внесенія какихъ либо поправокъ, подчеркивающихъ идею автономіи, показывало, что вопросъ этотъ долженъ быть поднятъ тогда, когда его можно будетъ развернуть во всей его полнотѣ, поставивъ его на надлежащую почву и устранивъ возможность недоразумѣній и предупрежденій.

Историческое значеніе адреса—не въ одномъ только его содержаніи.

Съ момента, когда адресъ былъ принятъ всею думою, ясно обрисовались тѣ два пути, по которымъ могла далѣе двинуться русская жизнь. Одинъ путь велъ къ тому «соглашенію царя съ народомъ, черезъ головы бюрократіи», о которомъ недавно напомнилъ П. Б. Струве. На этотъ путь верховная власть не встала. Министерская декларація указала другой путь—путь подчиненія народнаго представительства требованіямъ стараго строя. Дума дала рѣзкій отпоръ. И актъ 9 іюля завершилъ логически эту первую встрѣчу абсолютизма съ народнымъ представительствомъ.

В. Набоковъ.

Наказъ государственной думы.

Законъ лишь въ главныхъ чертахъ намѣтилъ внутренній распорядокъ государственной думы; дальнѣйшее опредѣленіе подробностей представлено самой думѣ. Именно, по ст. 62-й учрежденія государственной думы, подробности внутренняго распорядка въ государственной думѣ... опредѣляются наказомъ, издаваемымъ думою въ развитіе правилъ учрежденія. Наказъ сей публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ правительствующій сенатъ.

По открытіи первой сессіи государственной думы тотчасъ же обнаружилась потребность въ правилахъ, опредѣляющихъ внутренній распорядокъ этого новаго государственнаго установленія. Такъ, въ первомъ засѣданіи (27 апрѣля 1906 г.) естественно возникъ вопросъ о часѣ, къ которому слѣдуетъ созывать засѣданія общаго собранія думы; во второмъ засѣданіи (28 апрѣля 1906 г.) членъ думы Кокошкинъ внесъ предложеніе о порядкѣ производства выборовъ должностныхъ лицъ думы, взятое, впрочемъ, имъ обратно. Въ томъ же засѣданіи предсѣдатель предложилъ образованіе особой комиссіи для предварительной разработки порядка провѣрки правильности произведенныхъ выборовъ въ государственную думу. По этому предложенію въ третьемъ засѣданіи (30 апрѣля 1906 г.) было постановлено объ учрежденіи особой комиссіи, въ составѣ 19 лицъ, для выработки проекта временныхъ правилъ по означенному предмету. Тогда же принято, по предложенію члена думы Іоллоса, въ видѣ временной мѣры, впредь до составленія наказа, особое правило о порядкѣ подсчета избирательныхъ записокъ и затѣмъ той же комиссіи 19-ти дано порученіе—разработать вопросъ о порядкѣ прекращенія преній. При обсужденіи проекта отвѣтнаго адреса самъ собою выросъ вопросъ о порядкѣ, котораго слѣдуетъ держаться въ подобнаго рода обсужденіяхъ, и дума, по предложенію предсѣдателя, согласилась усвоить себѣ общепринятый въ парламентскихъ уста-

новленіяхъ Запада порядокъ троекратнаго чтенія. Наконецъ, въ началѣ четвертаго засѣданія (2 мая 1906 г.) по заявленію предсѣдателя, государственная дума рѣшила приступить къ составленію наказа, передавъ исполненіе этой задачи въ учрежденную уже комиссію 19-ти. Такое общее порученіе, данное комиссіи, не исключило необходимости въ отдѣльномъ разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ организаціоннаго характера посредствомъ установленія временныхъ правилъ; что же касается до наказа, то составленный комиссіей проектъ первыхъ трехъ главъ его былъ разсмотрѣнъ въ засѣданіяхъ думы 26 и 29 мая 1906 г. По сообщеніи правительствующему сенату принятаго думою текста наказа состоялось опредѣленіе перваго департамента сената отъ 12-го іюня 1906 г., при чемъ сенатъ, находя по отношенію сорока шести параграфовъ наказа, что они послѣдовали на точномъ основанія 62-й статьи учрежденій государственной думы, отклонилъ его обнародованіе въ виду того обстоятельства, что въ остальныхъ пяти параграфахъ усмотрѣлъ нѣкоторое несогласованіе ихъ съ закономъ.

Въ настоящее время, когда дѣятельность государственной думы отошла въ область исторіи, итоги ея организаціонной работы представляются въ слѣдующемъ видѣ: во-первыхъ, три первыя главы наказа; во-вторыхъ, рядъ формулированныхъ временныхъ правилъ; въ-третьихъ, рядъ правилъ, сложившихся въ думѣ силою ихъ фактическаго примѣненія и потому пріобрѣвшихъ характеръ ея обычнаго права.

Намѣтимъ главнѣйшіе вопросы, разрѣшенные указанными путями:

I. Самъ собою, внѣ какой либо письменной формулировки, возникъ и постепенно разрѣшенъ путемъ обычая вопросъ о распредѣленіи функціи руководительства занятіями государственной думы. Законъ поставляетъ для этой цѣли предсѣдателя думы. Однако, есть особенности въ положеніи предсѣдателя парламента по сравненію съ предсѣдателями другихъ общественныхъ собраній. Въ парламентѣ, какъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, предсѣдатель есть естественный блюститель внѣшняго порядка въ собраніи и правильнаго, съ внѣшней стороны, хода его занятій. Онъ открываетъ и закрываетъ засѣданія; онъ сообщаетъ собранію о поступившихъ дѣлахъ; во время преній онъ, вслучаѣ надобности, обращаетъ оратора къ предмету сужденія или призываетъ его къ порядку и т. д., и т. д. Но обычною практикою общественныхъ собраній предсѣдателю присваивается еще и роль руководителя по самому существу

происходящаго обсужденія. Отъ предсѣдателя обыкновенно ожидаютъ, что, сообщивъ, напримѣръ, собранію о томъ или другомъ поступившемъ дѣлѣ, онъ тутъ же подскажетъ дальнѣйшее его направленіе: заявитъ объ его крайней срочности, предложитъ его немедленное разсмотрѣніе или, наоборотъ, передачу въ комиссію и т. п. Во время преній и по окончаніи ихъ отъ предсѣдателя собраніе всегда готово выслушать его личное мнѣніе по дѣлу, принять отъ него проектъ постановленій по дѣлу и т. д. Особенность парламентской процедуры состоитъ въ томъ, что отъ дѣятельности этого рода она совсѣмъ или почти совсѣмъ устраняетъ предсѣдателя собранія. Въ такомъ многолюдномъ собраніи, какъ государственная дума, раздѣленномъ притомъ на многія фракціи и группы съ совершенно различными, часто взаимно-противоположными политическими воззрѣніями, приходится особенно заботиться о томъ, чтобы предсѣдательствующій въ собраніи могъ сохранить полное спокойствіе и безпристрастіе. Онъ не долженъ вступать въ борьбу, которую, по данному вопросу, ведутъ между собою парламентскія фракціи и группы, сосредоточивая все свое вниманіе лишь на внѣшнемъ регулированіи этой борьбы. Иниціатива, которую въ обыкновенныхъ общественныхъ собраніяхъ столь охотно присваиваютъ предсѣдателю, должна въ стѣнахъ парламента перейти въ среду самого собранія.

На этотъ, именно, путь и стала практика первой государственной думы.

Готовыми органами иниціативы явились, прежде всего, тѣ члены собранія, которые соединялись вмѣстѣ для внесенія какого-нибудь предложенія (напр., заявленія о запросѣ, объ изданіи новаго закона); болѣе опредѣленнымъ органомъ служили докладчики комиссій и могли бы служить министры, если бы они болѣе часто появлялись на трибунѣ въ цѣляхъ участія въ законодательной работѣ думы. Такъ, напримѣръ, внося свой законопроектъ, министръ могъ бы заявить, въ случаѣ надобности, объ его неотложности; также поступали члены собранія, входя въ собраніе съ своими заявленіями о запросѣ или изданіи новаго закона. Если наказъ предусматривалъ обязательную передачу извѣстнаго рода предложеній въ опредѣленную комиссію, то предсѣдатель собранія, въ качествѣ перваго блюстителя наказа, сообщая о поступленіи предложенія, тутъ же заявлялъ о передачѣ его въ комиссію; но если такого категорическаго предписанія наказа не оказывалось, то предложеніе о направленіи дѣла въ комиссію должно было исходить не отъ предсѣдателя, а отъ

кого-либо изъ среды собранія. Вѣдь и такая, на видъ формальная, мѣра, какъ признаніе за внесеннымъ предложеніемъ неотложности, постановленіе о передачѣ его въ комиссію и т. п., предрѣшаетъ въ извѣстной мѣрѣ отношеніе собранія къ данному предложенію; предложеніемъ такой мѣры руководятъ часто не только дѣловыя, но и партійныя соображенія, и предсѣдатель долженъ быть избавленъ отъ возбужденія подобныхъ вопросовъ. Не его дѣло также входить съ предложеніями о способѣ образованія той или другой комиссіи, о числѣ ея членовъ и о прочихъ надобностяхъ ея устройства. По существу его обязанностей, на немъ лежитъ лишь своевременное возбужденіе вопроса объ избраніи комиссій, предусмотрѣнныхъ наказомъ; кромѣ того, онъ поступилъ соотвѣтственно присвоенной ему его положеніемъ роли, когда озаботился предложеніемъ объ особой комиссіи для работы по составленію наказа думы, ибо наказъ и есть то орудіе, посредствомъ котораго регулируются взаимныя отношенія предсѣдателя и собранія. Но о порядкѣ составленія этой комиссіи опять таки было предоставлено сдѣлать предложенія изъ среды собранія.

При открытіи преній по существу какого нибудь предмета, центръ иниціативы, въ практикѣ государственной думы, переносился на докладчика комиссіи, если дѣло разсматривалось по докладу комиссіи, и долженъ былъ бы перейти на министра въ случаѣ обсужденія думою правительственныхъ проектовъ. По общепринятому парламентскому обычаю, усвоенному и государственною думою, и докладчики комиссій, и министры пользуются правомъ говорить внѣ установленной очереди, не прерывая, конечно, рѣчи оратора, уже получившаго слово. Отъ этихъ лицъ, стало быть, зависитъ быть во время преній, какъ говорится, на-чеку—и своевременно высказать всѣ тѣ замѣчанія, необходимость которыхъ, по ихъ мнѣнію, въ интересахъ правильнаго освѣщенія дѣла, вызывается рѣчами и предложеніями ораторовъ. Однимъ словомъ, функція руководительства въ той мѣрѣ, въ которой она не лежала на предсѣдателѣ собранія, распредѣлялась въ средѣ собранія; и эта дѣятельность отдѣльныхъ членовъ собранія требовала, въ свою очередь, извѣстной организаціи. Это обстоятельство, въ связи съ другими условіями, выдвинуло въ государственной думѣ институтъ, такъ называемаго, лидерства. Лидеръ—руководитель данной фракціи или группы членовъ государственной думы. Онъ призванъ руководить внутреннею жизнью своей фракціи или группы; ему же принадлежитъ внѣшнее представительство этой фракціи или группы предъ лицомъ всего собранія.

Положеніе лидера въ парламентѣ, его функціи не могли быть регулированы ни закономъ, ни наказомъ; лидеръ есть величина, не подлежащая формальной регламентаціи. Однако, интересы фракцій и группъ, интересы всего парламентскаго производства требовали постояннаго и неослабнаго участія лидеровъ въ направленіи парламентскаго производства. Предложенія и поправки, исходящія отъ отдѣльныхъ членовъ собранія, могли отличаться случайнымъ характеромъ и не всегда пользоваться одинаковымъ авторитетомъ; иное дѣло—предложенія и поправки лидера, дѣйствующаго въ сознаніи руководящихъ имъ партійныхъ цѣлей и интересовъ и выступающаго отъ лица цѣлой фракціи. Слѣдя за движеніемъ дѣлъ въ думѣ, лидеры своимъ своевременнымъ вмѣшательствомъ содѣйствовали наиболѣе правильному, съ точки зрѣнія партійныхъ цѣлей, направленію дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали наиболѣе полной и совершенной организаціи всей дѣятельности государственной думы, въ ея цѣломъ.

II. Повѣрка правильности избранія членовъ государственной думы составила одну изъ первыхъ, хотя и формальнаго характера, но весьма существенную задачу думы. Изданныя по сему предмету правила, перенесенныя потомъ въ наказъ, такъ опредѣлили порядокъ этой повѣрки, примѣненный думою на дѣлѣ. Для производства повѣрки дума раздѣлилась, по жребію, на одиннадцать отдѣловъ. Отдѣлы немедленно по своемъ образованіи приступили къ повѣркѣ, для чего препровожденныя въ государственную думу выборныя производства были распредѣлены предсѣдателемъ думы между отдѣлами по алфавитному порядку избирательныхъ округовъ, по возможности—въ равномъ количествѣ. Для предварительнаго разсмотрѣнія выборныхъ производствъ каждый надлежащій отдѣлъ учреждалъ изъ своей среды особыя комиссіи, въ каждую изъ коихъ входило не менѣе пяти членовъ. Затѣмъ были постановлены, между прочимъ, слѣдующія правила. Если въ цѣляхъ выясненія обстоятельствъ, представляющихъ значеніе при повѣркѣ правильности выборовъ, разсматривающіе выборное производство комиссіи и отдѣлы признали бы за необходимое выслушать личныя объясненія должностныхъ лицъ, или обозрѣть какіе либо документы или должностную переписку, то они должны были сообщить о семъ предсѣдателю думы, который, по содержанію такового сообщенія, извѣщаетъ подлежащаго министра на предметъ зависящихъ, съ его стороны, распоряженій. Частныя лица, показанія которыхъ представляются комиссіи полезными, приглашаются въ комиссію ея предсѣдателемъ. Въ одномъ

случаѣ отдѣлъ счелъ за нужное, въ цѣляхъ разъясненія фактическихъ подробностей произведенныхъ выборовъ, командировать, съ вѣдома президіума думы, членовъ комиссіи на мѣсто (въ губернскій городъ) для опроса выборщиковъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ касательство къ произведеннымъ и подлежавшимъ повѣркѣ выборамъ. О засѣданіяхъ комиссіи извѣщался членъ государственной думы, права коего оспаривались или возбуждали сомнѣнія. Онъ могъ представлять по возбужденнымъ вопросамъ свои объясненія; но голосованіе постановленій и заключеній комиссіи происходило не иначе, какъ въ его отсутствіи. О результатахъ повѣрки комиссіи составляли письменныя заключенія, для изготовленія коихъ, а равно для представленія по коимъ объясненій какъ въ отдѣлахъ, такъ и въ общемъ собраніи думы избирался докладчикъ. Письменныя заключенія комиссій (равно какъ и отдѣловъ) въ случаяхъ безспорныхъ могли быть облекаемы въ самую краткую форму, ибо признаніе правильности выборовъ, при очевидномъ отсутствіи какихъ либо противопоказующихъ данныхъ, не нуждалось въ мотивировкѣ. Напротивъ, при наличности данныхъ, вызывавшихъ сомнѣніе, и, въ особенности, при наличности принесенныхъ на выборы жалобъ, правильность произведенныхъ выборовъ, если таковая признавалась комиссіями (или отдѣлами), требовала болѣе или менѣе обстоятельнаго обоснованія. Заключенія комиссій, предварительно внесенія въ общее собраніе думы, обсуждались въ отдѣлахъ, которымъ предоставлялось исправлять и измѣнять заключенія комиссій. Всѣ постановленія отдѣловъ и комиссій принимались посредствомъ закрытой баллотировки записками. Доклады о выборахъ, признанныхъ отдѣлами правильными, предлагались на немедленное разсмотрѣніе думы; въ разсмотрѣніе же заключеній объ отмѣнѣ выборовъ по неправильности ихъ (что было лишь въ одномъ случаѣ) государственная дума входила не прежде, какъ по истеченіи трехъ сутокъ со времени доставленія членамъ думы печатныхъ оттисковъ заключенія. Въ двухъ случаяхъ государственная дума, по докладу отдѣла, усмотрѣла неправильности, о которыхъ сочла нужнымъ довести до свѣдѣнія министерства.

III. Другіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ регулировалъ наказъ, были вопросы о порядкѣ избранія должностныхъ лицъ государственной думы и о порядкѣ образованія комиссій. Изъ нихъ этотъ второй вопросъ представлялъ наиболѣе существенный интересъ, ибо близко касался взаимныхъ между собою отношеній различныхъ политическихъ партій, представленныхъ въ думѣ. Послѣ долгихъ пре-

ній какъ въ комиссіи, такъ и въ самой думѣ былъ выработанъ слѣдующій порядокъ. Комиссіи образуются: а) либо путемъ избранія ихъ въ отдѣлахъ; б) либо посредствомъ избранія въ общемъ собраніи думы закрытой баллотировкой, записками. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дума рѣшаетъ, какимъ изъ указанныхъ способовъ должна быть образована комиссія. Для образованія комиссій по избранію отдѣловъ, каждый отдѣлъ, подвергнувъ краткому обсужденію внесенное предложеніе, выбираетъ одного, двухъ или болѣе членовъ, такъ что, при наличности одиннадцати отдѣловъ, общее число членовъ комиссіи получается: 11, 22 и 33. Далѣе, сверхъ комиссій, избираемыхъ на указанномъ основаніи спеціально для разсмотрѣнія опредѣленнаго законопроекта или дѣла, избираются постоянныя комиссіи. Въ этомъ порядкѣ въ первую сессію государственной думы были учреждены слѣдующія спеціальныя комиссіи:

1. Комиссія девятнадцати (30 апрѣля 1906 г.)—первоначально учрежденная для выработки временныхъ правилъ о порядкѣ повѣрки правъ избранія членовъ государственной думы, потомъ, согласно данному порученію, сосредоточила свою дѣятельность на выработкѣ проекта наказа, но побочно имѣла и другія порученія организаціоннаго характера.

2. Комиссія пятнадцати (15 мая 1906 года)—учрежденная для предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта о неприкосновенности личности.

3. Комиссія одиннадцати (18 мая 1906 г.)—для организаціи и завѣдыванія разсылкой стенографическихъ отчетовъ.

4. Комиссія одиннадцати (6 іюня 1906 г.)—для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся продовольственной помощи голодающему населенію.

5. Комиссія тридцати трехъ (2 іюля 1906 г.)—по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и учрежденій.

7. Комиссія девяносто девяти (5 іюня 1906 г.)—аграрная.

8. Комиссія семи (15 іюня 1906 г.)—для пріема помѣщеній государственной думы отъ дворцоваго вѣдомства.

Изъ этого числа комиссія 3-я и 4-я были избраны въ отдѣлахъ, остальныя—въ общемъ собраніи думы. Избраніе аграрной комиссіи представляло ту особенность, что каждый членъ думы долженъ былъ подать записку съ именемъ лишь одного предлагаемаго имъ члена комиссіи, избранными же, по подсчету, считались въ установленномъ числѣ лица, получившія относительное большинство голосовъ (см. стеногр. отч., стран. 1000).

Что касается до постоянныхъ комиссій, то ьъ числѣ ихъ состояли:

а) Распорядительная комиссія, избираемая, по наказу, въ началѣ каждой сессіи въ составѣ 22 лицъ, по два отъ каждаго отдѣла, для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся отдѣльныхъ членовъ думы, и вопросовъ, относящихся до хозяйственной части.

Дѣятельность распорядительной комиссіи непосредственно соприкасается съ дѣятельностью распорядительнаго комитета, состоящаго изъ трехъ, особо избранныхъ, членовъ думы.

б) Финансовая комиссія, избираемая по наказу, въ началѣ каждой сессіи, въ составѣ 33 лицъ, въ общемъ собраніи думы, для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся финансоваго законодательства, дѣлъ объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ за счетъ казны или съ ея гарантіей, объ учрежденіи компаній на акціяхъ съ изъятіями изъ дѣйствующихъ законовъ и дѣлъ относительно земскаго и городского обложенія, поименованныхъ въ примѣчаніи къ статьѣ 31 учрежденія государственной думы.

в) Бюджетная комиссія, избираемая, по наказу, въ составѣ 33 лицъ, въ общемъ собраніи государственной думы, для разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министровъ, равно какъ и представленій о всякихъ другихъ денежныхъ изъ казны ассигнованіяхъ.

г) Комиссія по исполненію государственной росписи доходовъ и расходовъ, образуемая изъ 33 членовъ по избранію общаго собранія думы. По сношенію съ государственнымъ контролеромъ комиссія приглашаетъ для участія въ ея трудахъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, чиновъ государственнаго контроля.

д) Редакціонная комиссія для окончательнаго изложенія текста одобренныхъ думою законопроектовъ, избираемая въ началѣ сессіи, въ составѣ 7 лицъ, общимъ собраніемъ думы, по предложенію бюро.

е) Библіотечная комиссія для управленія библіотекою думы, въ составѣ 7 лицъ, избираемыхъ ежегодно общимъ собраніемъ думы по предложенію бюро.

ж) Комиссія для разбора адресуемой въ государственную думу корреспонденціи, въ составѣ 11 лицъ, по одному отъ каждаго отдѣла, возобновляемомъ каждые два мѣсяца.

Комиссіей 19-ти проектировалась еще одна постоянная комиссія, именно—«комиссія законодательныхъ предположеній», избираe-

мая въ началѣ каждой сессіи, въ составѣ 33-хъ лицъ, въ общемъ собраніи думы, для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ заявленій объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданія новаго закона, кромѣ заявленій, относящихся къ предметамъ финансоваго законодательства, и для представленій заключеній о дальнѣйшемъ направленіи означенныхъ дѣлъ. Предложеніе это, послѣ продолжительнаго обсужденія, было думою отвергнуто.

IV. Многіе вопросы думскаго дѣлопроизводства регулировались, какъ сказано, временными правилами, изданными думою впредь до составленія наказа. Въ ряду этихъ правилъ важнѣйшее мѣсто принадлежитъ правиламъ, опредѣляющимъ порядокъ сокращенія и прекращенія преній,—вопросъ, который въ парламентской практикѣ всегда представляется достаточно острымъ.

Въ особомъ изданіи предполагается собрать всѣ эти правила вмѣстѣ съ текстомъ наказа.

По общепринятому воззрѣнію, составляемые представительными учрежденіями наказы или регламенты не теряютъ своей силы съ роспускомъ того собранія, которое ихъ составило. «Наказъ, принятый палатою, сохраняетъ свою силу и для послѣдующихъ періодовъ законодательнаго собранія, поскольку сохраняются тѣ же конституціонныя основы, но каждой палатѣ, послѣ ея конституированія, принадлежитъ право пересмотрѣть свой регламентъ» (Э. Пьерръ). Независимо отъ этого соображенія, которое указываетъ на значеніе постановленій наказа, составленнаго думою перваго созыва, для государственной думы слѣдующихъ созывовъ слѣдуетъ признать, что, вообще, организаціонная работа, произведенная думою на первыхъ порахъ ея существованія, не заслуживаетъ забвенія; пока новыя собранія не оглядятся достаточно въ условіяхъ своего практическаго положенія, имъ можетъ сослужить службу работа, исполненная въ первомъ собраніи.

С. Муромцевъ.

Конфликты въ первой думѣ.

«Беречь думу»—этихъ словъ, ставшихъ символомъ вѣры для думцевъ второго призыва, не слышно было по отношенію къ первой думѣ. Первая дума собиралась среди бурнаго порыва юнаго, чуждаго хладнымъ расчетамъ, восторга; улица, общество, печать бравировали терминомъ «конфликтъ». Къ конфликту никто сознательно не стремился, но о немъ говорилось почти игриво. Опьяненное успѣхомъ общество было увѣрено, что, когда грянетъ буря, кто-то за думу постоитъ, и народное представительство выйдетъ изъ борьбы еще крѣпче. Конечно, общество соглашалось, что лучше подыскать для конфликта случай болѣе удобный, болѣе понятный населенію, но раздраженное чувство то и дѣло толкало думу на конфликтъ по всякому поводу.

Этому раздраженію поддавалось все чаще меньшинство думской оппозиціи. Не имѣя никакого опредѣленнаго тактическаго плана, не связанное ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ днемъ своимъ, оно потому столь склонно было рефлекторно откликаться на всѣ возбужденія, непосредственно на него дѣйствующія, исходящія отъ внѣдумскихъ кружковъ и безпартійной печати. Оно затѣмъ и сколотилось прочнѣе именно на этой позиціи—рѣзкой минутной реакціи на полученное извнѣ возбужденіе. Что за этимъ раздраженіемъ должно было слѣдовать, какіе имѣлись въ виду рессурсы для реализаціи его на случай рѣшительнаго конфликта, для насъ оставалось неизвѣстнымъ; оно остается въ сущности неизвѣстнымъ и доднесь.

Въ такой атмосферѣ думской и внѣдумской жизни была одна только группа, которая, съ затаеннымъ опасеніемъ за непрочность надеждъ на немедленную поддержку, упорно охраняла думу отъ преждевременнаго разгрома. Она одна берегла думу. Хорошо это было или нѣтъ—не время, быть можетъ, еще судить. Думу, въ концѣ концовъ, не удалось спасти; конфликтъ произошелъ на почвѣ,

для населенія наиболѣе понятной, на аграрномъ вопросѣ; всѣ оппозиціонныя фракціи думы (не одни кадеты, но и трудовики и соціалъ-демократы) обратились къ странѣ за поддержкою,—и тѣмъ не менѣе поддержки не послѣдовало. И когда затѣмъ надъ безмолвствующею страною пронесся бушевавшій семь мѣсяцевъ смерчъ столыпинскаго режима, обществомъ овладѣло раскаяніе, и собравшаяся «лѣвая» дума, подъ давленіемъ новыхъ, идущихъ особенно сильно изъ провинціи, вѣяній, выставила рѣзко лозунгъ: «беречь думу»,—беречь уже не ту думу, полную вдохновеннаго полета великой эпохи, успѣвшую въ короткое мгновеніе одолѣть всѣ трудности новизны дѣла, начертить горделивые контуры новаго государственнаго строительства, блеснувшую мужествомъ и талантами, внушавшую однимъ надежды, другимъ, если не страхъ, то уваженіе: — беречь рѣшено думу сѣренькую, думу, какъ символъ. Такъ было до недавняго времени. А сейчасъ опять изъ лагеря тѣхъ, кто,—подъ вліяніемъ давленія своихъ же сторонниковъ,—проводилъ этотъ принципъ въ теченіе перваго мѣсяца второй думы, раздаются возгласы нетерпѣнія и отчаянія: для чего беречь, коли за время этого береженія и за цѣну этого береженія врагъ ее только позоритъ, принижаетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожаетъ въ обществѣ послѣдніе порывы духа возмущенія. И даже болѣе: зачѣмъ было идти, коли само пребываніе въ думѣ нравственно связываетъ, заставляетъ чего-то ждать отъ нея, а тѣмъ временемъ гибнутъ отъ бездѣйствія силы и стремленія, направлявшіяся доселѣ иными путями къ той же цѣли? Повторяю: быть можетъ, рано судить, слишкомъ близка историческая перспектива. Каждый изъ насъ, кому приходится непосредственно вмѣшиваться въ игру развертывающихся событій, можетъ и обязанъ стать, по свойству своего темперамента и по условіямъ такъ или иначе оцѣниваемаго имъ момента, либо на ту, либо на другую точку зрѣнія. Но для исторіи прошлаго, не задающейся никакими политическими цѣлями, свободной отъ необходимости разрѣшать неотложный вопросъ дня,—правильнѣе будетъ держаться пока вдали отъ оцѣнки основного мотива и собирать одни лишь данныя для этой оцѣнки. Эти данныя постепенно исчезаютъ изъ памяти; они не сохранены въ необходимой связи ни въ органахъ печати, ни въ довольно многочисленныхъ монографіяхъ о первой думѣ. Когда мы день за днемъ творили работу первой думы,—то, что теперь уже окаменѣваетъ въ воспоминаніяхъ, какъ нѣчто отдѣлившееся отъ всего фона жизни, тогда казалось намъ только лѣсами грандіозной постройки,—лѣсами,

которые вотъ-вотъ и уберемъ. Стоило ли запечатлѣвать для памяти потомства контуры этихъ лѣсовъ, исторію первыхъ робкихъ творческихъ движеній, когда за этими лѣсами скрывается нѣчто, что скоро засіяетъ вѣчнымъ памятникомъ творчества перваго народнаго представительства и, «тлѣна избѣжавъ, вѣчно будетъ жить»?. Мы все только еще готовились жить, а теперь оказывается, что это и была сама жизнь, *вся* наша жизнь... И когда стремительнымъ вихремъ насъ уноситъ все дальше отъ нея, хочется набросать, пока очертанія ея не совсѣмъ еще исчезли, кое-что существенное изъ того, что пережито,—по преимуществу изъ того, въ чемъ сказывалось и тогда уже стремленіе «беречь думу».

Я буду только сообщать факты, воспоминанія. Воспоминанія будутъ касаться событій, т. наз., конфликтнаго свойства; но такъ какъ они разыгрывались не въ безвоздушномъ пространствѣ, а среди опредѣленныхъ парламентскихъ группъ, то придется для полноты останавливаться и на моментахъ,—съ виду, а иногда и по существу—не конфликтныхъ, но дорисовывающихъ картину взаимныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ и разыгрывались тѣ или иные «конфликтные» инциденты. Считаю нужнымъ оговориться, что подъ конфликтными инцидентами я разумѣю не тотъ единственный инцидентъ, который затѣмъ формально былъ объявленъ поводомъ для конфликта, и не тотъ единственный конфликтъ, который реально разыгрался,—исторія его занимаетъ только послѣднія страницы моихъ воспоминаній: я разумѣю инциденты, грозившіе конфликтами,—конфликты, не созрѣвшіе. Это будетъ нѣчто вродѣ исторіи «неосуществившихся конфликтовъ».

I.

Это началось съ перваго же дня дѣятельности думы. Наканунѣ (26 апрѣля) происходило первое объединенное засѣданіе оппозиціи, а до того въ теченіе трехъ дней отдѣльно засѣдали фракція народной свободы и складывающаяся еще крестьянская фракція, принявшая затѣмъ названіе трудовой группы. Кадетскій клубъ на углу Сергіевской и Потемкинской, ставшій центромъ политическаго движенія за послѣдніе дни, представлялъ вечеромъ 26 апрѣля необычайное зрѣлище: огромный залъ наполнялся оживленнымъ говоромъ нѣсколькихъ сотъ людей, возбужденныхъ первою встрѣчею, сознаніемъ важности момента, со всѣмъ напряженіемъ мысли и воли готовящихся къ встрѣчѣ новыхъ, таинственныхъ событій.

Разнообразіе лицъ, костюмовъ, нарѣчій. Великороссійскіе зипуны, малорусскія свитки, мусульманскія чалмы и фески, пурпурная мантія католическаго епископа, черныя рясы православныхъ священниковъ—все смѣшивается, удивленно озирается другъ на друга. Русская рѣчь перемѣшивается съ польскою, татарская съ малорусскою. Народы и сословія Россіи сошлись, всякій со своимъ особымъ горемъ, всѣ съ жаждою дружными усиліями двинуть жизнь впередъ.

Звонокъ предсѣдателя. Группы размѣщаются. Налѣво отъ предсѣдательскаго стола, заднюю часть залы заняли кадеты; правую—крестьяне-трудовики. Около стола размѣстились національныя группы, ближе всѣхъ самая многочисленная—поляки Царства Польскаго и Западнаго края, съ католическимъ епископомъ во главѣ. За предсѣдательскимъ столомъ сѣли устроители собранія, комитетъ к.-д. фракціи во главѣ съ И. И. Петрункевичемъ. Предсѣдательствованіе было предложено не попавшему въ депутаты лидеру к.-д. партіи П. Н. Милюкову. Предметъ занятій былъ, во избѣжаніе замѣшательства, строго впередъ опредѣленъ, напередъ намѣчены были ораторы к.-д. партіи для докладовъ и разъясненій. На очереди стояли вопросы ближайшихъ дней: выборы предсѣдателя думы и другихъ членовъ президіума, отвѣтъ на ожидаемую тронную рѣчь и впереди всѣхъ—вопросъ о торжественномъ обѣщаніи «самодержавному монарху». Сейчасъ, когда торжественное обѣщаніе безропотно подписано и соціалъ-демократами, и соціалистами-революціонерами, и народными соціалистами,—сейчасъ самая постановка вопроса о подписаніи торжественнаго обѣщанія можетъ вызывать развѣ улыбку снисхожденія. Но тогда было не то. Я помню, какъ одинъ почтенный профессоръ, впослѣдствіи далеко не «лѣвый» депутатъ думы, долго колебался, вступать ли ему въ нашу партію, такъ какъ партія не вырѣшила еще для себя вопроса о торжественномъ обѣщаніи. Кому не памятны и безконечные дебаты на митингахъ, въ которыхъ однимъ изъ самыхъ выигрышныхъ козырей въ рукахъ бойкотистовъ явился все тотъ же злополучный вопросъ о торжественномъ обѣщаніи. Помню живо, какъ задолго еще до начала избирательныхъ митинговъ, чуть ли не въ первомъ послѣ изданія закона 6 августа, общественномъ собраніи, въ публичномъ засѣданіи петербургскаго отдѣла союза писателей въ вольно-экономическомъ обществѣ, В. А. Мякотинъ впервые рѣзко поставилъ вопросъ о бойкотѣ думы, оперируя главнымъ образомъ надъ тѣмъ, что хожденіе въ думу равносильно, въ виду текста торжественнаго обѣщанія, признанію самодержавнаго строя возста-

новленнымъ. Если не ошибаюсь, тотъ же мотивъ введенъ г. Мякотинымъ и въ текстъ резолюціи на бойкотистскомъ митингѣ въ мартѣ 1906 г. въ Соляномъ городкѣ, за нѣсколько дней до выборовъ въ первую думу. Однако, теперь В. А. Мякотинъ являлся кандидатомъ въ думу, и вся народно-соціалистическая фракція въ думѣ встала при чтеніи торжественнаго обѣщанія самодержавному монарху, и вся она безмолвно подписывала это обѣщаніе и даже не считала нужнымъ дѣлать какую-либо декларацію по сему предмету.

Броженіе внѣдумскихъ бойкотистскихъ круговъ естественно болѣе всего отражалось на руководящихъ элементахъ трудовой группы. Ибо въ составъ трудовой группы и вошли частью разрозненные представители тѣхъ же бойкотистскихъ партій, по тѣмъ или инымъ случайнымъ соображеніямъ принявшіе участіе въ избирательной кампаніи; остальные же безпартійные, тянувшіеся неопредѣленно «влѣво», находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ первой болѣе интеллигентной части. О самостоятельныхъ стремленіяхъ безпартійной части трудовой группы членъ группы, проф. Локоть даетъ отзывъ, опредѣленность котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ трактуемому предмету: «ради кого и ради чего—вопрошаетъ онъ—должны они держаться *вправо*, когда и жизнь, и собственныя убѣжденія, и ясныя для нихъ велѣнія историческаго момента толкаютъ ихъ *влѣво*, туда, гдѣ имъ надлежитъ быть по ихъ дѣйствительнымъ общественнымъ свойствамъ и интересамъ» [1]). Большей опредѣленности въ указаніяхъ, куда именно влѣво, на какую программу политическихъ дѣйствій, толкались товарищи г. Локотя «всею своею жизнью, свойствами и интересами»—намъ не удалось узнать до конца нашей общей дѣятельности.

Вопросъ о «самодержцѣ» въ торжественномъ обѣщаніи долженъ былъ, при такомъ составѣ трудовой группы, ставиться для нея особенно рѣзко; во всякомъ случаѣ, можно было опасаться, что отсутствіе какого либо сговора по этому предмету можетъ грозить осложненіями. Даже въ средѣ нашей собственной фракціи, гдѣ давно уже, казалось, складывался взглядъ на торжественное обѣщаніе, какъ на формальность, лишенную политическаго значенія и требующую лишь публичнаго разъясненія,—вопросъ вызвалъ нѣкоторое треніе. Въ первомъ засѣданіи фракціи, 25 апрѣля, возобладало мнѣніе, что вопросъ о торжественномъ обѣщаніи слѣдуетъ совер-

---

[1]) Первая дума, стр. 113.

шенно игнорировать: отвергнута была мысль о какой бы то ни было деклараціи,—въ самой ли думѣ или внѣ думы,—разъясняющей взглядъ партіи на смыслъ обѣщанія. Не помню, чтобы въ этотъ вечеръ кто-либо предлагалъ вовсе воздержаться отъ подписи обѣщанія. Но слишкомъ рѣзкая постановка вопроса въ обратномъ смыслѣ вызвала такую именно реакцію на слѣдующій день: въ дневномъ засѣданіи фракціи 26 апрѣля одинъ изъ самарскихъ депутатовъ заявилъ, что онъ проситъ освободить его по этому пункту отъ партійной дисциплины, такъ какъ совѣсть ему не позволяетъ подписывать безъ оговорокъ торжественное обѣщаніе самодержавному монарху. Онъ просилъ предоставить ему право или отказаться вовсе отъ подписанія, или сдѣлать при подписаніи, въ самой думѣ, соотвѣтственное заявленіе. Вопросъ принималъ острый характеръ; пренія разгорались; къ самарскому депутату присоединялись и нѣкоторые другіе, недовольные вчерашнимъ рѣшеніемъ. Каждый изъ исходовъ, предлагаемыхъ протестантами, представлялъ опасности почти что одинаковыя, ибо каждымъ изъ нихъ съ перваго же шага, еще до начала какой-либо дѣятельности думы уже ставился конфликтный вопросъ. Соглашаться на такую демонстрацію было невозможно; неудобно было также на первыхъ же шагахъ дѣятельности фракціи подвергать перерѣшенію вопросъ, только что вчера, послѣ большихъ дебатовъ, окончательно рѣшенный въ томъ смыслѣ, что какой бы то ни былъ видъ «декларации» отъ имени одного или многихъ членовъ фракціи не долженъ быть допускаемъ. Затрудненіе было устранено внесеннымъ однимъ изъ депутатовъ предложеніемъ: занести въ протоколъ нынѣшняго засѣданія мотивы нашего рѣшенія, а именно: что фракція отказывается отъ всякой декларации и подписываетъ обѣщаніе, потому что подъ словомъ самодержецъ мы не разумѣемъ неограниченнаго монарха,—а затѣмъ этотъ протоколъ напечатать въ газетахъ въ день открытія думы, 27 апрѣля. Это предложеніе было единогласно принято фракціею, и для насъ вопросъ былъ исчерпанъ.

Но тренія въ нашей средѣ указали на возможность опасности отъ отсутствія опредѣленнаго рѣшенія въ средѣ тѣхъ, кого толкало «влѣво». Мы и рѣшили внести вопросъ на вечернее засѣданіе объединенной оппозиціи,—и, какъ оказалось, не понапрасну. Трудовая группа явилась совершенно неподготовленною къ шагу, который, однако, слѣдовало сдѣлать завтра же и относительно котораго тутъ же изъ устъ ея представителей раздавались самые разнообразные предложенія, въ томъ числѣ и предложеніе отказаться вовсе отъ подписи обѣщанія. Только организованное выступленіе

нашей фракціи съ опредѣленнымъ готовымъ проектомъ сплотило разрозненные голоса, каждый изъ которыхъ въ отдѣльности уже представлялъ опасность для завтрашняго дня,—и проектъ нашъ былъ единогласно принятъ. Кѣмъ то было предложено редакціонное измѣненіе, принятое нами охотно,—и на слѣдующій день въ газетахъ появилось извлеченіе изъ нашего протокола, съ поясненіемъ, что къ нему присоединились «71 членъ парламентской трудовой группы» и разныя національныя группы. Проф. Локоть и по этому поводу празднуетъ побѣду надъ кадетами: «Въ первоначальномъ текстѣ (к. д. партіи) стояло отрицательное опредѣленіе слова самодержецъ, какъ «неограниченнаго» монарха. Но когда въ засѣданіе парламентской к. д. группы явились представители другихъ группъ, въ томъ числѣ болѣе 70 членовъ группы народно-трудовой (крестьянской), редакція заявленія немедленно была измѣнена въ положительной болѣе категорической формѣ: члены думы заявили, что они считаютъ монарха конституціоннымъ. Воздѣйствіе несомнѣнно лѣвѣе настроенной крестьянской группы депутатовъ, не склонныхъ къ «тактичности» кадетовъ, сказалось и тутъ, при первомъ же случаѣ «объединенія». Такъ говоритъ проф. Локоть. А съ какимъ *своимъ* текстомъ, или хотя бы планомъ дѣйствія, пришли «лѣвѣе настроенные» крестьянскіе депутаты, объ этомъ проф. Локоть благоразумно умалчиваетъ...

II.

Въ томъ же засѣданіи объединенной оппозиціи, 26 апрѣля Муромцевъ разъяснялъ порядокъ перваго думскаго засѣданія; пишущій эти строки излагалъ возможное содержаніе отвѣта на несказанную еще тронную рѣчь, а Набоковъ докладывалъ объ амнистіи, указывая, если не ошибаюсь, тогда же, т. е. еще 26 апрѣля, что изготовленный имъ «законопроектъ» объ амнистіи долженъ составить лишь приложеніе къ отвѣтному адресу, что онъ призванъ лишь раскрыть смыслъ общаго указанія на амнистію, которое предполагалось сдѣлать въ отвѣтномъ адресѣ. Что разъясненія Муромцева и Набокова—разъясненія болѣе или менѣе техническаго свойства—не вызвали никакихъ дополненій, ни возраженій, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, хотя не мѣшаетъ отмѣтить, что по вопросу объ амнистіи никто 26 апрѣля вечеромъ не выражалъ и мысли о необходимости выдѣлить ее какъ-нибудь особо изъ отвѣтнаго адреса. Но что̀ несомнѣнно достойно вниманія, это то,

что проектъ отвѣта на тронную рѣчь, изложенный отъ имени партіи народной свободы, выслушанный съ чрезвычайнымъ вниманіемъ представителями трудовой группы и очень сочувственно ими встрѣченный, не вызвалъ изъ ихъ среды никакихъ замѣчаній и дополненій. Это важно имѣть въ виду въ связи съ дальнѣйшею исторіею отвѣтнаго адреса и тѣми искаженіями, съ которыми пущена въ ходъ эта исторія и о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Въ засѣданіи 26 апрѣля принято было рѣшеніе: по выслушаніи тронной рѣчи и по изготовленіи партіей народной свободы проекта отвѣтнаго адреса, обсудить этотъ адресъ предварительно въ небольшой комиссіи изъ 3 членовъ к. д. партіи, 3 членовъ трудовой группы и 2 представителей отъ національныхъ группъ. Представители національныхъ группъ, въ виду ихъ большого разнообразія и отсутствія объединяющаго центра, такъ и не успѣли избрать своихъ представителей, и комиссія составилась изъ 6 членовъ. Отъ к.-д. партіи вошли въ нее: Милюковъ, Кокошкинъ и пишущій эти строки; отъ трудовой группы: Аладьинъ Аникинъ и Жилкинъ.

Планъ дѣятельности для первыхъ дней жизни думы былъ, такимъ образомъ, предопредѣленъ вплоть до момента принятія отвѣтнаго адреса. Ничто, казалось, не сулило осложненій. Даже личные вопросы—особенно щекотливые въ началѣ общей дѣятельности—были устранены. Дума могла приступить къ работѣ.

Но 27-го апрѣля всѣ эти планы чуть было не оказались до тла уничтоженными. И случилось это не подъ вліяніемъ тронной рѣчи, содержаніе которой, если и не внушило радостныхъ надеждъ, то и не внесло, во всякомъ случаѣ, раздраженія. Факторомъ, грозящимъ опрокинуть вверхъ дномъ все сооруженіе, оказалась улица,—крики, которые неслись къ плывущимъ на пароходахъ депутатамъ съ набережныхъ и съ мостовъ, бѣлые платки, развѣвавшіеся изъ оконъ «Крестовъ», наконецъ, этотъ густой шпалеръ людей, стискивавшій депутатовъ на короткомъ разстояніи между пристанью и думою, лобызавшій ихъ, жавшій имъ руки, прижимавшій ихъ къ сердцу и оглашавшій воздухъ стономъ: «амнистія».

Кулуары Таврическаго дворца, когда мы въ нихъ оказались, наконецъ, представляли картину необычайнаго волненія: обычно спокойные люди бѣгали, размахивали руками, отмахивались отъ всякихъ спокойныхъ увѣщеваній. Я помню особенно возбужденныя фигуры Ив. И. Петрункевича, Шершеневича; нечего говорить о болѣе молодыхъ, о болѣе «лѣвыхъ». Электрическій токъ отъ толпы прошелъ въ среду депутатовъ; тре-

бованіе амнистіи рвалось наружу, склонное уничтожить на своемъ пути всѣ необходимыя для существованія самой думы, для реализаціи остальныхъ ея неотложныхъ задачъ, формы и условія думской дѣятельности. Очень зрѣлые люди выказывали рѣшимость, оправдываемую настроеніемъ народа, немедленно заговорить объ амнистіи, предложить государственной думѣ постановить резолюцію съ требованіемъ амнистіи.

Какими послѣдствіями могло быть чревато такое рѣшеніе, говорить теперь не приходится. Совершенно ясно, что резолюція думы объ амнистіи, принятая тотчасъ по выслушаніи тронной рѣчи, должна была бы быть сочтена за самый отвѣтъ думы на тронную рѣчь. Странно было бы послѣ этого перваго отвѣта приступить еще къ обсужденію второго отвѣта;—и всему тому, что накипѣло на душѣ и рвалось наружу, что вчера еще рѣшено было изложить въ первомъ торжественномъ актѣ, отъ думы исходящемъ,—всему этому суждено было остаться сокровеннымъ, и дума, сама лишившая себя возможности изобразить немедленно всѣ язвы прошлаго и всѣ свои надежды и планы будущаго, была бы въ конецъ дискредитирована въ глазахъ населенія. Самый объемъ амнистіи, который, по принятому вчера еще только плану, необходимо было подробно указать при отвѣтѣ на тронную рѣчь, не могъ быть включенъ нынѣ же въ наскоро принятую резолюцію. Наконецъ—и это самое важное—легко себѣ представить во что могла превратиться трибуна думы въ этотъ первый день подъ вліяніемъ крайняго возбужденія, при отсутствіи всякой организаціи группъ, при полной неподготовленности выступленія, при неясности самой конечной его цѣли. Лучшаго матеріала для злорадствующихъ пока еще втайнѣ враговъ думы нельзя было и придумать, конфликтъ могъ нагрянуть съ такой поспѣшностью, какой и самые мрачные предсказатели предугадать не могли.

А между тѣмъ не дать исхода чувству, съ такою силою овладѣвшему всѣми, не было никакой возможности. Можно было бы еще удержать своихъ, но нельзя было никакими силами удержать тѣхъ, кто не былъ съ нами связанъ узами партійной дисциплины. Съ трудомъ удалось собрать комитетъ фракціи и направить его къ болѣе или менѣе спокойному обсужденію вопроса. Въ самомъ комитетѣ сказывалась очень сильная тенденція къ немедленному рѣшительному выступленію, и только предложенный однимъ изъ членовъ исходъ, выразившійся въ извѣстномъ выступленіи Петрункевича, примирилъ всѣхъ, а вынесенный наружу, въ среду фракціи и въ трудовую группу, внесъ окончательное успокоеніе. Исходъ этотъ отвѣчалъ

всѣмъ потребностямъ момента и не подвергалъ риску думу. Первое слово, которое прозвучитъ въ стѣнахъ думы изъ устъ депутата, будетъ «амнистія». Это слово будетъ услышано,—оно будетъ встрѣчено рукоплесканіями думы, и въ этомъ скажется ея настроеніе. Но дума, какъ цѣлое, формально не постановитъ никакого рѣшенія и оставитъ себѣ руки развязанными. Трибуна думы не будетъ подвергнута риску многочисленныхъ непланомѣрныхъ рѣчей; она будетъ предоставлена въ распоряженіе только одного, наиболѣе заслуженнаго, зрѣлаго общественнаго дѣятеля.

Этотъ планъ удовлетворилъ фракцію, удовлетворилъ и трудовую группу; всѣ готовившіяся выступленія были отмѣнены. Первая собравшаяся надъ думой грозовая туча была разсѣяна, и единеніе оппозиціи, сумѣвшей побѣдить себя и не отдать на съѣденіе поджидавшему врагу, стало тѣснѣе отъ этой первой побѣды надъ подстораживавшимъ ее «конфликтомъ».

Петрункевичъ выполнилъ свою миссію съ честью. Дума разошлась, не только успокоенная, но и ободренная первою побѣдою организованнаго дѣйствія надъ игрою случайностей. Но на улицѣ стоялъ все тотъ же стонъ, ему вторила печать, вторило общество, и волна нетерпѣливаго раздраженія вернулась въ думу на слѣдующій же думскій день, грозя потопить то, что̀ добыто общимъ преддумскимъ сговоромъ, что̀ добыто и ходомъ перваго думскаго засѣданія.

28 апрѣля предсѣдатель думы ѣздилъ въ Царское Село; засѣданія думы не было. Визиту въ Царскомъ Селѣ серьезнаго политическаго значенія не приписывалось, но въ душахъ тлѣла искорка надежды, что Муромцеву удастся сообщить Государю о томъ, что̀ происходило въ думѣ, и что Государь пожелаетъ прислушаться къ голосу народнаго представительства, даже до формальнаго къ нему обращенія. Этого не случилось, и нетерпѣніе естественно только усилилось. Носились слухи, что на слѣдующій день, 29 апрѣля, со стороны трудовой группы готовится возобновленіе того, что было счастливо избѣгнуто въ день открытія думы. Оно могло стать еще болѣе грознымъ, ибо порывалось уже наружу не одно обращеніе къ Монарху по поводу амнистіи, а безформенный, неопредѣленный ропотъ неудовлетворенной надежды. Во что̀ онъ могъ превратиться въ устахъ невѣдомыхъ, неиспытанныхъ еще ораторовъ на думской трибунѣ, было совершенно ясно. Необходимо было потому спастись отъ этой безформенности, спасти думу отъ резолюціонно-митинговаго образа дѣйствій, сразу же предложить думѣ какую-нибудь опредѣленную парламентскую форму, въ которую могло бы вылиться

рвавшееся наружу чувство. Фракція народной свободы рѣшила потому: въ самомъ началѣ засѣданія 29 апрѣля внести предложеніе, по которому могъ бы уже состояться вотумъ думы объ амнистіи. Это предложеніе было внесено Родичевымъ, оно называлось предложеніемъ объ избраніи комиссіи для составленія отвѣтнаго адреса; но въ немъ содержался особый третій пунктъ, которымъ думѣ давалась возможность тутъ же сдѣлать постановленіе объ амнистіи. Этотъ пунктъ гласилъ: «Не предрѣшая содержанія адреса, возложить нынѣ же на комиссію непремѣнную обязанность включить въ адресъ указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи... (стенографическій отчетъ отмѣчаетъ уже въ этомъ мѣстѣ: *аплодисменты*) по всѣмъ дѣламъ—религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій» (*продолжительные аплодисменты*).

Около *этого* предложенія можно уже было спокойно дать развертываться самымъ страстнымъ преніямъ; они не грозили уже столкнуть думу съ парламентскаго пути. И эти пренія потекли и ясно обнаружили, насколько правильно былъ нами поставленъ діагнозъ, какъ необходимо было создать предохранительный клапанъ.

Уже во время чтенія привѣтствій (съ этого предсѣдатель началъ засѣданіе), когда въ одномъ изъ нихъ было упомянуто о необходимости амнистіи, въ залѣ послышался отмѣченный стенографическимъ отчетомъ голосъ: «Амнистію!» (стен. отч. стр. 10). Когда затѣмъ Кокошкинъ внесъ предложеніе о порядкѣ избранія товарищей предсѣдателя, Аникинъ попросилъ слова, чтобы напомнить о тѣхъ привѣтствіяхъ, «которыя вызвали единодушныя одобренія», и указать, что «дума должна *высказаться опредѣленно въ этомъ отношеніи*». Остановленный предсѣдателемъ, который указалъ, что рѣчь идетъ о формальномъ предложеніи, къ порядку выборовъ относящемся, Аникинъ оборвалъ нить разсужденій и, не сказавъ ничего по поводу этого формальнаго предложенія, сошелъ съ каѳедры, чтобы затѣмъ вернуться къ своей мысли, когда дойдетъ очередь до предложенія Родичева. И дѣйствительно, какъ только было поставлено на обсужденіе предложеніе Родичева, точно рѣка хлынула изъ нѣдръ трудовой группы. Говорили въ одинъ этотъ день и Аникинъ, и Аладьинъ, и Ершовъ, и Жилкинъ, и Заболотный, и Шапошниковъ, и Сѣдельниковъ, и Михайличенко. Всѣ они принесли много жару, много вѣры въ то, что «за нами стоитъ и городъ, и деревня, они пой-

дутъ за нами», глубокое убѣжденіе въ томъ, что «мы сами возьмемъ нашихъ братьевъ оттуда», «что, если мы, быть можетъ, и уйдемъ отсюда и отойдемъ въ сторону, то народъ тогда встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій» (Аладьинъ и Жилкинъ). Все это, къ счастью, выливалось въ твердое русло Родичевской формулы, которая и была принята единогласно. Ибо *своей* формулы, *своего* предложенія трудовая группа не принесла никакого; и вся эта лава, весьма раскаленная, не будучи захвачена въ опредѣленное русло, могла только снести тѣ устои, на которыхъ воздвигнуто новое, крайне непрочное зданіе нашей парламентской жизни.

Все это свершилось 29 апрѣля, а 30 апрѣля, съ утра, въ рядахъ трудовой группы началось новое, еще болѣе безпомощное движеніе. На почвѣ этой безпомощности начинаютъ вырастать химерическіе планы; безсильное раздраженіе обращается къ героическимъ средствамъ, неспособнымъ ничего излечить, но грозящимъ завлечь думу на путь авантюристской политики, на которомъ дума могла потерять самое драгоцѣнное изъ добытыхъ ею благъ: значеніе самостоятельнаго законодательнаго учрежденія. Съ утра уже носились слухи о новыхъ планахъ. Атмосфера подогрѣвалась еще близостью 1 мая, слухами о томъ, что рабочіе на митингахъ 1 мая будутъ требовать амнистіи, что дѣло дойдетъ до кровопролитія,—ибо съ утра 30 апрѣля на всѣхъ улицахъ Петербурга красовалась уже афиша градоначальника, воспрещающая 1 мая собираться. Самый день 30 апрѣля приходился въ воскресенье, что̀ еще усиливало возможность уличныхъ волненій.

Дума, торопясь съ адресомъ, главнымъ образомъ ради амнистіи, рѣшила засѣдать и въ воскресенье съ 2 час. дня. Съ самаго утра, однако, въ зданіи думы происходили уже оживленныя засѣданія двухъ главныхъ фракцій: въ большомъ, такъ называемомъ, министерскомъ залѣ (нынѣ кабинетъ предсѣдателя думы) засѣдала фракція народной свободы, въ сосѣднемъ небольшомъ залѣ (нынѣ приставская часть), стоя, окруженные репортерами и публикою, держали совѣтъ трудовики. Изъ одного зала въ другой то и дѣло являлись посланцы съ вѣстями о положеніи дѣла. Вѣсти отъ трудовиковъ приходили все болѣе неясныя, спутанныя. Чѣмъ болѣе вопросъ выяснялся, тѣмъ опредѣленнѣе обнаруживалась для болѣе сознательныхъ элементовъ группы совершенная безцѣльность и явный вредъ выступленія, но эти сознательные элементы не имѣли власти надъ отдѣльными единицами, которыхъ таки не удалось убѣдить, которые

и подняли вопросъ въ думѣ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у главарей трудовиковъ не хватило рѣшимости выступить въ самой думѣ съ ясною и опредѣленною критикою затѣяннаго плана. Эту задачу вынуждена была взять на себя фракція народной свободы. Безсильная остановить трудовиковъ, не подчиняющихся своимъ собственнымъ руководителямъ, она рѣшила вынести вопросъ открыто на судъ страны, съ трибуны государственной думы. Въ рѣчахъ ея ораторовъ, Шершеневича, Гредескула и Кокошкина, ребромъ—быть можетъ, даже съ излишнею опредѣленностью,—поставленъ былъ вопросъ о возможности конфликта, котораго дума не должна принять на амнистіи, не успѣвъ ни словомъ обмолвиться о землѣ и волѣ. Впервые съ трибуны государственной думы было произнесено самое слово «конфликтъ». Фракція народной свободы не имѣла въ виду, насколько помнится, въ такой рѣшительной формѣ, какъ то сдѣлано было ея ораторами, выносить на трибуну именно «конфликтную», сторону вопроса и, въ особенности, предвѣщать съ трибуны думы неизбѣжность конфликта и напередъ указывать почву, на которой этотъ конфликтъ для насъ пріемлемъ. Но, кто знаетъ, быть можетъ, эта рѣзкая постановка вопроса и сослужила свою службу: она, быть можетъ, сдержала тотъ напоръ чувствъ, который такъ неудержимо рвался наружу къ 1 мая. Во всякомъ случаѣ, послѣ рѣчей Шершеневича, Гредескула и Кокошкина, въ которыхъ указывалось и на безсмысленность созиданія конфликта не на вопросѣ о землѣ и волѣ, а на вопросѣ объ амнистіи, и на невозможность ограничить весь отвѣтъ на тронную рѣчь одною только амнистіею, [1]) и на то, что недостойно думы дѣлать нервныя и торопливыя усилія и повторять еще третій и четвертый разъ то, что̀ уже было сказано въ государственной думѣ,—къ нимъ присоединился и представитель трудовой группы Жилкинъ, робко, наконецъ, заявившій, что не слѣдуетъ доводить до «разрыва», когда нѣтъ увѣренности, что вся страна за нами пойдетъ. А затѣмъ предсѣдатель, не поставивъ внесенныхъ предложеній на разрѣшеніе думы по существу, предложилъ лишь думѣ вопросъ о неотложности ихъ (*«слѣдуетъ ли эти два предложенія признать неотложными и разсматривать ихъ по существу въ настоящемъ засѣданіи, теперь же, прежде выбора комиссіи?»* Стен. отчетъ, стр. 43); когда же дума отвергла эту неотложность, она

---

[1]) „Двухъ отвѣтовъ на одну тронную рѣчь никогда быть не можетъ; никогда не можетъ быть двухъ отвѣтныхъ адресовъ“ (рѣчь Кокошкина, стен. отч. стр. 39).

уже потомъ, послѣ выбора комиссіи, къ вопросу не возвращалась.

Быть можетъ, нѣкоторую роль здѣсь сыграла и форма самыхъ предложеній, внесенныхъ въ думу. Одно изъ нихъ гласило: «Предлагаю сейчасъ же послать телеграмму на имя Государя Императора, въ которой просить объ освобожденіи...»; другое: «Пусть дума выразитъ эту свою волю, волю народную, черезъ предсѣдателя думы Государю».

Пока эту форму обращенія думы предлагали рабочій Чуриковъ и крестьянинъ Корниловъ, на нее не обращали особеннаго вниманія ораторы партіи народной свободы, ограничиваясь указаніемъ, между прочимъ, и на то, что она неконституціонна; но когда за эту форму обращенія заступился, поддавшись, очевидно, также весьма нервному настроенію момента, проф. Ковалевскій и заявилъ, что «мы здѣсь для того, чтобы быть посредниками между народомъ и царемъ», партія народной свободы гордымъ окрикомъ изъ устъ Петрункевича отвергла эту мысль, заявивъ, что мы «не превратимъ думу изъ законодательнаго учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ; *мы не желаемъ быть ходатаями, мы хотимъ быть законодателями*». И хотя предложеніе Ковалевскаго поставлено было предсѣдателемъ на голоса особо, значительно позднѣе, но весь описанный инцидентъ разыгрался до голосованія «неотложности» первоначальныхъ предложеній и несомнѣнно въ нѣкоторой степени предопредѣлилъ ихъ участь. Онъ предопредѣлилъ и участь предложенія Ковалевскаго, отвергнутаго въ томъ же засѣданіи.

Этими голосованіями вопросъ, однако, не былъ исчерпанъ. Ибо чѣмъ рѣшительнѣе мы отвергали возможность выдѣленія вопроса объ амнистіи, тѣмъ настоятельнѣе требовалось возможное ускореніе всего отвѣтнаго адреса, со включеніемъ въ него амнистіи. Такое предложеніе и было сдѣлано: его сдѣлалъ попутно, но въ весьма приподнятой формѣ, въ рѣчи своей Жилкинъ. «Мы *умоляемъ* комиссію, чтобы она приступила къ занятіямъ; пусть она работаетъ день и ночь, но завтра долженъ быть представленъ проектъ адреса», оно было формально затѣмъ внесено депутатомъ Сефферомъ («предложить комиссіи къ завтрашнему дню составить проектъ отвѣта... Этого ждутъ, этого требуютъ отъ насъ»). Но завтрашній день— это былъ день 1 мая... Теперь, ex post, когда это 1-е мая далеко позади насъ и когда оно,—можетъ быть, отчасти благодаря думскимъ преніямъ 30 апрѣля,—прошло спокойно, трудно, конечно, перенестись въ то состояніе, съ которымъ мы тогда его ждали.

Можетъ быть, небезполезно потому привести нѣсколько, хотя и преувеличенныхъ, но все же характерныхъ фразъ изъ рѣчи, сказанной по этому поводу въ думѣ 30 апрѣля однимъ изъ депутатовъ тогдашней трудовой группы: «Завтра рабочій праздникъ, и митинги будутъ вездѣ. Рабочіе пойдутъ по улицамъ съ манифестаціей. Кличъ манифестаціи будетъ: «Амнистія». Несмотря на прокламаціи и надписи градоначальниковъ, завтра будутъ митинги, завтра будетъ большое и сильное кровопролитіе, потому что рабочихъ будутъ разгонять и бить нагайками, а они не будутъ уходить и будутъ кричать: «Намъ нужна амнистія».

Могла ли дума при такихъ условіяхъ засѣдать 1-го мая, хотя бы и обсуждая отвѣтный адресъ? Для насъ было очевидно, что нѣтъ. Бурныя сцены могли разыграться у стѣнъ самой думы, дума могла стать ареною кровопролитія. Въ самомъ засѣданіи могъ кто нибудь предложить думѣ: въ виду праздника 1-го мая засѣданіе прекратить. Это требованіе могло быть, наконецъ, заявлено и самою возбужденною толпою, окружающей думу. Въ той атмосферѣ, въ которой мы тогда жили, какъ принятіе, такъ и отклоненіе такого предложенія въ одинаковой мѣрѣ грозили серьезными осложненіями. Необходимо было всѣ эти опасности предотвратить. И намъ казалось правильнѣе всего 30 апрѣля прервать занятія думы до изготовленія комиссіею отвѣтнаго адреса и назначить срокомъ для изготовленія адреса—2-е мая. Это предложеніе, по порученію фракціи, внесено было мною въ думу и думою единогласно принято.

Такъ разсѣялась висѣвшая надъ думою первомайская туча, и мы вступили, наконецъ, въ область обсужденія отвѣтнаго адреса.

III.

Наилучшимъ средствомъ устранить дальнѣйшее наростаніе осложненій было, конечно, изготовленіе отвѣтнаго адреса. Это дѣло и двигалось за кулисами думы съ наивозможною скоростью. Этимъ объясняется, между прочимъ, что члены комиссіи изъ партіи народной свободы приняли на себя тутъ же передъ думою 30 апрѣля обязательство въ *одинъ* день изготовить отвѣтный адресъ, о которомъ извѣстно было напередъ, что онъ долженъ включать и оцѣнку всего политическаго положенія страны, и всю схему задачъ, принимаемыхъ на себя думою. Такое обязательство могло быть исполнено, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ дальнѣйшія конфликтныя неожиданности могли быть на время устранены, только благодаря

тѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, которыя были предварительно приняты партіею народной свободы.

Уже 27 апрѣля, вечеромъ, состоялось частное совѣщаніе главныхъ руководителей партіи, на которомъ, въ числѣ прочихъ, рѣшенъ былъ и вопросъ объ адресѣ. Составленіе проекта адреса было поручено двумъ членамъ совѣщанія, каждому порознь. Совѣщаніе, разошедшееся только въ 2 часа ночи, возложило, однако, на авторовъ обязанность доставить свои проекты къ завтрашнему же дню по полудни, въ спеціально избранную комиссію, которая должна была остановить свой выборъ на одномъ изъ проектовъ. Къ слѣдующему дню, часамъ къ 2—3, проекты были доставлены, и комиссія остановилась на одномъ изъ нихъ—на томъ, который и прошелъ затѣмъ черезъ думу; изъ второго проекта былъ внесенъ только пунктъ, касающійся отвѣтственности министерства. Вечеромъ въ тотъ же или на слѣдующій день проектъ этотъ представленъ былъ на разсмотрѣніе той шестичленной смѣшанной комиссіи (Милюковъ, Кокшкинъ и я, Аладьинъ, Аникинъ и Жилкинъ), о которой я упомянулъ выше.

Я не собираюсь теперь излагать въ деталяхъ исторію отвѣтнаго адреса,—эту задачу исполню, вѣроятно, со временемъ,—но считаю необходимымъ, для выясненія отношеній обѣихъ парламентскихъ группъ въ первой думѣ, — той роли, которую каждая изъ нихъ играла въ самые крупные моменты жизни думы, и тѣхъ условій, которыя вызвали ихъ объединеніе и позднѣйшее разъединеніе, остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ въ исторіи отвѣтнаго адреса.

Засѣданіе шестичленной комиссіи, происходившее у меня на квартирѣ, началось съ чтенія изготовленнаго нами проекта. Выслушавъ проектъ, представители трудовой группы остались имъ въ общемъ удовлетворенными, никакого съ своей стороны контръ-проекта не представили, никакихъ общихъ замѣчаній и возраженій не сдѣлали и предложили перейти къ чтенію по пунктамъ. Аникинъ только, если не ошибаюсь, со свойственной ему простоватой манерою замѣтилъ, что вообще слишкомъ ужъ много тутъ условностей въ титулахъ и обращеніяхъ. Но никакихъ выводовъ изъ этого сдѣлано не было, и мы перешли «ко второму чтенію». Уже при первомъ чтеніи нами было указано, что пунктъ, касающійся аграрной и рабочей формы, нами не средактированъ окончательно, такъ какъ по этимъ пунктамъ, въ которыхъ можетъ оказаться программное расхожденіе, необходимо сговориться о какой-нибудь

общей формулѣ. Въ нашемъ проектѣ былъ потому оставленъ пробѣлъ послѣ словъ: «Трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы...»

Этотъ пробѣлъ и былъ заполненъ мною, подъ диктовку трудовиковъ, фразою: «если бы она не приняла немедленно самыхъ рѣшительныхъ мѣръ удовлетворенія этой насущной потребности».

Такимъ же образомъ и тутъ же была вписана редакція, касающаяся рабочаго вопроса. Послѣ общей фразы: «государственная дума признаетъ столь же неотложнымъ урегулированіе рабочаго вопроса» было вписано, какъ результатъ общаго обсужденія: «Потому государственная дума приступитъ къ выработкѣ законовъ объ улучшеніи условій наемнаго труда и вообще мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ рабочаго класса».

Въ такомъ видѣ проектъ отвѣтнаго адреса былъ отгектографированъ и утромъ 1-го мая розданъ членамъ думской комиссіи. Въ к.-д. фракціи проектъ адреса почти не обсуждался—для этого и времени не хватало,—онъ былъ въ ней одинъ разъ прочитанъ для свѣдѣнія членовъ фракціи, встрѣтилъ въ ихъ средѣ очень сочувственный пріемъ, но къ подробному обсужденію его фракція не приступала. Одно только фракціей было указано: что въ пунктѣ о земельной реформѣ долженъ быть опредѣленно выдвинутъ принципъ принудительнаго отчужденія.

Когда 1 мая открылось засѣданіе думской комиссіи, и былъ прочитанъ проектъ одобреннаго 6-членною комиссіею отвѣтнаго адреса, члены трудовой группы стали—нѣсколько неожиданно—дѣлать общія по всему проекту замѣчанія, то и дѣло обращаясь за справками къ какой то бумагѣ, переходившей у нихъ изъ рукъ въ руки. Такъ какъ замѣчанія, дѣлаемыя по такой системѣ, грозили затянуть пренія на очень продолжительное время, то предсѣдатель И. И. Петрункевичъ спросилъ, наконецъ, возражающихъ, нѣтъ ли у нихъ своего контръ-проекта. Члены трудовой группы посовѣщались и отвѣтили утвердительно, послѣ чего комиссія рѣшила, прежде всего, выслушать этотъ контръ-проектъ, чтобы рѣшить, какой изъ проектовъ принять за основаніе дальнѣйшаго обсужденія. Контръ-проектъ былъ прочитанъ, и комиссія тотчасъ же безъ преній, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ трудовиковъ (и то, кажется, не всѣхъ), рѣшила принять за основу нашъ проектъ; проектъ трудовиковъ, вопреки ожиданіямъ всѣхъ, знакомыхъ съ его происхожденіемъ, оказался

невѣроятно блѣденъ и тягучъ. Пошло затѣмъ обсужденіе по пунктамъ, и очередь дошла до аграрнаго вопроса. Когда была прочитана конечная фраза по аграрному вопросу о «рѣшительныхъ мѣрахъ удовлетворенія этой насущной потребности», членъ к.-д. партіи, костромской депутатъ Сафоновъ, съ горячностью заявилъ, что отвѣтный адресъ долженъ опредѣленно установить, какимъ путемъ предполагается удовлетворить земельную нужду крестьянъ, а именно, должно быть сдѣлано точно перечисленіе земель и провозглашенъ принципъ принудительнаго отчужденія. Сафонова поддержалъ другой костромской депутатъ Френкель, тоже представитель к.-д. партіи, а затѣмъ это предложеніе поддерживали и голосовали за него всѣ мы, члены к.-д. партіи, и представители трудовой группы. Пренія по этому вопросу, очень горячія и длинныя, велись между всѣми нами, съ одной стороны, и представителями союза 17 октября и нѣкоторыхъ національныхъ группъ, съ другой стороны. Въ результатѣ огромное большинство оказалось на нашей сторонѣ.

Въ области рабочаго вопроса общая мысль проекта о введеніи мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ рабочаго класса, замѣнена болѣе конкретными указаніями,—указанія эти введены по общему согласію, насколько помнится, безъ возраженій съ чьей либо стороны.

Таковъ былъ ходъ занятій въ адресной комиссіи. Я описалъ занятія комиссіи въ интересовавшей меня части съ большою подробностью для того, чтобы сопоставить приведенные мною факты съ тѣмъ, что о нихъ пишетъ,—а главное, что писалъ о нихъ въ своихъ корреспонденціяхъ тогда же, лѣтописецъ и въ нѣкоторомъ родѣ идеологъ трудовой группы, проф. Локоть. Я оставляю въ сторонѣ общія замѣчанія проф. Локотя о томъ, что «тонъ адреса далеко не категорическій, далеко не рѣшительный, далеко не прямой, и въ этомъ отношеніи уже въ самой комиссіи *даже среди самихъ к.-д.* (курсивъ мой) далеко не встрѣтилъ полнаго сочувствія» (!), и перехожу къ спеціальному вопросу, относительно котораго столько потомъ неискоренимой лжи распространилось въ обществѣ. Проф. Локоть зналъ о томъ, что проектъ прошелъ черезъ 6-членную комиссію,—онъ, можетъ быть, не зналъ, что аграрный пунктъ проекта былъ составленъ при участіи и съ согласія делегатовъ трудовой группы; но онъ самъ былъ членомъ адресной комиссіи, присутствовалъ при томъ, какъ предложеніе о включеніи въ адресъ всей включенной въ него аграрной программы было сдѣлано членами нашей партіи Сафоновымъ и Френкелемъ. И, тѣмъ не менѣе, проф. Локоть излагаетъ

буквально слѣдующее [1]): «Проектъ адреса исходитъ изъ группы к.-д. «Въ первоначальномъ проектѣ адреса, внесенномъ въ комиссію, экономическія пожеланія были выражены въ такой чрезвычайно типичной для к.-д. бюрократически-скромной формѣ: «Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не приняла немедленно самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ удовлетворенію этой (земельной) насущной потребности. Государственная дума признаетъ столь же неотложнымъ урегулированіе рабочаго вопроса. Потому государственная дума приступитъ къ выработкѣ закона объ улучшеніи условій наемнаго труда и вообще мѣръ, направленныхъ къ огражденію рабочаго класса». И только. Первоначальный проектъ адреса хотѣлъ уклониться отъ какихъ бы то ни было болѣе опредѣленныхъ указаній на разрѣшеніе столь волнующаго народъ вопроса. *Только воздѣйствіе представителей трудовой группы въ комиссіи заставило сдѣлать тѣ болѣе опредѣленныя дополненія по земельному и рабочему вопросу, какія мы находимъ въ проектѣ, поступившемъ на разсмотрѣніе думы».*

Эта легенда о воздѣйствіи представителей трудовой группы стала затѣмъ появляться на страницахъ нашей столичной повременной печати и, къ большому удивленію нашему, не нашлось ни одного представителя трудовой группы, участвовавшаго въ комиссіи, который бы ее опровергъ. Мало того: если вѣрить сообщенію «Нашей Жизни», ближе всего стоявшей тогда къ трудовой группѣ, членъ г. думы Аникинъ, бывшій членомъ адресной комиссіи, въ засѣданіи трудовой группы 2 мая, «познакомилъ группу съ той борьбою (sic), какую пришлось вести членамъ трудовой группы съ к.-д. въ комиссіи 33-хъ», причемъ указалъ, что «представителямъ группы удалось внести въ «кадетскомъ» проектѣ нѣсколько существенныхъ дополненій, *въ томъ числѣ о необходимости принудительнаго отчужденія земли*» («Наша Жизнь», № 435, отъ 3 мая).

И въ томъ же № въ отдѣлѣ «Государственная дума» хроникеръ газеты излагаетъ: «Представители трудовой группы въ комиссіи 33-хъ внесли въ этотъ проектъ (проектъ партіи к.-д.) *весьма существенныя измѣненія*: вмѣсто общаго указанія на необходимость удовлетворенія острой земельной нужды, введено опредѣленное заявленіе объ отчужденіи казенной и частно-владѣльческой земли». А черезъ 4 дня въ той же газетѣ появляется уже передовая статья, начало которой гласитъ: «*При всемъ желаніи думскихъ руководителей* избѣгать въ

---

[1]) Первая дума, стр. 163—165.

отвѣтѣ на тронную рѣчь особенно острыхъ вопросовъ, чтобы на немъ объединить всѣхъ членовъ государственной думы,—въ отвѣтный адресъ *все же пришлось* ввести пунктъ о принудительномъ отчужденіи частно-владѣльческихъ земель. *Это сдѣлано по настоянію трудовой думской партіи*, т. е. меньшинства, но это знаменательно. Члены господствующей въ думѣ партіи не могли не понимать, что, поскольку вопросъ о принудительномъ отчужденіи исходитъ отъ лѣвой группы въ государственной думѣ, подъ нимъ подразумѣвается крупное пожертвованіе классовыми интересами большого числа членовъ к.-д. партіи, преимущественное благосостояніе которыхъ тѣсно связано съ значительной земельной собственностью» (курсивъ мой) («Наша Жизнь» № 439).

Изъ этой легенды стали дѣлать затѣмъ широкое употребленіе, она стала классическимъ доказательствомъ «дифференціаціи», идея о которой столь усердно внѣдрялась въ трудовиковъ извнѣ,—и именно въ этомъ смыслѣ она представляетъ для насъ и для всей дальнѣйшей думской дѣятельности главный интересъ. Не создавъ ни опредѣленной тактики, ни опредѣленной программы, практически вынужденные потому слѣдовать за нами, руководители трудовой группы были однако все время преисполнены страстью отмежевываться справа. Они бы не прочь были, чтобы сами кадеты ради этого стали нѣсколько правѣе; они потому съ горечью констатируютъ, что «и сами кадеты не были въ думѣ «настоящими» кадетами: они были въ думѣ значительно болѣе лѣвыми, чѣмъ они должны были бы быть (sic!) по своему существу!» (Локоть, стр. 116).

Исторія съ отвѣтнымъ адресомъ является въ этомъ смыслѣ—въ смыслѣ уясненія дальнѣйшихъ отношеній нашихъ съ трудовиками—чрезвычайно характерною: здѣсь впервые сдѣлана была попытка, и притомъ съ явнымъ насиліемъ надъ истиною, за какую бы то ни было цѣну выдвинуть свою «особенность» и оттолкнуть кадетовъ вправо, объявивъ ихъ измѣнниками въ области волнующихъ народъ вопросовъ. И характерно то, что когда этотъ походъ на почвѣ аграрнаго пункта разразился въ печати, и когда нѣкоторые члены адресной комиссіи напечатали въ газетахъ, въ томъ числѣ въ самой же «Нашей Жизни» (№ 440 отъ 9 мая), письмо съ опроверженіемъ,—съ указаніемъ на то, что предложеніе внесено было въ комиссіи не трудовиками, а нами,—то на это письмо, правда, фактическихъ возраженій ни съ чьей стороны не послѣдовало, но никто изъ трудовиковъ и ни одинъ изъ органовъ, имъ сочувствовавшихъ и эксплоатировавшихъ этотъ инцидентъ противъ насъ,

не счелъ нужнымъ публично отречься отъ своихъ выводовъ, а проф. Локоть, печатая *спустя полгода* свою книгу, счелъ возможнымъ во всей цѣлости и неприкосновенности возобновить легенду о «воздѣйствіи трудовой группы по волнующему народъ вопросу».

Все это, конечно, не «конфликтъ» и даже непосредственнаго отношенія къ устраненію конфликтовъ, какъ будто, не имѣетъ. Но оно имѣетъ весьма непосредственное отношеніе къ условіямъ, при которыхъ приходилось въ дальнѣйшемъ улаживать конфликты, оно имѣетъ особенно близкое—я бы сказалъ: почти родственное отношеніе къ тому послѣднему конфликту, который, увы, устранить уже не удалось.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ адресѣ, необходимо упомянуть, что дѣйствительно одно дополненіе къ нашему проекту было сдѣлано трудовою группою. Депутатъ Бондаревъ предложилъ включить въ адресъ указаніе, что государственная дума позаботится и о народномъ просвѣщеніи. Противъ *этого* продложенія мы дѣйствительно возражали: мы находили, что оно не подходитъ не только къ общему тону адреса, но—что главное—къ тону, въ которомъ должна держаться, по нашимъ предположеніямъ, дѣятельность думы. Эта дѣятельность должна быть по преимуществу учредительная; она должна обезпечить свободы, гражданское равенство, дать избирательный законъ и положить основы двухъ главныхъ соціальныхъ реформъ: аграрной и рабочей. Мы доказывали, что предложеніе Бондарева нарушаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ лозунгъ оппозиціи, исповѣдуемый особенно ортодоксально людьми, лѣвѣе насъ стоящими: лозунгъ воздержанія отъ, такъ наз., органической работы. Наконецъ, мы указывали, что *эта* тема будетъ съ восторгомъ принята правительствомъ, которое подскажетъ еще много однородныхъ, политически безобидныхъ темъ для «дружной» работы съ народнымъ представительствомъ. Наши доводы не подѣйствовали, а предложеніе Бондарева было весьма горячо поддержано гр. Гейденомъ и вообще правою частью комиссіи (въ думѣ она была поддержана октябристомъ Скворцовымъ—см. стеногр. отч., стр. 133), и соединенными голосами трудовиковъ и правой предложеніе прошло противъ насъ. Но объ *этомъ* дополненіи, и вообще, обо всемъ этомъ инцидентѣ ни въ одномъ отчетѣ о роли трудовой группы въ комиссіи, ни въ одной газетѣ и ни на одномъ митингѣ не упоминалось.

Наконецъ, нелишне установить и отношеніе къ адресу депутатовъ соціалъ-демократовъ, образовавшихъ позднѣе соціалъ-демократическую фракцію. Извѣстно, что соціалъ-демократическая литера-

тура ставитъ въ большую заслугу рабочимъ депутатамъ первой думы воздержаніе отъ голосованія отвѣтнаго адреса и, вообще, отрицательное отношеніе къ этому акту «кадетской измѣны». Но и это воздержаніе, и отрицательное отношеніе тоже не болѣе какъ легенда.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что въ составъ адресной комиссіи входилъ соціалъ-демократъ Ершовъ, который, насколько помнится, никакихъ возраженій противъ отвѣтнаго адреса въ комиссіи не дѣлалъ; что въ обсужденіи адреса думою участвовали депутаты Ершовъ и Михайличенко (стен. отч., стр. 101 и 104), изъ которыхъ первый защищалъ адресъ отъ нападокъ способнаго по вопросу о смертной казни и о стачкахъ, а второй заявилъ, что «относительно адреса на тронную рѣчь... ничего съ нашей стороны какъ мои товарищи рабочіе, такъ и мы ничего не скажемъ, *никакого протеста не выразимъ*... Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ отвѣтѣ на тронную рѣчь *не нужно ничего ни вычеркивать, ни добавлять*, но только необходимо упомянуть о рабочемъ вопросѣ». Адресъ затѣмъ былъ принятъ въ первомъ чтеніи 3 мая, какъ свидѣтельствуетъ стен. отчетъ, *единогласно*. Затѣмъ въ обсужденіи адреса по частямъ участвовали соціалъ-демократическіе депутаты; между прочимъ, спеціально по вопросу о государственномъ совѣтѣ говорили *три с.-д.* депутата—Савельевъ (стр. 177), Чурюковъ (стр. 178) и Ильинъ [1]) (стр. 181); всѣ они высказывались противъ второй палаты, а, слѣдовательно, и противъ государственнаго совѣта, а депутатъ Ильинъ съ размаху закончилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ «протестуетъ даже *не только противъ государственнаго совѣта, но противъ всего этого адреса*» (стр. 181). Но затѣмъ въ томъ же засѣданіи депутатъ Михайличенко принялъ участіе и въ дальнѣйшемъ обсужданіи адреса и именно просилъ: въ адресѣ «не углубляться въ рабочій вопросъ; ибо придетъ время, и мы представимъ рабочую программу... *Здѣсь начинаютъ разъяснять, какъ будто мы издаемъ законъ, мы же здѣсь вырабатываемъ только отвѣтъ*“ (стр. 214, 215). Слѣдовало голосованіе адреса во второмъ и въ третьемъ чтеніяхъ, и въ обоихъ случаяхъ *соціалъ-демокра-*

[1]) Въ думѣ были три депутата-однофамильца: В. А. Ильинъ (херсонской губ.), Т. И. Ильинъ (псковской губ.) и Я. В. Ильинъ (московской губ.). Въ соціалъ-демократическую фракцію вошелъ В. А. Ильинъ, депутатъ херсонской губ. (Б-въ и Данъ. Рабочіе депутаты, стр. 78 и 87); по стенограф. же отчетамъ значится, что по поводу адреса высказывался „*Т. Ильинъ (псковская губ.)*“. Въ виду несомнѣнной освѣдомленности въ этомъ вопросѣ составителей брошюры о „Рабочихъ депутатахъ“ приходится предполагать, что въ стенографическомъ отчетѣ ошибка, которую трудно, впрочемъ, теперь уже провѣрить.

тическіе депутаты голосовали за принятіе адреса. Голосованіе производилось посредствомъ вставанія: соціалъ-демократы сидѣли, и *никакого заявленія о томъ, что воздерживаются отъ голосованія не сдѣлали* (стен. отч., стр. 243).

При наличности такихъ фактовъ соціалъ-демократическая брошюра о первой государственной думѣ гг. Б-ва и Дана. («Рабочіе депутаты въ первой государственной думѣ») даетъ слѣдующее изображеніе отношенія соціалъ-демократовъ къ презрѣнному адресу, за который полагается распекать кадетовъ, обвинять ихъ въ измѣнѣ и проч. По началу с.-д. депутаты слѣдовали, де, за трудовою группою, но затѣмъ оказалось, что, не взирая на увѣренія Жилкина, будто и у трудовиковъ «рѣчь идетъ не о просьбѣ, а о требованіи»— общій тонъ трудовиковъ все же остался жалостливымъ (стр. 67); [1]); вмѣсто того, чтобы выразить, что ближайшія нужды рабочаго могутъ быть удовлетворены только установленіемъ 8-часоваго рабочаго дня, трудовая группа безъ оговорокъ голосовала за проектъ, который «трусливою рукою начерталъ «неотложное удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса». Такое очень далекое отъ самостоятельности поведеніе трудовой группы должно было заставить рабочихъ депутатовъ занять особую позицію». Дальнѣйшая поддержка трудовой группы была для нихъ невозможна, и вотъ депутатъ Ильинъ выступилъ съ заявленіемъ, что онъ протестуетъ противъ государственнаго совѣта и противъ всего адреса, а затѣмъ—какъ говоритъ г. г. Б-овъ и Данъ—«при голосованіи отвѣтнаго адреса рабочіе депутаты *отказались отъ голосованія*». Что даетъ г. г. Б-ву и Дану право заявлять, что депутаты отказались отъ голосованія, не беремся судить. Въ стенографическихъ отчетахъ, какъ указано слѣда этого отказа нѣтъ, а я могу засвидѣтельствовать, какъ участвовавшій въ голосованіяхъ, что такого заявленія объ отказѣ и сдѣлано не было. Г. г. Б-ву и Дану должно вѣдь быть ясно, что дѣло не въ томъ, вышли ли или не вышли соціалъ-демократы изъ залы въ компаніи съ 11 октябристами,—чего соціалъ-демократамъ, какъ объясняетъ г. Данъ, не хотѣлось,—а въ томъ, заявили ли они объ отказѣ отъ голосованія или нѣтъ, ибо г. Дану не можетъ не быть извѣстно, что отказъ отъ голосованія совершается не только

---

[1]) Нелишне замѣтить, что единственное предложеніе о томъ, чтобы послать Государю телеграмму и „*просить*“ объ освобожденіи заключенныхъ, исходило *отъ рабочаго депутата* Чурюкова (стр. 34), а *рабочій депутатъ* Савельевъ заявилъ, что ему въ сущности безразлично, будетъ ли дума требовать, заявлять или просить объ амнистіи (стр. 36).

путемъ выхода изъ залы, но и путемъ простого заявленія. И если при голосованіи посредствомъ вставанія и сидѣнія депутатъ остается сидѣть, ничего на заявляя, то онъ въ голосованіи участвуетъ.

Едва ли кто-либо будетъ сомнѣваться въ томъ, что такого политическато акта нельзя измѣнять или отмѣнять посредствомъ позднѣйшихъ писемъ въ газеты съ просьбою «исправить неточность сообщенія», которое однако было совершенно точно. Между тѣмъ оказывается, что въ № 6 «Невской Газеты» появилось письмо за подписью, между прочимъ, и депутата Михайличенко и деп. Савельева съ такою, именно, просьбою объ «исправленіи неточности»: въ газетахъ «Наша Жизнь» и «Слово» сообщалось-де, что адресъ принятъ единогласно, и что рабочая группа голосовала за адресъ. Авторы письма заявляютъ, что это невѣрно, ибо «мы, члены рабочей группы, согласно нашему заявленію (какому?), отъ участія въ голосованіи воздержались и не хотѣли только устроить демонстрацію, чтобы не смѣшиваться съ группою гр. Гейдена».

Я остановился нѣсколько подробнѣе на этомъ инцидентѣ, ибо, при всей своей кажущейся ничтожности, онъ крайне характеренъ для дальнѣйшаго развитія отношеній внутри и внѣ думы и для возсозданія атмосферы, въ которой возникали и должны были улаживаться думскіе конфликты. Отвѣтный адресъ послужилъ сигналомъ для начала той травли нашей партіи, которая затѣмъ продолжалась непрерывно до роспуска думы, которая сыграла, на мой взглядъ, рѣшающую роль и въ судьбѣ думы и которая смѣнилась диѳирамбами въ честь партіи и всей ея думской дѣятельности— только въ Выборгѣ, на послѣднемъ засѣданіи всѣхъ партійныхъ комитетовъ. Въ этой травлѣ приняли участіе съ теченіемъ времени, какъ то увидимъ дальше, не только с.-д. и с.-р., но и всѣ безпартійные лѣвые, и особенно безпартійная лѣвая печать. Но по началу застрѣльщиками выступили соціалъ-демократы; на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ отвѣтный адресъ провозглашался измѣною со стороны кадетовъ, причемъ настроеніе собраній поднималось до такой температуры, что В. А. Мякотинъ видѣлъ себя вынужденнымъ защищать кадетовъ, а собраніе отвѣчало ему, Мякотину, на это свистомъ (см. «Наша Жизнь» № 442, «Рѣчь» № 70). И вотъ на предметъ расчистки себѣ дороги къ сей основной цѣли создается такая экспозиція: 1) участіе рабочихъ депутатовъ и въ комиссіи, и въ обсужденіи адреса, ихъ дѣловыя, совершенно естественныя, не-

принужденныя заявленія замалчиваются; 2) совершенно разумное, трезвое заявленіе рабочаго депутата о томъ, что въ адресъ незачѣмъ включать подробную рабочую программу, замалчивается; 3) случайной фразѣ Ильина, который при обсужденіи вопроса о государственномъ совѣтѣ заявляетъ, что протестуетъ противъ государственнаго совѣта «и противъ всего этого адреса», приписывается значеніе заявленія партіи объ отказѣ въ обсужденіи, причемъ оставляется безъ вниманія, что партія въ лицѣ 3 депутатовъ (Савельева, Чурюкова и Михайличенко) и до, и послѣ этого въ обсужденіи адреса участвуетъ; наконецъ, 4) вопреки истинѣ сообщается, будто рабочіе депутаты отказались отъ участія въ голосованіи, для чего пишется письмо въ редакцію «Невской жизни», причемъ и тутъ оставляется безъ вниманія то элементарное соображеніе, что если бы, въ самомъ дѣлѣ, депутаты не пожелали оказаться въ компаніи 11 октябристовъ, то это нежеланіе и было бы равносильно желанію голосовать *за* адресъ, ибо вѣдь вся зазорность нахожденія въ «компаніи 11 октябристовъ» могла состоять только въ зазорности совершенія общаго съ ними политическаго акта, а не физическаго дѣйствія—ухода.

Какъ бы то ни было, но участіе соціалъ-демократическихъ депутатовъ и въ обсужденіи, и въ голосованіи отвѣтнаго адреса было такимъ образомъ своевременно стерто изъ памяти поколѣній,—людямъ, занятымъ повседневною и неустанною борьбою въ думѣ, некогда было заниматься возстановленіемъ истины,—и путь для нападеній былъ расчищенъ.

Такъ начинали слагаться отношенія въ думѣ уже на второй недѣлѣ ея существованія. Внѣшнія давленія на оппозиціонныя думскія группы, на соціалъ-демократовъ и на трудовиковъ,—въ особенности на послѣднихъ,—давленія, исходящія какъ отъ безпартійныхъ, объединенныхъ только отрицательнымъ отношеніемъ къ партіи народной свободы, такъ и особенно отъ партійныхъ группъ, бойкотировавшихъ думу и, тѣмъ не менѣе, пожелавшихъ затѣмъ проявить свое въ ней вліяніе,—всѣ эти давленія были направлены исключительно въ одну сторону, въ сторону возможно рѣзкой изоляціи попавшихъ въ думу оппозиціонныхъ, не строго партійныхъ, элементовъ отъ партіи народной свободы. Ради этой изоляціи подчеркивалась всякая мелочная неправильность въ поведеніи господствующей партіи, создавались комбинаціи фактовъ несуществующихъ. Въ такихъ условіяхъ партіи народной свободы приходилось вести борьбу съ назрѣвавшими изо дня въ день конфликтами съ правительствомъ. Для этой борьбы партіи необходимо было обладать боль-

шинствомъ; но абсолютнаго большинства у нея не было. По существу ея естественнымъ союзникомъ могла и должна была быть трудовая группа; но все сгущающаяся кругомъ партіи атмосфера недовѣрія со стороны руководящихъ трудовиками внѣ думы группъ заставляла партію при каждомъ, даже съ виду незначительномъ, шагѣ считаться со всевозможными случайностями, съ рискомъ оказаться неестественно изолированной передъ лицомъ правительства. При такихъ условіяхъ всякое—хотя бы и самое незначительное—враждебное движеніе со стороны правительства (а ими полна была вся жизнь первой думы), движеніе, которое при разумныхъ взаимныхъ отношеніяхъ внутри думы,—скажу больше: при наличности хотя бы рѣзко противоположныхъ, но опредѣленныхъ, не поддающихся случайнымъ давленіямъ извнѣ, политическихъ партій—могло бы быть устранено самымъ легкимъ парламентскимъ маневромъ, при данной обстановкѣ становилось грознымъ конфликтнымъ вопросомъ. И такіе вопросы, нынѣ на разстояніи уже почти незамѣтные, выростали ежедневно, ежечасно.

Чтобы покончить съ изображеніемъ этого настроенія въ дни, слѣдующіе за принятіемъ адреса, приведу еще только 2—3 факта. Я не хочу останавливаться на томъ весьма характерномъ, хотя и мелкомъ обстоятельствѣ, что еще 29 апрѣля, т. е. на третій день послѣ открытія думы и на 2-й день ея дѣятельности, было организовано въ Петербургѣ собраніе союза профессіональныхъ организацій, на которомъ докладчикъ В. В. Водовозовъ уже «выразилъ государственной думѣ упрекъ за то, что она въ теченіе трехъ дней не могла добиться амнистіи и не проявила достаточно активности» (см. газ. «Рѣчь» отъ 30 апрѣля, Хроника), и перехожу непосредственно къ тому, что имѣло мѣсто послѣ принятія отвѣтнаго адреса.

Къ обвиненіямъ въ томъ, что партія желала скрыть «принудительное отчужденіе» и что оно было спасено трудовою группою, присоединилось въ этой стадіи обвиненіе, что партія пожелала скрыть прямое, равное и тайное избирательное право безъ различія пола. Два слова о томъ, какъ обстояло дѣло съ этимъ «сокрытіемъ». За три дня до открытія думы партія приняла на съѣздѣ, въ которомъ участвовали всѣ депутаты, резолюцію, которая гласила, въ первомъ же пунктѣ, что «цѣлью дѣятельности партіи *въ ближайшей сессіи думы* является... введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола какъ въ народномъ представительствѣ, такъ и въ мѣстномъ самоуправленіи; при обсужденіи отвѣтнаго адреса въ думѣ депутатъ Набоковъ *отъ имени партіи*

заявилъ, что такой именно законъ вносится партіей въ ближайшемъ будущемъ въ думу; проектъ этого закона былъ изложенъ 7 мая на страницахъ той же «Нашей Жизни», въ которой изо дня въ день печатались отчеты о собраніяхъ, объявляющихъ кадетовъ измѣнниками народному дѣлу. Наконецъ, въ самой думѣ весь вопросъ о семичленной формулѣ—вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выразить требованіе общѣе и такимъ образомъ не только ускорить самое принятіе адреса, вмѣстѣ съ амнистіей, но и придать адресу характеръ единодушнаго выраженія народныхъ чаяній, или же слѣдуетъ, наоборотъ, пользуясь обезпеченнымъ большинствомъ, провести въ адресѣ всю полноту программныхъ требованій, въ томъ числѣ и требованія неодинаковой для общества безспорности, — весь этотъ вопросъ, повторяю, въ думѣ никакого партійнаго характера не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите въ стеногр. отч. (стр. 145) рѣчь Френкеля и вы убѣдитесь, что и въ комиссіи 33-хъ предложеніе о сокращеніи формулы не исходило отъ партіи, что, наоборотъ, Френкель, членъ партіи нар. свободы, не только отстаивалъ, но и *самъ возбудилъ* въ комиссіи вопросъ о раскрытіи формулы. Читайте дальнѣйшія пренія въ думѣ по стеногр. отчетамъ и вы убѣдитесь, что и ораторы партіи народной свободы, говорившіе объ этомъ вопросѣ (Ломшаковъ, стр. 145, Миклашевскій, стр. 148), высказывались за раскрытіе формулы, а, съ другой стороны, изъ числа трудовиковъ самые авторитетные—Жилкинъ, Аладьинъ, Локоть—высказывались за оставленіе формулы въ общемъ видѣ. Такъ происходило и голосованіе; оно не имѣло у насъ партійнаго характера; и именно потому не имѣло такого характера, что мы ни на минуту не связывали его въ какомъ бы то ни было отношеніи съ измѣненіемъ программы.

Не безынтересно, можетъ быть, добавить, что въ первоначальномъ проектѣ адреса (въ черновикѣ, который лежитъ у меня предъ глазами) были слова: «съ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ»; къ сожалѣнію, не припомню, въ какой стадіи—въ 6-ти членной ли комиссіи или позднѣе—они были вычеркнуты; чисто тактическій характеръ вопроса былъ для всѣхъ въ такой степени ясенъ, что онъ въ первоначальной стадіи, до 33-хъ-членной комиссіи включительно, особенныхъ споровъ не возбуждалъ, и потому слѣдовъ въ памяти не оставилъ.

Наконецъ, характерно и то, что, поскольку дѣло касается уравненія женщинъ, національностей и вѣроисповѣданій, то уравненіе вѣдь установлено адресомъ въ другомъ мѣстѣ; слѣдовательно, дѣло

касается только вопроса о прямомъ голосованіи. И неужели у какого бы то ни было здравомыслящаго человѣка могло зародиться сомнѣніе, что партія, которая съ перваго же момента своего возникновенія стояла за прямое избирательное право, никогда отъ него не отступалась, никогда не предоставляла своимъ членамъ и свободы мнѣнія въ этомъ пунктѣ и упорно на этомъ именно пунктѣ—на пунктѣ о свободѣ мнѣнія—отмежевывалась отъ сосѣднихъ партій, даже отъ партіи демократическихъ реформъ,—что партія, именно, на вопросѣ о прямомъ голосованіи измѣнила народному дѣлу? Очевидно, такая мысль въ серьезъ никому и въ голову придти не могла. А между тѣмъ...

Уже 5 мая происходитъ въ Соляномъ Городкѣ женскій митингъ, на которомъ выступавшіе ораторы отъ лѣвыхъ партій «рѣзко отрицательно относились къ думѣ», упрекая ее въ томъ, что она въ отвѣтъ на тронную рѣчь не подчеркнула семичленной формулы. Г. Невѣдомскій... указалъ на то, что только крестьянинъ-депутатъ Семеновъ и рабочій-депутатъ Михайличенко говорили въ думѣ о семичленной формулѣ. Онъ предложилъ послать этимъ депутатамъ привѣтственную телеграмму («Рѣчь» № 67).

6-го мая происходитъ въ домѣ трудолюбія многолюдный митингъ, устроенный «группою прогрессивныхъ избирателей» (безпартійные лѣвые, остатокъ отъ союза союзовъ). На митингѣ указывалось, что партія к.-д., какъ доминирующая въ думѣ, измѣнила данному ею обѣщанію и въ отвѣтный адресъ не внесла требованія равной, прямой и тайной подачи голосовъ безъ различія пола и вѣроисповѣданія... В. В. Водовозовъ, относясь крайне отрицательно къ поступку думы, выразившемуся въ указанномъ предыдущимъ ораторомъ фактѣ, считая это «излишнимъ политиканствомъ и *угодничествомъ* (курсивъ мой) передъ правыми партіями въ думѣ и странѣ», не находилъ только достаточныхъ основаній къ обвиненію думы вообще и, въ частности, к.-д. въ «измѣнѣ». Слѣдующіе ораторы, Сергѣевъ и др., доказывали наличность «измѣны кадетовъ въ думѣ, подтверждая это цѣлымъ рядомъ (!) фактовъ». И въ заключеніе собраніе *единогласно* приняло резолюцію: «Собраніе протестуетъ противъ того, что партія к.-д. выкинула изъ отвѣтнаго адреса основныя народныя требованія: равное, прямое, тайное, безъ различія пола и національности...; собраніе видитъ въ этомъ *измѣну* выставленнымъ предъ избраніемъ обѣщаніямъ» («Наша Жизнь» № 440).

7 мая происходило въ Соляномъ Городкѣ подъ предсѣдатель-

ствомъ Л. И. Лутугина собраніе «Союза Инженеровъ», отчетъ о которомъ въ «Нашей Жизни» изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Присутствовало свыше 3000 человѣкъ. И. В. Сергѣевъ прочелъ очень интересный докладъ на тему: «Русскій либерализмъ и его тактика». Г. Колюбакинъ возражалъ первымъ. Но едва только онъ назвалъ себя членомъ партіи народной свободы, какъ отовсюду раздались свистки. Дико было такое поведеніе со стороны публики, лѣвѣе кадетовъ... Кромѣ цѣлаго ряда ораторовъ, выступили ораторами члены думы. Депутату Михайличенко были устроены шумныя овацiи. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, раздались долго несмолкавшіе аплодисменты, шапки полетѣли въ воздухъ». Въ заключеніе единогласно принята резолюція: «Собраніе протестуетъ противъ того, что партія народной свободы выкинула изъ отвѣтнаго адреса основное народное требованіе—требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, отстаивать которое партія народной свободы обѣщалась передъ избирателями» («Наша Жизнь» № 441).

А 9 мая происходило уже нѣчто совершенно невообразимое. Въ домѣ гр. Паниной происходилъ митингъ на 5.000 человѣкъ. За истекшіе дни агитація противъ думы и противъ господствующей въ ней партіи приняла такіе размѣры, что напугала самихъ тѣхъ, которые только за два дня до того руководили собраніями и участвовали въ единогласномъ вотированіи резолюцій, провозглашающихъ измѣну господствующей въ думѣ партіи. На митингѣ въ домѣ гр. Паниной Водовозовъ догадался, наконецъ, заявить, что «нападки, дѣлаемые въ послѣднее время на думу, играютъ въ руку правительству, которое давно уже жаждетъ раздора въ самой думѣ, дабы, воспользовавшись имъ, разогнать ее» (эта истина была позднѣе вторично забыта). На защиту думы и кадетовъ сталъ даже и Мякотинъ. Было однако уже поздно: посѣвъ всходилъ очень быстро. Даже Мякотинъ былъ освистанъ. Ораторъ с.-д. Алексѣевъ «увѣрялъ, что к.-д. рекомендуютъ усмирять аграрные безпорядки разумно руководимыми войсками; онъ выразилъ также твердую увѣренность видѣть трогательный союзъ крупнаго бюрократа д. т. с. Фриша и Петрункевича»; а слѣдующій ораторъ Карповъ заявилъ, что партія народной свободы «отвѣчаетъ на пощечины бюрократіи молчаніемъ» и «*на дискредитированіе этой партіи должны быть направлены всѣ усилія*». Когда же выступилъ членъ думы Огородниковъ (к.-д.), то рѣчь его много разъ прерывалась шумомъ, свистками и криками: «это неправда». Затѣмъ послѣдовала рѣчь

члена думы Сѣдельникова (трудовика), «полная нападокъ по адресу партіи народной свободы», и, наконецъ, членъ думы Савельевъ (с.-д.) присоединился къ словамъ предыдущаго оратора. Въ заключеніе принята была резолюція, въ коей «собраніе заявляетъ, что партія народной свободы выражаетъ лишь робко и неполно народныя требованія, не выполняетъ своего обѣщанія объявить созывъ всенароднаго учредительнаго собранія (?). Мы предостерегаемъ народъ отъ этой партіи, которая колеблется между народной свободою и угнетающею народъ старой самодержавной властью» («Наша Жизнь», № 442, Рѣчь, № 70). И когда, затѣмъ, 11 мая въ засѣданіи соціально-политическаго клуба была предложена резолюція, внушенная, повидимому, тѣми же мыслями, которыя были высказаны на митингѣ Водовозовымъ, и требовавшая, чтобы соціально-политическій клубъ «отнесся съ рѣшительнымъ осужденіемъ какъ къ тому поведенію участниковъ митинговъ, которые *свистомъ и шумомъ не даютъ слова ораторамъ партіи к.-д.*, такъ и къ статьямъ газеты «Рѣчь» (нѣчто вродѣ осужденія вправо и влѣво), то резолюція эта была громаднымъ большинствомъ отвергнута», и возражавшій особенно рѣзко противъ резолюціи Лутугинъ заявилъ, что резолюція хотѣла «механически прекратить тотъ сильный потокъ живой энергіи, который проявляютъ крайнія партіи. Если гг. кадеты считаютъ, что сыплющіяся на нихъ обвиненія неправильны, они должны выступать на митингахъ и возражать»... (Это говорилось въ отвѣтъ на указаніе, что свистомъ и шумомъ не даютъ говорить—надо полагать являющимся!—ораторамъ к.-д.).

IV.

Въ такой то атмосферѣ разыгрались конфликты, слѣдовавшіе за принятіемъ адреса. Одинъ изъ нихъ связанъ былъ съ самимъ адресомъ и долженъ былъ разыграться въ слѣдующемъ же послѣ принятія адреса засѣданіи, 8 мая; намекъ на него имѣется уже въ рѣчахъ на Панинскомъ митингѣ: «на пощечину к.-д. отвѣчаютъ молчаніемъ». Пощечина—это отказъ въ принятіи депутаціи съ отвѣтнымъ адресомъ. Какъ слѣдовало, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, реагировать на такую пощечину изъ области придворнаго этикета, въ сущности, неизвѣстно. Но манера, съ которой трактуется отношеніе думы и партіи к.-д. къ этой «пощечинѣ», доказываетъ, въ какой мѣрѣ каждый мелочный вопросъ могъ стать конфликтнымъ,—въ зависимости отъ того, подъ какимъ вліяніемъ

окажутся въ тотъ или иной день безформенные союзники наши по думѣ.

Самой мысли о доставленіи адреса именно черезъ депутацію мы не приписывали особеннаго значенія. Мы остановились на ней, помнится, второпяхъ, въ тотъ часовой перерывъ въ ночь съ 4 на 5 мая, когда формально засѣданіе 4 мая—для второго чтенія адреса—считалось закрытымъ, а слѣдующее, для третьяго чтенія, было назначено черезъ часъ, 5 мая въ $2^1/_2$ ч. по полуночи. Въ теченіе этого часа, мы, изможденные отъ усталости и голода (мы сидѣли безъ обѣденнаго перерыва), должны были проредактировать окончательно весь адресъ въ комиссіи 33-хъ. Фактически дѣло свелось, конечно, къ работѣ нѣсколькихъ лицъ, ибо большинство—въ томъ числѣ, помню, особенно рѣзко Кузьминъ-Караваевъ—объявили себя окончательно неспособными что либо понимать,—особенно когда пришлось вколачивать въ адресъ крайне тяжеловѣсную и какъ то нигдѣ въ адресѣ не приходившуюся къ мѣсту поправку Ковалевскаго о бюджетныхъ правахъ второй палаты. И вотъ, когда этотъ трудъ былъ законченъ, пришлось наскоро, съ Муромцевымъ да еще съ нѣсколькими опытными парламентаріями, выбрать одинъ изъ возможныхъ способовъ врученія адреса. Безъ особенныхъ колебаній рѣшено было остановиться на посылкѣ депутаціи, и дума одобрила этотъ способъ, тоже безъ преній и безъ особыхъ подчеркиваній.

У меня лично осталось убѣжденіе—и для этого имѣются объективныя данныя, — что отказъ въ пріемѣ депутаціи не былъ только вопросомъ придворнаго этикета въ чистомъ видѣ. Правительство не было связано никакими прецедентами и могло депутацію принять. Насъ хотѣли несомнѣнно укольнуть, остановить въ нашемъ державномъ шествіи—этою мизерною придворно-этикетною шпилькою. Самый способъ, которымъ доведено было до свѣдѣнія думы объ ожидающемъ ее, послѣ трехъ дней нетерпѣнія, разочарованіи, былъ тоже заправленъ ядомъ. Предсѣдатель думы, обращавшійся къ Государю, получилъ отвѣтъ *отъ предсѣдателя совѣта министровъ*: воздвигалось новое, не предусмотрѣнное никакими законами средостѣніе. И сознаюсь: насъ, когда мы узнали о полученномъ отвѣтѣ, эта сторона дѣла смущала больше, чѣмъ самый отказъ въ принятіи депутаціи. Но для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ не возникало сомнѣній, что весь этотъ инцидентъ, со всею его ядовитою приправою, не стоитъ того, чтобы на немъ создать конфликтъ. Дѣло касалось вѣдь, въ концѣ концовъ, не тѣхъ су-

щественныхъ народныхъ требованій, съ которыми мы связывали возможность конфликта, а весьма условной области внутреннихъ сношеній, мало кому доступныхъ и интересныхъ. Такъ разсуждали *мы*. Но созданное въ городѣ противъ партіи и противъ думы весьма возбужденное настроеніе, находящее откликъ въ трудовой группѣ, заставляло быть весьма осторожнымъ. Вопросъ осложнился еще тѣмъ, что предсѣдатель думы, весьма далекій въ то время отъ всякихъ партійныхъ дѣлъ, и потому совершенно, повидимому, не считаясь съ возможными въ средѣ думы взрывами по всякому мелкому вопросу, отнесся къ инциденту довольно холодно, именно, какъ къ вопросу придворнаго этикета, и получивъ указаніе о порядкѣ направленія адреса, рѣшилъ тотчасъ же, въ видахъ ускоренія дѣла, адресъ указаннымъ способомъ отправить. Извѣстіе объ этомъ получено было нами въ воскресенье днемъ во время засѣданія фракціи, одновременно съ извѣстіемъ о самомъ отказѣ. Былъ даже слухъ, что адресъ уже отправленъ. Вслѣдствіе этого фракція отрядила немедленно двухъ делегатовъ къ предсѣдателю думы для выясненія дальнѣйшаго плана дѣйствій. Делегаты нашли предсѣдателя уже заклеивавшимъ приготовленный къ отправкѣ пакетъ съ адресомъ. Отправка адреса была остановлена. Если бы мы не поспѣли во время,—къ возможному конфликту думы съ правительствомъ присоединился бы несомнѣнный конфликтъ думы съ предсѣдателемъ. Этотъ конфликтъ былъ устраненъ. Предсѣдатель думы не только согласился внести вопросъ на обсужденіе самой думы, но, убѣдившись изъ нашихъ словъ въ серьезности положенія, съ своей стороны принималъ въ теченіе дня мѣры къ тому, чтобы отказъ былъ взятъ назадъ, или чтобы, по меньшей мѣрѣ, отвѣтъ былъ ему сообщенъ инымъ путемъ—не черезъ предсѣдателя совѣта министровъ. Мѣры эти, однако, оказались безуспѣшными.

На вечернемъ засѣданіи фракціи народной свободы рѣшено было, прежде всего, вопроса о порядкѣ направленія отвѣта черезъ предсѣдателя совѣта министровъ вовсе не возбуждать. Разъ возбужденный, онъ требовалъ отвѣта: отвѣтомъ же могло явиться только возмущеніе по поводу явнаго желанія исполнительной власти занять положеніе посредника между верховною властью и законодательнымъ учрежденіемъ. Въ результатѣ появились бы тягостныя и, въ сущности, безплодныя пренія, а вопросъ объ адресѣ только запутался бы. Ибо, если бы дума настояла на прерогативахъ предсѣдателя сноситься непосредственно съ Государемъ, то не было бы уже возможности

послѣдовать указанію письма Горемыкина и покончить съ адресомъ немедленно; адресъ остался бы въ совершенно безнадежномъ, висячемъ положеніи и составилъ бы только источникъ непрекращающихся волненій въ думѣ. Потому фракція рѣшила, не касаясь формальной стороны, ограничиться краткою мотивировкою по существу вопроса. Рѣшено было отмѣтить огромное значеніе содержанія отвѣтнаго адреса по сравненію съ мизернымъ вопросомъ о формѣ передачи и подчеркнуть самодовлѣющее верховное значеніе думы, какъ государственнаго учрежденія, достоинство и величіе котораго не можетъ быть поколеблено никакими придворными формальностями или придирками. Такимъ тономъ отвѣта, казалось намъ, можно будетъ побѣдить то естественное негодованіе, которое должно было быть вызвано сообщеніемъ Горемыкина.

Но въ виду неясности положенія, въ виду того, что общество, ожидавшее въ теченіе трехъ дней съ минуты на минуту извѣстія о пріемѣ депутаціи, несомнѣнно, ощутило горечь отказа и стихійно рвалось къ какой-нибудь реакціи на отказъ, рѣшено было собраться вторично утромъ до засѣданія и, получивъ точныя свѣдѣнія о предположеніяхъ трудовой группы, обсудить вновь создавшееся положеніе. Собранія нашихъ фракцій происходили и на этотъ разъ въ двухъ смежныхъ думскихъ комнатахъ. Свѣдѣнія, которыя мы получали изъ сосѣдней комнаты, были далеко неутѣшительны. Настроеніе сильно колебалось. По свойству самаго вопроса дѣло сводилось, конечно, не къ тѣмъ или инымъ реальнымъ дѣйствіямъ, а къ словамъ, къ формулѣ резолюціи. Такъ какъ здѣсь такъ или иначе была прикосновенна къ вопросу верховная власть, и формально Горемыкинъ объявлялъ себя только передатчикомъ верховной воли, то каждое слово въ резолюціи, а тѣмъ болѣе направленіе вниманія не на внѣшность, а на внутреннюю сторону инцидента, могли оказаться роковыми. По сообщавшимся намъ свѣдѣніямъ, тамъ предлагались двѣ резолюціи (Буслова и Ульянова); съ нашей точки зрѣнія, обѣ были негодны, но представлялось крайне нежелательнымъ допускать ихъ до публичнаго обсужденія, хотя бы онѣ потомъ и были отклонены. Время шло,—предсѣдатель думы, по просьбѣ обѣихъ группъ, не открывавшій пока засѣданія, начиналъ уже волноваться и торопить; вѣсти доходили, что трудовики уже приступаютъ къ голосованію одной изъ двухъ формулъ. Тогда фракція рѣшила отправить въ трудовую группу делегата съ порученіемъ убѣдить ее принять нашу формулу. Делегатомъ былъ намѣченъ популярный тогда въ трудовой группѣ Милюковъ. Я, какъ предсѣда-

тель собранія, отправился къ трудовикамъ съ предложеніемъ выслушать Милюкова и успѣлъ уловить по словамъ доканчивавшаго рѣчь оратора и по отношенію къ нему собранія, что дѣло клонится въ сторону болѣе или менѣе рѣшительнаго выступленія. Сцена появленія моего и Милюкова такъ изображена въ брошюрѣ «72 дня перваго русскаго парламента», въ главѣ «Первый конфликтъ» (стр. 44): «Передъ самымъ голосованіемъ въ комнату входитъ М. Винаверъ и предлагаетъ собранію выслушать делегата кадетской фракціи П. Н. Милюкова по поводу совмѣстныхъ дѣйствій въ засѣданіи палаты». Затѣмъ приводится приблизительное содержаніе рѣчи Милюкова, въ которой опредѣленно указывалось, что «мы стоимъ передъ конфликтомъ. Должны ли мы пойти на него? Есть ли теперешній моментъ именно тотъ, когда можно идти на разрывъ? Я полагаю, что нѣтъ; иначе народъ вправѣ будетъ намъ сказать, что мы *главнаго* не исполнили: мы должны потребовать свободы и земли». И т. д., и т. д. Рѣчь Милюкова была выслушана съ огромнымъ вниманіемъ; во время и послѣ рѣчи слышались—особенно изъ среды крестьянъ—возгласы одобренія и даже голоса сожалѣнія о томъ, что «у насъ-де нѣтъ вѣдь такого, что бы такъ ясно и умно излагалъ», и въ результатѣ принято было рѣшеніе присоединиться къ нашей формулѣ.

Въ засѣданіи думы, по порученію фракціи, выступилъ Новгородцевъ и задачу свою исполнилъ превосходно; затѣмъ Аладьинъ счелъ все-таки нужнымъ излить хоть отчасти, то настроеніе, которое пришлось подавить: «Я не хочу сказать, что на нашемъ пути воздвигнуто непреодолимое препятствіе. Нѣтъ. Препятствіе *несомнѣнно крупное*, но недостаточное для того, чтобы остановить насъ въ нашей созидательной работѣ. Но, съ другой стороны, я считаю своимъ долгомъ заявить народу... и говорю: смотрите, ваши представители будутъ продолжать работать, но ихъ работа будетъ такова, что они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать препятствія, о которыя, можетъ быть, разобьется вся ихъ энергія». Но этотъ приподнятый тонъ сразу упалъ, когда М. Ковалевскій соотвѣтственнымъ примѣромъ изъ англійской конституціи лишній разъ доказалъ, что «Alles ist schon da gewesen», а Набоковъ съ сарказмомъ замѣтилъ, что, не стѣсняя Аладьина въ изложеніи своихъ мыслей передъ народомъ, находитъ, что «въ споръ съ тѣми, кто въ придворномъ этикетѣ видятъ главный смыслъ нашего обращенія, думѣ вступать не подобаетъ».

Затѣмъ формула была принята, и весь инцидентъ благополучно исчерпанъ.

V.

Скрывался въ лонѣ самой организаціи государственной думы одинъ конфликтъ—быть можетъ, болѣе страшный, чѣмъ всѣ остальные, конфликтъ, способный заслуженно или незаслуженно дискредитировать государственную думу въ глазахъ широкихъ массъ населенія. Этотъ своеобразный конфликтъ выросталъ не на почвѣ тѣхъ или иныхъ дѣйствій правительства, а на почвѣ полнаго его бездѣйствія, въ связи съ тѣми стѣсненіями, которыя были созданы самимъ закономъ для самостоятельности думы.

Можно было думать, что правительство замыслило дьявольскій планъ: затравить думу обреченіемъ ея на бездѣятельность. И если такой демоническій планъ и не былъ сознательно составленъ и исполненъ, то, однако, онъ самъ собою классически слагался; исторія, какъ будто, сама демонически издѣвалась надъ нами.

27 апрѣля собралась государственная дума и выслушала тронную рѣчь. Что же ей было дѣлать дальше по представленію правительства? Отвѣтить на тронную рѣчь? Но вѣдь это не обязательная функція думы. Дума рѣшилась отвѣтить; къ 5 мая отвѣтъ ея, однако, уже былъ готовъ,—что же дальше? Задавалось ли правительство хоть на минуту этимъ вопросомъ? Съ одной стороны, правительство, обладающее огромнымъ штатомъ чиновниковъ, технически подготовленныхъ, расходующее на содержаніе этихъ чиновниковъ ежегодно многіе милліоны; съ другой,—собраніе 500 людей, которые, съ точки зрѣнія правительственнаго идеала, должны были представлять отнюдь неорганизованныя для какихъ бы то ни было дѣйствій группы, а собраніе «добрыхъ» мѣстныхъ людей, посылаемыхъ порознь многочисленными мѣстными и классовыми околотками, на которые разбита была Россія. Развѣ эти люди обязаны были привезти съ собою, каждый порознь, запасы готовыхъ законопроектовъ? А на случай если бы ихъ и привезли, развѣ дума не была дважды застрахована отъ нихъ? Ибо: во 1-хъ, каждый порознь «лучшій» человѣкъ долженъ былъ найти еще 29 единомышленниковъ, чего могло и не случиться, и, во 2-хъ, раньше мѣсяца все равно и къ обсужденію этихъ предложеній дума не могла подступиться. Какъ же правительство представляло себѣ функцію этихъ людей? Оно, очевидно, думало, что, принявши адресъ или даже до того,—дума должна разъѣхаться на вакаціи. Не элементы ли это самаго страшнаго, самаго безвыходнаго конфликта?

15-го мая, т. е. почти три недѣли послѣ открытія думы, поступили въ думу два, ставшихъ знаменитыми, представленія м-ра народнаго просвѣщенія: одно—объ открытіи частныхъ курсовъ, другое—о юрьевской прачешной и оранжереѣ. И здѣсь не было, я думаю, злого умысла; исторія просто зло надъ нами надсмѣялась; если нужна была иллюстрація полнѣйшей дряблости правительства, полнаго разлада между властью и народомъ, то она сказалась въ этихъ ненарокомъ попавшихъ въ первую думскую очередь законодательныхъ предположеніяхъ правительства. Точно эти люди не понимали, что управлять вѣдь приходится, въ концѣ концовъ, л ю д ь м и, а не бумагами,— людьми, имѣющими мысли и чувства, «хохочущими, когда ихъ щекочутъ, истекающими кровью, когда ихъ рѣжутъ». Не думали же они, что дума радостно набросится на частные курсы, на прачешную и оранжерею, чтобы потомъ опять погрузиться въ сонъ, разъѣхаться на каникулы.

Между тѣмъ, легко понять, что обозначало бы для страны, какое деморализующее на нее вліяніе должно было бы произвести, и какіе возможные взрывы общественнаго негодованія и противъ правительства, и противъ думы должно было вызвать бездѣятельное, немощное состояніе думы, отъ какихъ бы причинъ оно ни проистекало. Это было одно изъ тѣхъ положеній, отъ которыхъ необходимо было спасти думу какою бы то ни было цѣною.

Законопроекты были партіей заготовлены; черезъ созданное думѣ препятствіе, относительно обязательныхъ 30 подписей подъ заявленіями, жизнь игриво перескочила, пославъ въ думу, не взирая ни на какія препятствія, сплоченную партію въ составѣ 180 человѣкъ, взявшихъ на себя и трудъ, и отвѣтственность за законодательный матеріалъ для думы. Но грознымъ, почти непреодолимымъ препятствіемъ явилось правило о мѣсячномъ срокѣ, для устраненія котораго конфликтъ съ закономъ казался съ перваго взгляда неизбѣжнымъ. Читатель стенографическихъ отчетовъ думы, перечитывая отчетъ о сравнительно спокойномъ и дѣловитомъ засѣданіи думы 12 мая (первомъ послѣ описаннаго выше засѣданія 8 мая), не пойметъ и не догадается, какой тяжелый камень былъ сдвинутъ съ пути думы корректною, полу-формальною рѣчью Новгородцева о выборѣ комиссіи,—сухими на видъ, но для сдержаннаго предсѣдателя первой думы замѣтно торопливыми замѣчаніями Муромцева (въ отвѣтъ на возраженія Аладьина и графа Гейдена), что онъ, предсѣдатель, «не видитъ препятствій къ тому, чтобы членами думы б ы л и в ы с к а з а н ы н ѣ к о т о р ы я с о о б р а ж е н і я», но что

«мы не будемъ сегодня баллотировать»; читатель не пойметъ, почему по столь скучному вопросу, какъ толкованіе ст. 5 п. 6 учрежденія думы, раздаются аплодисменты предсѣдателю, а когда предсѣдатель говоритъ, что «ничего голосоваться не будетъ; это только первоначальный обмѣнъ мнѣній по поводу выбора комиссіи, который для комиссіи будетъ, смѣю думать, полезенъ»,—раздаются не только аплодисменты, но и возбужденные голоса: «совершенно вѣрно». Ибо все это было ничто иное, какъ исполненіе плана,—теперь, когда онъ уже использованъ, кажущагося чрезвычайно простымъ и мелкимъ, но тогда явившагося результатомъ продолжительныхъ размышленій и обсужденій, пущеннаго въ ходъ съ большою робостью и неувѣренностью за его участь. И въ первомъ же засѣданіи, когда этотъ планъ, направленный къ тому, чтобы вывести думу изъ бездѣйствія и дать ей, вопреки стремленіямъ правительства, дѣловую работу законодательную, былъ примѣненъ на дѣлѣ, предсѣдатель думы и совмѣстно съ нимъ создавшіе планъ руководители партіи народной свободы то и дѣло должны были брать слово, чтобы вновь ставить на рельсы все кренившуюся то направо, то налѣво телѣгу. Формально позиція была несомнѣнно шатка, отъ малѣйшаго строго-формальнаго замѣчанія вся постройка могла разлетѣться; необходимо было скорѣе проѣхать первую дистанцію, чтобы потомъ уже опираться на прецедентъ,—и я помню, съ какимъ замираніемъ сердца всѣ мы (Новгородцевъ, Набоковъ, Петражицкій и я) слѣдили за кажущимися нынѣ неинтересными и безцвѣтными, наивно-вопросительными замѣчаніями то гр. Гейдена, то Аладьина, то Кузьмина-Караваева, то безпартійнаго крестьянина Жуковскаго, каждое изъ которыхъ грозило, развернувшись, затопить нашу утлую ладью; какъ мы нервно вскакивали на каѳедру, чтобы, поскольку можно, ихъ ублаготворить и въ дальнѣйшемъ напорѣ остановить, и какъ мы облегченно вздохнули, когда, наконецъ, добрались до момента, когда и дума рѣшила, и гр. Гейденъ призналъ, что «говорить, выяснять сущность проекта всегда можно» (стр. 206).

Такъ было установлено внѣдрившееся затѣмъ въ нашу думскую практику, приносившее впослѣдствіи подчасъ и горькіе плоды, но явившееся необходимымъ для спасенія достоинства и силы думы «предварительное обсужденіе законопроектовъ на предметъ направленія дѣла». Это былъ актъ самозащиты въ борьбѣ зарождающагося и рвущагося къ дѣятельности учрежденія съ безнадежно-тупымъ и злостнымъ правительствомъ. Побѣда безкровная, скрашенная добродушно-строгимъ замѣчаніемъ предсѣдателя о томъ, что

«въ предложеніи объ образованіи по настоящему дѣлу комиссіи предсѣдатель ничего незаконнаго не усматриваетъ, ибо нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы пока въ теченіе мѣсяца будетъ думать министръ, въ то же самое время въ теченіе мѣсяца работала и государственная дума въ лицѣ своей комиссіи» и сдѣланнымъ въ такомъ же тонѣ разъясненіемъ: «Да нѣтъ, графъ, по существу преній не было; дѣлаются лишь замѣчанія, къ свѣдѣнію комиссіи; ни одно изъ нихъ на голосованіе поставлено не будетъ и, слѣдовательно, по существу сужденій нѣтъ» (стр. 306).

VI.

Въ томъ же засѣданіи 12 мая раздался первый, малозамѣтный аккордъ цѣлой конфликтной симфоніи, разыгравшейся затѣмъ въ теченіе недѣль передъ лицомъ думы и всей изумленной страны. Въ началѣ засѣданія былъ оглашенъ запросъ, подписанный 66 членами думы о 8 смертныхъ приговорахъ, состоявшихся въ гор. Ригѣ.

Запросы представляли собою, естественно, одно изъ самыхъ сильныхъ орудій въ рукахъ думы, и потому партія народной свободы, не желая тратить его на случайно и въ большомъ изобиліи выплывающіе факты злоупотребленій власти, рѣшила выдвинуть на первую очередь, въ качествѣ матеріала для запроса, наиболѣе существенные грѣхи стараго строя. Съ этою цѣлью еще во время обсужденія отвѣтнаго адреса былъ сформулированъ, по порученію партіи,—насколько помнится, покойнымъ Іоллосомъ—запросъ объ участіи департамента полиціи въ погромной дѣятельности. Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ быть сдѣланъ запросъ о голодѣ. Первый запросъ былъ внесенъ въ думу еще 4 мая и доложенъ въ томъ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 мая, когда заканчивалось обсужденіе отвѣтнаго адреса. И хотя при первомъ обсужденіи этого вопроса государственный контролеръ Шванебахъ, отъ имени своего отсутствующаго «коллеги», и упомянулъ о «законномъ срокѣ», въ предѣлахъ коего будутъ представлены м-ромъ требуемыя объясненія (стр. 275), тѣмъ не менѣе и общество, и печать, и дума питали тайную увѣренность, что министръ поторопится скорѣе очиститься отъ тяжкихъ обвиненій, тѣмъ болѣе, что для того достаточно было только отмежеваться отъ погромныхъ дѣйствій предшествующаго министерства.

Но этой надеждѣ на рѣшительный отвѣтъ правительства въ об-

ласти наиболѣе для думы чувствительной,—въ области проявленія произвола административною властью,—не суждено было осуществиться. Наоборотъ, сама жизнь приносила новые факты, вскрывающіе съ возрастающею силою глубокую рознь между двумя призванными къ общей работѣ частями государственнаго механизма.

Заявленіе, поданное 12 мая 66 членами думы, не было собственно запросомъ. Оно ссылалось не на законъ, а на народныя желанія, выраженныя въ отвѣтномъ адресѣ государственной думы. Оно было попыткою добиться отъ исполнительной власти хоть малой доли вниманія къ единогласному требованію народа. Тѣмъ значительнѣе былъ въ немъ конфликтный элементъ: правительство могло ограничиться формальнымъ отводомъ, а дума, разъ отмѣтившая возмущающій душу фактъ и поставленная въ безпомощное по отношенію къ нему положеніе, стихійно толкалась на путь раздраженныхъ, рискованныхъ шаговъ, грозящихъ самому ея существованію. Дума требовала отъ правительства весьма малаго: только пріостановки смертныхъ казней. Какая бы ни была дана урѣзанная амнистія,—а надежды на нее тогда еще не погибли, и едва-ли даже само правительство считало вопросъ о ней оконченнымъ,—какая бы ни была, говорю я, дана амнистія, вѣдь представлялось несомнѣннымъ, что смертныя казни будутъ же замѣнены какимъ-нибудь инымъ, менѣе безповоротнымъ наказаніемъ. Какой же смыслъ могъ быть въ этомъ стремительномъ лишеніи жизни новыхъ 8 жертвъ? И члены думы, вносившіе 12 мая заявленіе,—надо въ этомъ сознаться—были наивно увѣрены, что эти жизни будутъ пощажены. Этимъ объясняется, что и рѣчей никакихъ по существу даже произнесено не было,—дума была только озабочена, какъ бы о ея желаніи «было сегодня же сообщено по принадлежности», какъ бы только заявленіе «немедленно, хотя бы въ рукописномъ видѣ, было сообщено предсѣдателю совѣта министровъ». Никакого особеннаго безпокойства въ тотъ день въ думѣ не замѣчалось. Но прошли 4 дня, и 16 мая доложенъ былъ думѣ отвѣтъ предсѣдателя совѣта министровъ, что онъ направилъ заявленіе «по принадлежности къ военному министру». И только.

Нѣтъ надобности описывать, какое впечатлѣніе на думу произвело это явное издѣвательство уже не надъ думою только, а надъ элементарнымъ чувствомъ уваженія къ человѣческой жизни. Дума, однако, сдержала себя и ждала отвѣта военнаго министра. Въ тотъ же день вечеромъ отвѣтъ былъ данъ: рижскія жертвы были казнены. Чаша терпѣнія видимо переполнялась,—чувство все съ большимъ трудомъ под-

давалось внушеніямъ разума—и это сказывалось, конечно, съ особенною силою въ той средѣ, которая была и менѣе дисциплинирована, и менѣе опредѣленно давала себѣ отчетъ во всѣхъ страшныхъ трудностяхъ реальной политической парламентской борьбы. Въ теченіе свободнаго дня, 17-го мая, фракція совѣщалась. Представлялось несомнѣннымъ, что 18 мая будетъ сдѣлана попытка дать исходъ накипѣвшему чувству; необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы возмущеніе, вырвавшись наружу, не унесло думу,—необходимо было проявить реакцію противъ возмутительныхъ дѣйствій правительства въ формѣ, дѣйствительно властной, перенести споръ въ ту область, въ которой дума является хозяиномъ и гарантирована отъ формальныхъ отводовъ со стороны правительства. Всѣ эти сложныя ощущенія подсказали мысль: въ качествѣ отвѣта на вызовъ правительства и для успокоенія возбужденнаго настроенія, внести немедленно законъ, объ отмѣнѣ смертной казни. Спѣшно за ночь онъ былъ составленъ, написана была объяснительная записка, и 18 утромъ засѣд. думы открылось заявленіемъ предсѣдателя, что къ нему поступило срочное предложеніе съ законопроектомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Дума немедленно приступила къ обсужденію проекта, и Набоковъ въ первыхъ же словахъ связалъ законопроектъ съ совершившимися казнями, заявивъ, что дума должна отказаться отъ мысли воздѣйствовать запросами, что она «можетъ поставить рѣшительныя препятствія только тогда, когда скажетъ и постановитъ, что сама эта мѣра должна быть навсегда вычеркнута изъ списка тѣхъ каръ, которыя налагаются государствомъ» (стр. 422). Этимъ вопросъ былъ введенъ въ русло, и хотя затѣмъ и представители нашей партіи, и особенно лидеры трудовой группы (Аладьинъ, Локоть и др.) выступили съ очень рѣзкими рѣчами и именно по поводу рижскихъ казней, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ этихъ выступленій былъ уже уготованъ практическій исходъ, выводящій самыя рѣзкія рѣчи изъ «конфликтной» сферы.

Но въ этомъ средствѣ скрывалось въ зародышѣ новое осложненіе: вѣдь для того, чтобы законопроектъ могъ быть заслушанъ, долженъ еще истечь мѣсячный срокъ, а пока людей будутъ разстрѣливать, вѣшать... У насъ были, правда, основанія предполагать, что министры на сей разъ откажутся воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ,—они сами объ этомъ заявляли предсѣдателю думы; мало того: когда, въ связи съ этимъ именно инцидентомъ, возникла въ средѣ фракціи мысль о правѣ думы отмѣнить въ законодательномъ порядкѣ, вообще, весь мѣсячный срокъ, министры выразили и этому

сочувствіе, соглашались для этого законопроекта также не настаивать на мѣсячномъ срокѣ. Этимъ и объясняется странное, непонятное для лицъ непосвященныхъ, предложеніе докладчика по вопросу о смертной казни: обязать комиссію въ *пятидневный* срокъ изготовить законъ,—когда по общему правилу нельзя слушать его раньше мѣсяца! Этимъ объясняются и заключительныя слова предсѣдательствующаго кн. Долгорукова. «Если думѣ угодно будетъ постановить относительно спѣшности, комиссія и президіумъ съ своей стороны *сдѣлаютъ все возможное, чтобы не прибѣгать къ этому мѣсячному сроку*, а чтобы этотъ законъ какъ можно скорѣе могъ найти свое осуществленіе» (стр. 443). Но вѣдь все это были предположенія,—о которыхъ и говорить публично было невозможно,—предположенія, которыя могли быть и дѣйствительно были жестоко обмануты... И потому, понятно, въ думѣ можно было ожидать самыхъ рѣшительныхъ заявленій о необходимости проявить свою силу хоть въ чемъ бы то ни было, но немедленно. И дѣйствительно, одинъ за другимъ входили на трибуну ораторы, требовавшіе, чтобы дума немедленно, не выжидая никакихъ сроковъ и не сдавая проекта въ комиссію, постановила тутъ же «законъ» объ отмѣнѣ смертной казни (Аладьинъ, Сѣдельниковъ); одинъ ораторъ заявлялъ, подъ аплодисменты собранія, что если это требованіе не можетъ быть исполнено, то онъ «смѣетъ предложить государственной думѣ уѣхать по домамъ» (стр. 430), другой требовалъ, чтобы, отмѣнивши смертную казнь, дума направила законъ прямо къ верховной власти, миновавъ государственный совѣтъ (стр. 432). Все это не трудно было предвидѣть; и фракція рѣшила напрячь всѣ силы, выставить лучшихъ своихъ ораторовъ, чтобы доказать и безплодіе, и опасность всѣхъ этихъ попытокъ, и спасти думу отъ несомнѣннаго кризиса. Доводы наши, видимо, подѣйствовали,—получился результатъ, котораго нельзя было и ожидать: трудовики сами сняли свое предложеніе,—сняли, впрочемъ, лишь послѣ того, какъ самъ предсѣдательствующій, формально обязанный поставить ихъ предложеніе на голоса, обратился къ нимъ со словами, въ которыхъ весьма явственно подчеркивалась трудность момента—затруднительность самой постановки вопроса: «Я обращаюсь къ тѣмъ ораторамъ, которые предлагали немедленно здѣсь же разсмотрѣть этотъ законъ, не передавая его въ комиссію. Можетъ быть, они согласятся съ соображеніями, только что заслушанными, *при условіи срочности*, и найдутъ возможнымъ *облегчить* задачу думѣ и *мнѣ, какъ предсѣдателю*, взявъ назадъ свое предложеніе».

Какъ уже указано было, раздраженіе, возбужденное въ нашей средѣ вопросомъ о мѣсячномъ срокѣ, который неожиданно сталъ роковымъ въ вопросахъ жизни и смерти,—породило мысль о возможности уничтоженія законодательнымъ порядкомъ самаго мѣсячнаго срока. Именно «породила», ибо, какъ это ни странно, мы такъ привыкли въ то время всѣ путы, наложенныя на думу, считать непреоборимыми, такъ все это связывали съ недавно только огорошившими насъ основными законами, что,—я превосходно помню,—когда мнѣ пришла въ голову мысль о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ обычнымъ закономъ, учрежденіемъ государственной думы, подлежащимъ отмѣнѣ со стороны самой думы, и я подѣлился этою мыслью съ нашими присяжными парламентаріями (Ковалевскимъ, Кокошкинымъ и съ самимъ предсѣдателемъ думы), то она была ими принята, какъ нѣчто весьма радостное и весьма неожиданное. Фракція немедленно поручила мнѣ составить соотвѣтственный законопроектъ съ объяснительною запискою, и 23 мая вопросъ уже былъ поставленъ на обсужденіе думы; предложеніе наше сопровождалось указаніемъ, что дума должна возложить на комиссію обязанность выработать законопроектъ въ теченіе трехъ дней—отраженіе тѣхъ же обѣщаній министровъ отказаться отъ пользованія мѣсячнымъ срокомъ, обѣщаній, и для даннаго случая оказавшихся обманчивыми.

Какъ ни простъ и ясенъ былъ поставленный нами вопросъ, но чрезвычайно характерно для настроенія, съ которымъ намъ приходилось бороться, что и этотъ, казалось бы, совершенно ясный и не возбуждающій никакихъ сомнѣній шагъ натолкнулся на противодѣйствіе со стороны нашихъ союзниковъ по думѣ,—противодѣйствіе, выразившееся не въ критикѣ конкретнаго предложенія, нами внесеннаго, а въ отпорѣ, руководимомъ стихійнымъ раздраженіемъ,—въ настроеніи, не мирящемся ни съ какими, расчитанными на медленный законодательный путь мѣрами, требующемъ радикальнаго, по волшебству, сметенія стараго и водворенія новаго. «Если ужъ начинать ломку,—возражалъ Аникинъ,—то нужно начинать ломку коренную. Вѣдь весь уставъ не годится, зачѣмъ же будемъ говорить здѣсь о двухъ параграфахъ? Я думаю, что не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дѣло дѣлать, нужно въ первую голову удалить министерство Горемыкина и замѣнить его министерствомъ изъ народа» (стр. 593). И слова о томъ, что нужно «крупное дѣло дѣлать», а не мелочами заниматься, были встрѣчены шумными апплодисментами. Затѣмъ, въ репликѣ своей

Аникинъ заявилъ, что дума «не должна вырабатывать законопроектовъ, для того чтобы хранить ихъ въ портфеляхъ министровъ или государственнаго совѣта», что «если копіи нашихъ законопроектовъ будутъ сообщены министрамъ, то они усмотрятъ въ этомъ, что дума примирилась съ ними» и т. д. А Аладьинъ мотивировалъ тѣ же мысли тѣмъ, что «дума не является учрежденіемъ въ достаточной степени уполномоченнымъ, которое въ состояніи продиктовать правительству свое собственное слово».

Практическаго результата вся эта полемика не имѣла,—предложеніе наше было принято,—но она отражаетъ атмосферу, въ которой пришлось работать. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что хотя законъ объ измѣненіи 55—57 ст. былъ комиссіей разработанъ и внесенъ въ думу, практическое значеніе свое онъ потерялъ и на обсужденіе думы больше не ставился, такъ какъ съ теченіемъ времени огромная масса внесенныхъ нами въ думу и сданныхъ въ значительной части уже въ комиссіи законопроектовъ могли быть уже по очереди безъ затрудненій заслушанными думою даже при соблюденіи мѣсячнаго срока.

Ожиданіе, что министры откажутся отъ мѣсячнаго срока по отношенію къ закону объ отмѣнѣ смертной казни, какъ извѣстно, не сбылось. Предсѣдатель думы снесся съ ними по этому вопросу въ той единственной формѣ, въ какой это офиціально было возможно: онъ указалъ, что государственная дума постановила назначить слушаніе закона по возможности скорѣе («на этой недѣлѣ»), и что онъ, предсѣдатель, полагалъ бы заслушать его 26 мая. На это получились три почти стереотипныхъ отвѣта отъ трехъ министровъ, всѣ помѣченные однимъ числомъ—23 мая: всѣ министры одинаково находили, что вопросъ очень сложенъ, и потому они настаиваютъ на точномъ примѣненіи ст. 56 о мѣсячномъ срокѣ, во всей ея строгости.

Вопросъ въ такомъ видѣ былъ внесенъ въ засѣданіе 26 мая. Къ этому моменту общее положеніе думы чрезвычайно осложнилось. За двѣ недѣли,—съ 12 мая, когда впервые вопросъ о смертныхъ приговорахъ возникъ,—совершились событія, доведшія отношеніе думы къ правительству до степени крайняго напряженія: 13 мая была прочитана министерская декларація, и правительству выражено недовѣріе, 23 мая въ думѣ выступилъ Гурко съ рѣчью, въ рѣзкой формѣ подчеркнувшей разрывъ правительства съ думою; около того же времени трудовая группа начала примѣнять свою тактику выпроваживанія министровъ изъ думы; наконецъ, 16 мая былъ сдѣланъ

предсѣдателю совѣта министровъ запросъ о печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммахъ, добивавшихся роспуска думы, и на этотъ запросъ получилась 24 мая отвѣтная бумага Горемыкина (тоже отъ 23 мая), содержащая отказъ отъ дачи отвѣта на запросъ. Были и другіе острые моменты, повліявшіе на взаимныя отношенія думскихъ группъ внутри думы.

Для того, чтобы оцѣнить тѣ затрудненія, съ которыми связана была дальнѣйшая дѣятельность думы, необходимо оставить на время теченіе вопроса о смертной казни и вернуться вспять.

VII.

13 мая была прочитана министерская декларація. Въ жизни думы было нѣсколько моментовъ особеннаго подъема, въ которые вся дума, забывая междуусобныя распри, искренно сплачивалась воедино. Къ числу такихъ моментовъ принадлежало и 13-е мая. Къ сожалѣнію, и этотъ день дружнаго дѣйствія всей оппозиціи былъ затѣмъ использованъ—уже внѣ думы—для демонстраціи не только особности нашихъ союзниковъ, не только «возрастающаго вліянія трудовой группы на настроеніе к.-д. фракціи», но особенно для доказательства того, что осуществляется, наконецъ, столь страстно ожидаемый расколъ среди господствующей партіи, паденіе ея «конституціонно-тактическаго» центра [1]),—того центра, «въ уничтоженіи тактической диктатуры котораго—какъ выражается г. Локоть—заключалась одна изъ важнѣйшихъ задачъ переживаемаго историческаго момента (sic!)» [2]). Откуда все это взялось?—спрашивается. Какъ извѣстно, гвоздемъ засѣданія 13-го мая были рѣчи Набокова и Родичева. Достаточно прочесть отзывъ о нихъ въ тогдашней «Нашей Жизни» [3]), да этого никто и не оспаривалъ,—между тѣмъ оба они—люди, стоявшіе въ самомъ центральномъ пунктѣ кадетскаго центра [4]); въ тотъ день говорили еще два члена

---

[1]) Локоть, стр. 200.

[2]) Тамъ же, стр. 115.

[3]) Вотъ какъ характеризуется рѣчь Набокова. „Эта первая и, надо отдать справедливость, едва ли не самая блестящая рѣчь (это, кажется общій отзывъ о его рѣчи) сразу даетъ тонъ и вполнѣ опредѣляетъ настроеніе думы“ („Наша Жизнь“, № 445).

[4]) Центральный думскій органъ, комитетъ фракціи, выдѣлилъ изъ себя особую коллегію, т. н., распорядительную комиссію, въ составъ которой входили: предсѣдатель фракціи И. И. Петрункевичъ, два товарища его (М. М. Винаверъ и В. Д. Набоковъ) и 3 члена .комитета (Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. А. Мухановъ и Ѳ. И. Родичевъ).

изъ состава этого самаго центральнаго пункта; говорили, далѣе, Гредескулъ, Ледницкій, Якушкинъ, Щепкинъ,—тоже члены кадетскаго центра, комитета фракціи. И вѣдь несомнѣнно, что именно этими рѣчами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ, и опредѣлился весь характеръ побѣднаго для оппозиціи дня. Какъ же тутъ говорить о возрастающемъ вліяніи трудовой группы и паденіи центра? Между тѣмъ объ этомъ говорилъ не только г. Локоть; объ этомъ говорилось въ обществѣ, въ собраніяхъ; къ трудовой группѣ являлись по этому поводу депутаціи съ привѣтствіями; одна изъ такихъ депутацій во главѣ съ Л. А. Лутугинымъ, «плакавшимъ» отъ волненія, на слѣдующій же день, 14 мая, поздравлялъ трудовую группу съ историческою задачею, которая выпала на долю трудовой группы», увѣряя, что именно «ея шаги, подобные вчерашнему выступленію, будутъ встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ и поддержкою всѣмъ народомъ». («Рѣчь» отъ 16 мая 1906 г. № 74).

Всѣ эти ликованія и побѣдные клики по поводу пораженія врага связывались съ вопросомъ о формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ; формула трудовой группы своею «рѣшительностью», яко бы, побѣдила нашъ центръ и потому была принята. Какъ человѣкъ изъ «кадетскаго центра» и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторой мѣрѣ повинный (въ чемъ не каюсь) въ принятіи формулы трудовиковъ, считаю необходимымъ изобразить нѣсколько точнѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, обстановку, въ которой была принята формула трудовиковъ.

Фракція народной свободы своей формулы перехода не приготовила. Были предложены наканунѣ еще три формулы,—ни одна изъ нихъ однако не была признана удовлетворительною, и сводка ихъ была передана нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ В. Е. Якушкину, спеціалисту по аграрному вопросу, такъ какъ при критикѣ предложенныхъ формулъ указывалось на необходимость подчеркнуть именно аграрный вопросъ. Когда въ засѣданіи 13 мая, въ моментъ особенно приподнятаго настроенія, былъ объявленъ перерывъ, и фракція удалилась для обсужденія формулы, кто то тутъ же предложилъ не выслушивать и не обсуждать формулы отдѣльно отъ трудовиковъ, а соединиться вмѣстѣ и вмѣстѣ же обсудить и формулы перехода, и вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи преній. Такъ и было сдѣлано. Трудовиковъ изъ сосѣдней комнаты пригласили къ намъ,—небольшая верхняя комната съ низкимъ потолкомъ, куда насъ перевели недавно, наполнилась большою толпою всей думской оппозиціи,—засѣданіе велось въ большомъ волненіи, но очень

дружно, не какъ парламентскіе переговоры двухъ партійныхъ лагерей, а какъ общая сходка людей, воодушевляемыхъ однимъ настроеніемъ и имѣющихъ одну общую передъ собою цѣль. Милюковъ, присутствовавшій тутъ же (какъ членъ нашего центральнаго комитета, онъ входилъ въ составъ фракціи), былъ провозглашенъ предсѣдателемъ. Онъ вскочилъ на столъ и въ этой позѣ пропредсѣдательствовалъ это историческое совѣщаніе. Онъ объявилъ, что у насъ формулы еще нѣтъ, что мы предпочли обсудить проекты формулъ совмѣстно. Послѣ этого Якушкинъ прочиталъ свою формулу, и я первый, помнится, заявилъ, что формула эта неудовлетворительна; меня въ этомъ поддержалъ Ледницкій и, если не ошибаюсь, Набоковъ. Вотъ въ какой мѣрѣ формула выражала мысли «конституціонно-тактическаго центра». Формула Якушкина грѣшила тѣмъ, что она перетянула всю тяжесть въ сторону аграрнаго вопроса; мало того, изложеніе самаго пункта объ аграрномъ вопросѣ сдѣлала чрезвычайно громоздкимъ, словомъ, перспектива въ ней была совершенно затеряна. Тутъ же была прочитана формула Жилкина, которая не грѣшила тѣмъ недостаткомъ, который былъ присущъ формулѣ Якушкина: она ставила вопросъ въ общей формѣ—въ ,томъ было ея достоинство. Никакой особенной «рѣшительности» въ ней не было; сознаюсь, «кадетскій центръ» способенъ былъ бы переварить гораздо большую дозу рѣшительности и, вѣроятно, выказалъ бы ее-если бы, вообще, успѣлъ приготовить свою формулу,—доказательствомъ могутъ служить всѣ прочія формулы «кадетскаго центра», не въ примѣръ рѣшительнѣе трудовиковской (таковы формулы 26 мая, 1 іюня и др.). Но были въ формулѣ Жилкина нѣкоторые мелодраматическіе, не въ особенно хорошемъ вкусѣ, пассажи, которые были признаны неудобными не только нами, но и всѣми присутствующими. При такихъ условіяхъ я, говорившій первымъ, заявилъ, что либо слѣдуетъ формулу Якушкина переработать и указать въ ней, рядомъ съ аграрнымъ, и другіе вопросы, либо выразить переходъ къ общей формулѣ и тогда принять формулу Жилкина, выкинувъ изъ нея мелодраматическія мѣста и, вообще, переработавъ ее въ редакціонномъ отношеніи; предпочтительнѣе, въ виду краткости времени, избрать послѣдній путь. Меня поддержали въ этомъ рѣшительно всѣ члены нашего «центра», а одинъ изъ насъ, З. Г. Френкель, въ радостномъ убѣжденіи, что здѣсь закладывается, наконецъ, прочное основаніе внутренно присущему, но искусственно тормазившемуся единенію всей оппозиціи, подчеркнулъ, что онъ считаетъ символически особенно важнымъ, чтобы нами была при-

нята резолюція, предложенная членомъ трудовой группы, и чтобы именно членъ трудовой группы внесъ въ думу эту формулу всей объединенной оппозиціи. И тутъ же единогласно, если не ошибаюсь, было рѣшено принять за основаніе формулу Жилкина и избрать для окончательной редакціи комиссію, въ которую вошли: Милюковъ, Набоковъ, Жилкинъ и я; и эта комиссія и средактировала окончательно формулу перехода, принятую затѣмъ думою.

Нельзя не отмѣтить, что и самый выборъ въ составъ комиссіи собраніемъ обѣихъ группъ трехъ членовъ «кадетскаго центра» и одного лишь трудовика (вносившаго формулу) служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на то, дѣйствительно ли оппозиція—въ томъ числѣ сами трудовики—усматривали въ формулѣ нѣчто, съ чѣмъ могъ бы враждовать кадетскій центръ,—а самая выработка окончательной формулы въ *такомъ* составѣ служитъ уже сама по себѣ, казалось бы, лучшимъ доказательствомъ, что формула не была составлена въ разрѣзъ съ желаніями кадетскаго центра. Вообще всякій, кто присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, не можетъ же, искренно заглянувъ въ свою душу, не сказать откровенно, что въ *этомъ* совѣщаніи никакого разъединенія не существовало, и что лишь впослѣдствіи—и преимущественно въ кружкахъ внѣдумскихъ—создана была, на потребу антикадетской тяги «влѣво», легенда, будто формула была навязана трудовиками и даже конституціонно-демократическою фракціею «комитету этой фракціи, по прежнему хотѣвшему—и въ этотъ историческій моментъ—остаться на почвѣ «конституціонной тактичности».

Необходимо въ заключеніе этого инцидента добавить, что нѣкоторую долю вины—вины, я не сомнѣваюсь въ томъ, непроизвольной—за извращенное представленіе о происхожденіи формулы несетъ на себѣ и предлагавшій формулу думѣ депутатъ Жилкинъ. Въ виду происхожденія формулы, въ виду общей нашей предварительной работы надъ нею, слѣдовало заявить съ трибуны думы, что формула вносится по соглашенію двухъ группъ; тогда и въ лѣтописяхъ думы событіе получило бы, быть можетъ, болѣе правильное отраженіе.

VIII.

13 мая правительству было выражено недовѣріе, и послѣдующіе дни общество напряженно ждало результатовъ. Нетерпѣніе ростало не по днямъ, а по часамъ. И если была какая-нибудь надежда на разрѣшеніе общаго конфликта въ пользу оппозиціи, то,

казалось, въ эту именно минуту, въ эти дни, болѣе всего необходимо было не затрагивать вопросовъ, могущихъ поставить думу либо на путь антиконституціонный, либо въ положеніе, изобличающее ея безсиліе и тѣмъ подкрѣпляющее силу враговъ. Одинъ такой вопросъ тяготѣлъ надъ думою,—это вопросъ объ отвѣтственности исполнительной власти за совершенныя ею со времени манифеста 17 октября преступленія. Это былъ пунктъ, на который общество справедливо реагировало съ наибольшею силою; здѣсь наколилось наиболѣе живыхъ, непосредственныхъ страданій, ждавшихъ себѣ возмездія, нравственнаго удовлетворенія. И, конечно, это удовлетвореніе могло и должно было быть дано думою,—думою побѣдоносною. думою, добившеюся смѣны исполнительной власти, думою, работающей съ отвѣтственнымъ министерствомъ, которое одно только могло привлечь насильниковъ свободы къ законной отвѣтственности. Но какимъ образомъ могла достигнуть *такихъ* результатовъ дума, еще только добивающаяся побѣды? Предписать слѣдственнымъ властямъ возбудить повсемѣстно слѣдствія? Это единственный реальный путь въ смыслѣ преданія суду; но это путь явно антиконституціонный, грозящій совершенно несомнѣнною гибелью думѣ. Снарядить сразу «парламентское слѣдствіе» по поводу преступленій должностныхъ лицъ? Это былъ способъ, въ сущности, болѣе демонстративный, чѣмъ реальный, и хотя о немъ говорили, хотя *такъ* представляла себѣ, повидимому, дѣло партія народной свободы еще на III съѣздѣ,—но въ эту минуту представлялось чрезвычайно рискованнымъ вступить на путь, на которомъ реально результатовъ нельзя было достигнуть, на которомъ можно было произвести только демонстрацію—и притомъ демонстрацію безсилія—и за эту цѣну испортить единственный, быть можетъ, остававшійся еще шансъ на дѣйствіе думскаго вотума недовѣрія,—шансъ, въ дѣйствительность котораго не извѣрилось еще населеніе и пренебреженіе къ которому безспорно было бы затѣмъ,—справедливо или несправедливо,—поставлено въ вину думѣ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ упрековъ, раздававшихся на митингахъ, нетерпѣніе въ этой области со дня на день замѣтно возрастало, и любой день можно было ждать предложенія съ трибуны думы либо реальнаго вмѣшательства въ сферу слѣдственной власти, либо немедленнаго снаряженія парламентскаго слѣдствія. Идя на встрѣчу этой опасности, фракція поспѣшила съ своимъ заявленіемъ въ думу: введя его въ конституціонныя рамки, она расчитывала, что по разъ проложенному ею руслу потекутъ уже и всякія другія

предложенія въ этой же области, откуда бы они ни исходили. Такъ оно и случилось. 15 мая за подписью 83 (въ стеногр. отч. ошибочно сказано: 78) членовъ фракціи нар. своб. было подано мотивированное заявленіе объ образованіи особой думской комиссіи: «для сосредоточенія въ ней всѣхъ поступающихъ въ государственную думу данныхъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи, для провѣрки достовѣрности подобныхъ случаевъ и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ для привлеченія къ отвѣтственности представителей администраціи, которые окажутся виновными въ незаконныхъ дѣйствіяхъ» (стр. 356). И тогда же секретаремъ к.-д. фракціи, Медвѣдевымъ, вносившимъ это заявленіе отъ имени фракціи, было указано, что порядка дѣйствій такой комиссіи и опредѣленныхъ мѣръ привлеченія къ отвѣтственности мы не предлагаемъ, а просимъ передать эти вопросы на заключеніе комиссіи о наказѣ. Это предложеніе и было думою принято. А черезъ три дня (18 мая) поступило въ думу обширное мотивированное заявленіе трудовой группы (стр. 447) съ предложеніемъ образовать немедленно «парламентскую комиссію для разслѣдованія преступленій, совершенныхъ должностными лицами со времени объявленія манифеста 17-го октября 1905 г.» Такъ какъ комиссія 19-ти (о наказѣ) еще не представила своего доклада, то, по предложенію Набокова, рѣшено было отсрочить разсмотрѣніе заявленія трудовиковъ до представленія этого доклада. А затѣмъ комиссія 19-ти внесла 23 мая свой докладъ, который состоялъ въ томъ, что комиссія признаетъ цѣлесообразнымъ «учредить особую комиссію по изслѣдованію незаконномѣрныхъ дѣйствій правительственныхъ лицъ и учрежденій и *предоставить ей внести соображенія объ основахъ ея дѣятельности на усмотрѣніе государственной думы*»,—и дума такую именно комиссію рѣшила образовать. Когда же вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день, 23 мая, стало на очередь предложеніе трудовиковъ, то уже не оставалось ничего иного, какъ сдать его въ ту же комиссію; и иниціаторы предложенія сами съ этимъ согласились.

При обсужденіи доклада комиссіи 19-ти чуть было не принялъ нѣкоторой остроты случайный вопросъ: комиссія 19-ти предполагала избрать комиссію по разслѣдованію въ составѣ 33-хъ лицъ, по три отъ каждаго отдѣла; эта мысль—объ избраніи комиссіи по отдѣламъ—встрѣтила на сей разъ большее, чѣмъ обычно, сочувствіе въ составѣ думы, которая, вообще, отказывалась прибѣгать къ этому полужеребьевому методу и предпочитала всегда составлять комиссіи на основѣ разумнаго предварительнаго сговора партій: въ данномъ слу-

чаѣ, такъ какъ въ функціяхъ комиссіи содержался элементъ судебный, обычные противники этого метода — въ томъ числѣ и нѣкоторые члены нашей партіи—горячо отстаивали систему избранія по отдѣламъ. Трудовики, опасавшіеся, что въ отдѣлахъ они всюду пропадутъ за предполагаемое политическое пристрастіе, заподозрили тутъ какой-то подвохъ съ нашей стороны и не только съ каѳедры очень горячо въ цѣломъ рядѣ рѣчей отстаивали обратный принципъ, но и еще обратились черезъ Жилкина ко мнѣ съ подозрительнымъ вопросомъ: что̀ обозначаетъ поведеніе членовъ нашей партіи. Для устраненія всякихъ недоразумѣній я выступилъ потому и заявилъ ex cathedra, что «комиссія по разслѣдованію образована по иниціативѣ 83-хъ товарищей моихъ по партіи, и я считаю долгомъ заявить отъ имени этихъ товарищей, что тотъ способъ образованія комиссіи, который предложенъ комиссіей 19-ти, т. е. по отдѣламъ, не удовлетворяетъ тѣхъ, кто настаивалъ на этомъ разслѣдованіи» (стр. 541). Этимъ путемъ маленькая тучка была разсѣяна. Случаю угодно было, что по этому вопросу мнѣнія раздѣлились какъ разъ поровну, и что вопросъ рѣшился въ смыслѣ, желательномъ для трудовиковъ, голосомъ члена нашей партіи Шершеневича (стр. 551 [1]).

Комиссія по разслѣдованію была избрана затѣмъ въ засѣданіи 26 мая. Согласно постановленію думы, ей слѣдовало еще «выработать и внести соображенія объ основахъ «ея дѣятельности на усмотрѣніе государственной думы». Такихъ соображеній комиссія однако до конца существованія думы не внесла и, насколько мнѣ извѣстно, не вырабатывала. И, вообще, въ области слѣдственныхъ дѣйствій по преступленіямъ власти, совершеннымъ послѣ 17 октября, комиссія ничего не сдѣлала,—несмотря на очень оппозиціонное настроеніе ея состава,—ибо ничего и не могла сдѣлать. На слѣдующій день послѣ ея избранія, 27 мая, мною, по рѣшенію фракціи, было внесено предложеніе, чтобы всѣ запросы, до того докладывавшіеся непосредственно думѣ, передавались, если нѣтъ спѣшности, въ комиссію по разслѣдованію. Это предложеніе было принято, и поступавшіе затѣмъ въ комиссію запросы поглотили всецѣло ея время и ея вниманіе. Комиссія по разслѣдованію силою вещей сама превратилась въ комиссію по запросамъ. Этимъ непреднамѣреннымъ

[1]) Голосованіе производилось посредствомъ раздѣленія думы на двѣ части; у одной изъ дверей счетъ производился Шершеневичемъ, какъ товарищемъ секретаря; при подсчетѣ оказалось равенство голосовъ (182 за и 182 противъ), и только когда Шершеневичъ объявилъ, куда онъ присоединяетъ свой голосъ, вопросъ былъ рѣшенъ.

поворотомъ она заслонила свое безсиліе и—вмѣстѣ съ тѣмъ безсиліе думы—въ области возложеннаго на нее порученія. Престижъ думы отъ этого при данныхъ условіяхъ, конечно, только выигралъ.

IX.

Считая невозможнымъ въ эту минуту выдвигать вопросы, ставящіе думу въ рискованное положеніе съ конституціонной точки зрѣнія, фракція признала вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необходимымъ подойти вплотную къ весьма острому вопросу, въ которомъ дума была и съ конституціонной стороны совершенно крѣпка и по существу неуязвима: 16 мая партія внесла запросъ о печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» телеграммахъ, выражающихъ «дерзостное неуваженіе» къ государственной думѣ. Это былъ третій (послѣ запросовъ о погромахъ и о голодѣ) крупный запросъ изъ области общей политики, внесенный фракціей народной свободы. Онъ касался уже не прошлаго министерства, а нынѣшняго; онъ затрагивалъ одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ политическаго момента—единственный политическій актъ, принадлежащій непосредственно и всецѣло кабинету Горемыкина. Въ самомъ дѣлѣ, кабинетъ, назначенный за три дня до открытія думы, по направленію своихъ членовъ ничѣмъ въ сущности не отличающійся отъ предыдущаго и призванный, слѣдовательно, только устранить невозможность совмѣстной работы думы съ прежнимъ составомъ кабинета, сумѣвшимъ возбудить къ себѣ отвращеніе всей страны,—этотъ «думскій» кабинетъ забастовалъ въ области министерской законодательной иниціативы, не дѣлалъ рѣшительно ничего для облегченія думѣ ея собственной законодательной иниціативы, чинилъ формальныя проволочки въ области контроля за исполнительной властью; и единственнымъ шагомъ, въ которомъ сказывался нѣкоторый починъ, нѣкоторое «дѣйствіе» со стороны «думскаго» кабинета,—и притомъ дѣйствіе съ опредѣленной программою по отношенію къ думѣ,—было распространеніе черезъ посредство правительственнаго органа глумленій надъ государственною думою и ходатайствъ объ ея роспускѣ. Этого акта нельзя было обойти молчаніемъ, и такъ какъ мы не могли—да и считали неудобнымъ—указать опредѣленно должностныхъ лицъ, виновныхъ въ печатаніи, то и обратились къ предсѣдателю совѣта министровъ, въ порядкѣ 40 ст. учр. гос. думы, за разъясненіемъ вопросовъ: въ какомъ порядкѣ разрѣшается печатаніе телеграммъ, послѣдовало

ли въ данномъ случаѣ печатаніе съ вѣдома предсѣдателя совѣта министровъ и т. д.

На эти вопросы Горемыкинъ 23 мая отвѣтилъ предсѣдателю думы, что онъ «не находитъ законнаго основанія для отвѣта на запросъ». И этотъ отвѣтъ былъ назначенъ къ слушанію въ думу на 26 мая, т. е. одновременно съ тремя стереотипными отвѣтами министровъ о невозможности слушать раньше времени законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Атмосфера наканунѣ этого засѣданія была до нельзя тяжелая. За истекшіе дни думѣ и обѣимъ крупнымъ фракціямъ ея пришлось пережить не мало. Министерство оставалось у власти, перемѣнъ кругомъ не было; а 17-го вечеромъ получилось извѣстіе о 8 смертныхъ казняхъ, совершенныхъ въ Ригѣ. Въ этотъ вечеръ въ обѣихъ фракціяхъ происходили бурныя засѣданія. Въ трудовой группѣ «мысль о томъ, что думѣ пора готовиться издать обращеніе къ народу, встрѣчала всеобщее сочувствіе» (Локоть, стр. 209). Въ нашей фракціи высказывалась мысль, что необходимо пріостановить засѣданіе думы на недѣлю—на двѣ, разъѣхаться по домамъ и разъяснить населенію положеніе дѣлъ. Отчаяніе диктовало планы—одинъ рискованнѣе другого; съ трудомъ удалось фракціи собраться вновь съ силами, сдержать озлобленіе; тогда-то рѣшено было въ отвѣтъ на казни внести законъ объ отмѣнѣ смертной казни и при его обсужденіи разоблачить передъ населеніемъ все истинное положеніе. Послѣ засѣданія 18-го почувствовалось нѣкоторое успокоеніе; разговоры въ трудовой группѣ объ «обращеніи» тоже, очевидно, реальныхъ результатовъ не имѣли. Успокоенію нѣсколько содѣйствовало—какъ это ни странно—появленіе въ думѣ Гурко и Стишинскаго,—вѣрнѣе та отповѣдь, которая имъ была дана Герценштейномъ и Петрункевичемъ. Дума почувствовала себя какъ-то особенно возвышенной; при непосредственномъ столкновеніи съ этими представителями старой власти, ея собственная нравственная высота выдѣлялась съ особенною силою. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ торжественныхъ моментовъ въ жизни думы; точно, нашелся ключъ, которымъ разомъ вскрылось то, что лежало на сердцѣ у милліоновъ измученныхъ людей, и гнѣвный крикъ, долго вырывавшійся изъ груди, наконецъ, прозвучалъ съ величавымъ достоинствомъ въ стѣнахъ думы. Никогда не забыть мнѣ выраженія лицъ крестьянъ, когда Герценштейнъ возвращался съ каѳедры,—ихъ возгласовъ, ихъ протянутыхъ рукъ. И я не разъ съ горечью вспоминалъ потомъ: какъ это все забыто,—забыто, какъ

мы передъ лицомъ общаго врага дружно, плечомъ къ плечу, выступали и какъ мы себя тогда чувствовали сильными и гордыми, и какъ умѣлъ тогда во имя общаго дѣла возвышаться нашъ «кадетскій» настоящій, грудной голосъ. Какъ все это забыто! Никакіе впослѣдствіи упреки, никакія несправедливыя, лживыя обвиненія по нашему адресу за дѣятельность нашу въ думѣ не приводили меня въ такое уныніе, какъ это молчаливое забвеніе...

Это было 20 мая. Второе выступленіе Гурко ожидалось 23 мая, и уже къ тому времени появились слухи о томъ, что трудовая группа рѣшила «бойкотировать» министровъ—впрочемъ, не въ такой рѣшительной формѣ, какъ нѣкоторые предполагали, а въ болѣе мягкой: путемъ напоминанія, въ томъ или иномъ видѣ, что имъ слѣдуетъ выйти въ отставку. У насъ во фракціи былъ возбужденъ вопросъ: не слѣдуетъ ли возразить, по формальнымъ причинамъ, противъ участія Гурко въ засѣданіяхъ думы, такъ какъ онъ, будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ однако за главноуправляющаго земледѣліемъ. Но и эта мысль была оставлена. Намъ казалось, что не только для достоинства думы, но и для просвѣщенія массъ и въ интересахъ парламентской борьбы за власть думы не слѣдуетъ избѣгать борьбы съ властью по существу, кого бы этой власти ни угодно было назначать своимъ глашатаемъ. И толки о неуправомоченности Гурко отразились только во внезапномъ заявленіи Онипки о томъ, что дума не желаетъ слушать «постороннихъ людей»,—заявленіи, оставшемся однако безъ отзвука.

Засѣданіе 23-го кончилось для Гурко такимъ же фіаско, какъ и засѣданіе 20-го, но оно обнаружило еще съ большею рѣзкостью, что моральныя наши побѣды пока ни на одну іоту не перетягиваютъ вѣсовъ исторіи въ нашу сторону,—что правительство ниже того уровня, на которомъ моральное торжество можетъ быть хоть сколько-нибудь оцѣниваемо. Раздраженіе въ думскихъ кругахъ естественно возрастало; оно сказывалось уже, какъ мы видѣли, при обсужденіи вопросовъ совершенно индифферентныхъ, въ засѣданіи 24 мая, по поводу отмѣны ст. ст. 55—57 учр. думы о мѣсячномъ срокѣ. Легко было себѣ представить, какимъ взрывомъ оно грозило въ засѣданіи 26 мая, когда заразъ долженъ былъ стать на очередь и отвѣтъ Горемыкина относительно телеграммъ въ «Правительственна Вѣстникѣ», и отказъ въ сокращеніи мѣсячнаго срока для законовъ о смертной казни. Въ довершеніе всего на то же засѣданіе назначенъ былъ выдвинутый трудовою группою вопросъ о мѣстныхъ комитетахъ, съ которымъ партія народной свободы не могла согласиться.

Чтобы разсѣять скопившіяся тучи, казалось наиболѣе правильнымъ вовсе устранить изъ обсужденія одинъ изъ острыхъ вопросовъ,—тотъ, которому можно было дать дальнѣйшее теченіе безъ дебатовъ въ думѣ. Предсѣдатель думы рѣшилъ потому самъ отвѣтить предсѣдателю совѣта министровъ и затѣмъ доложить объ этомъ думѣ. Такъ и было сдѣлано: отвѣтъ Горемыкину былъ отправленъ еще до засѣданія, а въ засѣданіи думы сеніоръ нашъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ думы, И. И. Петрункевичъ, долженъ былъ предложить думѣ одобрить, безъ преній, дѣйствія предсѣдателя. Мы отлично сознавали, что этотъ шагъ представляетъ нѣкоторый рискъ: дума могла остаться недовольною не только министрами, но и предсѣдателемъ,—тѣмъ, что предсѣдатель предпринялъ отвѣтственный шагъ, не спросивши думы: конфликтъ съ правительствомъ осложнился бы конфликтомъ думскимъ. Мы это предвидѣли, но необходимо было изъ двухъ рисковъ избрать тотъ, который казался меньше. И расчеты наши блестяще оправдались: достойный тонъ отвѣта предсѣдателя думы Горемыкину такъ благопріятно подѣйствовалъ на думу, что чтеніе отвѣта было уже въ серединѣ прервано апплодисментами и криками: «браво», а когда Петрункевичъ предложилъ думѣ одобрить дѣйствія предсѣдателя, кто-то предложилъ добавить, что дума не просто, а «вполнѣ» одобряетъ предсѣдателя, и въ такомъ видѣ формула одобренія была единогласно принята думою.

Первый подводный камень былъ такимъ образомъ благополучно обойденъ; впереди былъ второй, болѣе крупный,—вопросъ о дальнѣйшей отсрочкѣ закона объ отмѣнѣ смертной казни. Мы знали, что трудовая группа рѣшилась требовать немедленнаго вотума закона,—вотума, который не только явился бы актомъ антиконституціоннымъ, но и совершенно безцѣльнымъ, ибо какое же движеніе могло получить рѣшеніе думы, принятое при такихъ условіяхъ? Его бы не сталъ разсматривать государственный совѣтъ: его бы, конечно, не примѣнялъ и судъ. Мы рѣшили воспротивиться этой попыткѣ. Набоковъ въ первой же рѣчи своей разграничилъ сферу нашихъ законныхъ полномочій, которою мы связаны и которую мы рѣшились не нарушать, отъ сферы нравственнаго осужденія исполнительной власти которое осталось въ нашемъ распоряженіи и которое мы, какъ государственное учрежденіе, и примѣнимъ, объявивъ министрамъ, что смертная казнь отнынѣ является уже въ глазахъ всей страны, всего народа обыкновеннымъ убійствомъ. Трудовая группа настаивала однако на немедленномъ вотированіи закона. Устами всѣхъ своихъ ораторовъ

она заявляла, что она желаетъ «перейти къ дѣлу, а не только выражать резолюціи», но для того, чтобы перейти къ дѣлу, нужно пренебречь законами: «если будемъ слѣдовать законамъ, мы обрекаемъ себя на полную бездѣятельность». И когда имъ разъяснили, сколько въ этомъ всемъ наивности, когда имъ указывали, что то, что они предлагаютъ думѣ совершить, и будетъ та же резолюція,— только резолюція съ покушеніемъ на нарушеніе конституціи, то они устами Аладьина увѣренно отвѣчали, что имъ не страшны и опасенія конфликта. «Какъ бы конфликтъ самъ по себѣ и ни былъ для насъ нежелателенъ. я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ на одну минуту повѣрилъ, что даже наши министры рѣшатся на конфликтъ, когда страна знаетъ, что конфликтъ они поднимаютъ изъ-за собственаго удобства обузданія думы» [1]). На что министры могутъ рѣшиться, въ этомъ страна, къ сожалѣнію, очень скоро убѣдилась. Для насъ это было достаточно ясно и тогда. И, можетъ, быть именно потому, что оно было *для насъ* ясно уже тогда, странѣ дано было еще въ теченіе 6 недѣль въ этомъ не убѣждаться.

Руководимые такими соображеніями, мы и вели бой противъ предложенія трудовиковъ до конца и провели наше предложеніе противъ голосовъ трудовой группы. Полемика по вопросу о «резолюціяхъ», о «дѣлѣ», о необязательности законовъ длилась въ теченіе трехъ часовъ, и трудовая группа обильно использовала эти пренія для того, чтобы еще и еще разъ подчеркнуть, что кадетская тактика сохраненія думы не годится, хотя думу сохранять все-таки непремѣнно слѣдуетъ. А какъ ее слѣдуетъ сохранять, такъ и оставалось неяснымъ. И докладчикъ Набоковъ въ заключительномъ словѣ потому замѣтилъ: «Здѣсь говорилось о пресловутой тактикѣ кадетской партіи и дѣлались ей упреки. Я имѣю смѣлость утверждать, что только она давала до сихъ поръ результаты... Я думаю, всякаго рода недоразумѣнія между тѣми партіями думы, которыя до сихъ поръ шли рука объ руку, полезны только одному учрежденію. Они безусловно вредны для думы и дѣла, и имъ радуются, конечно, не тѣ, которые сидятъ здѣсь въ думѣ, а тѣ, которые сидятъ въ другомъ мѣстѣ. Я повторяю, что поскольку мы считаемъ себя

---

[1]) Въ тотъ же день, говоря по другому вопросу,—защищая проектъ о мѣстныхъ комитетахъ, — депутатъ Аладьинъ оцѣнивалъ положеніе нѣсколько иначе: „Если вы вдумаетесь серьезно, возможенъ ли разгонъ думы или роспускъ думы на вакантъ, то, можетъ быть, вы поймете, что руководитъ нами, когда мы хотимъ начать немедленную работу по организаціи мѣстныхъ комитетовъ“ (стр. 683).

законодательнымъ учрежденіемъ, постольку мы въ настоящее время, о которомъ идетъ рѣчь, считаемъ себя обязанными стоять на конституціонномъ пути, что ничто извнѣ идущее не должно насъ съ этого совратить, и что мы сами должны опредѣлить тотъ моментъ, когда дальнѣйшее шествованіе по этому пути окажется уже невозможнымъ» (стр. 660—661).

Но «недоразумѣнія между двумя партіями» продолжали развиваться. Они выростали на почвѣ раздраженія и непониманія между группою, не имѣющей опредѣленнаго тактическаго плана, то окрыляемой безпочвенными надеждами, то впадающей въ безсильное уныніе, и партіей, имѣющей опредѣленный, сопряженный съ необычайными, снаружи незамѣтными, трудностями, планъ дѣйствій, повелительно указующій ей приносить въ жертву и порывы рѣшимости, и взрывы негодованія, и припадки унынія высшему интересу сохраненія народнаго представительства,—сохраненія его не только въ идеѣ, но и въ томъ конкретномъ видѣ, въ которомъ оно вылилось въ первой государственной думѣ, представлявшей въ подавляющемъ большинствѣ своемъ элементы, искренно преданные дѣлу свободы, способные и готовые заложить прочныя основы новаго гражданскаго строя. Это раздраженіе, возрастая, укрѣпляло все больше тенденцію къ нарочитому обособленію трудовой группы,—тенденцію, которая сыграла роковую роль въ самый отвѣтственный моментъ жизни думы, при голосованіи 6 іюля, но которая выступала рѣзко и до того, принимая подчасъ до смѣшного странныя формы.

Такой комическій случай, хотя и по очень трагическому поводу, имѣлъ мѣсто, между прочимъ, черезъ три дня послѣ голосованія 26 мая. Рѣчь шла объ одномъ изъ запросовъ по поводу смертной казни; приговорены были вновь къ смертной казни 7 лицъ въ Ригѣ. Трудовая группа внесла запросъ, редактированный въ очень сильныхъ, соотвѣтствующихъ важности момента, выраженіяхъ, и просила направить его къ военному министру. У насъ были основанія думать, по свѣдѣніямъ, нами полученнымъ, что военный министръ сдѣлаетъ формальный отводъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, потому мы предложили не терять времени и, не возбуждая праздныхъ вопросовъ о компетенціи, направить запросъ къ обоимъ министрамъ заразъ. Казалось бы, здравый смыслъ повелѣвалъ, когда рѣчь идетъ о человѣческой жизни, уйти подальше отъ той путаницы отводовъ, въ которую насъ вовлекало правительство. Но Аладьинъ не могъ съ этимъ согласиться: онъ возбудилъ по этому поводу пренія,—предло-

жилъ послать запросъ хоть предсѣдателю совѣта министровъ (который однако только-что отвелъ отъ себя такой запросъ), поддерживалъ затѣмъ Кузьмина-Караваева, который изъ юридическаго, для него вполнѣ извинительнаго, пуризма, не могъ помириться съ мыслью о вмѣшательствѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ область военной юстиціи; наконецъ, еще разъ вступилъ на каѳедру и заявилъ, что «думѣ предлагаютъ заниматься вопросами относительно того, куда направлять письма, между тѣмъ у насъ есть извѣстные интересы, которые выше всякаго конкретнаго случая, хотя бы вопросъ шелъ о жизни и двухъ человѣкъ», и несмотря на то, что цѣлый рядъ лицъ, смѣнившихъ Аладьина на каѳедрѣ, по человѣчеству доказывалъ, что нельзя же рисковать ни за что жизнью людей,—Аладьинъ настаивалъ на томъ, что запросъ долженъ быть посланъ одному военному, а не двумъ министрамъ. Простые люди изъ трудовой группы все же не могли, повидимому, воодушевиться пыломъ своего лидера, и при первомъ голосованіи наше предложеніе оказалось принятымъ. Но потребовали провѣрки, произведено было голосованіе посредствомъ выхода изъ дверей; по трудовой группѣ данъ былъ сигналъ: голосовать стройно за военнаго министра,—и крестьянскіе депутаты трудовой группы пришли къ убѣжденію, что жизнь приговоренныхъ будетъ вѣрнѣе спасена, если бумага будетъ послана не двумъ, а одному министру.

Трудовики потирали руки послѣ одержанной побѣды, поздравляли себя въ думѣ, а затѣмъ давали себя поздравлять и въ печати, съ удачнымъ опытомъ оставленія въ меньшинствѣ ненавистныхъ кадетовъ. А черезъ 3 дня, 1 іюня, поступило въ думу заявленіе военнаго министра о томъ, что запросъ думы переданъ имъ министру внутреннихъ дѣлъ, и что на будущее время *онъ, военный министръ, проситъ думу, для выигрыша времени*, направлять такіе запросы прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ (стр. 887).

X.

29 мая совершенно неожиданно явился въ думу ген. Павловъ для объясненій по запросамъ о смертныхъ приговорахъ. Неожиданно потому, что по другимъ запросамъ, ранѣе внесеннымъ, правительство, повидимому, строго охраняло свое право давать отвѣтъ въ теченіе мѣсяца; да къ тому же казни уже совершились, слѣдовательно, для чего же было спѣшить? При томъ настроеніи, которое господствовало въ думѣ подъ вліяніемъ недавнихъ преній и раскола, именно, по вопросу о смертной казни, появленіе Павлова

на трибунѣ не предвѣщало ничего добраго. Одно извѣстіе о его пріѣздѣ вызвало большое волненіе, но рядомъ съ этимъ замѣтно было, что дума застигнута врасплохъ,—отпоръ можетъ оказаться по рѣзкости чреватымъ послѣдствіями, а по содержанію ничтожнымъ, несоотвѣтствующимъ достоинству думы. Мы и обратились къ предсѣдателю думы съ заявленіемъ о томъ, что никакой отвѣтъ на запросъ не можетъ быть даваемъ, безъ предувѣдомленія объ этомъ предсѣдателя думы и безъ внесенія вопроса на повѣстку. Депутаты не обязаны во всякое время быть готовы выступать по вопросамъ, требующимъ подчасъ и собиранія матеріала, и возстановленія въ памяти многочисленныхъ фактовъ, датъ и т. д. Предсѣдатель согласился съ нами и примѣнилъ это правило тутъ же къ ген. Павлову, заявивъ ему, что онъ въ тотъ день выслушанъ быть не можетъ.

Благополучно былъ обойденъ въ этотъ же день, отчасти вслѣдствіе предсѣдательскаго вмѣшательства, и едва замѣченный инцидентъ съ депутатомъ Возовикомъ, затронувшимъ весьма неосторожно вопросъ о грозившемъ думѣ роспускѣ «на каникулы» (объ этомъ предметѣ рѣчь будетъ впереди); прошелъ, также безъ особыхъ преній, почти незамѣтно, внесенный нами весьма рѣзкій срочный запросъ о дѣйствіяхъ губернаторовъ, возбуждающихъ населеніе противъ думы, дискредитирующихъ по преимуществу аграрную программу думскаго большинства (предтеча позднѣйшаго правительственнаго сообщенія). Накопившееся раздраженіе нашло себѣ, какъ уже указано, исходъ—довольно невинный — въ маіоризированіи кадетской фракціи по вопросу о «двухъ или одномъ министрѣ».

Но черезъ два дня, 31 мая, случилось нѣчто, что могло опять поднять волну на такую высоту, при которой неустойчивое равновѣсіе думы подвергалось большому риску. Вечеромъ 31 мая предсѣдатель думы получилъ отъ прокурора судебной палаты извѣщеніе о томъ, что депутатъ Ульяновъ (членъ трудовой группы), редакторъ газеты «Дѣло Народа», привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Формально это было только простое извѣщеніе съ ссылкою на 20 и 21 ст. учр. думы, но этому шагу, впервые только еще предпринимаемому администраціею, было по справедливости придано иное значеніе, — то, которое теперь уже совершенно открыто придаетъ ему министръ юстиціи. Цѣль и тогда была, конечно, та же—устранить депутата по постановленію прокурорской власти; правительство только не смѣло тогда эту цѣль разоблачать. Бумага должна была быть доложена и обсуждена на слѣдующій же день, 1 іюня. Случилось къ

тому же, что на тотъ же день назначилъ свое отсроченное выступленіе и ген. Павловъ.

Въ инцидентѣ Ульянова фракція заняла, конечно, опредѣленно-отрицательное отношеніе къ посягательству министерства и поручила обосновать эту точку зрѣнія Кокошкину, который и попросилъ первый слова и своею, по обыкновенію ясною и исчерпывающей, критикою въ сущности сразу упразднилъ весь вопросъ объ Ульяновѣ. Кокошкинъ предложилъ и выработанную нами формулу, которая затѣмъ и была принята думою. Но, не полагаясь въ борьбѣ съ правительствомъ на одну только внутреннюю силу своихъ аргументовъ, фракція рѣшила и на сей разъ реагировать тѣмъ средствомъ, которое ей, какъ законодательному учрежденію, свойственно, и внести законопроектъ, гарантирующій въ общей формѣ и на весьма широкихъ основаніяхъ неприкосновенность депутатовъ. Обсужденіе этого законопроекта и принятіе его въ первомъ чтеніи давало сразу нѣкоторый исходъ накипѣвшему чувству и, не ослабляя самаго тона преній, лишало ихъ однако самоцѣльно взрывчатаго характера.

Нашъ законопроектъ былъ наскоро составленъ, доложенъ былъ думѣ въ первую очередь и думою принятъ, т. е. сданъ въ комиссію. А открывшееся затѣмъ обсужденіе собственно ульяновскаго инцидента закончилось, какъ указано, принятіемъ нашей резолюціи. Трудовая группа, въ лицѣ Аникина, Жилкина и Семенова, говорила сильно и дѣльно,—пререканій никакихъ не было, и только депутатъ Недоносковъ пожелалъ, повидимому, сказать нѣчто весьма рѣзкое вообще и, должно быть, особенно-рѣзкое по отношенію къ намъ: «Невинная кровь по прежнему льется, произволъ по прежнему царитъ и процвѣтаетъ... Насъ послали добывать землю и волю, а мы не только не добыли земли и воли, но мы до сихъ поръ не могли исторгнуть орудія казни изъ рукъ палачей и насильниковъ. Теперь намъ говорятъ, что дума не митингъ и довольствуется крохоборствующими резолюціями». Здѣсь ораторъ былъ остановленъ, въ видахъ охраненія достоинства думы, предсѣдателемъ и затѣмъ закончилъ: «Я только хотѣлъ сказать, что этими резолюціями мы обращаемъ думу въ тотъ самый митингъ, только замѣчу разницу, что наши резолюціи идутъ къ народу, *а резолюціи преобладающаго большинства идутъ къ министрамъ. Каждому—свое*». Что именно, кромѣ резолюціи, находилъ желательнымъ для инцидента съ Ульяновымъ деп. Недоносковъ, такъ и осталось неяснымъ; болѣе чѣмъ ясно выступило только изъ этого не-

удачнаго ораторскаго эксперимента трудовика minorum gentium, что трудовая группа окончательно формируется на «антикадетской» платформѣ. Отрицательное отношеніе къ кадетской тактикѣ береженія думы, при одновременномъ отрицаніи и противоположной революціонной внѣдумской тактики, проявленіе самостоятельности quand-même въ видѣ простого отрицанія или демонстративнаго изолированія кадетовъ, внесеніе предложеній, явно безцѣльныхъ и могущихъ покоиться только на сознаніи безотвѣтственности со стороны меньшинства,—вотъ тѣ методы, которые все чаще стали проявляться въ дѣятельности трудовой группы и которые парализовали антиконфликтную дѣятельность большинства, даже тогда, когда формально большинство одерживало побѣду.

Эта тенденція къ обособленнымъ демонстративнымъ, безотвѣтственнымъ предложеніямъ сказалась въ тотъ же день и въ отношеніи къ отвѣту Павлова. Трудовая группа предложила формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой не содержалось рѣшительно никакого отвѣта на доводъ Павлова, съ виду несомнѣнно уважительный, единственный, во всякомъ случаѣ, съ которымъ приходилось считаться, а именно: что исполнительная власть не можетъ вмѣшиваться въ отправленіе правосудія. Все содержаніе формулы состояло въ томъ, что, насилуя нѣсколько текстъ думской резолюціи 23 мая и еще разъ подчеркивая, что смертная казнь является простымъ убійствомъ, она въ заключительной части передаетъ «сообщеніе представителя военнаго министерства въ комиссію 33-хъ по изслѣдованію незаконом'рныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ».

Трудовая группа превосходно знала, что, при всей политической и этической возмутительности поведенія правительства и, въ частности, ген. Павлова, никакая комиссія въ мірѣ не сможетъ найти въ его дѣйствіяхъ что-либо незаконом'рное, ибо «законъ» объ отмѣнѣ смертной казни не былъ постановленъ еще даже думою. Дума констатировала лишь воззрѣніе народа, выяснившееся изъ дѣятельности думы; трудовая группа знала — и на это мы ей частнымъ образомъ указывали,—что ея резолюція, нисколько не сдвигая правительства съ его позиціи, не ослабляя этой позиціи въ глазахъ населенія, обнажаетъ только безсиліе думы, а между тѣмъ этотъ актъ безсильнаго раздраженія будетъ несомнѣнно сочтенъ за захватъ со стороны думы непринадлежащей ей власти; мало того: трудовая группа знала, что, при такомъ отношеніи съ нашей стороны, ея формула обречена на крушеніе, и что въ результатѣ получится не

*

болѣе рѣзкое отношеніе думы, а демонстрація группы противъ группы, всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемая тѣми, кто все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ tertii gaudentis. И, тѣмъ не менѣе, формула была предложена—для того, чтобы тутъ же быть отвергнутою.

На слѣдующій день, 2 іюня, думѣ предстояло новое испытаніе: предсѣдатель думы получилъ отъ Горемыкина дальнѣйшій отвѣтъ по поводу телеграммъ, печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и вопросъ о нихъ былъ поставленъ на очередь засѣданія 2 іюня. По всему было видно, что попытка думы остановить этотъ единственный видъ «дѣятельности» правительства не увѣнчается успѣхомъ. Съ одной стороны, соотношеніе силъ перемѣнилось,—шли все упорнѣе слухи о непроизвольныхъ каникулахъ для думы, правительство все энергичнѣе окапывалось въ своихъ позиціяхъ, а, съ другой стороны, ударъ здѣсь направлялся какъ будто непосредственно противъ Горемыкина,—переписка приняла нѣсколько рѣзкій личный характеръ, и премьеру, очевидно, хотѣлось отстоять себя. Какъ бы то ни было, положеніе было таково, что надо было найти изъ него выходъ, хотя бы и не расчитанный на успѣхъ, но не связанный съ урономъ достоинства думы; это было тѣмъ болѣе необходимо, что вопросъ давалъ новую благодарную тему для рѣчей о безсиліи думы и о томъ, что надо приняться за «дѣло»,—за дѣло въ думѣ, конечно,—неизвѣстно только, за какое именно.

Неожиданно весь ходъ засѣданія повернулся. Случилось нѣчто, что разомъ перемѣнило всѣ перспективы; наканунѣ, 1 іюня, начался Бѣлостокскій погромъ. Предстояло обсужденіе внесеннаго запроса о погромѣ,—всѣ были слишкомъ взволнованы, и остальные вопросы отошли естественно на второй планъ. Предложеніе партіи народной свободы, чтобы обращенный къ Горемыкину вопросъ, на который онъ не желаетъ давать разъясненій въ порядкѣ 40 ст., превратить въ формальный запросъ по 58 ст. о «привлеченіи къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ печатаніи телеграммъ»,—былъ принятъ думою почти безъ преній.

Тенденція трудовой группы къ рѣзкому обособленію и къ противоположенію себя партіи народной свободы сказалась и въ знаменательныхъ засѣданіяхъ 8 и 9 іюня. 8 и 9 іюня дума обсуждала отвѣтъ Столыпина на первый запросъ объ участіи департамента полиціи въ организаціи погромовъ. Интересъ къ вопросу былъ исчерпанъ въ рѣчахъ перваго дня, тѣмъ болѣе, что первою на сей разъ была знаменитая рѣчь кн. Урусова. Но рѣчи продолжались и 9-го, и тогда же была предложена Гредескуломъ формула отъ имени нашей партіи.

Другую формулу, предлагавшую признать, что «весь составъ высшей администраціи, при нынѣшнемъ и предыдущихъ кабинетахъ, подлежитъ суду по обвиненію въ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій противъ жизни, имущества и чести русскихъ гражданъ и въ укрывательствѣ такихъ преступленій»,—предложилъ соціалъ-демократъ Рамишвили. Трудовики своей формулы не предложили. Мы, по обыкновенію, предварительно ознакомили трудовиковъ съ нашей формулою, но въ результатѣ, когда была первою поставлена на очередь формула Рамишвили, она была отклонена только голосами правой и центра (см. прилож. къ газ. «Рѣчь» отъ 10 іюля), т. е. трудовики голосовали не за нашу формулу, а за формулу Рамишвили.

8-го іюня, послѣ перерыва, не окончивъ еще обсужденія отвѣта Столыпина, дума приступила къ обсужденію заявленія трудовой группы, наиболѣе, быть можетъ, характернаго во всей ея дѣятельности. Эта была извѣстная записка 34-хъ членовъ трудовой группы по аграрному вопросу, построенная на началахъ націонализаціи земли. Записка рѣзко отступала отъ основаній предыдущаго проекта трудовой группы (записка 104), а вносившіе ее въ думу требовали постановленія думы о передачѣ ея въ комиссію, хотя уже пренія по аграрному вопросу были окончены, комиссія учреждена, и передать туда всякій матеріалъ, помимо общаго собранія думы, не представляло никакихъ затрудненій. Для насъ было ясно, что все это требованіе имѣетъ цѣлью производство отъ имени думы, черезъ посредство трудовиковъ, демонстраціи въ пользу принциповъ, исповѣдуемыхъ даже не трудовою группою, а кругами, оказывающими на нее вліяніе внѣ думы. Трудовая группа знала, что мы такому стремленію не сочувствуемъ; она понимала и практическую безцѣльность всей затѣи. И, тѣмъ не менѣе, не только подписавшіе заявленіе, но, главнымъ образомъ, не подписавшіе его лидеры трудовой группы настаивали на постановленіи думы о передачѣ проекта въ аграрную комиссію. Поставленное на голоса въ засѣданіи 8-го іюня, предложеніе это было отвергнуто.

Результаты усиленной дифференціаціи трудовой группы за двѣ недѣли ея дѣятельности (съ 26 мая) оказались для нея настолько плачевными, что «Наша Жизнь» (№ 469), на которой въ значительной мѣрѣ лежалъ грѣхъ усиленнаго муссированія этого искусственнаго отмежеванія, которая проявляла особую склонность взвинчивать въ трудовой группѣ сознаніе ея величія,—вынуждена была констатировать, что «послѣ историческаго засѣданія 13 мая

трудовая группа, измѣнивъ свою тактику, отказалась отъ побѣдъ (!) и перешла къ тактикѣ пораженій. Въ засѣданіяхъ 26 мая, 8 и 9 іюня новая тактика была подвержена публичному испытанію...». Въ высшей степени характерно, что и въ этотъ моментъ газета все еще продолжаетъ твердить, что «вліяніе трудовиковъ отразилось на содержаніи отвѣта на тронную рѣчь,—отвѣта, въ которомъ главныя народныя требованія настоящаго момента выражены съ такою рѣшительностью, что вызвали восторженное сочувствіе всей западной демократіи». Но «особенно ярко вліяніе трудовой группы выразилось 13 мая въ ея исторической резолюціи, объединившей всю государственную думу и загнавшей министерство контръ-революціи въ такой тупикъ, изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ капитуляціи». Характерно и то, что къ этому въ значительной мѣрѣ легендарному разсказу присоединяется еще новая легенда: 26 мая, по вопросу о смертной казни,—говоритъ газета была принята резолюція, «вполнѣ проникнутая смѣлостью и рѣшительностью, характеризующими трудовую группу: она была формулирована партіей народной свободы, *но подъ явнымъ моральнымъ вліяніемъ рѣчей трудовой группы*». Созданію этой легенды не препятствовало то, казалось бы, немаловажное обстоятельство, что трудовая группа за эту «вполнѣ проникнутую смѣлостью и рѣшительностью» резолюцію не только не голосовала, но противъ нея боролась, противополагая ей другую и голосуя за эту послѣднюю. Газета ограничивается по этому поводу упрекомъ по адресу трудовой группы, что она резолюцію, «подъ моральнымъ вліяніемъ ея рѣчей составленную», сама же и отвергла. Газета была бы, вѣроятно, очень удивлена, узнавъ, что резолюція, о которой идетъ рѣчь, была составлена во фракціи еще наканунѣ засѣданія, и что ни одного слова въ ней подъ моральнымъ вліяніемъ трудовой группы и, вообще, подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ измѣнено не было, о чемъ, впрочемъ, сообщалъ въ свое время на страницахъ «Вѣстника Партіи Нар. Св.» и самъ вносившій эту резолюцію Набоковъ.

«Побѣды», слѣдовательно, одерживались трудовиками, во всякомъ случаѣ, лишь тогда, когда они голосовали съ нами; а всѣ попытки выдѣлить себя приводили ихъ, по признанію весьма сочувствовавшаго трудовикамъ органа, къ пораженіямъ. Этотъ плачевный выводъ возымѣлъ, какъ мнѣ кажется, кое какое вліяніе при постановкѣ слѣдующаго «конфликтнаго» вопроса—объ амнистіи.

Приблизительно около этого времени въ средѣ трудовой группы возникло предположеніе провести амнистію въ госуд. думѣ въ

видѣ законопроекта. На вопросъ о томъ, составляетъ ли амнистія прерогативу монарха, мы смотрѣли и смотримъ неодинаково съ трудовою группой; но какъ бы мы ни относились къ этой сторонѣ вопроса, политически внесеніе амнистіи въ видѣ закона и тогда было, и теперь остается, очевидно, безцѣльнымъ, ибо оно не могло подвинуть вопроса ни на шагъ впередъ; а, съ точки зрѣнія возможнаго конфликта, вопросъ тогда стоялъ, пожалуй, еще рѣзче, чѣмъ теперь. Ибо разработка вопроса, которую успѣла съ тѣхъ поръ дать и наука, и печать, вводятъ теперь вопросъ, во всякомъ случаѣ, въ область спорныхъ, чего никакъ нельзя сказать про моментъ, когда вопросъ объ амнистіи возникъ въ первой гос. думѣ. Тогда внесеніе запроса объ амнистіи было бы безусловно сочтено за нарушеніе прерогативъ монарха.

Извѣстіе о рѣшеніи трудовиковъ двинуть при такихъ условіяхъ законопроектъ объ амнистіи вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній во фракціи народной свободы, и въ результатѣ рѣшено было отрядить въ трудовую группу двухъ юристовъ, Набокова и Петражицкаго, авторитетъ коихъ, какъ намъ казалось, долженъ былъ признаваться трудовою группою,—для того, чтобы ее отклонить отъ ложнаго шага. Трудно, конечно, сказать, въ какой мѣрѣ окончательный результатъ можно приписать убѣдительности ихъ доводовъ—трудовики это вліяніе отрицали,—но несомнѣнно, что появленіе нашихъ посланцевъ и рѣчи ихъ убѣдили трудовую группу, во всякомъ случаѣ, въ одномъ: въ нашей безусловной рѣшимости стоять на своемъ. А шагъ былъ слишкомъ отвѣтственный, чтобы дѣлать его на свой рискъ и страхъ, и трудовая группа намѣренія своего въ исполненіе не привела.

X.

Въ стенографическихъ отчетахъ государственной думы сохранился слѣдъ отъ одного документа, который именуется «заявленіемъ 5 членовъ думы о порядкѣ работы государственной думы въ ближайшее время». Таинственный смыслъ и происхожденіе этого документа не всѣмъ понятны . Заголовокъ красовался день за днемъ въ теченіе мѣсяца на повѣсткахъ государственной думы, затѣмъ заявленіе было вовсе снято съ очереди самими авторами. Содержаніе его въ стенограф. отчетахъ не напечатано.

Между тѣмъ происхожденіе этого документа тоже «конфликтнаго» свойства.

Уже съ 20-хъ чиселъ мая въ общественныхъ кругахъ Петербурга стали распространяться слухи о томъ, что правительство желаетъ отправить думу на каникулы. Само бездѣйствуя, создавая лишь прямо или косвенно тормазы для дѣятельности думы, правительство выжидало со стороны думы какого-либо шага, могущаго служить поводомъ для конфликта. А когда этотъ случай не приходилъ, когда дума при всей твердости своего направленія обнаружила такую же твердость въ умѣніи обходить тѣ опасныя мѣста, на которыхъ ее подкарауливалъ врагъ,—получилось въ отношеніяхъ между правительствомъ и думою состояніе неподвижной мертвой зыби. И правительство не могло найти другого исхода изъ положенія, какъ освободиться, пока что, на время, отъ противника, который своимъ упорствомъ и тактомъ, опираясь на возрастающія къ нему симпатіи населенія, нѣтъ-нѣтъ да могъ и побѣдить,—объявивъ временный вакантъ, можно было уже затѣмъ, глядя по настроенію, превратить его въ роспускъ безъ возврата. Какъ бы то ни было, но слухи о роспускѣ на каникулы, какъ кошмаръ, давили общество; ими наполнялись столбцы всѣхъ газетъ. Беру на выдержку № «Нашей Жизни» отъ 6 іюня. Передовая статья начинается: «Правительство, повидимому, намѣревается распустить 15 іюня государственную думу. Къ этому, вѣроятно, должны быть сведены распространившіеся въ послѣдніе дни слухи о предстоящемъ въ серединѣ іюня опубликованіи «важныхъ» правительственныхъ распоряженій,—слухи, такъ взволновавшіе общество». Затѣмъ слѣдуетъ особая статья: «Къ вопросу о распущеніи думы», гдѣ подробно описывается засѣданіе «звѣздной палаты» 4 іюня «по вопросу о роспускѣ». И такъ во всѣхъ газетахъ. Осуществленіе правительственнаго плана молва, какъ уже видно изъ приведенной цитаты, упорно пріурочивала къ 15 іюня. Ясно, что этотъ правительственный маневръ необходимо было разоблачить. Но дума не могла, не роняя своего достоинства, сама постановлять рѣшенія по поводу слуховъ о планахъ правительства, противъ нея направленныхъ. Объ этомъ можно было говорить въ думѣ; мало того: объ этомъ необходимо было заговорить отдѣльнымъ членамъ думы рѣзко и откровенно, необходимо было сорвать маску съ правительства и этимъ обезвредить его замыслы; только дума въ цѣломъ, какъ учрежденіе, не могла непосредственно принимать никакихъ рѣшеній. Значитъ, нужно было изыскать поводъ для объявленія правительству передъ лицомъ населенія, что планы его для насъ ясны, что всякую попытку учредить намъ каникулы мы

будемъ считать за роспускъ думы и за нарушеніе конституціи. Для этой цѣли комитетъ нашъ остановился на мысли внести въ думу предложеніе объ установленіи примѣрнаго распредѣленія нашихъ занятій на цѣлый рядъ мѣсяцевъ, для того, чтобы при обсужденіи этого предложенія высказать открыто, что мы думаемъ о предложенныхъ каникулахъ. Вопросъ казался тогда весьма спѣшнымъ,—заявленіе потому было наскоро за ночь, по порученію комитета, средактировано мною, утромъ было заслушано и въ тотъ же день, 5 іюня, внесено въ думу. Оно одержало, насколько помню, расписаніе занятій чуть ли не на все лѣто и даже на осень вплоть до ноября мѣсяца, т. е. до такого времени, когда уже никому мысль о каникулахъ и въ голову приходить не могла. Заявленіе это подписано было 5 лицами: Петрункевичемъ, Набоковымъ, Родичевымъ, Новгородцевымъ [1]) и мною (такъ какъ это не былъ ни запросъ, ни проектъ закона, количество подписей здѣсь не имѣло значенія) и подано предсѣдателю 5 іюня.

О значеніи нашего заявленія было тогда же нами сообщено трудовой группѣ. Какъ значится въ отчетѣ «Нашей Жизни» (№ 473) о засѣданіи трудовой группы 11 іюня, вопросъ о прекращеніи занятій въ думѣ былъ разсмотрѣнъ «*въ связи съ докладомъ представителя партіи народной свободы относительно распредѣленія занятій въ государственной думѣ*», и было постановлено: отмѣтить въ рѣчахъ ораторовъ, при обсужденіи этого проекта, что группа никогда не примирится съ мыслью о прекращеніи занятій на лѣтнее время.

Но въ теченіе ближайшихъ уже за внесеніемъ заявленія дней, особенно послѣ 8 іюня, паническое настроеніе по поводу каникулъ стало проходить,—оно даже смѣнилось на время возбужденнымъ ожиданіемъ рѣшительнаго поворота въ другую сторону; обсужденіе нашего заявленія стало безцѣльнымъ, и мы, въ концѣ концовъ, рѣшились снять его; оно снято съ очереди 4 іюля, *за четыре дня* до роспуска думы! Отраженіе нашихъ тревогъ по поводу грозившихъ намъ каникулъ сохранилось въ стеногр. отчетахъ лишь въ одномъ случайномъ замѣчаніи. Когда при обсужденіи вопроса о вознагражденіи членовъ распорядительной комиссіи было предложено назначить имъ вознагражденіе за время каникулъ, одинъ изъ насъ взошелъ на каѳедру только для того чтобы заявить, что, «насколько извѣстно, никто въ государственной думѣ на каникулы не

---

[1]) Въ стеногр. отчетѣ (стр. 1022) ошибочно напечатано вм. „Новгородцевъ“—„Новодворскій“.

собирается, и намъ пора исключить всѣ сужденія о каникулахъ и не вводить ни въ какой законъ предположенія о томъ, что намъ предстоятъ каникулы... Я предлагаю гос. думѣ отклонить всѣ каникулярныя поправки». Дума поняла намекъ и вся, какъ одинъ человѣкъ, откликнулась на это скромное замѣчаніе бурными аплодисментами; намекъ былъ также подхваченъ и, насколько помнится, соотвѣтственно скомментированъ повременною печатью.

XI.

16 мая фракція народной свободы внесла въ думу запросъ о продовольственной помощи голодающему населенію. Проходили недѣли—министерство отвѣта на запросъ не давало. Тогда фракція рѣшила предложить думѣ образовать особую комиссію, которая должна была самостоятельно «обсудить всѣ вопросы, касающіеся продовольственной помощи». Предложеніе это было внесено 6 іюня членами нашей фракціи, Метальниковымъ и Васильевымъ, и думою принято. И только когда комиссія была избрана и приступила къ своей работѣ, Столыпинъ 12 іюня явился въ думу съ отвѣтомъ на запросъ. Дума не удовлетворилась отвѣтомъ, что и выразила въ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, а когда недѣлю спустя (19 іюня) министерство предложило думѣ ассигновать въ его распоряженіе 100 милліоновъ рублей на голодающихъ, дума (20 іюня) направила вопросъ въ ранѣе избранную комиссію, которая могла уже въ теченіе 2-хъ дней справиться съ своей задачей.

Продовольственный вопросъ ставилъ передъ думою крайне трудную проблему. Давать средства правительству, не пользующемуся довѣріемъ думы, значило ослаблять свою принципіальную позицію; не давать денегъ—значило возстановлять противъ себя населеніе и дать правительству въ руки весьма для него выгодный поводъ для конфликта. Единственнымъ исходомъ явилось ассигнованіе части средствъ, въ предѣлахъ крайней необходимости, безъ увеличенія расходнаго бюджета, и съ установленіемъ контроля со стороны народнаго представительства. Такъ именно поступила думская комиссія, предложивъ думѣ ассигновать правительству не болѣе 15 милл. рублей въ предѣлахъ бюджета 1906 г. и съ установленіемъ строгой отчетности передъ госуд. думою.

Извѣстно, что при окончательномъ обсужденіи этого вопроса въ думѣ 23 іюня соц.-дем. фракція предложила для удовлетворенія нужды голодающихъ не болѣе и не менѣе,

какъ «сокращеніе военныхъ расходовъ, распущеніе казачьихъ войскъ, сокращеніе жалованья и пенсіи всѣхъ высшихъ чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ» и созданіе тутъ же, для распоряженія имѣющими получиться средствами, новыхъ общественныхъ организацій! Но мало кому извѣстно, что почти тождественное предложеніе было поддерживаемо и трудовою группою. Въ засѣданіи 23 іюня деп. Галецкій, ставшій къ тому времени однимъ изъ лидеровъ трудовой группы, предложилъ думѣ «поручить продовольственной комиссіи организовать удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды путемъ мѣстныхъ, въ средѣ голодающаго населенія созданныхъ, учрежденій, непосредственную организацію коихъ поручить командированнымъ на мѣста членамъ думы и разрѣшить той же комиссіи произвести необходимый для того расходъ».

Несмотря на усердныя убѣжденія съ нашей стороны, трудовая группа своего предложенія не сняла и въ результатѣ потерпѣла вновь пораженіе, продемонстрировавъ только лишній разъ не столько свою самостоятельность, сколько нашу изолированность.

Попытки двигаться самостоятельно стали однако, вслѣдствіе полной ихъ безуспѣшности, проявляться со стороны все рѣже въ средѣ трудовой группы. Онѣ смѣнились другимъ методомъ: стремленіемъ по-просту дискредитировать кадетское большинство. Тактика трудовой группы вступила такимъ образомъ въ новый, послѣдній фазисъ своего развитія. Послѣ общихъ съ нами дѣйствій, на которыя намъ съ большимъ трудомъ удавалось склонять трудовиковъ, въ первой стадіи, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ самостоятельныхъ выступленій во второй, трудовики перешли къ послѣднему средству—къ системѣ самоцѣльной оппозиціи противъ кадетскаго центра, исполняя, такимъ образомъ, слѣпо директиву, провозглашенную на соц.-дем. съѣздѣ. Въ думѣ стала разыгрываться не борьба оппозиціи съ правительствомъ: въ отвѣтственное положеніе правительства была поставлена часть самой же оппозиціи. И стала примѣняться эта система въ тотъ моментъ, когда внѣшнимъ образомъ общее политическое положеніе несомнѣнно измѣнилось къ лучшему.

Рѣчь Урусова 8 іюня и подтвержденное 9 іюня недовѣріе правительству произвели ошеломляющее впечатлѣніе не только въ Россіи, но и во всей западной Европѣ. Распускать думу послѣ того, какъ она уличила—или именно потому, что уличила — правительство въ устройствѣ погромовъ, было по просту скандально. Это чувствовалось правительствомъ, чувствовалось и обществомъ. Унынie, царившее въ думскихъ кругахъ и

въ обществѣ въ началѣ іюня подъ вліяніемъ слуховъ о роспускѣ, понемногу стало разсѣиваться, и ему на смѣну явились все болѣе упорные слухи о близящемся думскомъ министерствѣ. И «конфликтные» моменты переживались тогда гораздо легче, они проходили почти незамѣтно. 12 іюня было выражено правительству недовѣріе по поводу продовольственнаго дѣла, 13 іюня былъ поставленъ казачій вопросъ, по поводу котораго шли упорные толки и о вмѣшательствѣ военнаго министра, и о нарушеніи основныхъ законовъ, и о прерогативахъ верховной власти. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 15 іюня, пошелъ запросъ о крестьянскомъ союзѣ, въ защиту котораго выступилъ съ горячею рѣчью тов. предсѣд. гос. думы П. Д. Долгоруковъ. Въ то же время готовился и даже былъ уже внесенъ въ думу докладъ делегатовъ, возвратившихся изъ Бѣлостока. И острота этихъ вопросовъ какъ будто бы даже не ощущалась.... Какъ бы то ни было—вѣрно или невѣрно было это ощущеніе, основательны или неосновательны были надежды на думское министерство—несомнѣнно было одно: думское министерство возможно было только при наличности прочнаго большинства, поддерживающаго господствующую партію. Ни трудовая группа, ни органъ печати, отражавшій ея взгляды, не относились съ недовѣріемъ къ циркулировавшимъ слухамъ. И тѣмъ не менѣе—а, можетъ быть, именно потому—трудовая группа избрала этотъ именно моментъ для того, чтобы демонстрировать отсутствіе прочнаго большинства на сторонѣ господствующей въ думѣ партіи. Въ «Нашей Жизни» изо дня въ день печатались статьи, доказывавшія, что у кадетовъ нѣтъ большинства, и что потому осуществленіе думскаго министерства возможно «только въ коалиціи съ трудовиками»;между тѣмъ—подчеркивалось тутъ же—«разногласія между трудовиками и кадетами увеличиваются», а получаемое кадетами большинство по всѣмъ возникавшимъ до тѣхъ поръ въ думѣ вопросамъ объяснялось чуть ли не случайностью, съ исчезновеніемъ которой измѣнится и самое положеніе въ думѣ. (См. «Наша Жизнь» № 474, № 478). Такой тонъ господствовалъ и во всѣхъ другихъ органахъ безпартійной оппозиціонной печати.

Въ томъ же направленіи рѣшено было продѣлать опытъ и въ самой думѣ. Объектомъ для этого долженъ былъ явиться нашъ законопроектъ о свободѣ собраній. Въ высшей степени характернымъ является то обстоятельство, что обсужденію думы подлежалъ собственно только вопросъ о передачѣ законопроекта въ комиссію и что трудовая группа добивалась—это былъ единственный случай во всей исторіи первой думы!—отклоненія *даже самой передачи*

нашего законопроекта въ комиссію. Эта черточка обнажаетъ съ достаточною ясностью истинный нервъ всего явленія. Законопроектъ нашъ провозглашалъ въ ст. 1 свободу собраній и обставлялъ ее затѣмъ разными ограниченіями. Можно было, конечно, требовать устраненія этихъ ограниченій, и изъ этого выводъ былъ бы только тотъ, что при сдачѣ въ комиссію была бы подчеркнута желательность устраненія ограниченій. Но трудовая группа жаждала не измѣненія по существу закона. Она жаждала голосованія,— голосованія, дискредитирующаго кадетовъ, дискредитирующаго ихъ съ особенною силою тогда, когда дѣло касалось законодательнаго творчества. Она выдвинула для этого всѣ свои, не очень, впрочемъ, богатыя, юридическія силы; она съ особою радостью, почти что съ подобострастіемъ, привѣтствовала и пріобщала къ себѣ неожиданнаго союзника въ лицѣ М. М. Ковалевскаго. И этотъ усиленный напоръ произвелъ дѣйствительно впечатлѣніе: въ теченіе 5 дней передъ лицомъ правительства и всей страны производилось публично разсѣченіе думской оппозиціи. Онъ произвелъ даже нѣкоторое замѣшательство въ рядахъ нашей собственной партіи. Наканунѣ окончательнаго голосованія 19 іюня, въ засѣданіи фракціи, экстренно созванномъ поздно вечеромъ по закрытіи думскаго засѣданія, слышались укоризны по адресу руководителей партіи за незрѣлый проектъ закона, высказывалось опасеніе не только провала даннаго закона, но и урона престижа партіи и т. д., и т. д. Съ трудомъ удалось вернуть фракцію къ болѣе спокойному настроенію. На Кокошкина и меня возложена была обязанность защитить въ завтрашнемъ засѣданіи законопроектъ, а для обезпеченія большинства казавшагося непрочнымъ, рѣшено было потребовать отъ всѣхъ членовъ фракціи непремѣнной явки въ засѣданіе. Это настроеніе улеглось окончательно только послѣ защиты ораторами нашей фракціи законопроекта въ самый значительный, послѣдній день дебатовъ— защиты, произведшей, повидимому, впечатлѣніе на думу. Временное замѣшательство въ нашей собственной фракціи объяснилось отчасти и тѣми условіями, при которыхъ вырабатывались наши законопроекты. При полномъ бездѣйствіи правительства, партія вынуждена была внести въ думу за разъ цѣлый рядъ законовъ по самымъ основнымъ вопросамъ государственной жизни. Законопроекты наши были заготовлены центральнымъ органомъ партіи; нѣкоторые изъ нихъ—какъ, наприм., законопроектъ о свободѣ печати [1])—не успѣли пройти даже черезъ ц. к.

[1]) Это тотъ „каторжный“ законопроектъ, отвѣтственность за кото-

партіи. Но поддерживать эти проекты должны были вѣдь депутаты. И потому, ранѣе внесенія проекта въ думу, очевидно, необходимо было провѣрить, можетъ ли проектъ расчитывать на поддержку въ средѣ депутатовъ. Огромная фракція въ 180 человѣкъ должна была, среди массы очередной думской работы, когда общія засѣданія думы затягивались часто за полночь, и когда дѣйствовали уже многочисленныя думскія комиссіи—среди вѣчно тревожнаго настроенія, въ атмосферѣ возникающихъ поминутно и требующихъ немедленнаго разрѣшенія тактическихъ и конфликтныхъ вопросовъ—въ такой обстановкѣ фракція должна была обсуждать и причимать законопроекты, имѣющіе заложить основы новаго государственнаго строя. И эта работа лежала на одной только нашей фракціи, ни на комъ другомъ. Ибо всѣ остальныя фракціи въ думѣ, какъ бы по естеству, заняли выжидательное положеніе, считая единственною своею задачею критику дѣйствій господствующей партіи. Легко понять, что при такихъ условіяхъ работы, многія частности законопроектовъ могли оказаться дефектными. Законопроекты, за недостаткомъ времени, не были, какъ то слѣдовало бы, предварительно пропущены черезъ небольшую коллегію спеціалистовъ изъ среды собранія самой фракціи; даже авторы проектовъ, частью не попавшіе вовсе въ думу, частью отвлеченные, какъ, напримѣръ, предсѣдатель думы, другими дѣлами, нерѣдко отсутствовали при ихъ обсужденіи. Конечно, въ результатѣ эти дефекты не могли грозить никакими осложненіями, ибо мы, да и всѣ прочіе, въ томъ числѣ и трудовики, превосходно понимали, что мы готовимъ только общіе абрисы законовъ, которые потомъ будутъ разработаны думою и комиссіями. Но для тѣхъ, кому необходимо было за какую бы то ни было цѣну разбить ненавистныхъ кадетовъ и въ конецъ уничтожить представленіе объ единствѣ думы,—этого было достаточно. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сказать: «рельсы» или «полотно желѣзной дороги» возведенъ былъ на высоту принципа, и кадеты по сему поводу объявлены были врагами желѣзнодорожныхъ служащихъ, забастовки, освободительнаго движенія. Второстепенная, съ нашей точки зрѣнія, но практически полезная мѣра—предварительное извѣщеніе полиціи (именно извѣщеніе, а не просьба о разрѣшеніи) только о публичныхъ и только о городскихъ собраніяхъ была достаточна для того, чтобы объявить кадетовъ замаскированными приверженцами стараго режима, гонитерый съ такою охотою была взвалена печатью на фракцію нар. свободы.

лями свободы. И подъ всѣмъ этимъ потокомъ частью ослѣпленныхъ, частью недобросовѣстныхъ, въѣдающихся въ букву, нападокъ,— нападокъ, не остановленныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы признавали недосмотръ или ошибку,—исчезло, какъ будто, съ лица земли то, что составляло единственную основу нашего проекта,— его 1-я статья, которая провозглашала «свободу россійскихъ гражданъ собираться, не испрашивая разрѣшенія начальства». И когда я, получивъ слово, рѣшился напомнить думѣ эту скромную истину, членъ трудовой группы Лунинъ, одинъ изъ наиболѣе прямодушныхъ и искреннихъ людей въ составѣ трудовой группы, увидѣлъ себя вынужденнымъ заявить, что «если бы составители законопроекта съ самаго начала дали то объясненіе, которое далъ сейчасъ членъ гос. думы Винаверъ, то, я убѣжденъ, споръ нашъ значительно бы сократился и всѣ наши рѣчи и объясненія свелись бы, можетъ быть, къ меньшему числу» (стр. 1537). Но вѣдь съ моей стороны дано было только «объясненіе», призывающее къ чтенію 1-й статьи закона, и только вся опасная политическая игра была, значитъ, затѣяна не изъ за принципіальныхъ дефектовъ закона, а изъ за того, что фракція не въ состояніи была или не желала додуматься до «объясненія». Можно думать, что именно не желала; фракціи и тѣмъ, кто ею руководилъ, нужны были не принципы и не объясненія: ибо и послѣ «объясненій» фракція тутъ же, въ томъ же засѣданіи, единодушно голосовала *противъ* передачи законопроекта въ комиссію.

Вопросъ о свободѣ собраній сталъ на очередь въ думѣ 16 іюня. Наканунѣ произошла между трудовою группою и нашей фракціей небольшая перестрѣлка по сравнительно мелкому, но все же характерному поводу. Рѣчь шла о назначеніи платы членамъ распорядительнаго комитета. Комиссія 19-ти полагала назначить плату. Наша фракція исходила изъ убѣжденія, что никакая должность, исполняемая членомъ думы, по избранію думы, не должна быть отдѣльно оплачиваема. Въ этомъ мелкомъ вопросѣ сказывалось также дуновеніе великаго момента. Теперь, въ эпоху болѣе трезвую, на эти вещи смотрятъ иначе; а намъ въ то время просто претило при мысли, что общественное служеніе, исполняемое по порученію народнаго представительства, будетъ измѣряться на деньги. «Я думаю,—говорилъ отъ имени к.-д. партіи Шольпъ (стр. 1375),—что народные представители перваго созыва въ такую тяжелую и трудную минуту, которую мы всѣ переживаемъ, отдадутъ думѣ цѣликомъ всѣ свои силы и все свое время». И дѣйствительно, ни нашъ

предсѣдатель, руководившій иногда подъ-рядъ по 12 и больше часовъ засѣданіями, ни нашъ секретарь, ночи напролетъ просиживавшій въ организуемой имъ впервые канцеляріи думы, ни кто либо другой изъ избранныхъ думою должностныхъ лицъ, никакой платы не получали, и объ оплатѣ ихъ труда даже рѣчь не заходила. И потому, когда комиссія 19-ти и предсѣдатель ея, Ковалевскій, поставили на очередь вопросъ о платѣ распорядительному комитету, наша партія, устами Іоллоса, возразила противъ принципа [1]), къ которому она относилась съ нѣкоей эстетическою брезгливостью. Судя по настроенію и по составу трудовой группы, такое отношеніе менѣе всего, казалось бы, могло встрѣтить отпоръ съ ея стороны. Но коли кадеты говорятъ *за*, то надо трудовикамъ сказать *противъ*, тѣмъ болѣе, что имѣется и заручка со стороны безпартійныхъ и правыхъ, обезпечивающая провалъ кадетовъ. Такъ и было сдѣлано,—предложеніе наше объ оставленіи должностей распорядительнаго комитета безъ платы было отклонено трудовиками въ союзѣ съ правыми; членамъ распорядительной комиссіи назначено было десятирублевое въ день жалованье за время каникулъ, и трудовая группа праздновала побѣду—вторую со времени открытія думы первая, какъ извѣстно, одержана была по поводу отправки запросовъ о смертныхъ казняхъ одному, а не двумъ министрамъ...

XII.

На слѣдующій день, 16 іюня, началось обстрѣливаніе кадетовъ по поводу закона о собраніяхъ, длившееся 16, 19 и 20 іюня. Но уже на второй день, 19 іюня, оно было прервано тѣмъ знаменательнымъ засѣданіемъ, въ которомъ вотированъ былъ первою гос. думою первый ея законъ — законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Это было засѣданіе съ участіемъ явившагося и въ безмолвіи простоявшаго нѣсколько минутъ на трибунѣ генерала Павлова; въ оглавленіи стенографическихъ отчетовъ этотъ моментъ не безъ юмора обозначенъ: «Предоставленіе слова ген. Павлову». Какъ только слово это было предоставлено, и Павловъ появился на трибунѣ, залъ огласился неслыханнымъ воемъ и свистомъ, стукомъ пюпитровъ, сотнями безпорядочныхъ возгласовъ. Возмущеніе имѣло источникъ преимущественно-личный—виною ему было не появленіе представителя власти вообще, а появленіе власти именно въ лицѣ ненавистнаго всѣмъ генерала Павлова. Возмущеніе не ограничивалось предѣлами одной фракціи; я помню одного изъ нашихъ то-

[1]) Стр. 1377, 1386.

варищей, добродушнаго, всегда улыбающагося, сѣдого уже человѣка, который съ яростью кричалъ, ударялъ какою то книгою объ столъ и имѣлъ видъ совершенно изступленнаго человѣка; другіе вскакивали съ мѣстъ, размахивали руками, наступали другъ на друга. Главными гнѣздами обструкціи явились однако, конечно, трудовая группа и с.-д. фракція.

Когда былъ объявленъ перерывъ, мы оказались передъ тягостною дилеммою: слушать Павлова не было никакой возможности— это было для насъ совершенно ясно. Но, отказываясь его слушать, дума обрекала себя на безсиліе въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни. Ибо Павловъ являлся отъ имени военнаго министра давать заключеніе о законопроектѣ и, не выслушавъ его, дума не могла вотировать закона, такъ долго и мучительно ожидаемаго. Мало того: остановка законодательной дѣятельности думы изъ за нежеланія слушать правительство была равносильна постановкѣ вопроса объ отношеніи думы къ правительству на почву наиболѣе рискованную, на почву примѣненія физической силы. Исходъ изъ этого былъ одинъ: устроить демонстрацію, обнаруживающую наше нежеланіе слушать,—выйти демонстративно изъ зала, если появится Павловъ,—дать ему сказать свою рѣчь передъ правыми скамьями и вернуться въ залъ по окончаніи его рѣчи.

Мы рѣшили созвать немедленно фракціонное совѣщаніе. По пути, въ Екатерининскомъ залѣ, мы встрѣтились съ Аладьинымъ и передали ему наши предположенія. Аладьинъ согласился съ нашимъ планомъ и отправился съ нимъ къ трудовикамъ. Мы направились въ свою низко-сводчатую комнату на верху, но лишь только начали засѣдать, какъ явился одинъ изъ нашихъ товарищей и весьма трагически призвалъ насъ къ оставленію этой комнаты, такъ какъ ветхіе своды подъ нами гнутся, и мы обвалимся ранѣе, чѣмъ успѣемъ рѣшить вопросъ о Павловѣ. Пришлось искать пріюта въ большой, полупустой, неприспособленной еще библіотечной комнатѣ, гдѣ мы стоя отбыли совѣщаніе. Совѣщаніе было одно изъ наиболѣе возбужденныхъ, какія только припомню. Весьма спокойные люди предлагали самыя рѣшительныя мѣры; помню, съ какимъ негодованіемъ Петражицкій предлагалъ не допускать Павлова до слова ни подъ какимъ видомъ. Постепенно выяснилась, однако, вся тяжесть положенія, которое можетъ быть создано такою рѣшительностью, и собраніе, въ концѣ концовъ, единогласно приняло планъ, предложенный нами.

Часъ перерыва тѣмъ временемъ кончился—звонокъ звалъ въ залъ. Отъ трудовиковъ пришелъ отвѣтъ, что они съ нашимъ пла-

номъ не согласны и рѣшили продолжать обструкцію въ прежней формѣ. Мы шли навстрѣчу большимъ неожиданностямъ; и избавилъ насъ отъ нихъ только самъ генералъ Павловъ: онъ рѣшился уѣхать. На трибунѣ появился представитель мин. вн. д. Макаровъ съ какимъ то формальнымъ заявленіемъ и былъ выслушанъ молча, терпѣливо. Послѣ рѣчи Макарова трудовая группа рѣшила, однако, объяснить съ трибуны думы свое поведеніе по отношенію къ ген. Павлову. Сдѣлалъ это Аникинъ, и если бы рѣчь Аникина не вызвала возраженій со стороны гр. Гейдена, инцидентъ былъ бы этимъ исчерпанъ. Но гр. Гейденъ счелъ умѣстнымъ заступиться за нарушенную свободу слова, и мы, не желая оставаться безучастными зрителями въ этомъ неожиданно завязавшемся спорѣ, сочли нужнымъ выяснить свою точку зрѣнія—указать, что мы не бойкотируемъ власти, какъ таковой, что мы спокойно выслушаемъ любого представителя военнаго министра, но протестуемъ противъ вызова, брошеннаго госуд. думѣ присылкою человѣка, который цинично издѣвается надъ единодушными пожеланіями думы. Рѣшеніе это было принято нами тутъ же, безъ сговора съ фракціей, и заявленіе, сдѣланное въ указанномъ смыслѣ съ трибуны думы, было сочувственно встрѣчено не только нашей фракціей, но и всей думскою оппозиціей; отклики этого сочувствія слышны были и въ появившихся на слѣдующій день отчетахъ, и въ кулуарныхъ бесѣдахъ. Весь день затѣмъ прошелъ въ приподнятомъ настроеніи и въ дружной работѣ всей оппозиціи. Прекрасная рѣчь Набокова, единогласное вотированіе закона въ двухъ чтеніяхъ,—рѣшеніе не расходиться до окончательнаго принятія закона въ третьемъ чтеніи,—немедленно сорганизованное засѣданіе комиссіи для окончательнаго изложенія закона, торжественное чтеніе Кузьминымъ-Караваевымъ протокола засѣданія этой комиссіи—перваго въ исторіи думы—наконецъ, послѣдній дружный аккордъ, единогласный окончательный вотумъ думы по первому законопроекту,—все это скрѣпило, казалось, на долго узы оппозиціи сознаніемъ единства ея цѣли и единства средствъ. Такъ казалось...

А на слѣдующій же день, 20 іюня, началась вновь по трафарету осада кадетовъ за проектъ о свободѣ собраній. Чувство горечи, испытанное нами отъ этой недальновидности нашихъ товарищей, сказалось въ рѣчи, сказанной въ тотъ день отъ имени партіи народной свободы по вопросу о свободѣ собраній. «Я не могу не высказать своего сожалѣнія—такъ начинается эта рѣчь—по поводу того, что и сегодня пренія свелись на серію діалоговъ между

ораторами съ каѳедры и отдѣльными ораторами то справа, то слѣва. Мнѣ казалось, что то, что̀ было предметомъ спора вчера утромъ и третьяго дня, покоилось въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніи, и *что послѣ той грозы, которая вчера пронеслась въ этомъ залѣ, атмосфера очистилась и мы отлично поняли, кто здѣсь друзья и кто враги.* Но недоразумѣнія продолжаются....» [1]). Они и продолжались до самаго голосованія и при самомъ голосованіи: на предложеніе предсѣдателя, встать тѣмъ, кто не согласенъ на передачу проекта въ комиссію, встала, какъ одинъ человѣкъ, вся трудовая группа и с.-д. фракція. Походъ противъ насъ, на удачу котораго трудовики сильно расчитывали, полагаясь на первоначальное смущеніе, внесенное ими въ ряды безпартійныхъ и даже кадетовъ, и, въ особенности, на объединеніе съ правыми въ ненависти ихъ къ кадетамъ, — въ концѣ концовъ, не удался, передача въ комиссію была принята думою всѣми голосами противъ трудовиковъ, соц.-дем. и М. М. Ковалевскаго. Но самый процессъ отмежевыванія себя и разрушенія *прочнаго* большинства возымѣлъ свое дѣйствіе; оно сказалось довольно скоро.

XIII.

Слѣдующее засѣданіе, 22-го іюня, только подлило масла въ огонь. Назначенъ былъ къ слушанію докладъ о бѣлостокскомъ погромѣ; ожидался пріѣздъ и, какъ можно было предполагать, отвѣтъ Столыпина; предстояла схватка съ правительствомъ, которую желательно было закончить по возможности разомъ, въ теченіе одного дня. Но съ самаго же начала въ засѣданіе ворвался инцидентъ, вытолкнувшій думу совершенно изъ колеи. Только благодаря этому инциденту, вопросъ о бѣлостокскомъ погромѣ не получилъ того быстраго движенія и завершенія, которое одно придало бы силу и выразительность какъ запросу, такъ и преніямъ, которое было желательно и въ интересахъ самаго вопроса, и въ интересахъ думы.

Вопреки обыкновенію, предсѣдатель думы, послѣ провѣрки выборовъ по какой-то губерніи,—вмѣсто того, чтобы перейти къ порядку дня, предоставилъ слово депутату Ледницкому для какого-то заявленія, не спросивъ думу, желаетъ ли она слушать заявленіе внѣ установленнаго порядка дня, — не сообщивъ думѣ, о чемъ будетъ заявленіе Ледницкаго. Какъ съ точки зрѣнія наказа, такъ строго соблюдавшагося нашимъ предсѣдателемъ, такъ и съ точки

[1]) Стр. 1532.

зрѣнія прецедентовъ, здѣсь была допущена несомнѣнная ошибка: вторженіе какого бы то ни было заявленія въ засѣданіе не могло быть допущено безъ предварительнаго рѣшенія думы объ измѣненіи порядка дня и безъ необходимаго для такого рѣшенія объявленія думѣ о предметѣ заявленія. Безъ особаго постановленія думы допускались только новые спѣшные запросы, и то только въ концѣ засѣданія (съ 6 часовъ), такъ какъ существовало по этому предмету общее постановленіе думы. О содержаніи заявленія Ледницкаго какъ и, вообще, о его намѣреніи вносить заявленіе намъ, фракціонному комитету, вопреки установившемуся во фракціи и необходимому для правильнаго веденія дѣлъ порядку,—также не было ничего сообщено.

Оказалось затѣмъ, что заявленіе Ледницкаго относится къ случаю, приключившемуся наканунѣ съ депутатомъ Сѣдельниковымъ, что по этому поводу внесенъ и запросъ, но такъ какъ запросы—даже самые спѣшные—разсматривались въ концѣ засѣданія, то Ледницкимъ, по соглашенію, кажется, съ Аладьинымъ, и было внесено особое заявленіе, и этимъ путемъ добыто для этого инцидента первое мѣсто въ порядкѣ дня. Сразу же стало ясно, что наши планы относительно Бѣлостока разбиты; мало того: ясно было, что разгорается очень острый инцидентъ, между тѣмъ, не имѣя о немъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, мы не могли о немъ даже столковаться во фракціи или въ комитетѣ; мы лишены были даже возможности обсудить его въ теченіе дня, что легко было бы сдѣлать, если бы вопросъ слушался къ концу засѣданія, наряду съ спѣшными запросами. Словомъ, вопросъ былъ поставленъ въ совершенно необычной обстановкѣ, и Аладьинъ, заготовившій, повидимому, свое Quos ego, въ расчетѣ на присутствіе Столыпина (который однако къ его рѣчи не явился), — сразу поднялъ діапазонъ до такой высоты, что только разсказъ самого Сѣдельникова, появившагося, ко всеобщему удивленію и удовольствію, самолично на трибунѣ думѣ,—разсказъ болѣе или менѣе дѣловой и объективный—водворилъ опять нѣкоторое равновѣсіе. Сдавъ заявленіе Ледницкаго благополучно въ комиссію, дума рѣшила,—очевидно, для сокращенія времени—тутъ же покончить и съ запросомъ, по которому новыхъ преній, казалось бы, быть не могло, и потому поставила этотъ запросъ на разсмотрѣніе тотчасъ же, внѣ очереди. Но къ тому времени въ министерской ложѣ появился уже Столыпинъ, и Аладьинъ рѣшилъ пренія возобновить. Онъ вторично всходитъ на трибуну, и атмосфера послѣ его рѣчи сгущается до крайности. Отъ имени фракціи народной свободы долженъ былъ, по рѣшенію

комитета, поддерживать запросъ Набоковъ, онъ и записался къ слову, но послѣ рѣчи Аладьина Набоковъ счелъ невозможнымъ выступать, не вдаваясь съ нимъ въ полемику, а такъ какъ говорилъ уже по запросу членъ нашей партіи Ледницкій, то Набоковъ предпочелъ отъ слова отказаться. Списокъ ораторовъ былъ исчерпанъ; предполагалось приступить уже къ голосованію,—какъ вдругъ Петражицкій, желая очевидно внести успокоеніе, обратился къ предсѣдателю думы съ предложеніемъ просить присутствующаго Столыпина дать немедленно разъясненіе. Успокоеніе послѣ словъ Столыпина не было достигнуто; наоборотъ, послѣ его рѣчи и послѣ замѣчанія Черносвитова, что слова Аладьина не слѣдуетъ принимать за мнѣніе думы,—Аладьинъ въ третій разъ появляется на трибунѣ и еще разъ подтверждаетъ отъ имени трудовой группы, что за безопасность министровъ онъ и его группа не ручаются. Напряженіе достигло крайнихъ предѣловъ; оставлять всю эту упорно и безъ надобности повторяемую угрозу безъ поясненія съ нашей стороны—значило къ ней присоединяться, значило заявлять ее отъ имени обѣихъ, составляющихъ большинство думы, фракцій. Въ эту-то минуту, когда пренія уже были закончены и говорить по существу уже было невозможно,—Набоковъ воспользовался моментомъ «личныхъ объясненій» и подъ видомъ «личнаго объясненія» отмежевалъ себя отъ теоріи физическаго воздѣйствія на министровъ, провозглашенной Аладьинымъ. Выступленіе Набокова было предпринято имъ на личный рискъ и страхъ—событія шли такъ быстро, что некогда было и совѣщаться. Въ приподнятой атмосферѣ думскаго зала оно вызвало негодованіе на скамьяхъ трудовиковъ, вызвало и броженіе въ средѣ нашей фракціи. Броженіе въ средѣ фракціи улеглось вечеромъ въ тотъ же день, когда въ экстренномъ засѣданіи фракціи вопросъ подвергся подробному, затянувшемуся за полночь, обсужденію, послѣ котораго фракція путемъ тайнаго голосованія единогласно одобрила поведеніе Набокова. Но въ средѣ трудовой группы, въ безпартійныхъ общественныхъ кругахъ и безпартійной печати инцидентъ съ Сѣдельниковымъ послужилъ только къ вящшему заклейменію измѣнническої кадетской тактики.

Благодаря инциденту съ Сѣдельниковымъ, начало слушанія бѣлостокскаго погрома было объявлено только въ 3 часа дня. Но тутъ внезапно воздвигнуто было новое препятствіе, справа. Стаховичъ возбудилъ обширныя пренія объ отсрочкѣ вопроса въ виду его неподготовленности. Десять слишкомъ ораторовъ выступили по этому вопросу, самъ Стаховичъ произнесъ три обширныя рѣчи,—

12 столбцовъ стенографическаго отчета наполнены одними этими предварительными спорами. Злые языки утверждали, что вся эта затѣя съ отсрочкою засѣданія была предпринята въ угоду Столыпину; она странно дисгармонировала, на мой вглядъ (а по мнѣнію людей подозрительныхъ, наоборотъ, странно совпадала), съ мнѣніями, высказанными за нѣсколько минутъ до открытія преній товарищемъ Стаховича по партіи, гр. Гейденомъ:

— Что же вы думаете предложить думѣ? говорилъ онъ намъ; обсуждать и принять формулу перехода съ недовѣріемъ? Помилуйте, когда власти убиваютъ невинныхъ младенцевъ, нельзя же ограничиваться выраженіемъ недовѣрія; тутъ нужно нѣчто экстраординарное, ну хоть какое—нибудь особенное слѣдствіе, съ участіемъ высшихъ сановниковъ, сенаторовъ, что ли!

Поражало только то, что въ заключеніе этого горячаго протестъ графъ Гейденъ тоже находилъ, что лучше въ этихъ видахъ (въ видахъ рѣшенія вопроса о снаряженіи особаго слѣдствія) слушаніе дѣла пока что сегодня отложить.

Часовая стрѣлка подходила уже, если не ошибаюсь, къ половинѣ пятаго, когда, наконецъ, предсѣдатель объявилъ, что дума рѣшила приступить къ слушанію доклада, и когда на трибуну вступилъ докладчикъ Арканцевъ.

Всякая надежда на окончаніе вопроса въ этотъ день была, очевидно, потеряна; мало того: въ виду обширности доклада Арканцева, пришлось даже доклады Щепкина и Якубсона отложить. Столыпинъ, говорятъ, былъ удовлетворенъ: онъ явился-де отвѣчать, но отвѣчать не пришлось. Такъ и не пришлось ужъ до конца: отвѣтить Столыпинъ собрался уже 10 іюля, и рѣшился заявить объ этомъ своемъ желаніи тогда, когда указъ о роспускѣ думы былъ уже подписанъ: въ ночь съ 8-го на 9-е дума была распущена.

Оборванный волею случайности въ самомъ началѣ, бѣлостокскій вопросъ не могъ уже вернуться въ надлежащее русло: на слѣдующій день, 23-го, онъ имѣлъ уже конкуррента въ видѣ весьма спѣшнаго продовольственнаго закона, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, 26-го и 27-го, появилось уже аграрное обращеніе, 30 іюня и 3 іюля являлись въ думу товарищи министровъ для дачи отвѣтовъ по запросамъ. Бѣлостокскій вопросъ мелкими кусками присоединялся затѣмъ къ каждому засѣданію, онъ терялъ въ своей выпуклости и силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создавалось ложное представленіе, будто дума только имъ и занимается. Всѣ усилія прекратить пренія путемъ добровольныхъ отказовъ были безуспѣшны, и только когда,

послѣ треволненій, пережитыхъ 4—6 іюля съ аграрнымъ сообщеніемъ, дума сознала потребность перейти какъ можно скорѣе къ законодательной работѣ, въ послѣднемъ засѣданіи думы 7 іюля, удалось пренія прекратить и принять мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ [1]).

XIV.

На слѣдующій день послѣ сѣдельниковскаго инцидента, 23-го іюня, сталъ на очередь продовольственный вопросъ (бѣлостокскому погрому было удѣлено только 2 часа), и по этому вопросу, какъ уже указано, вновь произошелъ расколъ между нами и лѣвыми группами, которыя отказывали правительству въ передачѣ необходимыхъ для продовольствія суммъ и требовали образованія для сего, волею закона, новыхъ мѣстныхъ организацій.

Тучи тѣмъ временемъ на политическомъ горизонтѣ стали сгущаться. 20 іюня появилось правительственное сообщеніе по аграрному вопросу.

Въ борьбѣ правительства съ думою аграрный вопросъ занялъ центральное мѣсто еще въ декларації 13 мая. Встрѣтившись съ рѣзкимъ отпоромъ со стороны думы, правительство рѣшило апеллировать къ странѣ: текстъ правительственной декларації былъ распространяемъ при посредствѣ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ; а когда обнаружилось, что это краткое и рѣшительное «Non possumus» не дѣйствуетъ, когда не подѣйствовали даже и льстивыя по адресу крестьянъ рѣчи Гурко въ государствен. думѣ,—рѣшено было обратиться къ народу съ подробною критикою думскихъ предположеній и—что главное—противоположить думѣ верховную власть, какъ единственный источникъ преуспѣянія крестьянской массы. Какъ слѣдовало думѣ реагировать на такую попытку, рѣшить теперь, ex post, трудно, да и безполезно. Быть можетъ, мы переоцѣнили возможное дѣйствіе прави-

---

[1]) Г.г. Данъ и Б-въ (стр. 140) ошибочно утверждаютъ, будто „8 іюля, когда дума была разогнана, она все еще не кончила своихъ „преній“ по этому (бѣлостокскому) вопросу и не приняла никакого рѣшенія. Изъ этого дѣлается, конечно, и соотвѣтственный выводъ о томъ, что кадетская дума „не желала приступить къ дѣйствительной, а не словесной борьбѣ съ министерствомъ и, наоборотъ, сильно желала затопить ужасный „погромный“ вопросъ въ потокѣ рѣчей“... она желала отговориться отп труднаго вопроса, а не рѣшить его“. Г.г. Данъ и Б-въ, очевидно, не ознакомились съ стенографическими отчетами за послѣдніе два дня (6 и 7 іюля), офиціально не распубликованными, помѣщенными, однако, во всѣхъ столичныхъ газетахъ отъ 7 и 8 іюля.

тельственныхъ декларацій, рѣчей и сообщеній и потому не въ мѣру сильно реагировали: правительство пользовалось въ населеніи слишкомъ малымъ довѣріемъ, чтобы его заявленія могли кого-нибудь серьезно въ чемъ-либо убѣдить. Но несомнѣнно, что на весь ходъ исторіи аграрнаго обращенія роковое вліяніе оказала уже не эта переоцѣнка и не вызванная ею рѣзкая реакція,—а все то же разъѣдающее и, въ концѣ концовъ, разложившее думу отношеніе трудовой группы къ своимъ задачамъ и къ господствующей партіи.

Вопросъ объ аграрномъ сообщеніи возникъ совершенно незамѣтно; незамѣтно, необычными для такого вопроса путями двигался онъ внѣ открытаго засѣданія думы, а когда вышелъ, наконецъ, на свѣтъ Божій, то раздраженное отношеніе партій въ думѣ сразу придало ему такой характеръ, что онъ внезапно превратился въ поводъ для роковой развязки.

Мысль о реакціи на аграрное сообщеніе правительства зародилась впервые въ одной изъ аграрныхъ подкомиссій, засѣдавшей въ боковомъ думскомъ залѣ 20 іюня вечеромъ. Въ одно время съ ней, въ другомъ залѣ, засѣдала комиссія о гражданскомъ равенствѣ, въ которой принимали участіе, между прочимъ: Кокошкинъ, Котляревскій и я. Насъ троихъ то и дѣло отрывали отъ занятій, вмѣстѣ или порознь вызывая на совѣщаніе туда, гдѣ послѣ окончанія засѣданія подкомиссіи остались для обсужденія вопроса о правительственномъ сообщеніи члены подкомиссіи Обнинскій, Аладьинъ и еще кто то; на столѣ лежалъ листъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» съ corpus delicti.

Какъ на единственную форму реакціи со стороны думы, указывалось на спѣшный запросъ правительству; ни о чемъ другомъ рѣчь тогда не заходила. Съ нами и консультировали по вопросу о формулировкѣ запроса. Если мнѣ память не измѣняетъ, кое что тутъ же было набросано; въ остальномъ трудъ былъ распредѣленъ между Обнинскимъ и Аладьинымъ. Аладьинъ, помнится, почему то очень горячо убѣждалъ насъ поступиться бѣлостокскимъ вопросомъ и перенести его съ четверга, 22-го, на пятницу 23-е, оставивъ четвергъ для аграрнаго сообщенія; это, по словамъ Аладьина, ссылавшагося на свой заграничный газетно-репортерскій опытъ, будетъ огромный выигрышъ для бѣлостокскаго вопроса, ибо печать въ теченіе двухъ слѣдующихъ за пятницей не-думскихъ дней только и будетъ дѣлать, что жевать бѣлостокскій погромъ. Мы, насколько, припомню, были крайне поражены этой своеобразной приманкою, но на нее не полакомились; мы просто заявили, что, поскольку это будетъ отъ насъ

зависѣть, мы, естественно, столь спѣшнаго запроса, когда бы онъ ни явился, ничѣмъ тормазить не будемъ.

Затѣмъ вопросъ, оставшійся на попеченіи отдѣльныхъ случайныхъ лицъ, исчезъ съ лица земли, для того, чтобы явиться въ государственную думу только 6 дней спустя, 26 іюня; а за эти 6 дней всякій запросъ, самый острый, теряетъ характеръ спѣшности и не приковываетъ къ себѣ больше вниманія. Это случилось и съ аграрнымъ запросомъ.

26 іюня (т. е. въ слѣдующемъ послѣ 23 іюня засѣданіи думы) появились къ тому же на повѣсткѣ двѣ правительственныхъ отписки, готовыя вновь вызвать взрывъ, возвращающія думу къ вопросамъ старымъ, уже полузабытымъ. Одна изъ нихъ исходила отъ военнаго министра и разъясняла, что государственная дума не вправѣ дѣлать запросы о рѣшеніяхъ военнаго суда, какъ учрежденія судебнаго, а не административнаго; другая исходила отъ самого Горемыкина и относилась все къ тѣмъ же злополучнымъ телеграммамъ въ «Прав. Вѣстникѣ». Она была помѣчена *24 іюня* и содержала отвѣтъ на требованіе думы, адресованное Горемыкину *3 іюня*. Одно сопоставленіе этихъ двухъ датъ представляется весьма характернымъ: въ теченіе всей середины іюня правительство не смѣло вередить ранъ думы—оно молчало. Сдѣлавъ аграрное сообщеніе, оно дерзнуло опять выступить, чтобы ликвидировать свои старые счеты съ думою.

Мы, съ своей стороны, приняли мѣры, чтобы не осложнять засѣданія, въ которомъ долженъ былъ впервые появиться вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, въ которомъ должно было продолжаться и, если можно, закончиться—при участіи тщетно ожидавшагося Столыпина—обсужденіе Бѣлостока. Мы потому предложили первый вопросъ, о рѣшеніяхъ военнаго суда, отложить до пятницы, до обычнаго запроснаго дня, а затѣмъ уже по инерціи внесено было предложеніе объ отложеніи до пятницы и второго вопроса. Оба предложенія, къ изумленію нашему, не встрѣтили никакихъ возраженій: вопросы, видимо, сами по себѣ начали терять интересъ, да и вниманіе думы было приковано къ болѣе важнымъ предметамъ. И дѣйствительно, когда затѣмъ вопросъ о телеграммахъ былъ поставленъ на очередь 30 іюня, то дума безъ преній и единогласно приняла мотивированный переходъ, предложенный отъ имени нашей фракціи Набоковымъ; второй вопросъ — о военныхъ судахъ—тогда же рѣшено было отложить до слѣдующей пятницы (стр. 1872), не приступая къ обсужденію его по существу. Почти та же участь постигла въ томъ же засѣданіи и отвѣтъ Горемыкина отъ 25 іюня по поводу 6 запросовъ о смертныхъ

казняхъ, содержащій только глухую ссылку на прежніе отвѣты. Дума уже на него не реагировала. Мѣткая фраза Набокова («если отвѣтъ тождественъ, то тождественно и то негодованіе, которое испытываетъ дума»), двѣ негодующія рѣчи (Жилкина и Гредескула) отъ имени двухъ фракцій, и дума, не формулируя никакихъ мотивовъ, обратилась къ слѣдующему пункту повѣстки.

Эти робкія попытки правительства вновь вступить въ партизанскую войну съ думою вскорѣ опять, впрочемъ, заглохли: бѣлостокскія пренія и особенно докладъ посланныхъ въ Бѣлостокъ делегатовъ, переданный немедленно по телеграфу иностранными корреспондентами во всѣ западно-европейскіе органы печати, повидимому, сильно поколебали кредитъ правительства передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра. Къ этому присоединилось совершенно неожиданное для министерства пораженіе въ гос. совѣтѣ, отказавшемъ въ увеличеніи ассигнованнаго думою кредита на продовольственную помощь. Министерство почувствовало себя опять слабымъ. Моментъ сдачи опять казался близкимъ. И, быть можетъ, это именно сознаніе ослабило на нѣкоторое время нашу бдительность.

Въ такой обстановкѣ 26 іюня слушается впервые вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, слушается въ качествѣ спѣшнаго запроса. Ходъ этого засѣданія чрезвычайно характеренъ. Читается запросъ, въ которомъ, между прочимъ, подчеркивается, что министерское сообщеніе неправильно названо исходящимъ отъ правительства, ибо дума есть тоже часть правительства. Эта редакція запроса вызываетъ возраженія: Кузьминъ-Караваевъ указываетъ, что смыслъ термина «правительство» не настолько еще у насъ ясенъ, чтобы на самомъ терминѣ строить какіе-либо выводы. И только. деп. Обнинскій (к.-д.) также ничего другого не предлагаетъ и высказываетъ лишь сожалѣніе, что «мы не можемъ своихъ выводовъ, своихъ резолюцій распубликовывать во всеобщее свѣдѣніе; это является чрезвычайно крупнымъ недостаткомъ въ положеніи о гос. думѣ и объ этомъ слѣдовало бы возбудить спеціальный вопросъ». На это Кузьминъ-Караваевъ указываетъ, что спеціальнаго вопроса возбуждать не приходится, такъ какъ въ докладѣ издательской комиссіи, уже внесенномъ въ думу, соотвѣтственное правило содержится [1]), а потому онъ предлагаетъ: передавъ запросъ для перередактированія въ комиссію о запросахъ, «поручить той же комиссіи или комиссіи аграрной, какъ болѣе компетент-

[1]) Оно было принято думою въ слѣдующемъ же засѣданіи думы, 27 іюня (стен. отч. стр. 1774.)

ной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ *мотивированнаго постановленія гос. думы—постановленія или формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ*—это все равно, во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица гос. думы». А вслѣдъ за нимъ членъ думы Якушкинъ поясняетъ, что мы обязаны отвѣтить на сообщеніе, которое возмущаетъ народъ, «такимъ сообщеніемъ отъ имени гос. думы, которое должно его успокоить, чтобы народъ видѣлъ, что она, гос. дума, не отказалась отъ своихъ начинаній». Запросъ передается затѣмъ въ комиссію 33-хъ, и на слѣдующій день измѣненная редакція его безъ преній принимается думою (стр. 1793). Составленіе же «формулы перехода или мотивированнаго постановленія», подлежащаго распубликованію, или,—какъ назвалъ его предсѣдатель при голосованіи и какъ называлъ его Якушкинъ въ своей рѣчи,—проектъ «сообщенія отъ государственной думы»,—сообщенія, которое «должно успокоить населеніе»,—поручено было составить аграрной комиссіи.

Этими безобидными разсужденіями исчерпанъ былъ вопросъ 26 іюня на все время до внесенія аграрною комиссіею своего проекта, т. е. до 4 іюля. А когда 27 іюня, по докладу М. А. Стаховича, было принято предложенное издательскою комиссіею общее правило о распубликованіи думою ея «постановленій и мотивированныхъ переходовъ», то даже тѣнь новизны въ предложеніи Кузьмина-Караваева отпала, и никакого интереса къ нему болѣе не замѣчалось.

Въ нашей фракціи о немъ, помнится, даже почти и рѣчи не было. Предсѣдатель аграрной комиссіи Мухановъ какъ то докладывалъ о немъ кратко во фракціи, но настоящаго внутренняго интереса къ нему не ощущалось. Очередное наше фракціонное засѣданіе должно было состояться въ среду, 4 іюля. По требованію Милюкова, было назначено для нетерпящаго отлагательства вопроса экстренное засѣданіе въ понедѣльникъ, 3 іюля, т. е. наканунѣ обсужденія аграрнаго сообщенія. Но засѣданіе это было назначено не для обсужденія вопроса объ аграрномъ сообщеніи—о немъ и слова не было сказано,—а для ознакомленія фракціи съ вопросомъ о возможномъ думскомъ министерствѣ: вопросъ былъ настолько жгучъ, что не терпѣлъ отлагательства даже на два дня, до среды, до очередного засѣданія фракціи. На слѣдующій день, 4 іюля, утромъ, опять происходило собраніе фракціи, на которомъ разбирались разные организаціонные вопросы,—между прочимъ,

предложеніе Кокошкина и мое о замѣнѣ насъ кѣмъ-либо другимъ въ комисоіи о собраніяхъ; фракція не удовлетворила нашей просьбы, рѣшила насъ оставить въ комиссіи, и такъ какъ комиссія какъ разъ въ это время засѣдала,—просила немедленно туда отправиться. Передъ моимъ уходомъ, помню, Петражицкій возбудилъ вопросъ объ аграрномъ сообщеніи, настаивая на необходимости отсрочить его разсмотрѣніе въ думѣ. Но обсуждался ли этотъ вопросъ и чѣмъ былъ рѣшенъ, не знаю, такъ какъ, согласно рѣшенію фракціи, я въ серединѣ засѣданія уѣхалъ, передавъ предсѣдательствованіе И. И. Петрункевичу. И когда затѣмъ въ думѣ поставленъ былъ вопросъ о сообщеніи, и Петражицкій обратился ко мнѣ съ требованіемъ отсрочки обсужденія, согласно рѣшенію фракціи, я могъ его только направить къ Петрункевичу, который, однако, иначе, очевидно, понялъ рѣшеніе фракціи и настоялъ на слушаніи вопроса. Все это было такъ понятно; въ предположеніяхъ нашихъ не было ничего экстраординарнаго, вопросъ тянулся уже слишкомъ двѣ недѣли; для чего было его откладывать?

Зловѣщимъ признакомъ считалось только появленіе въ въ тотъ день въ министерской ложѣ Столыпина, который, если не ошибаюсь, не ѣздилъ въ думу уже со времени перваго бѣлостокскаго дня, съ 22 іюня. Онъ сидѣлъ весь день и тщательно все записывалъ. Въ то же время съ улицы, отъ репортеровъ и изъ разныхъ устъ въ кулуарахъ, стали распространяться слухи, что на аграрное сообщеніе въ сферахъ начинаютъ обращать вниманіе. Но тѣмъ скорѣе нужно было напомнить истинный смыслъ сообщенія,—тотъ единственный смыслъ, который ему придавался въ думѣ и 26 іюня, и ранѣе, при первоначальномъ обсужденіи. Когда подошелъ обычный часъ запросовъ (6 час. веч.), мы имѣли возможность оборвать сужденія, отложить ихъ до слѣдующаго дня, а тѣмъ временемъ вновь обсудить положеніе и отказаться вовсе отъ сообщенія. Но мы этого не сдѣлали,—мы не желали отступаться, и незачѣмъ намъ было отступаться: мы желали только ясно и рѣзко подчеркнуть нашу основную точку зрѣнія, которую—это уже чувствовалось—не понимали или не желали понять—въ равной мѣрѣ и правительство, и наши союзники слѣва. Устами Котляревскаго мы и сдѣлали предложеніе продолжить засѣданіе до окончанія перваго чтенія, т. е. до момента, когда принципіально рѣшится вопросъ о принятіи сообщенія, послѣ чего можетъ уже идти рѣчь только о редакціи.

Во время обѣда происходило наше комитетское засѣданіе. По предложенію Ледницкаго, поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ

объ умѣстности самаго сообщенія. Ледницкій находилъ сообщеніе несвоевременнымъ; онъ усматривалъ въ немъ опасность для думы и потому предлагалъ ограничиться мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Мы предпочли этому отступленію, ничѣмъ по существу не оправдываемому, наоборотъ, возможно рѣзкую постановку, подчеркивающую и обязанность думы сдѣлать предлагаемый ей шагъ, и полную конституціонность его въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ предположенъ.

И когда затѣмъ Ледницкій выступилъ въ думѣ съ торжественнымъ призывомъ къ составленію истиннаго «манифеста къ народу» и съ суровою критикою нынѣшняго «ничтожнаго» обращенія, котораго-де не стоитъ и издавать, а потому... лучше ограничиться переходомъ къ очереднымъ дѣламъ,—то комитетъ счелъ такого рода заявленія не соотвѣтствующими партійной дисциплинѣ и черезъ Набокова предложилъ Ледницкому объявить, что онъ излагалъ личныя свои, а не партійныя воззрѣнія. А лѣтописецъ трудовой группы, да и вся группа, бурно аплодировавшая Ледницкому, не замѣчая яда его рѣчи и не прислушиваясь даже къ его окончательному предложенію, радовались тому, что имѣются-де столь лѣвые кадеты и что только ненавистный кадетскій центръ заставляетъ ихъ объявлять именно эту лѣвизну личнымъ ихъ, а не партійнымъ качествомъ.

Отношеніе къ рѣчи Ледницкаго не-кадетскихъ группъ въ думѣ представляется вообще чрезвычайно характернымъ для отношеній внутри думы.

«Мысль объ апеллированіи къ народу»—говоритъ по поводу этой рѣчи г. Локоть—«зародилась, развивалась и крѣпла не только въ трудовой группѣ, но и въ к.-д. фракціи... Горячій, блестящій, хотя, можетъ быть, и неожиданный призывъ къ «манифесту» въ одной изъ послѣднихъ рѣчей Ледницкаго, вызвавшій взрывъ бурныхъ аплодисментовъ со стороны лѣвыхъ группъ, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ укрѣплявшееся господство мысли о «манифестѣ» и въ средѣ кадетовъ. Что Ледницкаго тутъ же заставили взять его призывъ къ «манифесту» исключительно на себя, сохранивъ комитетъ кадетской фракціи незапятнаннымъ, это нисколько не доказываетъ противнаго. Какъ ни хотѣли кадеты...»[1]) и т. д. и т. д. Соціалъ-демократическіе авторы не одобряютъ Ледницкаго и, тѣмъ не менѣе, сваливаютъ вину на «кадетовъ»: «Кадеты—одни, какъ проф. Петражицкій, говорили

[1]) Стр. 292.

противъ обращенія, какъ противъ акта, якобы унижающаго достоинство думы тѣмъ, что оно ставитъ думу «на одну доску» съ министрами; другіе, какъ Ледницкій, дѣлали свое дѣло болѣе ловко подъ предлогомъ необходимости для думы *впослѣдствіи* выработать «манифестъ къ народу», предлагали *теперь* отказаться отъ обращенія и ограничиться «переходомъ къ очереднымъ дѣламъ» (стр. 150). А г. Брянчаниновъ, правый лѣтописецъ послѣднихъ дней думы, повидимому, одобряетъ Ледницкаго за «хитрость», но не одобряетъ кадетовъ за то, что не послѣдовали «хитрому» совѣту. «Видя, что ничего не помогаетъ—поясняетъ онъ, что трудовики и кадетскіе главари заранѣе предрѣшили открытое выступленіе думы на революціонный путь, д. Ледницкій попробовалъ пуститься на хитрость и удержать думу отъ вотировки воззванія указаніемъ, что оно не полно и мягко и что нужно было бы, выбравъ подходящее время, издать манифестъ, подробно обсудивъ его редакцію во всѣхъ его частяхъ. Очевидно, этимъ деп. Ледницкій хотѣлъ только задержать рѣшеніе вопроса и дать горячимъ головамъ возможность и время одуматься... Но ни прямыя указанія на опасность шага, затѣяннаго главарями думы, ни хитрость Ледницкаго не помогли...» [1]).

Уже указанное отношеніе трудовой группы къ рѣчи Ледницкаго не предвѣщало ничего хорошаго: чувствовалось, что пойдетъ нелѣпый изнурительный споръ о формѣ, что будетъ сдѣлана попытка сказать народу не просто, что правительство ложно выдаетъ себя за власть всемогущую, а нѣчто покрѣпче—покрѣпче не по существу, а именно по формѣ, ибо ни къ чему болѣе опредѣленному по существу, а не по формѣ только, трудовики и не могли призывать населеніе. Въ этомъ и заключалась вся трагедія трудовой группы—и, если угодно, трагедія всего этого момента русской жизни, что у трудовой группы, не являющейся партіею, не имѣющей никакихъ отдѣльныхъ отъ насъ тактическихъ средствъ, отгораживающей себя отъ «настоящей» революціи, было тѣмъ не менѣе поползновеніе отдѣлять себя еще въ большей мѣрѣ отъ насъ болѣе рѣзкими *рѣчами о революціи*. Трудовики—если, вообще, можно дѣлать о нихъ обобщенія, при отсутствіи среди нихъ единства и пестротѣ основныхъ взглядовъ—въ общемъ, вѣрили въ думу и въ магическое ея вліяніе не меньше нашего: нѣтъ почти ни одной рѣчи трудовика въ думѣ (если исключить соціалистовъ-революціонеровъ, вошедшихъ въ составъ группы), въ которой бы эта—и только эта—мысль не подчеркивалась съ особенною

---

[1]) Брянчаниновъ. Роспускъ думы, 52—53.

силою: дума-де единственное спасеніе, народъ въ думу вѣритъ, только думою онъ и сдерживается въ своихъ порывахъ,—пропади эта вѣра, и начнется стихійное движеніе, которое можетъ унести съ собою все, что̀ добыто и т. д., и т. д.

Въ этомъ именно и была близость трудовиковъ съ нами, въ этомъ и различіе ихъ отъ всѣхъ тогдашнихъ болѣе лѣвыхъ группъ. И когда мы это самое пожелали сказать народу, когда пожелали заявить ему: не вѣрь тѣмъ, кто желаетъ тебя свести съ пути истиннаго, стой при своей вѣрѣ, мирно жди, доколѣ дума существуетъ, ибо законодательствуетъ дума, а не министры,—трудовики потребовали исключенія словъ, не рѣшаясь и не умѣя сказать, мѣняютъ ли они и дѣло. Если бы противъ обращенія спорили соц.-демократы, если бы спорили противъ него, вообще, партіи, призывающія къ иному, болѣе непосредственному способу разрѣшенія задачи, это было бы понятно. Но въ устахъ трудовиковъ это была одна словесность—не болѣе. Ибо если ужъ вѣра въ думу и у нихъ пропала, то надо было имѣть мужество прямо это заявить, отнять и у народа эту вѣру и призвать его на другіе пути; поступили же мы такъ недѣлю спустя, когда у насъ на самомъ дѣлѣ вырвали изъ подъ ногъ основу, на которой мы строили всѣ свои надежды! Но, открещиваясь пока отъ всякихъ другихъ путей, трудовики усердно рыли только между нами пропасть изъ словъ, словъ и словъ...

Въ пылу словесной борьбы заострено много было много угловъ тамъ, гдѣ этого вовсе на дѣлѣ не требовалось и слишкомъ много было сказано такого, подъ чѣмъ не крылось въ сущности никакой реальности...

Такое настроеніе трудовой группы почувствовалось уже въ преніяхъ 4 іюля. Оно на могло повліять и не повліяло, какъ видно изъ описаннаго выше хода засѣданія 4 іюля, на наше рѣшеніе сдѣлать то именно сообщеніе, на которое мы рѣшились. Но оно должно было заставить насъ принять мѣры къ тому, чтобы та мысль, которая съ самаго начала лежала въ основѣ сообщенія, не была затемнена, а, наоборотъ, выступила со всею ясностью.

5 іюля, вечеромъ было созвано съ этою цѣлью фракціонное засѣданіе. Я опоздалъ къ началу засѣданія. Пріѣхавъ, засталъ Милюкова излагающимъ политическое положеніе момента. Послѣ этого пошли пренія, чрезвычайно возбужденныя. Возбужденіе было вызвано тѣмъ, что, подъ вліяніемъ распространившихся весьма грозныхъ слуховъ, нѣкоторые члены возбудили вопросъ объ умѣстности обращенія вообще, что вызвало ропотъ и возгласы неудовольствія въ

средѣ остального собранія. Огромное большинство высказывалось за безусловное сохраненіе разъ занятой позиціи, и въ такомъ именно смыслѣ вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 5. Но столь же единодушно собраніе признало необходимымъ ту мысль, которая содержалась въ принятомъ уже думою проектѣ,—призывъ къ населенію «мирно и спокойно» ждать окончанія работъ думы,—сохранить и на ней настаивать, тѣмъ болѣе, что если трудовая группа этому мѣсту приписываетъ такое центральное значеніе, она, голосуя за текстъ обращенія въ первомъ чтеніи, сама одобрила и это мѣсто: она можетъ при второмъ чтеніи предлагать измѣненія текста, можетъ при постатейномъ чтеніи голосовать и за свои поправки, но она логически не можетъ отвергать въ послѣднемъ чтеніи весь текстъ изъ за оставленія въ немъ той фразы, которая уже содержалась въ первоначальномъ текстѣ, вотированномъ въ первомъ чтеніи. Въ такой же мѣрѣ рѣшено протестовать противъ обнаружившейся попытки превратить «сообщеніе» въ «обращеніе къ народу». Хотя въ своемъ предположенномъ обращніи трудовики въ сущности ни къ чему народъ не призывали, но самая туманность термина представлялась намъ нежелательной, и мы рѣшили держаться строго въ первоначальныхъ конституціонныхъ предѣлахъ.

Кромѣ основного, выдвинутаго такъ рѣзко трудовою группою вопроса, обсужденію и критикѣ подверглись и другія части предложеннаго аграрною комиссіею текста. Для окончательнаго редактированія поправокъ избрана была особая комиссія, въ составѣ кн. Львова, Обнинскаго, Щепкина и меня. Комиссія съ утра 6 іюля собралась у меня на квартирѣ. Прежде всего единогласно рѣшено было: заключительную часть текста аграрной комиссіи сдѣлать вступленіемъ и поставить ее въ связь съ дальнѣйшимъ. Проекты такого вступленія и дальнѣйшихъ поправокъ были предложены кн. Львовымъ и мною. Комиссія остановилась на проектѣ кн. Львова, и, внеся въ него кое какія измѣненія, намѣтила кн. Львова и докладчикомъ въ думѣ. Съ выработаннымъ нами проектомъ мы отправились къ часу дня въ думу, гдѣ должна была еще разъ собраться фракція для выслушанія нашего доклада. Докладъ здѣсь, по просьбѣ кн. Львова, былъ сдѣланъ мною. Обсужденіе велось съ большою поспѣшностью, времени было мало, измѣненія наши были довольно значительны. Фракція въ большинствѣ случаевъ съ нашими предложеніями не согласилась и число поправокъ къ первоначальному тексту значительно сократила. Вслѣдствіе этого

князь Львовъ отказался отъ доклада въ думѣ; отклонилъ и я сдѣланное мнѣ предложеніе, и докладчикомъ былъ избранъ И. И. Петрункевичъ. Петрункевичу всѣ техническія детали редакціи—вопросъ о томъ, какая фраза стараго текста выброшена, что чѣмъ замѣнено и проч.—были незнакомы, такъ какъ онъ въ комиссіи не участвовалъ, и эта на первый взглядъ незначительная подробность возымѣла затѣмъ—какъ это ни странно—весьма печальныя послѣдствія.

Въ сущности результатомъ всей работы комиссіи и фракціи явились всего 4 поправки—всѣ эти поправки были мною отдѣльно выписаны и размѣчены римскими цифрами I, II, III, IV на листѣ, переданномъ Петрункевичу; онъ съ этимъ листомъ и отправился на трибуну. Но такъ какъ мы въ засѣданіи фракціи, для цѣльности впечатлѣнія, читали все обращеніе въ нашей редакціи подрядъ, то и Петрункевичъ счелъ болѣе правильнымъ отступиться отъ формы, не вносить отдѣльно поправокъ, и прочесть все обращеніе сразу подъ-рядъ. Этотъ, ошибочный на мой взглядъ, шагъ, сразу же поднялъ противъ насъ настроеніе: раздались голоса, что мы вносимъ новое предложеніе, что мы отъ чего то отступились и желаемъ прикрыться, «подставить на мѣсто одного другое» (Рамишвили). Одинъ изъ трудовиковъ (Бусловъ) даже потребовалъ отсрочки засѣданія, такъ какъ они « должны были знать новое предложеніе гораздо раньше», а Жилкинъ формально, отъ имени трудовой группы, требовалъ «возвращенія проекта Петрункевичу», какъ «совершенно новаго и запоздалаго». И напрасно Петрункевичъ тутъ же пояснилъ, что у него имѣется изложеніе нашихъ поправокъ порознь, что въ такомъ качествѣ онъ ихъ и вноситъ,—накопившееся раздраженіе искало себѣ исхода и нашло его. До этого момента возбужденіе трудовиковъ было въ сущности безпредметно; оно и не выражалось внѣшнимъ образомъ, и ничто не предвѣщало рѣшительнаго раскола. Они съ утра ждали рѣшенія нашей фракціи, и когда узнали, что мы оставили слова «мирно и покойно»,—никакихъ рѣшительныхъ заявленій намъ не сдѣлали, ибо понимали, что въ этомъ основномъ для нихъ пунктѣ не мы измѣняемъ первоначальный текстъ. Они колебались, дѣлали весьма мягкія мирныя попытки какъ-нибудь уломать насъ, все ихъ поведеніе заставляло предполагать, что, въ концѣ концовъ, они съ нами согласятся. Все это было до открытія засѣданія. Но какъ только была брошена и подхвачена мысль, что кадеты дѣлаютъ «новое предложеніе», чувство недовольства нашло себѣ предметъ, и полились негодующія рѣчи;

раздвоеніе между оппозиціею все рѣзче подчеркивалось, и исходъ голосованія становился все болѣе гадательнымъ. Что вопросъ о мнимомъ «новомъ предложеніи» являлся при этомъ только внѣшнимъ поводомъ—не больше,—лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что пренія всѣ вращались исключительно около старой фразы аграрной комиссіи о «мирномъ и покойномъ» и не затрагивали никакой новой части обращенія. Къ вечеру, во время рѣчи Стаховича, весь лѣвый флангъ зала опустѣлъ мы предполагали, что трудовики и соціалъ-демократы этимъ путемъ желаютъ воздержаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи. Но черезъ нѣкоторое время залъ опять наполнился, и соц.-демократы заявили, что они будутъ голосовать противъ обращенія. Это было ясно и послѣдовательно. Что предполагаютъ дѣлать трудовики, не было извѣстно до послѣдней минуты. Такая же неясность царила долгое время и въ польскомъ коло. Поляки потребовали внесенія поправки, которая подчеркивала бы автономность отдѣльныхъ областей въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Они обращались съ этимъ къ Петрункевичу, какъ предсѣдателю фракціи, но Петрункевичъ нашелъ эту поправку для насъ непріемлемою, и поляки, въ концѣ концовъ, рѣшили воздержаться отъ голосованія. Такъ какъ правые и поляки Западнаго края голосовали рѣшительно противъ, то все зависѣло отъ рѣшенія трудовиковъ. Передъ самымъ голосованіемъ и они заявили, что воздерживаются отъ голосованія, и этимъ участь вопроса была рѣшена: сообщеніе было принято одними голосами народной свободы, которыхъ оказалось къ моменту голосованія (около 2 час. ночи) всего 124. Оно являлось не актомъ всего народнаго представительства, импонирующимъ не только смѣлостью замысла, но и единодушіемъ и приподнятостью создавшаго его настроенія. Оно родилось, какъ вымученный продуктъ побѣды одной партіи, появившійся на свѣтъ при злобномъ негодованіи однихъ и угрюмомъ молчаніи другихъ. И—что важнѣе всего—процессомъ своего рожденія оно обнаружило неспособность думы, какъ цѣлаго, создать въ нужный моментъ дружное, сплоченное большинство.

Идея о думскомъ министерствѣ получила здѣсь самый тяжкій ударъ, а между тѣмъ дилемма формулировалась вѣдь давно уже такъ: либо думское министерство, либо роспускъ думы... Давшей трещину храминѣ можно было нанести и рѣшительный ударъ. Для этого не требовалось уже очень много храбрости.

XV.

Дума просуществовала послѣ этого голосованія еще одинъ день. Всѣ чувствовали потребность перейти скорѣе къ законодательной работѣ: нервы были слишкомъ напряжены, требовалась хоть передышка. По пути стоялъ еще одинъ острый вопросъ, требовавшій разрѣшенія. Изъ провинціи доходили вѣсти о вспыхивающихъ то тамъ, то сямъ аграрныхъ волненіяхъ, и въ средѣ депутатовъ возникла мысль предложить думѣ отправить делегатовъ на мѣста. Эта мысль особенно отстаивалась у насъ представителями воронежской губерніи. Она была однимъ изъ нихъ (Хрущевымъ) провозглашена и съ трибуны гос. думы: «Я позволю себѣ ходатайствовать о немедленной посылкѣ депутатовъ на мѣста, въ которыхъ произошли наиболѣе сильные аграрные безпорядки. И я ходатайствую, чтобы вопросъ этотъ не откладывался въ долгій ящикъ и чтобы къ его обсужденію приступили немедленно послѣ принятія обращенія гос. думы къ населенію» (стр. 1991). Въ той атмосферѣ, которая насъ окружала 6 іюля, вопросъ этотъ представлялся чрезвычайно спорнымъ. Съ одной стороны, дума приглашалась сдѣлать новый шагъ въ смыслѣ вступленія въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ; эта сторона дѣла представлялась опасною съ конституціонной точки зрѣнія. Съ другой стороны, практическія послѣдствія предлагаемаго шага представлялись, по меньшей мѣрѣ, гадательными. Какова цѣль делегатовъ? Успокоить населеніе? Но чѣмъ, какими средствами будутъ его успокаивать делегаты? И наконецъ: какъ мѣстныя власти отнесутся къ пріѣзжимъ делегатамъ? Чѣмъ делегаты будутъ ограждены отъ ихъ вмѣшательства, унижающаго достоинство народныхъ представителей? Эти доводы побѣдили, и въ утреннемъ фракціонномъ засѣданіи 7 іюля, послѣ оживленныхъ преній, вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

На пути къ спокойной законодательной работѣ стояли далѣе залежи, накопившіяся за послѣднія недѣли: впереди всѣхъ бѣлостокскій вопросъ, затѣмъ неисчерпанный длинный списокъ ораторовъ по отвѣтамъ тов. министровъ Соллертинскаго и Макарова на запросы объ арестахъ, высылкахъ и прочихъ административныхъ притѣсненіяхъ. Эти залежи были немедленно убраны: въ томъ же утреннемъ засѣданіи 7 іюля рѣшено было гильотинировать немедленно пренія по обоимъ вопросамъ, принять переходы къ очереднымъ дѣламъ и такимъ образомъ расчистить поле для законодательной дѣятельности. Заявленія тутъ же были составлены и подписаны.

Такъ какъ была пятница, день запросный, а оба вопроса—и бѣлостокскій, и отвѣты министровъ—слушались въ порядкѣ запросовъ, то они и были поставлены на первую очередь. Прекращеніе преній по Бѣлостоку было принято, если не ошибаюсь, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного [1]). Форма перехода къ очереднымъ дѣламъ по бѣлостокскому вопросу была давно уже предложена Кокошкинымъ; она и была принята съ нѣкоторыми поправками. Для окончательнаго сліянія текста съ поправками, формула была передана въ редакціонную комиссію, которая тотчасъ же удалилась и, исполнивъ свой трудъ, черезъ часъ представила предсѣдателю окончательную редакцію формулы, которая и была оглашена въ томъ же засѣданіи.

Еще быстрѣе дума покончила съ отвѣтами министровъ. Изъ числа записавшихся одинъ только Щепкинъ настаивалъ на своемъ словѣ, такъ какъ онъ обязанъ былъ передъ избирателями освѣтить вопросъ о военномъ положеніи въ Одессѣ. Прекращеніе преній было потому предложено только послѣ его рѣчи, и, кстати, ему же поручено было внести общую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ по отвѣтамъ министровъ. Все это было исполнено, пренія прекращены, и формула перехода принята. Дума приступила къ очереднымъ запросамъ, и къ концу засѣданія, когда предсѣдательствовавшій князь Долгоруковъ спросилъ: что̀ угодно будетъ думѣ назначить на слѣдующее засѣданіе, 10 іюля,—я могъ съ гордостью и съ чувствомъ удовлетворенія воскликнуть»: «Законъ о неприкосновенности личности». Это, какъ говорятъ репортеры, были послѣднія слова въ жизни первой думы...

Въ теченіе послѣдняго думскаго дня случилось, однако, еще нѣчто, заслуживающее вниманія. Часа въ три дня явился въ думу тов. м. в. д. Крыжановскій и послалъ кн. Долгорукову письмо, въ которомъ заявилъ, что м-ръ вн. дѣлъ съ удивленіемъ узналъ о томъ, что вопросъ о бѣлостокскомъ погромѣ уже рѣшенъ, ибо онъ желалъ явиться въ думу съ объясненіями, противорѣчащими тому, что̀ сообщалось въ думѣ. Вслѣдствіе этого онъ проситъ возобновить пренія, а если этого нельзя, то проситъ предоставить ему, Крыжановскому, слово для сообщенія всего изложеннаго непосредственно думѣ.

---

[1]) Голосовалъ противъ прекращенія преній графъ Тышкевичъ, который считалъ своимъ долгомъ высказаться, какъ полякъ, по еврейскому вопросу, и когда, вопреки его желанію, гильотина была принята, онъ напечаталъ свою предположенную рѣчь, съ соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ, въ „Рѣчи“.

Долгоруковъ отвѣтилъ ему, что по рѣшенному думой вопросу онъ никому слова дать не можетъ, а если м—ру вн. дѣлъ угодно по какому-либо вопросу вновь давать думѣ объясненія, м-ръ можетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдателя думы, и указанный предметъ на общемъ основаніи будетъ поставленъ на повѣстку. Равнымъ образомъ, никому—въ томъ числѣ и Крыжановскому—не можетъ быть предоставлено слово для разъясненія причинъ, почему тотъ или иной м-ръ не могъ явиться и участвовать въ сужденіяхъ по тому или иному предмету, помѣщенному въ повѣсткѣ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Крыжановскій заволновался, обратился за помощью къ Муромцеву, но Муромцевъ всецѣло поддержалъ разъясненія своего товарища. Пришлось уѣхать ни съ чѣмъ. Впрочемъ, Долгоруковъ самъ отъ себя, когда читался докладчикомъ редакціонной комиссіи окончательный текстъ перехода къ очереднымъ дѣламъ по бѣлостокскому вопросу, счелъ нужнымъ вкратцѣ сообщить думѣ о происшедшемъ. Вечеромъ въ тотъ же день, 7 іюля, Столыпинъ дважды телефонировалъ Муромцеву, чтобы заявить о своемъ желаніи дать думѣ объясненіе по бѣлостокскому вопросу въ ближайшемъ засѣданіи; въ этомъ смыслѣ была заготовлена и отпечатана въ субботу повѣстка на ближайшее засѣданіе въ понедѣльникъ (сохранившійся экземпляръ ея я видѣлъ недавно у кн. Долгорукова).

Чѣмъ объяснить весь этотъ ходъ, сказать довольно трудно. Одни полагали, что это было просто желаніе мистифицировать думу, отвлечь ея вниманіе отъ мысли о возможномъ роспускѣ, чтобы ей не дать приготовиться, ибо правительство знало, что все оппозиціонное большинство думы, т. е. почти вся дума, рѣшила собраться въ Таврическомъ дворцѣ и не оставлять его, если вѣсть о роспускѣ будетъ получена заблаговременно. Другіе находили, что Столыпинъ дѣйствительно хотѣлъ явиться въ пятницу, а затѣмъ и въ понедѣльникъ въ думу, чтобы рѣзкимъ тономъ и содержаніемъ отвѣта по поводу Бѣлостока, и особенно по адресу посланныхъ думою въ Бѣлостокъ делегатовъ, провоцировать думу на эксцессы и затѣмъ сорвать ее на бѣлостокскомъ, т. е., въ сущности, на еврейскомъ вопросѣ; этотъ планъ не удался въ пятницу, несмотря на вмѣшательство всевѣдущаго въ парламентскихъ дѣлахъ Крыжановскаго, и былъ отсроченъ до понедѣльника, а за это время явилось раздумье: не распространится ли пока слухъ о планахъ правительства, и не захотятъ ли вслѣдствіе этого депутаты въ понедѣльникъ остаться въ Таврическомъ дворцѣ, не расходиться по до-

мамъ; эта перспектива заставила правительство въ послѣднюю минуту, на совѣщаніи въ субботу вечеромъ, отступиться отъ первоначальнаго плана и объявить немедленно о роспускѣ, пользуясь тѣмъ, что слѣдующій день воскресный, и засѣданія въ думѣ не предстоитъ.

Какая изъ этихъ версій вѣрна, сказать трудно, но характерно то, что тѣ разоблаченія по бѣлостокскому вопросу, которыя Столыпинъ добивался сдѣлать думѣ 7 іюля, ради которыхъ онъ желалъ явиться въ думу и спеціально возобновить весь вопросъ о Бѣлостокѣ 10 іюля, такъ и остаются до сихъ поръ сокровенными въ нѣдрахъ м-ва внутр. дѣлъ...

Въ пятницу вечеромъ настроеніе въ обществѣ и въ думскихъ кругахъ было чрезвычайно тревожное. Мы засѣдали вечеромъ въ комиссіи о гражданскомъ равенствѣ подъ предсѣдательствомъ кн. Урусова, и, расходясь, уныло прощались: «какъ бы не на очень долго!». Въ субботу къ вечеру горизонтъ какъ будто прояснился, были получены весьма успокоительныя, но, какъ оказалось, весьма обманчивыя свѣдѣнія. Во избѣжаніе новыхъ осложненій въ ближайшемъ засѣданіи думы, фракція рѣшила просить предсѣдателя думы назначить объясненія Столыпина не на понедѣльникъ, а на пятницу,—такъ какъ для отвѣта на запросы назначенъ былъ по постановленію думы одинъ день, пятница,—а въ понедѣльникъ приступить непосредственно къ законопроекту о неприкосновенности личности.

Въ часъ ночи, въ бодромъ сознаніи, что тревога прошла, я уѣхалъ на дачу за городъ, а утромъ разбудила меня срочная телеграмма И. И. Петрункевича, отправленная въ 7 час. утра: «Пріѣзжайте немедленно съ первымъ поѣздомъ». Смыслъ ея былъ ясенъ.

Я попалъ въ городъ только въ 12-мъ часу. Обычно пустынный въ воскресный лѣтній день, городъ казался на этотъ разъ особенно унылымъ. На улицахъ людей почти не было; какъ сонныя мухи плелись извозчики; было душно, пустынно. Никакого движенія, никакого выраженія на лицахъ,—никакого интереса къ намъ...

На одномъ изъ перекрестковъ встрѣтился мнѣ Жилкинъ въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей-трудовиковъ:

— Теперь ужъ будемъ съ вами заодно; ведите!—сказалъ онъ съ нотою искренней, глубокой скорби въ голосѣ.

Поздно...

* * *

Скептически настроенные люди, прочитавъ всю эту исторію незамѣтной и упорной работы за продленіе жизни перваго русскаго народнаго представительства и вспомнивъ, что дума въ концѣ концовъ умерла, съ презрительною улыбкою отвернутся отъ нашихъ безплодныхъ усилій: для чего этотъ тонкій, дорогой узоръ на матеріи, которую штыкъ съ такою легкостью рветъ на части? Мы въ отвѣтъ на это процитируемъ имъ двѣ-три строки, вышедшія изъ подъ пера тѣхъ, кто усерднѣе всего бойкотировалъ первую думу. «Всего 72 дня дѣйствовала гос. дума, но роль ея въ дѣлѣ развитія борьбы за свободу громадна. Дума разодрала тяжелый пологъ, которымъ была скрыта отъ взоровъ народа святая святыхъ русской государственной власти... Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы» [1]).

Знайте же, что эти 72 дня существованія думы были въ огромной части своей добыты нашею мелко-тканною парламентскою работою. И не отталкивайте легкомысленно эту «тонкую механику». Знайте, что когда отъ борьбы дубиною переходишь къ маузеровскому ружью, то ужъ лѣзть съ ружьемъ въ драку, какъ съ дубиной, нельзя: надо обращаться съ ружьемъ по всѣмъ правиламъ искусства,— надо на милиметры и линіи расчитывать прицѣлъ, и нельзя въ серединѣ боя, презрительно откинувъ тонкую механику, грубо и безсмысленно размахивать прикладомъ въ пустомъ пространствѣ, подставляя обнаженную грудь подъ ловко и тонко направленную стрѣлу противника...

Но все это, конечно, до тѣхъ поръ, пока не выхватятъ у васъ ружья изъ рукъ...

М. М. Винаверъ.

Апрѣль 1907 г.

---

[1]) Б-въ и Данъ. Рабочіе депутаты, стр. 173.

Библіотека „Общественной Пользы“:

СЕРІЯ I.

Энгельсъ Ф. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Ц. 1 р.
Іоллосъ Г. Письма изъ Берлина. Ц. 2 р.
Кузьминъ-Караваевъ В. Земство и деревня. Ц. 2 р.
Страховскій И. Крестьянскія права и учрежденія. Ц. 1 р. 50 к.
Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Ц. 1 р. 50 к.
Каутскій К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. т. I. Ц. 2 р., т. II. Ц. 1 р. 50 к.
Корниловъ А. Очерки по исторіи общ. движенія. Ц. 2 р.
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація. Ц. 2 р.
Скалонъ В. По земскимъ вопросамъ. т. I. Ц. 1 р. 50 к.
Рейснеръ М. Государство и вѣрующая личность. Ц. 2 р. 50 к.
Бургэнъ М. Современныя соціал. системы и эконом. развитіе. Ц. 2 р. 50 к.
Политическіе памфлеты. Серія I. Французскіе памфлетисты XIX вѣка. Пер. подъ ред. и съ предисл. Н. Кудрина. Ц. 1 р. 60 к.
Вейль Ж. Исторія соціальнаго движенія во Франціи. Ц. 1 р. 80 к.
Конштэдтъ В. Аграрный вопросъ въ Герм. соціалдемократіи. Ц. 75 к.
Милюковъ П. Годъ борьбы. Ц. 2 р.
Веббъ С. Соціализмъ въ Англіи. Ц. 1 р
Хилкуитъ. Соціализмъ въ Соедин. Штатахъ. Ц. 75 к.
Штурмъ Р. Бюджетъ. Ц. 2 р.
Луи Бланъ. Исторія франц. революціи 1848 г. Ц. 3 р.
Полянскій Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Ц. 1 р. 50 к.
Сувировъ Н. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ. Ц. 75 к.

СЕРІЯ II.

Лассаль Ф. О сущности конституціи. Ц. 7 к.
Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Пер. съ предисл. Г. Плеханова. Ц. 10 к.
Цейтлинъ. С. Учредит. и законодат. собранія въ конституц. госуд. Ц. 50 к.
Его-же. Избирательное право въ современ. констит. государствахъ. Ц. 20 к.
Дживелеговъ А. Очерки по исторіи Германіи 1806.–1871 г. Ц. 30 к.
Фридманъ М. Наша финансовая система. Ц. 50 к.
Швиттау. Государственный бюджетъ въ Англіи. Ц. 20 к.
Волькенштейнъ О. Какъ и почему возникла франц. революція. Ц. 20 к.
Менгеръ А. Новое ученіе о нравственности. Ц. 25 к.
Курчинскій. Муниципальный соціализмъ. Ц. 15 к.
Бюиссонъ. Всеобщая стачка. Съ прил. ст. Н. Кудрина. Ц. 15 к.
Марксъ К. Революція и контръ-революція. Ц 25 к.
Василевскій Л. (Плохоцкій). Современ. Польша и ея полит. стремленія Ц. 50 к
Бородинъ Н. Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.
Давидъ Э. Завоеваніе политич. власти. Пер. съ нѣм. Ц. 15 к.
Лафаргъ П. Собственность и ея происхожденіе. Ц. 50 к.
„ „ Изъ исторіи соціализма во Франціи. Ц. 25 к.
Тургеневъ Н. Записки изгнанника. Ц. 40 к.
Хейсинъ М. Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 30 к.
Прокоповичъ С. Аграрный вопросъ въ цифрахъ. Ц. 25 к.
Бернштейнъ Э. Основныя условія хозяйств. жизни. Ц. 10 к.
„ Стачка. Ц. 40 к.
Аксельродъ П. Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи. Ц. 40 к.
Шлиссельбуржецъ Яновичъ. Изъ воспоминаній. Ц. 50 к.

Цѣна 1 р. 25 к.

НА ДНЯХЪ ВЫЙДЕТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА

А. И. Каминка и В. Д. Набокова

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Складъ изданія — въ книжныхъ магазинахъ т-ва **«Общественная Польза»**, (СПБ. Б. Подъяческая, 39) и **„Право“** (Владимірскій, 19).

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.—Вып. I.